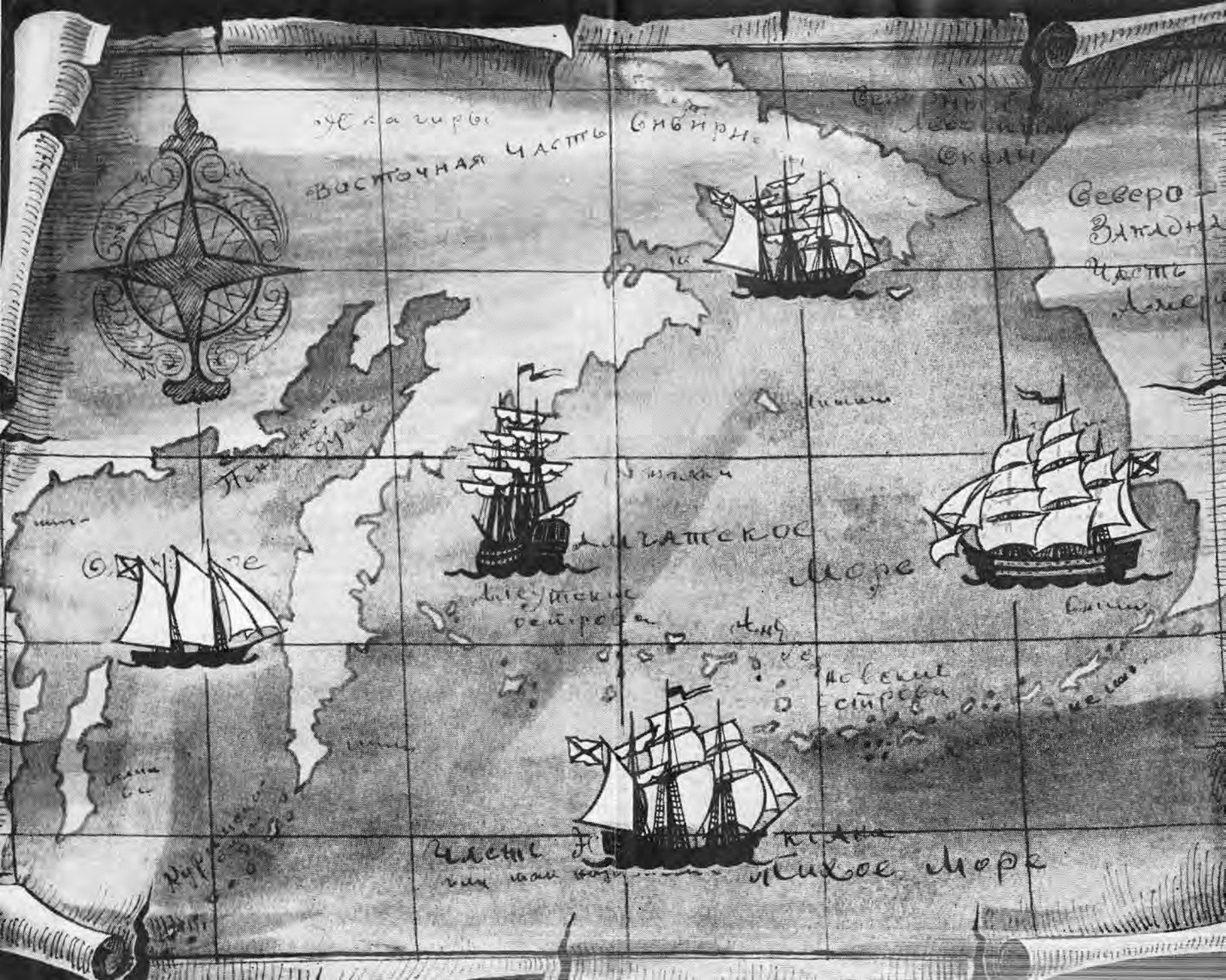


Д 489
Д 443

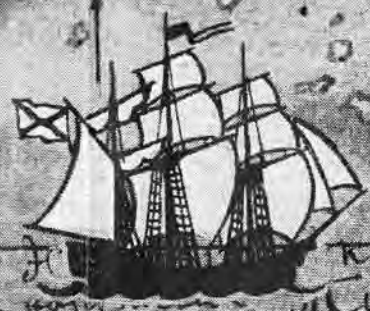
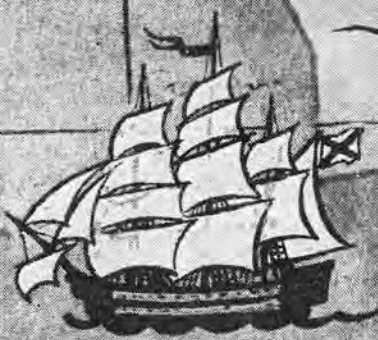
В. А. ДИВИН
РУССКИЕ
МОРЕПЛАВАНИЯ
НА ТИХОМ
ОКЕАНЕ
В XVIII ВЕКЕ





Восточная часть Сибири

Северо-Восточная часть Азии



Южное море

Северное море

Ледяное море

Арктическое море

У. КР 51 | Д 89
Д 443

В. А. ДИВИН

РУССКИЕ МОРЕПЛАВАНИЯ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В XVIII ВЕКЕ



446754

Муниципальная
библиотека
им. А. С. Пушкина



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА

1971

Главная редакция
географической литературы

Художник
М. З. Шлоссберг

Предисловие

История географических открытий и исследований Мирового океана всегда привлекала внимание ученых и политиков. Данный вопрос нередко вызывал острую полемику, выходящую далеко за рамки теоретических дискуссий. Это объясняется важной ролью географических открытий в истории общества.

Открытие Америки Колумбом (1492 г.), так же как и морского пути в Индию и на Дальний Восток, положило начало образованию всемирного рынка. Расширение торговых связей дали, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «...неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»¹.

Интерес к проблемам географических открытий и океанографических исследований сильно возрос после второй мировой войны, что обусловлено экономическими, политическими и военными причинами. Буржуазные ученые, обращаясь к истории исследований, нередко допускают односторонность и тенденциозность в освещении вопроса, предвзятость подхода, а подчас и прямую фальсификацию. В частности, они превозносят заслуги одних народов и принижают или замалчивают роль других.

В последние годы в буржуазных странах вышло огромное количество литературы, посвященной проблемам географических открытий. В этом потоке книг наряду с объективными исследованиями нередко встречаются труды, в которых принижены заслуги русских людей, вписавших яркие страницы в историю первооткрытий и исследований земного шара. Одна группа ученых на основе глубокого изучения материалов многочисленных экспедиций высоко оценивает их большое научное значение. Так, Дж. Бейкер, Д. А. Лензен, С. Р. Томпкинс и другие, несмотря на некоторую ошибочность в трактовке отдельных вопросов, широко освещая открытия и исследования русских в северной части Тихого океана, в целом правильно показывают заслуги русских

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Соч., т. 4, стр. 425.

первооткрывателей. Еще в конце прошлого века видный немецкий историк Ф. Гельвальд писал: «В начале XVIII столетия уже почти все народы Европы имели свою долю участия в деле открытия Америки... Но истинным чудом представляется, что наконец и русские добрались до Америки... предприимчивые русские казаки нашли путь в Америку, невзирая на бесконечныя пустыни Сибири, и совершенно самостоятельно и своеобразно открыли эту новую часть света. Всем остальным народам Европы Колумб открыл путь в Америку, с предприятиями же русских плавание Колумба не имеет почти ничего общего... Все другие народы шли с востока, вместе с солнцем, на запад. Русские же шли с запада на восток... они пробираются через весь север Азии, приходят к берегам Тихого океана, и там у них является свой собственный Колумб [Г. И. Шелихов.— В. Д.], который во имя России приобретает право владения северо-западною Америкою» (1884, стр. 389—390).

Представители же второго направления сознательно умаляют роль русских в истории географических открытий и исследований. Так, французский океанограф Камилл Валло (1948), называя продолжателей начатого Колумбом, Васко да Гамой и Магелланом дела, говоря о португальских, испанских, голландских, французских и английских мореплавателях, не упоминает ни одного имени из плеяды русских мореплавателей и путешественников, обогативших своими исследованиями мировую науку. Генри Р. Вагнер (Wagner, 1937) не счел нужным опубликовать карты, составленные во время русских тихоокеанских экспедиций.

Русским географическим открытиям посвящено немало крупных монографических трудов, сообщений, брошюр, статей (основанных, как правило, на архивных документах) и документальных сборников, опубликованных советскими учеными в послевоенное время. Все эти работы высоко оценены у нас и за рубежом. Так, американский историк Ричард Пирсон из Калифорнийского университета, рассматривая труд А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане», писал, что он представляет «образец тщательного, глубокого научного анализа сырого материала науки, который в данном случае состоит из многочисленных старинных географических карт, архивных материалов и

источников-описаний» (R. Pirson, 1952). Несомненный интерес представляет и его утверждение, что «западные ученые нигде не дали адекватного признания русских достижений и исследований области севера Тихого океана».

В то же время в книге М. Губерле (Guberlet, 1964), посвященной истории океанографических исследований, нет ни слова о знаменитых экспедициях В. Беринга и А. И. Чирикова, И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина и Ф. П. Литке, С. О. Макарова, сделавших чрезвычайно много в области океанографии. Зато в ней пространно рассказывается о некоторых океанографических экспедициях М. Моури, Ч. Томсона и их вкладе в изучение моря. Но ведь нельзя правильно оценить заслуги Ч. Томсона в отрыве от океанографической деятельности С. О. Макарова, труд которого ««Витязь» и Тихий океан» получил признание не только в России, но и за ее пределами¹.

Замалчивание значения русских географических открытий и океанографических исследований — одна из наиболее утонченных форм фальсификации истории. Авторы, проводящие эту тенденцию, ни с кем не спорят по вопросу о приоритете русских, никого не опровергают, они только внушают своим читателям мысль, что все было открыто западноевропейскими мореплавателями, а русские люди к этому не имели никакого отношения. Примеру М. Губерле следуют и другие западные авторы. Так, Д. Биглехол (Beaglehole, 1966) обошел молчанием великие русские географические открытия XVII и XVIII вв. Лишь мимоходом он упомянул имя Витуса Беринга, совершившего в 1741 г. плавание к берегам северо-западной Америки, но тут же замечает: «Один или два русских пересекли Берингово море, не зная того, что это была Америка».

Уместно указать, что некоторые западноевропейские ученые рассматривают появление русских на севере Тихого океана как событие случайное, отрицая его закономерность. Подобной точки зрения придерживается и американский историк Дж. Лензен (Lenzen, 1959). Ме-

¹ Немецкий ученый О. Крюммель писал, что книга С. Макарова ««Витязь» и Тихий океан» занимает почетное место в океанографической литературе благодаря исключительному богатству и точности фактов (Krummel, 1894, S. 720).

жду тем огромные успехи русских в географических открытиях и исследованиях в северной части Тихого океана, достигнутые на протяжении XVII и XVIII столетий, явились закономерным развитием отечественного мореплавания, истоки которого уходят в глубь веков.

Уже восточные славяне, совершая смелые походы по Черному и Балтийскому морям, устанавливали экономические отношения со странами Европы и Азии. Новгородские мореходы на своих кочах плавали по бурным Белому и Мурманскому морям. За несколько столетий до Баренца они побывали на острове Грумант (древнерусское название Шпицбергена). Новгородцы плавали по Ладоге, Неве, Финскому заливу.

Воспользовавшись вторжением на Русь монголотатар и феодальной раздробленностью, шведы и немецкие рыцари захватили русские земли, закрыли свободный доступ к Балтийскому морю, а выходами в Черное и Азовское моря владели турки.

С ликвидацией феодальной раздробленности и образованием централизованного Русского государства проблема завоевания выхода на моря и возвращения принадлежавших России земель приобрела первостепенное значение. Выдающиеся деятели России XVI—XVII вв. понимали, что без флота Россия не сможет укрепить свою независимость.

Особенно энергично боролся за выход к морям Иван Грозный. В 1552—1556 гг. были ликвидированы Казанское и Астраханское ханства и тем самым нанесен удар по захватническому замыслу крымского хана и турецкого султана. С присоединением этих ханств к Московскому государству по Волге и Каспийскому морю русские купцы стали вести оживленную торговлю со странами Ближнего Востока.

Во второй половине XVI в. Иван Грозный предпринял попытку вернуть России выход в Балтийское море. На первом этапе Ливонской войны русские овладели значительной частью южного побережья Финского залива. В Нарве был создан торговый порт, ставший важным центром торгово-экономических связей России с западноевропейскими странами. Иван Грозный попытался завести постоянный военный флот и создать для него военно-морскую базу. Оценивая эти усилия, К. Маркс писал: «Он был настойчив в своих попытках

против Ливонии; их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался!»¹

Особенно упорную борьбу за выход к морю пришлось вести России в XVII в. Это было трудное время для нашей Родины. Турки и крымские татары совершали опустошительные набеги на южные границы России. Шведские феодалы и польские паны отторгли значительную часть Прибалтики, что закрывало выход русским кораблям к Балтийскому морю. Шведский король Густав II Адольф в речи, произнесенной 17 февраля 1617 г. по случаю заключения Столбовского мирного договора между Московским государством и Швецией, с нескрываемым цинизмом заявил: «Теперь без нашего позволения русские не могут даже ни одной лодки в Балтийское море послать; большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 верст ширины и твердые крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и надеюсь не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеек»².

Предпринятая в 1656 г. попытка вернуть выход к Балтике закончилась неудачно. Кардисский мир, заключенный между Россией и Швецией, повторял условия Столбовского мира. Русский народ в ратном содружестве с украинцами, белорусами, литовцами, эстонцами, латышами самоотверженно боролся за независимость своего государства, за возвращение отторгнутых земель и выхода к морям.

В первой половине XVII в. донские и запорожские казаки не раз появлялись у стен Константинополя, они были отличными моряками и храбрыми воинами, казачьи же «чайки» показали замечательные мореходные качества.

Богатый опыт поморов и представителей казацкой вольницы в мореплавании был использован русскими при освоении Сибири и Дальнего Востока. Освоение Сибири пошло особенно быстро после легендарного похода Ермака — покорителя Сибирского царства.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946, стр. 165.

² ЦГВИА, ф. ВУА, 456, д. 17, л. 20; «Сб. Рус. истор. об-ва», т. XXIV, стр. XXI.

История присоединения Сибири — это эпопея героического труда и необыкновенной отваги русских людей.

В освоении Сибири, а впоследствии и Дальнего Востока, русский народ играл решающую роль. И это было вполне закономерным явлением. Образование централизованного государства, его укрепление сопровождалось усилением эксплуатации трудового крестьянства, попадавшего в крепостную зависимость от помещиков. Чтобы спасти свою свободу, часть крестьян уходила за пороги Днепра и на Дон, другая часть устремлялась в Сибирь. Крестьяне, бежавшие от своих порабощителей, шли в Сибирь через непроходимые дебри, плыли по бурным и многоводным рекам на челнах и плотках, переваливали через горные хребты.

В колонизации сибирских и дальневосточных земель участвовали купцы, снаряжавшие на собственные средства экспедиции для промысла за ценным пушным зверем и поисков золота, серебра и т. д. Правительство также проявляло непосредственную заинтересованность в расширении промысла. Торговля пушниной, пользовавшаяся большим спросом в Англии и Голландии, во Франции и других западноевропейских странах, являлась важным источником пополнения казны. Направляя деятельность купеческих экспедиций, правительство посылало в Сибирь специальные отряды из ратных и служилых людей. Это не требовало больших затрат денег, так как служилые люди в течение многих лет жалования не получали и все расходы брали на себя.

По пути продвижения на восток русские основывали города, села, остроги, зимовья, служившие опорными пунктами при дальнейшем освоении новых земель до самого Тихого океана.

Летопись русских географических открытий сохранила немало имен, внесших огромный вклад в исследование и освоение Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана. Напомним лишь вкратце о славных делах некоторых из них.

В 1648 г. якутский казак Семен Дежнев и Федот Алексеев Попов с небольшими отрядами обогнули северо-восточную Азию. Это был подвиг: простые русские люди сделали великое открытие. Походы Дежнева и Алексеева показали возможность плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий океан.

Еще раньше Дежнева, в 1639 г., Иван Москвитин достиг берегов Охотского моря, и отряд казаков из 30 человек под начальством смелого землепроходца основал зимовье, положившее начало русским поселениям на Тихом океане. В своем отчете Москвитин впервые сообщил об Амуре и богатых и плодородных землях по его северным берегам (Степанов, 1943, 1945; «Освоение Сибири в эпоху феодализма», 1968; Bagrow, 1955).

В 1643—1646 гг. Василий Поярков со своим отрядом, следуя по Амuru, достиг Охотского моря, обследовав значительную его часть. Поярков и его соратники положили начало исследованию богатого Амурского края. Освоение Амuru, начатое Поярковым, было продолжено Ерофеем Хабаровым. Возглавив отряд казаков, он дважды (1649 и 1653 гг.) ходил в места, где никто из европейцев до него не бывал, и на берегах многоводного Амuru основал новые остроги и первые поселения.

Известный историк Сибири В. А. Александров на основе изучения большого фактического материала пришел к выводу, что к 70—80-м годам XVII в. в Забайкалье и Приамурье «сложились районы многообразной хозяйственной культуры, втянутые в образующуюся систему сибирских рыночных отношений» (1969, стр. 19).

Уже с середины XVII в. Сахалин обозначается на русских картах, а в 70-х годах (на основании данных, полученных из России) и на европейских.

В июле 1674 г. С. В. Поляков составил чертеж р. Селенги и большой чертеж «Енисейскому и Селенгинскому и иным острогам и Даурам и Мугалам и Китайскому и Никанскому государствам» (Полевой, 1959, стр. 35). Обобщив и систематизировав материалы, собранные казаками, талантливый сибирский картограф С. Ремезов сделал более детальный чертеж, на который уже были нанесены вся речная система и остров Сахалин.

Замечательными результатами завершилась экспедиция Владимира Атласова, под командой которого находилось 120 человек. Отряд Атласова в 1697 г. достиг Камчатского полуострова, подробно обследовал его и сообщил о Камчатке ценные сведения.

В результате титанических усилий русских людей в конце XVII в. было завершено присоединение к России северо-восточной Азии, которая постепенно втягивалась в сферу экономических, политических и культурных

связей России. Хозяйственное освоение необозримых просторов Сибири и Дальнего Востока было непосредственно связано с образованием единого всероссийского рынка и завершением, на основе развивавшихся торговых отношений, ликвидации былой феодальной раздробленности страны. Говоря об изменениях в экономическом и политическом развитии России, В. И. Ленин писал: «...новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Открытия русских землепроходцев и мореходов, их рассказы о землях, которые они посещали, и путях, которые они прокладывали, возбуждали большой интерес русского правительства и начинавшего в то время развиваться купечества.

Особенно большого размаха достигли экспедиции в Сибирь и за ее пределы во времена Петра I.

Экономическое развитие России, рост товарно-денежных отношений, образование единого всероссийского рынка, интересы укрепления национальной независимости России требовали выходов к морю; от этого зависела судьба России, ее дальнейшее историческое развитие. «Ни одна великая нация,—писал К. Маркс,—никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы все ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставить устье Невы, этого естественного выхода для продукции северной России, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников...»²

Таким образом, К. Маркс подчеркивает, что перед Россией в целом стояла проблема выхода к морям и устьям рек.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

² К. Маркс. Secret Diplomatic History of the eighteenth century. London, 1899. p. 87.

* * *

Советские люди проявляют исключительный интерес к подвигам первооткрывателей новых земель. Для популяризации научных заслуг русских мореплавателей немало было сделано в послевоенный период: переизданы труды самих мореплавателей, опубликованы оригинальные монографии и научно-популярные книги по истории отечественного мореплавания. Историки и географы широко использовали в своих исследованиях архивные документы и материалы, опубликовали ряд новых документов, карт и т. д.

Важное место в советской исторической литературе заняли книги, в которых отражены важнейшие вехи русского и советского мореплавания и показаны заслуги моряков нашего флота в истории географических открытий и исследований Мирового океана. В предлагаемой вниманию читателя книге рассматриваются главным образом правительственные экспедиции русского флота в северную часть Тихого океана в XVIII в. Как известно, с начала XIX в. инициатива в этом деле перешла к Российско-Американской компании.

При написании настоящей книги автор придерживался следующих положений.

Русские экспедиции на Тихом океане представляли собой важные звенья в цепи общего стремления России выйти на просторы Мирового океана. Эта цель, эта задача, обусловленная экономическими, политическими, стратегическими потребностями и связанными с ними научными интересами, всегда имела жизненно важное значение для нашей страны. Поэтому в работе освещается борьба передовых русских деятелей за укрепление позиций России на Тихом океане.

На основе исследования обусловленности русских тихоокеанских экспедиций социально-экономическими, политическими и научными причинами выясняется место и роль географических открытий в историческом процессе.

В книге делается попытка раскрыть масштабность научных замыслов русских, предусматривавших географические открытия в северной части Тихого океана, комплексное изучение Дальнего Востока и вновь открытых земель. Много места уделено показу научного

подвига моряков русского военно-морского флота, сделавших огромный вклад в историю географических открытий на Тихом океане.

«Трудно назвать другую науку,—пишет географ и писатель И. Забелин,—которой открытия доставались бы такой же дорогой ценой, как географии. Тысячи и тысячи безымянных могил географов-исследователей разбросаны по материкам и островам, скрыты в волнах океанов; прах этих скитальцев давно смешался с землей, изучению которой они посвятили свою жизнь. Эти люди шли на подвиги и совершали их незаметно, без шума, даже не сознавая, что проявляют героизм, потому что они делали любимое дело, потому что никогда не променяли бы тяготы и тревоги походной жизни на уют и спокойствие городского существования» (1966, стр. 10—11).

Героизм и самоотверженность русских моряков, их мастерство и искусство обеспечили успех плаваний по неизведанным морским путям в необычайно сложных метеорологических и навигационных условиях. На конкретном фактическом материале автор стремился показать мужество и волю, выдержку и разносторонние знания русских морских офицеров, необыкновенную отвагу, выносливость и мастерство матросов, не щадивших своих сил, а когда требовалось, и жизни во имя своей отчизны, во имя науки.

В нашей исторической и географической литературе, может быть, в силу традиции заслуги в открытиях нередко приписывались лишь наиболее колоритным личностям. Это вело, как справедливо заметил И. Забелин, к неверным тенденциям — к ложной монументализации, к возвеличению одного за счет многих... Но скромные описатели земли русской, право же, заслуживают большего внимания. Они заслуживают его хотя бы потому, что шли неизведанными путями. Автор настоящей книги старался рассказать не только о делах и подвигах выдающихся мореплавателей, но и о неутомимых рядовых тружениках моря, имена которых незаслуженно преданы забвению.

Для написания данной книги широко использованы первичные и обобщающие документы и материалы: шканечные журналы, письма, рапорты, челобитные участников экспедиции, проекты ученых и государственных

деятелей, морских офицеров и купцов, отчеты и картографические материалы, статистические данные о внешней торговле России и земледелии в Сибири и на Дальнем Востоке и многие другие. Из перечисленных источников для освещения самих плаваний особое значение имеют шканечные журналы, в которые по свежим следам заносилось все, что наблюдали моряки. На их основе составлялись рапорты и отчеты.

Мореплаватели и ученые всегда высоко ценили корабельные журналы как источники исторических исследований. Так, адмирал С. О. Макаров писал: «Особое доверие чувствуешь к засаленным, грязным тетрадям, на которых, кроме следов чернил, встречаются следы капель воды, падающей с фуражки промокшего мичмана, вносящего правдивую цифру в эту летопись» (1950, стр. 195).

Автором привлечены в качестве источников документы и материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦРАВМФ), Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива (Ленинград), Центрального архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Архива АН СССР, Архива Географического общества СССР, Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Автор выражает благодарность А. В. Ефимову, Д. М. Лебедеву, А. А. Строкову за их ценные советы, а также работникам архивов.

Часть первая

В поисках ответа на вопрос: «Сошлась ли Азия с Америкой?»

Глава I

У истоков великого научного подвига

Решающие предпосылки



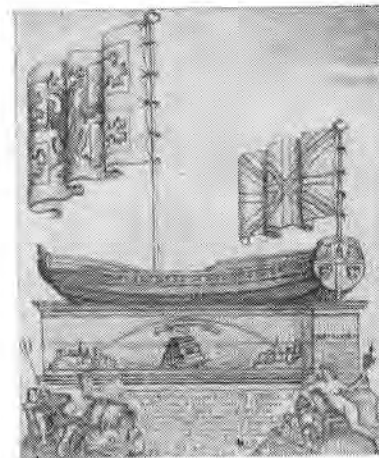
В один из майских дней 1688 г. в подмосковном селе Измайлово Петр I обнаружил старое угловое суденышко. Это был небольшой ботик. Его починили и спустили на Язу; там-то и начались первые «морские забавы» молодого царя.

По приказу Петра ботик 30 мая 1723 г. был отправлен в Петербург. Петропавловская крепость салатовала ему артиллерийским залпом всех своих орудий, а через два с половиной месяца «дедушку русского флота» принимали сосредоточенные у острова Котлина 20 линейных кораблей, фрегат и большое число мелких судов (Берх, 1830).

На тумбе, приготовленной для постановки ботика на вечное хранение, живописец И. Зубов выгравировал: «Судно сие водное, хотя мерою малое, и только к потешному на малых водах игранию построенное, но потом явилось аки плодоносное семя великого России корабельного флота» (Веселаго, 1872, стр. 466).

В борьбе за выход к Балтийскому морю русский военно-морской флот сыграл выдающуюся роль. Сокрушив могущество Швеции на море, Россия стала первостепенной морской державой. Открылась новая страница в истории нашего государства. Экономические реформы начала XVIII в. способствовали значительному подъему хозяйственной жизни страны; быстро развива-

Ботик Петра I



лось товарное производство, существенных успехов достигла металлургическая и железодельная промышленность¹.

Мануфактуры, созданные во время войны, снабжали армию и флот первоклассным для своего времени вооружением и снаряжением. Значительная доля в этом производстве принадлежала уральским и сибирским заводам. «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше... Ружья уже больше им [русским.— В. Д.] не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд безо всякой опасности» (Плейер, кн. 2, 1874, стр. 3—4).

Сравнительно быстрый рост металлургии в первой четверти XVIII в. создал материальные предпосылки политической и экономической независимости государства. В результате сложились благоприятные условия для

¹ Значительно возросла производственная мощность металлургических заводов Тулы, Каширы, Воронежа; возникли новые горючие заводы на Урале, в Карелии. К 1724 г. Россия заняла первое место в мире по производству чугуна, были построены медеплавильные заводы и впервые организована добыча серебро-свинцовых руд в Нерчинске (Лященко, 1947; Павленко, 1953; Струмилин, 1967).

успешного решения вставших перед страной задач внешнеполитического характера.

Оживилась и морская торговля, которая велась через Ригу, Ревель, Нарву, Выборг, Колу, Архангельск и особенно через Петербург, ставший вскоре самым крупным торговым центром России. «Петербург обязан теперешним цветущим положением своей торговли одному только пристрастию Петра I и его горячему желанию сделать этот город великим и цветущим во всех отношениях» (Фоккеродт, кн. 2, 1874, стр. 71).

С расширением внешнего и внутреннего товарооборота развивалось и судостроение. В начале XVIII в. значительно увеличивают производство судостроительные центры, возникшие еще в XVII в., такие, как Вологда, Архангельск, Колмогоры, Соловецкий монастырь, Великий Устюг, Хлынов-на-Каме, Верхотурье, Тобольск, Охотск, Якутский острог и Жиганское зимовье в Сибири и на Дальнем Востоке.

Усиление внешнеторговых связей России стимулировало развитие мануфактур и производства сельскохозяйственных продуктов, в связи с чем потребовалось большое число хорошо подготовленных специалистов. Национальных кадров было недостаточно, и русское правительство вынуждено было прибегнуть к найму иностранцев. Среди них были и ученые, и специалисты горного дела и торговли, и мастера кораблестроения, и офицеры, и матросы.

Вместе с приглашением в Россию специалистов из стран, которые в своем экономическом и культурном развитии во многом обогнали нашу страну, особое внимание обращалось на необходимость подготовки собственных национальных кадров. «И кои ученики,— писал Посошков¹,— будут переимчивы и мастерства какого совершенно научатся, еже противно заморского делать, то учинить таковых мастерами» (Посошков, 1842, стр. 145—146).

Постепенно крепились национальные кадры мастеров горного и рудного дел, кораблестроения и мореплавания.

В июне 1713 г. Петр I, осмотрев корабли, купленные в Англии, и сравнив их с судами отечественной постройки

¹ Посошков Иван Тихонович (1652—1726) — выдающийся русский публицист и экономист.

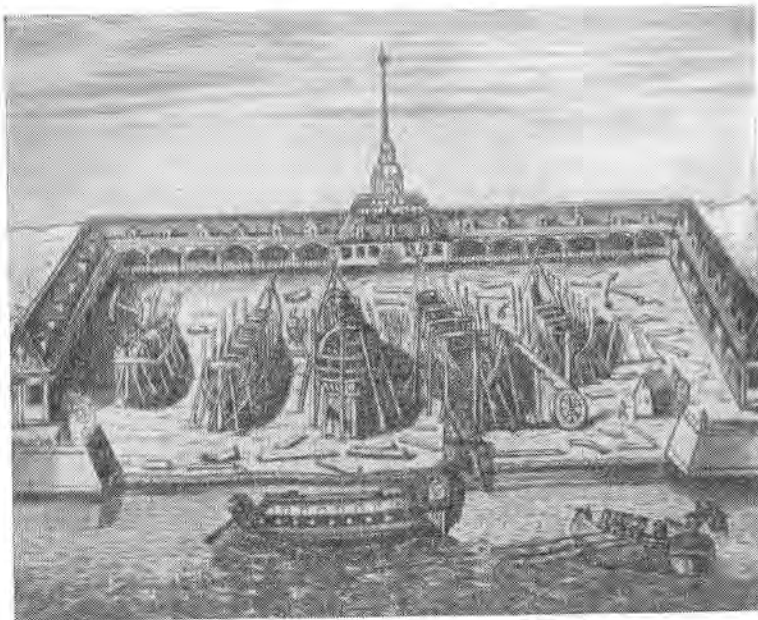
ки, с большим удовлетворением отмечал, что английские корабли «подлинно достойны звания: приемыши, ибо подлинно столь отстоят от наших кораблей, как отцу приемыш от родного сына, ибо гораздо малы перед нашими, хотя и пушек столько ж число да не таких, и не таким простором, а паче всего, что французской и английской зело тупы на парусах» (Берх, 1829, ч. 1, стр. 137).

Опираясь на богатый опыт новгородских поморов, запорожцев, архангельских мореходов, русские мастера не чуждались, однако, опыта английских, французских и голландских кораблестроителей, причем всегда вносили свое оригинальное решение в создании судов, способных в шхерных условиях Финского залива успешно выполнять боевые задачи¹.

Успехи в кораблестроении вызывали за границей у одних изумление и восхищение, у других страх и тревогу. Так, австрийский резидент в Петербурге Оттон Плейер писал в 1710 г.: «Все нужное для кораблестроения там в изобилии, так как другие иностранцы большую часть грузов вывозят из Москвы в другие страны, а как скоро поспевают постройкой в здешних местах корабли, это давно уже показал опыт» (Плейер, 1874, стр. 4). Тогда же британский посол в Петербурге Джефрис рекомендовал своему правительству срочно отозвать из России английских мастеров корабельного дела: «...если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно» (Тарле, 1949, стр. 86), тем более что «корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков».

Английское правительство прислушалось к советам своего посла и издало указ об отзыве английских мастеров из России, но значения никакого он не имел, и «английские мастера по-прежнему строили корабли, распивали с царем (угощаясь у него или угощая его у

¹ Решению этой задачи было подчинено создание гребного флота, который нанес решительное поражение шведскому парусному флоту в Гангутском сражении (25—27 июля 1714 г.).



Адмиралтейская верфь в Петербурге

себя) английский джин и русскую водку и не помышляли о том, чтобы бросить русскую службу» (Тарле, 1949, стр. 87).

К концу Северной войны Россия обладала могущественным военно-морским флотом. В 1724 г. он насчитывал 34 линейных корабля, 15 фрегатов, 4 прама, 10 шняв и до 100 мелких судов и галер. Находилось в постройке 5 линейных кораблей и фрегат. Ежегодно спускалось на воду по 4 линейных корабля. Численность офицеров и матросов, служивших на кораблях, достигала 28 тысяч человек (Некрасов, 1969, стр. 249—250).

В подготовке морских офицеров большую роль сыграла Математико-навигационная школа, созданная по указу Петра I от 14 января 1701 г.¹; в нем было сказано: «...быть математических и навигацких, то есть мореход-

¹ Следует указать, что подготовка морских офицеров началась за несколько лет до основания школы (Кротков, 1901, стр. 14—17).

ных, хитростно наук учению». Математико-навигационная школа была первым военно-морским учебным заведением в России.

В школу предполагалось принять 200 человек. Однако в первый год было зачислено лишь 4 человека, но уже весной 1702 г. в школе, как об этом сообщал дьяк Алексей Курбатов¹, было 180 учеников, а в июле она имела полный комплект. Учащиеся изучали арифметику, а десять из них — алгебру и геометрию, которой придавалось особое значение. В результате изучения геометрии ученики должны были научиться владеть инструментами и приобрести навыки для применения знаний на практике, но в школе их не было. Курбатов просил боярина Ф. Головина запретить продажу инструментов «всяких чинов людям, а брать на школы». Если для изучения арифметики инструменты не требуются, то в «геометрии без инструментов быти не возможно». Интерес к школе повышался. «Ныне,— писал Курбатов,— многие из всяких чинов и пожиточные люди припознали той науки сладость, охотно отдают в школу детей своих, а иные и сами недоросли и рейтарские дети и молодые из приказов подьячие приходят с охотою»².

Однако многих детей дворян и бояр совсем не привлекало тяжелое и опасное ремесло военного моряка. Поэтому Петр I неоднократно издавал указы о наборе боярских детей для обучения морскому делу «со принуждением». Учились в Математико-навигационной школе и дети служивых людей, и солдат, и разорившихся дворян³.

В школе преподавал первый русский математик Леонтий Филиппович Магницкий. Составленный им учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» включал основы алгебры и геометрии, астрономии и навигации. К учебнику были приложены математические и астрономические таблицы. «Арифметика» Магницкого служила основным пособием по математическим наукам

¹ Курбатов Алексей Александрович (год рожд. неизв.—ум. 1721) — русский государственный деятель; в 1701—1705 гг. руководил Математико-навигационной школой.

² ЦГАДА, ф. 160, 1703, д. 8, л. 39—39 об.

³ В первом номере русской газеты «Ведомости» от 2 января 1703 г. сообщалось, что в Математико-навигационной школе «больше 300 человек учатся и добре науку приемлют».

для воспитанников Математико-навигационной школы, а затем и Морской академии. По ней училось несколько поколений русских моряков.

В связи с быстрым ростом российского флота, для нужд которого требовалось много офицеров, кораблестроителей, навигаторов, в 1715 г. в С.-Петербурге по инициативе Петра I была создана Морская академия¹.

Костяк Академии составили 20 лучших учеников московской Математико-навигационной школы. Учебный план, включавший широкий круг общеобразовательных и специальных дисциплин, обеспечивал разностороннюю теоретическую и практическую подготовку специалистов военно-морского флота. Однако не всем предметам придавалось одинаковое значение. Так, адмиралтейский регламент разъяснял, что арифметике, геометрии, навигации, артиллерии и фортификации, шанцам, ретранжаментам (т. е. полевой фортификации), географии, астрономии, воинскому обучению с мушкетами «надлежит учить совершенно, а фортификации и апрошам [т. е. долговременной фортификации] и корабельным членам, чтоб только знали, что для чего делается, и рисовать, и на раширах, сколько возможно»².

Математические науки признавались «накрепчайшим фундаментом» всех остальных дисциплин, преподававшихся в Академии. В указе Петра I от 11 января 1719 г. говорилось: «Неоспоримые решения и доказательства к понятию учеников зависят на полном собрании математики, без которой яко без кореня все выше упомянутыя до разных государственных должностей касающияся науки от времени до времени крайнему недостатку и изнеможению и забвению неминуемо впредь подвержены быть могут»³.

Серьезное внимание обращалось на то, чтобы морские офицеры имели достаточные познания в геодезии. Ведь предстояло установить размеры государства, раскинувшегося на два материка, и определить координа-

¹ Определенные в Морскую академию дворяне должны были закончить обучение в положенный срок, в случае же, если кто-нибудь «в такое время науки не постигнет (не приемлет), таких посылать в матрозы» (ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, д. 259, л. 78).

² «Регламент Петра Великого...», стр. 20.

³ «Материалы для истории русского флота». Ч. IX. СПб., 1882, стр. 535.

Сухаревская башня в Москве.
В ней размещалась
Математико-навигационная школа



ты городов и крупных населенных пунктов. В связи с этим при Морской академии был образован специальный класс.

С 1723 г. по указу Адмиралтейств-коллегии в Академии стали преподавать теорию кораблестроения. Опытные корабельные мастера и искусные офицеры обучали будущих кораблестроителей шесть дней в месяц «...толкованию строения кораблей и пропорций всех частей кораблей по утру два часа и пополудни два часа»¹.

Особое внимание уделялось также вопросам навигации, причем требовалось выполнение указания Петра, четко сформулированного им еще в 1710 г., «учиться навигации зимою, а летом ходить на море на воинских кораблях и обучать, чтоб возможно было оным потом морскими офицерами быть».

По всем вопросам морского дела гардемарин² получали серьезную практическую подготовку. Все они должны были «служить как солдаты и шести то же бре-

¹ ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, д. 259, л. 141/об.

² Гардемарины (от фр. garde marine — морская гвардия) — звание, установленное Петром I в 1716 г. для воспитанников старших рот Морской академии при направлении во флот на практику. После практики гардемаринам присваивалось звание мичмана — первый офицерский чин.

мя без всякой отмены». Практическим занятием ежедневно посвящалось по чегыре часа. В первый час занимались кораблевождением под руководством штурмана; второй — теорией и практикой артиллерийской стрельбы; третий — постановкой парусов и их управлением под руководством боцмана. Последний час отводился занятиям по стрельбе из мушкета.

Кроме этого, независимо от успехов в науках, все гардемарины должны были под руководством боцмана по очереди участвовать в такелажных работах, сами выполнять обязанности простого рабочего — «работать своими руками и обучаться прямой работою, дабы всякий знал оную, и мог указать во время нужды», что делать.

Но особо следует подчеркнуть то, что у офицеров воспитывали чувство ответственности перед Отчиной, сознание высокого долга и умение отличать дух закона от его буквы: «не держаться устава, яко слепой стены», но твердо уяснить себе, что в уставах «порядки писаны, а времен и случаев нет».

Высокий уровень теоретической и практической подготовки офицеры, окончившие Морскую академию, показали не только в морских сражениях, но и в многочисленных экспедициях, открывших новую страницу в истории географических открытий. Завоевание выхода на Балтийское море, упрочение позиций на Каспийском море, успехи в области развития промышленности, торговли, просвещения и науки¹, а также наличие хорошо подготовленных военных моряков позволили приступить к организации крупных экспедиций на Тихий океан, конечной целью которых было хозяйственное освоение новых районов Сибири и Дальнего Востока.

На подступах к разгадке тайны

После того как Христофор Колумб совершил свое открытие, многих ученых долгое время волновал воп-

¹ Выдающимся событием в культурной истории России было основание в 1724 г. по инициативе Петра I Академии наук, принявшей деятельное участие в тихоокеанских экспедициях русского флота.

рос: соединяется ли Америка с Азией или же оба материка разделены проливом?

До середины XVIII в. на большинстве географических карт против северо-восточной части Чукотки наносилась некая «Большая Земля», которую полагали то ли гигантским островом, то ли частью Америки.

Открытие казаком Семеном Дежневым в 1648 г. пролива, отделяющего Азию от Америки, могло, казалось, положить конец всем спорам, но на Западе не знали об открытии Дежнева, а в России о нем забыли.

Основываясь на известиях, полученных от местных жителей, Владимир Атласов в феврале 1701 г. сообщил, что против Чукотского полуострова лежит «остров», с которого зимой, как море замерзнет, приезжают люди, которые «говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку» (Оглоблин, 1891, стр. 12). До самого последнего времени считалось общепризнанным, что это были первые, хотя и не вполне достоверные сведения об Америке.

Но оказывается, русские задолго до Атласова сталкивались с восточными чукчами, некоторые из них были даже в 1687 г. приведены к присяге на верность России. Восточные чукчи, несомненно, поддерживали связи с обитателями Аляски и до появления русских в этих местах. Нетрудно предположить, что русские землепроходцы от восточных чукчей узнали о народе, жившем против Чукотского полуострова. Возможно, что еще Дежнев под одним из двух островов, расположенных против Чукотского полуострова, подразумевал Аляску (Полевой, 1967, стр. 108).

В 1651—1657 гг. М. Стадухин со своим отрядом совершил переход из Анадырского острога к р. Пенжина и достиг Тауйской губы. Он использовал показания местных жителей и полагал, что Сибирь с востока омывается морем. Открытия Дежнева и Стадухина дали основание предполагать, что Северо-западная Америка находится на небольшом удалении от Чукотки.

В это же время русские высказали догадку о хребте, который тянется от Байкала до Нового Света (Северной Америки), и нанесли его на карту¹.

¹ В 1689 г. русские познакомили иезуитов, прибывших в Нерчинск, с двумя картами Сибири; на них был обозначен хребет, простирающийся почти вплоть до Америки.

Готфрид Вильгельм Лейбниц, высоко ценивший усилия русских в изучении Сибири и Дальнего Востока, справедливо считал, что любой успех в этой области послужит шагом на пути к установлению истины: есть ли пролив между Азией и Америкой. Он неоднократно высказывал мысль о том, что выполнение этой важной задачи по силам только русскому царю, в лице которого видел смелого зачинателя многих научных предприятий. «Никто,— писал Лейбниц,— не может лучше царя разрешить это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования источников Нила». В записке Брюсу от 23 сентября 1712 г. Лейбниц говорит о необходимости определения границы между Азией и Америкой. «Только в одном месте,— писал он,— эта граница не исследована, и это место находится во владении царя». Далее он предлагал исследовать, существует ли так называемый Ледовитый мыс и оканчивается ли им та полоса земли, которая тянется далеко на север¹ (Герье, 1871, стр. 192).

Во время пребывания Петра I во Франции в 1716 г. Парижская академия наук, сознавая важность проблемы, стоявшей прежде всего перед географической наукой, высказала пожелание о необходимости («через посланных от Сибири») уведомить, не соединилась ли Сибирь с Америкой².

Парижская академия наук выразила убеждение, что подобное предприятие может быть осуществлено только русским государем, «ибо ведают, что иного ближайшего владетеля и такого охотника к тому изысканию, как его величество, нет»³.

¹ Сейчас установлено, что еще в 1697 г. глава Сибирского приказа думный дьяк А. А. Виниус поручил новому якутскому воеводе Д. А. Траурнихту направить экспедицию для поиска морского пути из Ледовитого океана в Тихий (Полевой, 1965).

² Проект И. К. Кирилова. Оpubл. А. В. Ефимовым (1950, стр. 289).

³ Сподвижник В. Беринга по путешествию к берегам Америки Свен Ваксель пишет, что Парижская академия наук в 1716 г. обратилась к Петру I с просьбой разрешить французским ученым проехать в Сибирь; при этом указывалось, что в их задачу входит определение расстояния между восточным побережьем Азии и западными берегами Северной Америки, а также изучение состава

Вопрос о разделности или неразделности Азиатского и Американского материков приобретал важное значение в связи с намерением русского правительства проложить морской путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, в результате чего появились бы новые возможности для установления торговых отношений с Японией, Китаем, Индией. На протяжении первой четверти XVIII в. делаются настойчивые попытки пробиться к восточным странам и на Камчатку с различных направлений. Особое внимание уделялось Курильским островам и открытию морского пути в Японию.

Первые сведения о Курилах на Руси были получены в середине XVII в.: уже в 1649 г. Федот Попов, обогнув южную оконечность Камчатки, видел острова Курильской гряды, а в 1656 г. мимо Курильских островов плывал Михаил Стадухин. В 1696 г. Лука Морозко, побывав на Камчатке, узнал о существовании целой гряды островов (Сгибнев, 1869; Белов, 1957). В 1697 г. Владимир Атласов писал, что «...против первой Курильской гряды на море видел, как бы острова есть» (Оглоблин, 1894, стр. 15)¹.

В «скасках» Атласова содержатся интересные известия о Японии, пересказанные со слов японца Денбея, которого он встретил у камчадалов на р. Иче и сначала принял за индийца. Доставленный в 1701 г. в Москву Денбей сообщил в Сибирском приказе некоторые сведения о Японии, ее государственном устройстве, экономике, золотых и серебряных рудниках, обычаях, религии и т. д. «Скаска», составленная с его слов и собственноручно подписанная им, несмотря на фрагментарность содержащихся в ней данных, была первым источником о Стране восходящего солнца. Петр I приказал взять Денбея на содержание казны, не принуждать его к принятию православной религии, и после того как

населения Америки и прилегающих к ней островов. Но дальновидный царь заявил французским ученым, что Россия собственными средствами решит эту задачу (Ваксель, 1940, стр. 23).

¹ Интересные данные о походе Атласова и Морозко содержатся в челобитной Ивана Енисейского — участника экспедиций Атласова и Морозко на Камчатку (ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, оп. 18, л. 2039, л. 2—5, 6/об., 9). Новые материалы о походе Атласова и Морозко приведены в работе М. И. Белова (1957). О Иване Енисейском см. книгу А. В. Ефимова (1948, стр. 112).

он изучит русский язык и обучит трех-четырёх русских «робята» японской грамоте, разрешить ему вернуться на родину (Файнберг, 1960, стр. 21).

В течение нескольких лет Денбей изучал русский язык. В 1710 г. он принял христианскую веру и получил имя Гавриила. Он обучал толмачей — переводчиков японского языка, потребность в которых становилась все более очевидной в связи с намерением русского правительства завязать торговые отношения с Японией. Определенные практические шаги в этом направлении уже предпринимались.

В 1706 г. камчатский приказчик Василий Колесов направил для сбора ясака с камчатских курильцев 50 человек под командой Михаила Наседкина. Дойдя до Камчадалского Носа — мыса Лопатка, мореходы увидели в море землю (остров Шумшу), но разведать ее не смогли: «судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что-де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде» (Памятники... кн. 2, 1885, стр. 503).

9 сентября 1710 г. якутский воевода Д. А. Траурнихт, узнав о наблюдениях Наседкина, приказал построить суда и послать их для исследования острова против Камчадалского Носа, а его жителей привести в русское подданство, взять с них ясак, «и той земле учинить особой чертеж» (там же, кн. 1, стр. 420—423).

В 1711 г. казаки взбунтовались. Они убили трех приказчиков за жестокость в обращении с подчиненными, воровство и прочие преступления, а убитых О. Липина и П. Чирикова обвиняли в том, что они отказались отпустить служилых людей по указу царя «японское государство осведомить и про новую землю проведать».

Одним из инициаторов бунта был есаул Иван Козыревский¹.

В истории географических открытий экспедиция Д. Я. Анциферова и И. П. Козыревского, положившая начало систематическому обследованию Курильских островов, сыграла такую же роль, как и экспедиция Атласова в истории открытия Камчатки.

1 августа 1711 г. экспедиция во главе с Анциферовым и Козыревским, выйдя из Большерецкого острова,

¹ В 1717 г. Козыревский был пострижен в монахи и получил имя Игнатий.

направилась к мысу Лопатка. Она побывала на острове Шумшу и 18 сентября благополучно возвратилась в Большерецк, где передала приказчику Василию Севастьянову чертеж острова. В конце месяца служилые люди направили Петру I челобитную, в которой описали свое путешествие и выразили намерение совершить плавание в «Матмаское и Апонское государство».

И уже в следующем году Д. А. Траурнихту было приказано изучить, каким путем можно добраться до Японии, какое у нее имеется оружие и «могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими подобно китайцам, и что им годно из Сибири».

В 1712 г. началась подготовка экспедиции, начальником которой снова назначается Козыревский. Под его руководством было построено небольшое судно, на котором 13 апреля 1713 г. отряд из 55 служилых людей, 11 камчадалов, японца Сана (подобранного с потерпевшей в 1710 г. крушение японской бусы у берегов Камчатки) вышел в море. Из донесений В. Колесова мы узнаем, что Козыревский был послан для проведения морских островов и новых земель и всяких народов японского государства против Камчатского мыса (мыс Лопатка)¹. Ему же ставилась задача выяснить, «под чьей властью оные народы обретаются, а ежели самовластно таких велено было мне, как можно по тамошнему состоянию в вечное холопство под е. и. в. высокосамодержавную руку в ясачном платеже приводить»².

От мыса Лопатка русские на байдарах направились к близким островам Курильской гряды. Они побывали на трех северных Курильских островах (Шумшу, Парамушир и Онекотан). Курильцы рассказали о главных городах Японии, сообщили название 23 островов Курильской гряды; в числе прочих были названы Матмай и Нифон. Позднее время, отсутствие компасов, снастей и продовольствия вынудили Козыревского отказаться от дальнейшего плавания.

Во время экспедиции 1713 г. Козыревский присоединил еще один остров, Парамушир, и собрал ряд ге-

¹ «Памятники сибирской истории XVIII в.». Кн. 1, СПб., 1882, стр. 542.

² ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 3, л. 1/об.

ографических и этнографических материалов. Вернувшись на Камчатку, Козыревский передал В. Колесову «доезд» (корабельный журнал) и описание «всему и тем островам чертеж даже до Матмайского острова Хаккодате, Иезо»¹.

Это были первые наиболее полные и достоверные свидетельства о посещении русскими Курильских островов и их географическом положении. Козыревский при этом широко использовал показания местных жителей. Научная ценность его сообщений бесспорна, хотя не исключено, что он и несколько преувеличивал собственные заслуги².

Заслуживает специального рассмотрения составленный Козыревским в 1726 г. «Чертеж Камчадальского Носу и морским островам» — карта неувядающей ценности³. В объяснениях к нему содержится много интересных данных, и, в частности, о том, что Федот Алексеев Попов открыл Камчатку за полвека до Владимира Атласова и что русские за 80 лет до Беринга прошли проливом, отделяющим Азию от Америки.

«Чертеж», несмотря на всю его схематичность и условность, как справедливо отмечает О. А. Евтеев, изумляет правдивостью, достоверностью и даже точностью, тем более удивительной, если учесть, что в его распоряжении не было никаких съемочных инструментов, а на большей части изображаемого им района Козыревский «никогда не бывал и составил ее чертеж, опираясь только на показания пленных курильцев и японцев» (Евтеев, 1950, стр. 77)⁴.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 87, л. 59/об.

² Нельзя, однако, согласиться с А. Полонским, который утверждает, что будто бы особые критические обстоятельства заставили Козыревского постоянно говорить о своей роли в экспедиции, ибо у него не было иного средства «для придания цены своим заслугам, как пустить пыль в глаза» (А. Полонский. Монах Игнатий Козыревский. Архив геогр. о-ва, разр. 60, оп. 1, д. 4, л. 5).

³ Этот документ в 1949 г. опубликовал С. Баскин, допустив большие искажения текста. В 1953 г. И. И. Огрызко напечатал фотокопию «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам», однако он указал источник: ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 2 вместе д. 8. Кроме того, часть документов этого дела не опубликована.

⁴ На свой «чертеж» Козыревский нанес следующие острова: «Остров первой Шумчю», «Уяхкупа остров великая и высокая сопка» (дан в стороне), «Остров второй Парамушир», «Малый остров

Известия Козыревского о Курильских островах и Японии привлекли внимание ученых. В 1737 г. Г. Ф. Миллер широко использовал их для своего труда «География и нынешнее состояние Камчатки», который был опубликован в России и за границей. Статья Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненные» текстуально передает содержание рукописи Козыревского. Его же материалами воспользовались Евреинов, Шестаков, Беринг, Крашенинников, Кирилов, Страленберг и др. Все это указывает на большие научные заслуги Козыревского.

Ученые не только проявляли огромный интерес к материалам Козыревского, но и полностью доверяли им. В его записях нет ничего вымышленного, он заносил в свой журнал то, что сам видел или слышал. Так, имена японских правителей он записал на основании показаний не одного, а всех японцев, с которыми ему пришлось встретиться. Это свидетельствует о том, что Козыревский обладал качествами подлинного ученого: он проверял и сопоставлял данные о малоизвестной стране, полученные посредством личного наблюдения и опроса курильцев и японцев. «Чертеж» Козыревского и объяснения к нему наряду с другими документами и известиями, доходившими до Петербурга, возбуждали в России живой интерес.

Козыревский дал первое обстоятельное этнографическое описание населения Курильских островов, которые, начиная со второго, были заселены айнами. Курильцы промышляли морским зверем, торговали с кам-

Сиринки» (в стороне), «Остров третий Муша, он же Онникутан», «Малый же остров Кукумива» (в стороне), «Остров Араумакутан», «Остров Сиякутан», «Малый остров Игайту», «Остров Шококи», «Остров Машаучу» (в стороне), «Остров Мотого», «Остров Шошово», «Остров Ушишир», «Остров Китуй», «Остров Шимушир», «Остров Чиркуй» (в стороне), «Остров Итуруп», «Остров Уруп», «Остров Кунашир»; на «чертеже» были также нанесены острова «Матмай» и «Нифон». Географическое положение островов Курильской гряды, их названия на современных картах сходны с тем, что дает карта Козыревского. Они расположены в такой же последовательности: Шумшу, Парамушир, Ширинки, Маканруши, Онекотан, Харамукотан, Шнашкотан, Экарма, Чиринкотан, Мушир, Райкоке, Матва, Раешуа, Ушишир, Кетой, Симушир, Чирпой, Итуруп, Кунашир, Шикотан (А. Соловьев. Курильские острова. М. — Л., 1945; М. А. Сергеев. Курильские острова. М., 1947; Огрызко, 1952).

чадалами, проживавшими на юге Камчатского полуострова.

Козыревский дал характеристику метеорологических условий района Курильских островов в различные времена года, установил, хотя и неточно, расстояния между островами; первый пролив, по его наблюдениям, можно «до обеда из утра вперед и назад сходить», а третий — «меньшими байдарами наскоро до полудни, с грузами и детьми день ходу в тихое время».

Много места отведено описанию островов. В отношении острова Шумшу Козыревский отмечает, что «на сем острову живут иноземцы званием курила и на дальние острова, которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках; також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов и орлового перья»¹.

Такого же характера сведения приводятся и об острове Парамушир: «Живут иноземцы, что и на первом острову, язык имеют один и веру, и кропивные товары делают и отчасти камчатое и дабинное покупают. На дальние острова ходят, из дальних островов приходят иноземцы с товарами шелковыми и бумажными, також привозят котлы и сабли, а у сабель круги медные, обогнутые края кованым серебром, и всякую посуду левкашеную».

По поводу хозяйственной деятельности жителей острова Муша, или Онекотан, Козыревский ограничивается замечанием, что делают они кропивные товары и промышляют бобров и лисиц; здесь же отмечается, что «соболей на сих трех островах нет».

Описывая остров Сиякутан, Козыревский отмечает: «На сем острову [Сиякутан] малые люди живут, понеже с дальних островов встречают и своих людей провожают, и перелев [пролив] широк, на-легке вешним временем едва могут в судах к половине дни перегрести, а с грузом, с женами и с детьми целой день на Шококи остров переходят».

Обстоятельно характеризуется остров Итуруп. «Живут иноземцы, свой род званием гых-курила, а матмайским и нифонским языком Езо... на сем острову людей много число, и язык и вера своя, и всякие звери и лес-

ные медведи и другие, и всякой лес большой и реки, и на устьях у рек отстои морским судам можно быть. А по показанным островам лесов больших и рек и добрых отстоев большим судам нет до сего острова».

Об острове Кунашир говорится лишь то, что он превосходит по своим размерам острова Итуруп и Уруп, а жители острова говорят на том же языке и исповедуют ту же веру, что и обитатели указанных островов, а «в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился». Тут же он отмечает, что итурупинцы и уропцы «самовластно живут и не в подданстве, и торгуют повольно», что японцы вывозили с Курильских островов какую-то руду и имели «много число камчадальской земли уроженцы... в холопстве», а также то, что в Японию приходят торговые люди на морских судах из других государств.

Курильцы с островов Итуруп, Уруп и Кунашир, плававшие к Камчатке, рассказали Козыревскому, что «на сих трех островах много число Камчадальской земли уроженцев обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго». Жители этих островов торговали с японцами, но были самостоятельны и независимы.

Из материалов Козыревского видно, что в Японии в то время было два крупных государства и множество самостоятельных княжеств. Нифонское государство «стоит в великой губе над рекою, а званием их Едо общим Нифонское, а люди называются государственные городовые нифонцы. А от моря стоит не в дальнем расстоянии и морские суда не подходят и стоят на устье реки и возят всякие товары мелкими судами, особливими на то устроенными, а приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень и запад и в север к Камчатской стороне в Матмай и другие города»¹.

Правитель государства обладал высшей духовной и светской властью. Помимо «великого властителя» в Нифоне, по словам Козыревского, был царь, «при котором и другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников».

Подданным внушалась мысль о божественном про-

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 8, л. 6/об.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 8, л. 1.

исхождении властелина, необходимости почитания его и о беспрекословном послушании: «А царя своего не видають, а когда бывает ему ход и в то время падут на землю и смотреть не смеют и именем вслух меж собою при других людях не смеют же, а звание оному царю Кубо Соме Тенка». Из описания следует, что Нифон занимал большую территорию, а вокруг острова «на их бусах морем скорым путем едва можно де годишным временем обойти».

Вторым крупным государством — Узакинским, сообщает Козыревский, правил царь Кубо Ноками Тенка, поддерживавший обширные торговые связи с Китаем и другими странами: «Во оное государство приходят из других государств и из Китайского государства, понеже из полоненных показаной Кисть в Узакинском государстве бывал и видал других государств торговых людей и морские их суды и сказывал в Узаке де многое число всяких вещей обретается, серебро и медь и шелк родится и всякие дорогие добрые товары делают». Плодородные земли давали обильные урожаи: «...а хлеб у них родится по трижды в год, а овощ и всякий земной плод беспрестанно, а табак сеют и множество родится и делают. А шелковые и бумажные товары делают, ткнут мужики и бабы, а от того одежду имеют и торгуют».

«Великому властителю», по-видимому, подчинялись нифонский и узакинский правители. С появлением централизованной власти прекращаются междоусобные войны: «войны из давних лет у них в Нифоне острове меж большими и другими владельцами и нифонским и узакинским не сказывали, но только мир между собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве Узакинским, а во востоке и сивере — Нифонскому». Крупные города пользовались большой политической самостоятельностью.

В сравнительно новый город Матмай обычно ссылали провинившихся. В Матмае было немало деклассированных элементов, что наложило отпечаток на жизнь города, жители которого «всякое ружье при себе имеют ради оберегательства, а в городе пушки и ружье и всякой снаряд»¹.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 8, л. 8.

По словам японца Кисти, в Матмай приходят на судах жители с других островов и привозят рыбу, китовый жир «и к ним из Матмай ходят, и мы де, нифонцы дале Матмая в сиверную сторону на иные острова не ходим». Объясняется это тем, что для японцев остров Хоккайдо был лишь далекой окраиной.

По мнению профессора Токийского университета Нобуо Муруга, японцы, проводя политику национальной изоляции, вплоть до середины XIX в. ограничивались исследованием только тех районов, которые непосредственно примыкали к их островам, и на остров Хоккайдо смотрели лишь как на территорию, граничащую с их собственной страной. Их не интересовали ни проблемы ее освоения, ни проблемы мировой географии. «Видимо по этой причине ранние японские карты Езо включают так мало географической информации о соседних с Японией землях» (Митого, 1967, р. 97—99).

О северной части Тихого океана западные ученые также имели смутные представления, основывавшиеся главным образом на ложной информации голландского мореплавателя М. Г. Фриза, который, побывав в 1643 г. у южных берегов Сахалина, принял их за северную часть острова Иессо, т. е. Хоккайдо. Фриз назвал остров в честь Нидерландов «островом Штатов», а землю, примыкавшую к нему с востока, приняв ее за Америку, — «Землей Компании», которая якобы была продолжением острова Хоккайдо. На самом деле это были Курильские острова: остров Штатов — Итуруп, Земля Компании — Уруп; продолжение Хоккайдо — Кунашир, самый южный остров Курильской гряды. «Открытая» голландскими мореплавателями вблизи Японии Америка на самом деле была расположена на тысячи миль к востоку. Спустя пять лет после плавания Фриза португальский космограф Тейшейра опубликовал карту, на которой на месте Курильских островов нанес множество беспорядочно разбросанных мелких островов, а восточнее Курил изобразил несуществующую «Землю Гамы». «Земля Компании» и «Земля Гамы» сливались воедино и образовывали огромную «землю», ничем не ограниченную на востоке; предполагалось, что она даже соединилась с Америкой, предполагалось также, что эта «земля» — огромный остров между Америкой и Японией. Эти фантастические взгляды прочно вошли в

западноевропейскую картографию и удерживались почти до середины XVIII в. Все сказанное говорит о том, насколько «смутно представляли тогда северную часть Тихого океана и как много предстояло сделать русским мореплавателям, чтобы поднять это знание до современной его высоты» (Бондарский, 1947; Евтеев, 1950).

В Японию в то время свободный доступ иностранцев был прегражден. «Да близ де великой губы к государству есть остров Караульный, которого не могут миновать морскими судами и караул стоит крепкой и приходящих в государство и назад из государства осматривают накрепко, вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатку отбирают, а торговым указ чинят».

Строгое ограничение связей с западноевропейскими государствами привело к изоляции Японии от внешнего мира и болезненно отразилось на ее экономическом, политическом и культурном развитии.

В последующие десятилетия русские государственные деятели проявляли настойчивость и энергию для установления дружественных связей с соседним государством, справедливо считая, что это принесет пользу обеим странам.

Материалы Ивана Козыревского сыграли важную роль в формировании программ новых экспедиций. Их участники воспользовались результатами плодотворной деятельности исследователя, которому, несмотря на все усилия, не удалось осуществить всех своих замыслов. Козыревский неоднократно возвращался к результатам своего похода. Он писал в Якутскую воеводскую канцелярию В. Берингу (1726 г.), в Тобольскую канцелярию (1727 г.), в синод (1729 г.) и, наконец, в сенат (1732 г.), энергично доказывая, что нужно организовать новую экспедицию в Японию, и заявляя о своем желании возглавить ее. Его предложения то горячо принимали, то безжалостно отвергали в результате козней духовенства. В 1724 г., в сентябре, бежав из монастыря, он явился в Якутскую воеводскую канцелярию с обстоятельным доношением, в котором было сказано, что он знает о Нифонском государстве. Не доверяя, по-видимому, местным властям, Козыревский писал: «...каким путем чрез вышеозначенные острова и самовластные иноземцы к городу Матмаю и ко оной Нифонской зем-

ле к государству для проведывания, откуда путь надлежит и кое время иттить на море и в каких судах и к тому какие надлежат припасы и военные снаряды и сколько надобно воинских людей, о том я ныне при сем доношении не объявляю, а объявлю имянно в Москве»¹.

Якутская канцелярия не смогла принять решение по существу просьбы Козыревского и до получения указания из Тобольска содержала его под стражей. Архимандрит Феофан тем временем требовал возвращения в монастырь Козыревского, наносившего, по мнению Феофана, оскорбление монашескому званию. В Тобольске предложение Козыревского о Японском государстве было передано Берингу, ехавшему в Охотск для организации экспедиции. Козыревский в 1726 г. явился к прибывшему в Якутск Берингу с объяснением и чертежом, чтобы лично ознакомить начальника экспедиции с содержанием своего проекта. Беринг выслушал Козыревского, но план его не принял. В Якутскую воеводскую канцелярию он писал, что план Козыревского является несовместимым с возложенным на него поручением определить, отделяется ли проливом Азия от Америки. Козыревский просил Беринга взять его с собой в экспедицию, но и в этом ему было отказано. Из беседы с Берингом он заключил, что существует возможность открытия Америки. Поэтому он решил при благоприятных обстоятельствах самостоятельно предпринять плавание к Большой Земле. Этому смелому плану не суждено было сбыться. 17 мая 1726 г. был получен указ. Козыревский должен был возвратиться в Спасский монастырь. Он сделал попытку тайно уехать в Тобольск, но был схвачен и посажен под караул.

Но и в этих условиях Козыревский не мог отказаться от своего замысла. Узнав о пребывании в Тобольске Афанасия Шестакова, который готовил экспедицию на Тихий океан, и посоветовавшись с Шестаковым, Козыревский объявил в Тобольской канцелярии, что осведомлен о Большой Земле. Эти сведения он получил от казаков, которым было известно из рассказов чукчей о том, что недалеко от их земли находится Большая Земля. Козыревский решил повторить поход Дежнева

¹ ЦГАДА, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 60.

и пройти проливом, получившим впоследствии название Берингова, и оттуда направиться к берегам Камчатки. Тобольская канцелярия не препятствовала поступлению Козыревского в экспедицию Шестакова. Из Якутска Козыревский отправился в путешествие по Лене на корабле «Эверс». Шестаков пообещал Козыревскому построить большой корабль для изучения Большой Земли и морского пути на Камчатку. С командой из трех матросов, 25 казаков Козыревский в навигацию 1729 г. дошел на «Эверсе» только до урочища Сиктяха на Лене, так как дальнейшее плавание было сопряжено с большим риском. В мае судно было раздавлено льдами. В 1730 г. Козыревский прибыл в Москву.

Вернемся к описанию исследований на Тихом океане. Сообщения Атласова, попавших в Россию японцев, а также Козыревского о Камчатке и примыкающих к ней островах заинтересовали Петра I. Для исследования дальневосточных районов принимается решение о снаряжении больших правительственных экспедиций. Вначале организация их возлагается на сибирские власти. В 1716 г. отправляется экспедиция — Большой Камчатский наряд. Ее возглавил якутский воевода Я. А. Елчин, перед которым тобольский губернатор поставил обширные задачи: изучить Камчатку, предпринять плавание к берегам Северного и Восточного морей, а также по рекам Колыме, Камчатке, Пенжине, Чондону, Яне, Охоте, Уде и Тугуру возводить остроги, искать новые земли и приводить их жителей в подданство России, разведать запасы руды на Шестом Курильском острове, совершить плавание от Чукотского острова на лежащие против него острова и «матерую землю», а также на Шантарские острова и приложить старание «об учреждении купечества с японцами».

Итоги экспедиции не удовлетворили правительство. Поэтому оно взяло на себя организацию новых исследований на Тихом океане, и уже в 1719 г. на Камчатку были направлены геодезисты (их также называли навигаторами) И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. В Инструкции, составленной Петром I, им поручалось «описать тамошние места: сошлась Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только сюд и норд, по ост и вест и все на карту исправно поставить». Помимо проведения географических исследований во всех

направлениях геодезисты должны были проложить путь в Японию, описать Курильские острова и на одном из них произвести поиски драгоценных металлов. В специальной инструкции ставились задачи экономического и политического характера.

Выехав из Петербурга в январе 1719 г., экспедиция прибыла в Охотск летом 1720 г. Здесь была найдена лодья «Охота», на которой мореход Никифор Треска в 1716 г. совершил первое плавание из Охотска на Камчатку¹. На этой отремонтированной лодье в сентябре 1720 г. участники экспедиции достигли Камчатки и на берегу р. Ича зазимовали.

Прибыв ранней весной 1721 г. в Большерецк, шесть смельчаков под командой морехода Кондратия Мошкова 22 мая отправились разведывать Курильские острова, но в пути их застал шторм, и поврежденный корабль 21 июня с трудом добрался до Камчатки. Через несколько дней «Охота» благополучно прибыла в Охотск.

В 1722 г. Евреинов приехал в Казань, где встретился с Петром I, направлявшимся в персидский поход, и передал ему материалы первой морской правительственной экспедиции. Петр I «с великим любопытством препровел несколько времени с ним в разговоре и с удовольствием рассматривал сочиненную им и товарищем его Лужиным карту Камчатки и помянутым [Курильским.— В. Д.] островам, и описание всего их вояжа» (Голиков, 1789, стр. 184).

Естественно, возникает вопрос о причине высокой оценки Петром I деятельности Евреинова и Лужина, выполнивших лишь часть задания и не пытавшихся выяснить, имеется ли пролив между Азией и Америкой. Для этого, по мнению некоторых авторов, геодезистам следовало идти не на юг, а на север. Но как было уже отмечено, инструкция Петра I вовсе не ограничивала экспедицию одним нордовым направлением. В то время существовало мнение о нераздельности Азии, Ку-

¹ Его заслуги высоко оценил Беринг, в экспедиции которого он участвовал. Беринг писал: «...как всем известно, он, Треска, до присылки туда штурманов первый человек морем прошел на Камчатку с приказчиком Козьмой Соколовым и показал ход другим» (ЦГАДА, ф. сената, кн. 180, л. 209/об.). В документе содержится характеристика Трески и других мореходов.

рильских островов и Японии с Америкой и о том, что между ними есть сухопутное сообщение. Кроме того, с точки зрения экономических интересов России, для Петра I бóльший интерес представляли Курилы и Япония.

На составленной Евреиновым карте¹, охватывающей район, нанесенный от Тобольска и несколькими градусами восточнее тихоокеанского побережья, и всесторонне проанализированной В. И. Грековым (1960), отображены с возможной для того времени точностью особенности очертаний Камчатского полуострова, верно нанесено юго-западное направление островов Курильской гряды, а также показаны отдельные участки Оби, Иртыша, Енисея, Лены с притоками. Карта дает правильное представление о взаимном расположении Курильских островов.

Карта имеет градусную сетку. Евреинов и Лужин первыми в России при помощи астрономического квадранта произвели определение широт. 21 сибирский и 5 камчатских пунктов нанесены с точностью в пределах 10°, широта мыса Лопатка и Курильских островов определена с ошибкой примерно в 2°. Долготы, однако, определены весьма неточно: между восточным берегом Камчатки и Тобольском показано 45° вместо 95°. Расстояния между меридианами даются в основном правильно.

Имеются и другие неточности, неизбежные при тогдашних технических средствах (Греков, 1960). Восточные берега Камчатки тянутся с севера на юг, а не на юго-запад, неверно положены на карту северные и западные берега Охотского моря, расстояние между Шумшу и Парамуширом показано в 47 миль, в то время как оно не превышает одной мили.

Основываясь на своих личных наблюдениях, геодезисты положили на карту 14 островов² Курильской гряды, хотя в их руках имелись материалы опроса населения всех островов—свидетельство научной добросовестности исследователей.

¹ Опубликована А. И. Андреевым в сб. «Русские открытия в Тихом океане...» (1948) и А. В. Ефимовым (1948), см. также «Атлас географических открытий» (1964).

² Томпкинс (1945) пишет, что Евреинов и Лужин якобы видели только шесть островов.

* * *

В конце царствования Петра I было предпринято несколько попыток отыскать морской путь в Индию, в страну с несметными богатствами и древней культурой. Об одной из таких попыток поведал в 1721 г. посол Франции в Петербурге— Кампредон. После заключения мира со Швецией, писал он, предметом главной заботы русского царя было «установление прочных торговых отношений с Персией и с восточной Индией». Торговля с Персией, по его мнению, для русских не представляет большой трудности: «через царства Казанское и Астраханское, а также через укрепленные города... на Каспийском море, в особенности устроив сообщение между большими реками»¹.

Что же касается торговли с Индией, доказывал Кампредон, то она может быть выгодной в том случае, если «найден будет морской путь в Индию без необходимости совершать кругосветное плавание».

Поэтому царь якобы направил из Архангельска два корабля для выяснения, соединяется ли Татария с Америкой, а также с целью отыскать морской путь в Индию «через устье реки Оби, громадной реки, протекающей через Татарию и Сибирь, государство, находящееся под владычеством царя, где она принимает название Тоболя и Иртыша, и впадающей в Ледовитое море под 68° широты».

Для исследования, судоходно ли с этой стороны Ледовитое море, Петр I, по словам Кампредона, послал специальную экспедицию. При наличии портов или возможности их устройства царь прикажет построить корабли, «приспособленные к плаванию по этому морю, по которому, если оно судоходно, можно не более как в два месяца доплыть до берегов Японии, тогда как англичане и голландцы, вынужденные совершать для этого кругосветное плавание, употребляют полтора года. Из порта, устроенного при устье Оби, можно вполне безопасно, легко и недорого перевозить товары в Москву, в Архангельск и в Петербург морем, или сушей, зимою в санях». В заключение французский посол высказывает уверенность, что лица, посланные для исследова-

¹ Французскому дипломату, несомненно, было известно, что в 1721 г. начались работы по устройству канала между Волгой и Доном.

дования этого берега, «в настоящее время уже вернулись или во всяком случае уже прислали письменный доклад» («Сб. Русск. истор. об-ва», т. 40, 1884, стр. 422—423).

Есть основания предполагать, что эта экспедиция была осуществлена, но она не оправдала возлагаемых на нее надежд. По Северному Ледовитому океану она смогла продвинуться лишь немного на восток. Ее неудачи послужили поводом к посылке из Архангельска в те годы экспедиции на Дальний Восток. Она тоже оказалась неудачной. В итоге вывод: проход на восток из-за льдов от Оби и Енисея невозможен, его можно осуществить только из сибирских рек, расположенных восточнее Лены. Этими путями русские мореходы многократно пользовались, на своих кочах огибали Чукотский полуостров, проходили проливом, отделяющим Азию от Америки, собирали ясак с камчадалов и жителей некоторых тихоокеанских островов. В Сибири об этом хорошо знали. По этой причине Беринг, прибыв в Енисейск в 1726 г. по пути на Камчатку, просил сенат разрешить ему предпринять плавание для выяснения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, не из Камчатки, как этого требовала инструкция, а из устьев Колымы на восток в обход Чукотского полуострова с запада (Андреев, 1947, стр. 181—182).

Петр I пытался проложить торговый путь в Индию через Среднюю Азию. Персидский поход 1722 г. был предпринят по этим соображениям.

Ради той же цели в конце 1723 г. Петр намеревался послать два корабля на Мадагаскар, который он рассматривал лишь как промежуточную станцию в будущей торговле Петербурга с Индией¹.

¹ В инструкции начальнику экспедиции вице-адмиралу Вильстеру указывалось, что отряду надлежит идти в «назначенное место», но в особой инструкции, врученной его помощникам, русским офицерам, точно указывалось, что следовать надлежало до Бенгалии. «Когда с помощью божиею в показанное место в Ост-Индии придете,—говорится в инструкции,—тогда явитесь там великомочному моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, иметь с ним договор, которые товары потребны в России, также и какие в его областях товары в России надобно суть, и как можно трудиться, чтоб между обеих сторон произвести к пользе благополучную коммерцию» (Заозерский, 1923, стр. 95—96); об экспедиции на Мадагаскар см. также Ф. Веселаго, ч. 1, 1875, стр. 395—403).

В последние годы жизни Петр I обдумывал пути установления связей не только с Ост-Индией, но и с Вест-Индией и вообще с Америкой, торговля с которой полностью находилась в руках Испании. 4 марта 1724 г. был подписан указ об учреждении компании для торговли с Испанией, а летом следующего года — указ о посылке кораблей в Средиземное море, в Кадис.

* * *

В первой четверти XVIII столетия Россия обрела выход к Балтийскому морю, расширила торговые и культурные связи со странами Западной Европы, сделала шаг вперед по пути экономического развития. Существенные успехи были отмечены в области науки, культуры и в формировании национальных кадров. Созданные в период Северной войны регулярная армия и военно-морской флот показали всему миру примеры высокого ратного мастерства и военного искусства. Сражение у деревни Лесная и Полтавская битва, Гангут и Гренгам вписали в героическую летопись русского народа страницы немеркнувшей славы.

Особое значение имела Полтавская победа. Она развязала руки Петру I и позволила ему вплотную заняться дальневосточным вопросом. Это признают не только советские, но и западные ученые¹. И действительно, через два года снаряжается экспедиция И. Козыревского, за ней экспедиция морехода Н. Трески, и наконец И. Евреинов и Ф. Лужин составляют описание Камчатки и значительной части островов Курильской гряды.

Богатейшие и весьма ценные сведения, собранные Козыревским и Евреиновым, в течение длительного времени оставались неизвестными для современников. И только после плавания Шпанберга к Японии в 1738—1739 гг. данные о Японии стали широко использоваться в интересах России для решения государственных задач, а затем они стали достоянием европейской и американской науки (Андреев, 1943, вып. 2).

Это же время знаменуется настойчивыми попытками проложить торговые пути в Индию через Среднюю

¹ Американский историк С. Р. Томпкинс отмечает, что только после Полтавы Петр I «получил возможность заняться другими более интересными для него делами» (1945, стр. 19).

Азию и снаряжением двух кораблей, которые должны были обогнуть мыс Доброй Надежды и достичь берегов Индии. Эти шаги русского правительства воплощают в себе замысел Петра I о выходе на морские и океанские просторы с тем, чтобы найти наиболее удобные торговые пути в восточные страны.

Но поскольку попытки выйти на просторы Мирового океана не принесли желаемых результатов, русское правительство в течение нескольких лет сосредоточило главное внимание на проблемах Дальнего Востока. Однако и в это время уже зрела идея открытия морского пути в Индию, Китай, Японию и другие страны через Северный Ледовитый океан, но для этого нужно было решить вопрос: сходится ли Азия с Америкой?

Глава 2

Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция

Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция¹ открыла новую страницу в истории географических открытий русских в северной части Тихого океана.

Еще в период Северной войны Петр I, хотя и был занят руководством боевыми действиями армии и флота, тем не менее придавал большое значение решению вопроса о том, как далеко простираются земли Дальнего Востока и насколько они открыты возможным захватам извне². То было время ожесточенной борьбы

¹ В исторической и географической литературе эта экспедиция именуется по-разному: Первая Камчатская, экспедиция Беринга, Сибирская экспедиция, Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция. Единого наименования не придерживаются и официальные документы XVIII столетия. По нашему мнению, экспедиции, ставившей себе целью отыскание пути из Северного Ледовитого океана в Тихий, наиболее точно соответствует название Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция. Однако в дальнейшем изложении мы будем применять и приведенные выше названия, вошедшие в нашу и зарубежную литературу. Следует иметь в виду, что многие русские и иностранные экспедиции получали наименования по фамилии их руководителей (чаще всего), целям и назначению, месту формирования и т. д. Все это относится и к второй экспедиции Беринга.

² «Я сам,— пишет Дж. Перри, англичанин, с 1698 по 1715 г. находившийся на русской службе,—не раз слышал, как царь выражал свое намерение послать людей с целью снять верную карту

за колониальное господство между Англией, с одной стороны, Францией и Испанией— с другой.

Ф. Энгельс писал: «Эра колониальных предприятий, которая теперь открылась перед всеми морскими нациями, также свидетельствовала о необходимости постройки больших военных флотов для защиты их торговли и новых колоний. С этого времени начинается период, более богатый морскими сражениями и развитием морских вооружений, чем какой-либо из предыдущих»¹.

Не участвуя непосредственно в колониальных войнах западных держав, Россия должна была считаться с постоянно усиливавшейся угрозой своим владениям на Дальнем Востоке, стремлением Англии и Франции воспрепятствовать усилению ее военного могущества. Однако укрепить безопасность границ государства можно было, лишь завоевав выход на южные моря, закрепив обретенные позиции на Балтике, открыв и освоив новые земли, не занятые европейцами в северной части Тихого океана.

Только при осуществлении этих задач Россия могла сохранить и укрепить свои позиции морской державы, завоеванные ею в тяжелой и длительной войне со Швецией.

Цели, состав и организация экспедиции

Победоносное окончание Северной войны позволило правительству перейти к решению целого комплекса крупных экономических, политических и научных задач, и среди них в частности вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой.

Незадолго до смерти Петр I имел беседу с Ф. М. Апраксиным. О ее содержании Н. А. Нартов,

страны, как только наступит мир и он будет иметь досуг заняться этим исследованием, чтоб определить, есть ли возможность кораблям проходить мимо Новой Земли... в Татарское море на восток от реки Оби, где можно было бы строить корабли для отправления к берегам Китая, Японии и проч.» (1871, стр. 40). Далее Перри докладывает преимущества такого пути, особенно для торговли с Китаем. Караванам, идущим от Москвы до Пекина, приходилось преодолевать огромные расстояния.

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. М., 1957, стр. 284—285.

один из приближенных царя, передает следующее: «Я будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как с. в. спешил сочинять наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив [инструкцию], говорил следующее: «Худое здорье заставило меня сидеть дома, вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другия дела предпринять мешали, т. е. о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте продолженной путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Ограда отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»¹

Это высказывание дает ключ к правильному пониманию решения Петра I направить Беринга на Камчатку. В инструкции, составленной царем, говорится:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом таможем месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля — часть Америки.

3. И для того изкать, где она сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений, или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст [берег.—В. Д.] называют и взять на письме, и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюды»².

Оценивая эту инструкцию, ряд исследователей делал вывод, что экспедиция Беринга снаряжалась исключительно для решения географических задач.

Подобный вывод являлся неизбежным результатом того, что документ, определявший задачи экспедиции,

брался изолированно от внутренней и внешней политики государства, и от вставших перед ним проблем.

За последние тридцать лет советская историческая и географическая наука преодолела узость этих взглядов. Сошлемся на А. А. Покровского и А. В. Ефимова. «Сама по себе экспедиция,— писал Покровский,— не представляла явления, оторванного от общего русла тогдашней жизни России. Она являлась одним из звеньев обширного плана Петра I: установления торговых сношений с окружающими государствами, как на Западе, так и на Востоке. С другой стороны, экспедиция была проявлением другого общего начала — стремления России выйти на широкую международную арену торговли. Это стремление тогдашней России было вызвано быстрым ростом ее производительных сил, требовавших, с одной стороны, новых сырьевых источников и рынков сбыта — с другой» (1941, стр. 26).

Не отрицая значения научных задач экспедиции, А. В. Ефимов рассматривает их в связи с теми жизненно важными вопросами, которые были вызваны необходимостью расширения торговли, колонизации Сибири и Дальнего Востока, пополнения казны за счет торговли пушниной, отыскания новых морских путей и т. п. А. В. Ефимов учитывает также экспансию западных держав в северной части Тихого океана. «...На стыке Азии и Америки,— пишет он,— произошло столкновение экспансий нескольких стран. Экспансия России в Америку столкнулась с экспансией в Америку и других европейских государств... в одних случаях непосредственно, а в других потенциально» (1950, стр. 24).

Разделение угрозы государству на непосредственную и потенциальную, хотя оно и сформулировано А. В. Ефимовым в общей форме, включает в себе большой смысл. Уроки истории учат, что устранение непосредственной опасности в значительной степени зависит от того, насколько верно и своевременно вскрываются опасные тенденции в политике тех или иных держав по отношению к другим государствам.

Заслуга Петра I заключалась в том, что он смотрел вперед, видел стремление западных держав распространить господство на всю северную часть Тихого океана. И это, несомненно, оказывало влияние не только на содержание и характер программ плавания Беринга,

¹ «Рассказы Нартова о Петре Великом». Изд. Л. Н. Майковым. СПб., 1891, стр. 99.

² «Экспедиция Беринга», стр. 59.

но и на задачи, поставленные перед всеми последующими экспедициями XVIII в.¹

Начальник Первой Камчатской экспедиции, капитан 1-го ранга Витус Беринг родился в 1681 г. в Дании, в городе Хорсенс. Совсем еще молодым человеком он плывал матросом на голландском корабле в Ост-Индию, откуда в 1703 г. возвратился в Амстердам.

В том же году Беринг поступил на русскую службу и в 1704 г. уже командовал шхуной, перевозившей строевой лес к острову Котлин. На этом небольшом островке Петр I для защиты Петербурга с моря построил «фортецию» (крепость) Кроншлот, преграждавшую шведскому флоту путь к Петербургу.

В 1706 г. Беринг был произведен в лейтенанты, а через четыре года получил чин капитан-поручика. В прутском походе Беринг командовал двадцатипушечной шнявой, а затем переведен в Балтийский флот. В 1717 г. Беринг был произведен в капитаны 3-го ранга, а через три года — в капитаны 2-го ранга; в 1721 г. командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург», а два года спустя назначен командиром девяностопушечного корабля «Лесное», находившегося в составе эскадры Ф. М. Апраксина.

По окончании Северной войны многие офицеры были произведены в более высокие чины, но Беринг повышения не получил. Считая, что с ним поступили несправедливо, он подал в Адмиралтейств-коллегию прошение об отставке. В феврале 1724 г. просьба Беринга была удовлетворена, и несмотря на то что ему разрешили выезд в Данию, он все же остался в России.

В августе 1724 г. о Беринге вспомнил Петр I, и он вновь был назначен командующим шестидесятипушечным кораблем «Марльбург»².

¹ Следует отметить, что в 1964 г. Е. Г. Кушнарев высказал свое несогласие с общепринятой ныне точкой зрения на цели экспедиции, считая, что перед ней стояла только научная задача — выяснить вопрос о разделности или неразделности Азии и Америки. Он утверждает, что будто бы вплоть до Крымской войны не существовало никакой проблемы безопасности для Дальнего Востока (1964).

² В постановлении Адмиралтейств-коллегии назначение Беринга мотивируется тем, что в «Ост-Индии был и обхождения знает». Подробные сведения о жизни и деятельности читатель найдет в книге Б. Г. Островского «Беринг» (Л., 1939).

Витус Беринг



Помощниками Беринга были определены М. П. Шпанберг и А. И. Чириков. Датчанин Шпанберг, опытный морской офицер, отличался властолюбием и заносчивостью, с подчиненными был груб и жесток. Русским языком владел плохо: «русского письма читать не очень доволен и в письмах его видим весьма нужные слова не в надлежащую силу и неправо написаны»¹. Недостатки Шпанберга особенно проявились во время Второй Камчатской экспедиции. Вместе с тем Шпанберг был человеком неиссякаемой энергии, инициативным, решительным, любившим морскую службу.

Выдающуюся роль в экспедиции играл Алексей Ильич Чириков. Он родился в 1703 г. Мальчиком жил в Москве у своего дяди, Ивана Родионова, в семье которого получил первоначальное образование. Алексей Чириков был слабого телосложения, по его собственным словам, «от природы не крепок». Но сколько впоследствии проявил он энергии и выносливости! Движимый стремлением содействовать возвышению России и прославлению своего народа, Чириков не щадил ни сил, ни здоровья и не только сам терпеливо переносил

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 52, л. 248/об.

тяготы путешествий, но своим примером умел в трудную минуту поддержать других. В 1715 г. его определили в Математико-навигационную школу, а через год перевели в Морскую академию, ее он успешно окончил в 1721 г. и был произведен в унтер-лейтенанты, а в следующем году назначен в Балтийский флот.

11 сентября 1722 г. Адмиралтейств-коллегия приказала «для обучения гардемаринов искусных офицеров, а именно навигации унтер-лейтенанта Алексея Чирикова, артиллерии подконстапеля Тютчева прислать [в Адмиралтейств-коллегию.— В. Д.] немедленно».

В октябре 1722 г. Чириков вернулся в Морскую академию. С этого времени началась плодотворная преподавательская деятельность молодого разносторонне подготовленного офицера. Вскоре в помощь Чирикову был назначен мичман А. И. Нагаев, ставший впоследствии крупным русским гидрографом.

Считая, что Морская академия должна готовить морских офицеров из природных россиян, Петр I пристально следил за ее деятельностью и знал не только профессоров и преподавателей, но и многих гардемарин. Знал он и об успехах Чирикова и поэтому одобрил предложение адмиралов П. И. Сиверса и Н. А. Сенявина послать Чирикова в экспедицию. Несмотря на просьбу капитана Козинского оставить его подчиненного, молодого офицера, в Академии, так как «другого учителя навигации наук никого не имеется... и обучать гардемарин никому»¹, Чирикова назначили в экспедицию и вне очереди произвели в лейтенанты.

В экспедицию был определен также молодой трудолюбивый и образованный моряк мичман Петр Авраамович Чаплин², сыгравший в ней значительную роль.

¹ ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, д. 44, л. 54.

² Впоследствии капитан-командор. Во время Семилетней войны служил на Балтийском флоте, командовал различными кораблями, участвовал в операции против прусской крепости Кольберг. Будучи начальником Архангельского порта, в 1764 г. оказывал энергичную помощь М. В. Ломоносову в подготовке экспедиции для изучения Северного морского пути. Отмечая заслуги П. А. Чаплина в этом важном деле, Адмиралтейств-коллегия в своем решении от 2 июля 1764 г. указывала, что в «приготовлении вышеозначенных судов старанием капитан-командора Чаплина Адмиралтейская коллегия довольна» (Перевалов, 1949, стр. 320). 22 августа 1765 г. Чаплин скончался в Архангельске (см. «Общий морской список», ч. II. СПб., 1885, стр. 469—470).

Благодаря журналу, в котором он ежедневно записывал свои наблюдения, удалось восстановить многие события этой экспедиции. В распоряжение Беринга было выделено плотников, кузнецов, бочаров, матросов, солдат и т. д. 158 человек¹.

Общее руководство подготовкой экспедиции Петр I поручил президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину. Передавая ему инструкцию, царь сказал: «...Распоряжение же сего поручаю Федор Матвеевич, за болезнью моею твоему попечению, дабы точно по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было»².

Ф. М. Апраксин в течение нескольких недель закончил снаряжение экспедиции и позаботился о том, чтобы сибирские власти оказывали помощь Берингу и его команде во время перехода в Охотск. 4 февраля Апраксин направил в Тобольск сибирскому губернатору В. В. Долгорукому письмо, в котором, в частности, подчеркивалось: «...отправился отсюда в Сибирь морского флота капитан Беринг (с порученною командою), которому по прибытии в Якуцк велено сделать боты; и на оных следовать, как на то данная ему инструкция повелевает; которого извольте принять благоприятно; и в потребностях ево к той экспедиции прикажите чинить всякое вспоможение... Понеже в оной заключается немалое дело. О чем паки прилежно прошу изволите ко оному приложить свой труд и производить со осторожностью»³.

24 января 1725 г. отряд из 26 человек⁴ на двадцати пяти подводках со всевозможными материалами под начальством Чирикова и Чаплина выехал из Петербурга. Через несколько дней, получив инструкцию Апраксина, Беринг вместе с Шпанбергом и пятью служилыми людьми отправились в путь. 14 февраля в Вологде они встретились с отрядом Чирикова.

16 марта участники экспедиции достигли Тобольска;

¹ «Донесение Беринга». — «Записки военно-топографического депо», ч. X, 1847, стр. 70—71.

² «Рассказы Нартова о Петре Великом». Изд. Л. Н. Майковым. СПб., 1891, стр. 99.

³ ЦГАВМФ, ф. канцелярии Апраксина, Записная книжка, ч. I, л. 35.

⁴ В. И. Греков (1960) ошибочно указал 25 человек.

здесь они находились до середины мая («понеже зимним путем далее ехать было время поздно»), используя время для заготовки канатов, пеньки, леса. Отсюда путь шел по Иртышу, Оби, Кети, Верхней Тунгуске. 1 июня 1726 г. Беринг и Шпанберг прибыли в Якутск, куда через полмесяца с отрядом судов добрался Чириков.

К этому времени большую подготовительную работу проделал Петр Чаплин, прибывший в Якутск 5 сентября 1725 г. На него была возложена задача построить суда и волоком переправить в Охотск. Якутский воевода Полуектов в помощь Чаплину направил полкового сотника Уварова и сынов боярских Шангина и Климовского, которые много раз бывали на р. Лама. Они доказывали Чаплину, что «никак невозможно дойти до волбоку Ламского водою, а ежели итить, то надлежит строить малые суда»¹, и предложили строить суда длиной в пять сажен, с осадкой в 12 вершков. Если же будет решено идти сухим путем, хотя и очень трудным, «то надлежит делать сумы коженные, в которые кладут по два и пять пудов, также и флаги деревянные, в которых возят вино, для того, что на каждую лошадь больше не кладут, как по пять пуд, и то с великим трудом».

Строительство судов в условиях еще необходимого края было сопряжено с большими трудностями, так как на месте нельзя найти потребное число плотников, кузнецов, лесорубов и людей для перевозки строительного материала. Так в ноябре 1725 г. Иркутская земская контора сообщила, что «бочаров из служилых и из других чинов в Иркутске нет» и, несмотря на царский указ, «никого к тому найму из вольных людей в земской конторе не явилось».

Вняв совету знающих людей, Чаплин решил продолжить и всевозможные грузы из Якутска на Ламу отправлять на лошадях. Берингу, находившемуся в Иркутске, он доносил: «Надеюсь к прибытию вашему будет все готово, а имянно: фонари, сало, свечи, уксус, вино и деньги за пиво и вместо мяса живой скотины, токмо ныне в Якуцку рыбы нет и она готова не будет к вашему прибытию затем, что в близости купить

негде»¹. 15 сентября Чаплин докладывал, что на Ламу он отправляет скот, плотников и всякие припасы, кроме смолы, «для того, что смолы в Якуцке нет, а онаю смолу присылают и затем на Ламе судам учинитца немалое помешательство»². С большим трудом удалось собрать и необходимое число людей, прибывших из различных районов Восточной Сибири³. Обстановка была крайне тяжелая. Некоторые не выдерживали испытаний, убегали, уводя с собой лошадей.

Ранней осенью ударили сильные морозы, и многие лошади пали из-за недостатка корма. Только небольшая часть каравана во главе с Берингом добралась в октябре до Охотска.

Для организации отправки грузов в Охотск Чириков остался в Якутске, где одновременно проводил климатические и другие наблюдения.

В июле 1726 г. по Лене, Алдану, Мае, Юдоме на 13 судах с командой в 264 человека под начальством Шпанберга были отправлены пушки, канаты, якоря, паруса, а также часть провианта. С наступлением сильных морозов остановились в 450 верстах от Юдомского Креста, ввиду гибели лошадей людям пришлось впрягаться в нарты и тащить грузы самим. Из 100 нарт лишь половина достигла места назначения.

Наконец отряд прибыл в Охотск, в котором в то время было лишь десять дворов. Пришлось срочно строить жилые помещения, склады для провианта и строительных материалов, заботиться о заготовке продовольствия.

Грузы по-прежнему приходилось таскать на себе. Разбросанный на расстоянии 450 верст от устья Юдомы до Юдомского Креста строительный материал Беринг поручил доставить своим подчиненным, измученным и голодным, не имевшим теплой одежды и обуви.

На построенном в Охотске шитике «Фортуна» экспедиция летом направилась в Большерецк. Опасаясь

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 63.

² В рапорте Чаплина перечислены припасы, отправленные на Ламу.

³ В реестре (поименном списке), составленном Чириковым, в июне 1726 г. показано, что Усть-Кутский острог направил 26 человек, Ленская волость — 6, Киренский острог — 9, всего 41 человек.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 61.

осенних штормов, Беринг не рискнул идти морем вокруг Камчатки, и основная часть груза зимой была переправлена на собаках в Нижнекамчатский острог. Туда же прибыл и Беринг. «Совсем по тамошнему обычаю на собаках, и каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снега, а сверху покрывали, понеже живут великия мятелицы», — писал В. Беринг (Полонский, 1850, ч. VIII, стр. 546).

Морякам, доставлявшим груз из Охотска на Камчатку, пришлось перенести немало испытаний. Мореходы Кондрат Мошков и Иван Бутин в 1728 г. обратились к Берингу с просьбой выплатить им жалование «для расплаты долгов и для покупки платья»¹. Просьба мореходов была удовлетворена.

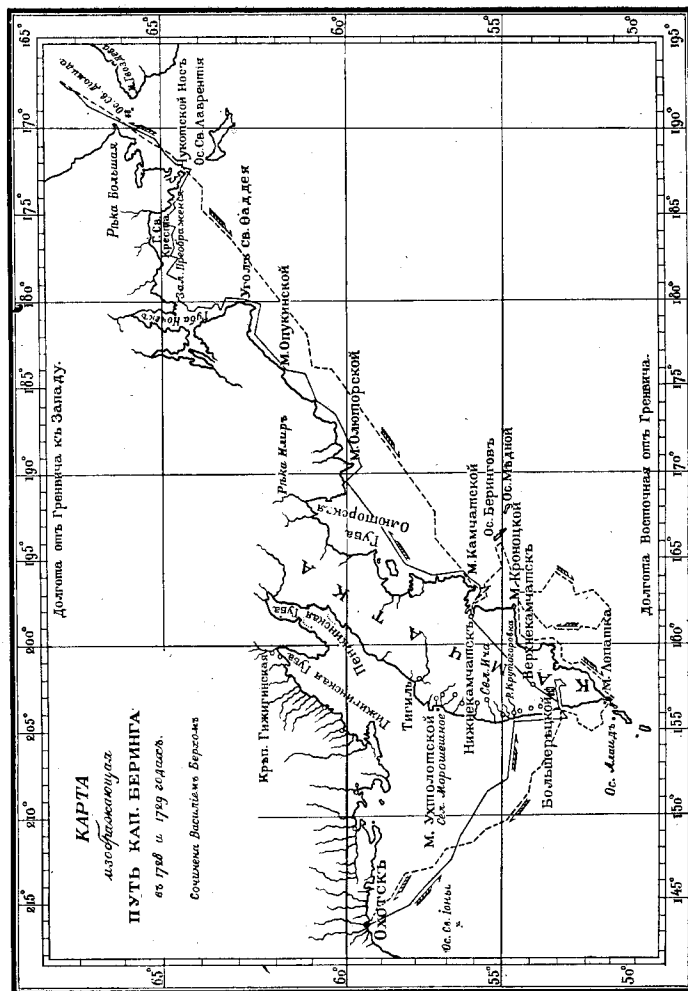
* * *

Заложенный в Охотске еще один бот (длина 60 футов, ширина 20, глубина 7,5) и названный «Св. Гавриил», был спущен на воду 8 июня 1728 г. Для целей экспедиции Беринг решил использовать и «Фортуну». 6 июля под командой Кондратия Мошкова она прибыла в Нижнекамчатск.

В Нижнекамчатске, как и в Охотске, команда корабля «Св. Гавриил», состоявшая из 44 человек, сама заготавливала продовольствие: ловила рыбу сетями, покупала оленей, вываривала соль из морской воды, изготавливала вино из сладкой травы (Полонский, 1850, ч. VIII, стр. 547).

13 июля «Св. Гавриил» поставил паруса и вышел в море для выяснения географической загадки: соединяется ли Азия с Америкой? 27 июля миновали мыс Фаддея, через два дня прошли устье р. Анадырь, и на следующий день «Св. Гавриил» бросил якорь. Про-

¹ В своем рапорте Мошков и Бунин писали: «Служим мы... мореходами для перевозки чрез море от Камчатской земли до Охоцкого острогу ясашной казны, а в прошлом 1727 году взяты мы из Охоцкого острогу сюда на Камчатскую землю на судах для перевозки команды вашего благородия служителей и протчих вещей, а денежного жалования... не получали Кондратий Мошков с 726 году, Иван Бутин с 723 году и поныне. А об оном жаловании просить было некогда, понеже, когда прибудем отсюда в Охоцкий острог с казною... то паки подчиненные комиссары нас возвратно на Камчатку и за такими отлучками вошли в великие долги» (ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 233).



Карта плавания В. Беринга и А. Чирикова на боте «Св. Гавриил» в 1728—1729 гг.

двигаясь вдоль берега на север, моряки 1 августа открыли губу (залив) и назвали ее губой Св. Креста. Здесь были пополнены запасы пресной воды. 6 августа корабль вошел в бухту, названную впоследствии бухтой Преображения, через четыре дня был открыт остров Св. Лаврентия (Берг, 1946, стр. 88; «Описание карт Морского атласа», 1959, стр. 251).

Здесь моряки встретились с чукчами. Через переводчиков служивого человека Ивана Панкарина и новокрещенного Якова Паврика, знавших коряцкий язык, удалось собрать материалы о местах, не доступных еще для непосредственного исследования. Приводим полностью протокольную запись разговора между толмачами и чукчами:

Вопросы:

1. Какого звания люди?
2. Где река Анадар и далеко ль отсюда?
3. Знаете ли реку Колыму?
4. Есть ли у вас лес и пали с земли в море какие реки большие и куда ваша земля прошла и далеко ль?
5. От земли вашей не протянулся ли какой нос в море?
6. Нет ли в море каких островов или земли?

Ответы:

- Чукчи.
Реку Анадар прошли и далеко назад. Как-де вы так зашли сюда далеко? Прежде сего сюда никаких судов не бывало.
Реку Колыму не знаем, только слышали мы от аленных чукчей, что ходят оне землею на реку и сказывают, что на той реке живут русские люди, а оная река Колыма ли или другая, про то не знаем.
Лесу у нас нет никакого и по всей нашей земле рек больших в море не пало; а есть которые и пали, то малые, а земля наша почти отсюда поворотила налево и пошла далеко, а живут по ней все наши чукчи.
Нос никакой в море от земли нашей не протянулся, вся наша ровная земля.
Есть остров недалеко от земли и ежели б не туманна, то б можно видеть, а на том острове есть люди, а больше земли только вся наша Чюкоцкая земля¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 227—227/об; Гревков, 1960, стр. 33.

На основании ответов чукчей нельзя было еще сказать о существовании пролива между Азией и Америкой.

Обходя Чукотский Нос, моряки заметили остров, о котором рассказывали чукчи. Его назвали островом Св. Лаврентия. 13 августа бот находился на широте 65°30', земли не было видно.

Приближалась осень. Для решения вопроса продолжать ли плавание или вернуться на Камчатку, Беринг собрал офицеров и попросил высказать свое мнение в письменной форме. Сам же он считал, что требование инструкции выполнено и наличие пролива между двумя материками доказано. Капитан-командор «объявил признание свое о земле Чюкоцкого носу (по скасам чюкоцких жителей и по простертию земли от помянутого носа меж N и NW также и потому, что мы ныне обретаемся в ширине 65° северной) показанного носа земля та, о которой мнение было, что сходится с Америкой, разделяется морем и чтоб нам письменное свое мнение предложить вперед в настоящей экспедиции как поступать».

Шпанберг занял сторону командира корабля, считая, что плавание можно продолжать не более трех дней, и если за это время не удастся дойти до 66° с. ш., то боту следует лечь на обратный курс, тем более что на Чукотке нет гавани, нет дров, а чукчи могут проявить и недружелюбное отношение.

Чириков считал, что для окончательного решения вопроса, соединяется ли Америка с Азией, необходимы дополнительные доказательства. Только это, по его мнению, могло подорвать всякую основу существовавшей версии о том, что оба материка соединяются; в связи с этим он настаивал на продолжении плавания. «Понеже известия не имеется,— говорит Чириков,— до которого градуса ширины из Северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов европейским жителям бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкой, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов—понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды—того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему [Беринга.—В. Д.] благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды, или не отыдет берег на запад, к устью реки Колымы,

до мест, показанных в означенном е. и. в. указе; а ежели земля будет наклоняцца еще к N, то надлежит по двадцать пятое число сего настоящего месяца в здешних местах искать места, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукоцкого носу на Земле, на которой по полученной скаске на чукоц, чрез Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани».

Для правильного объяснения позиции Чирикова важное значение имеют географические представления, существовавшие в конце XVII — первой четверти XVIII в. Зная о безуспешных попытках европейцев проложить морскую дорогу в Индию, Петр I сомневался в существовании такого пути. Он считал, что «эта страна [Новая Земля.—В. Д.], вероятно, в этом месте соединяется с Америкой, и что эта часть света была населена в те времена, когда не было еще тут такого множества льда и холод не так сильно свирепствовал около полюсов». На иностранных картах (XVII и первой половины XVIII в.) Новая Земля была нанесена как полуостров, примыкавший к материке за Обью. Эта географическая версия возникла после того, как была опубликована в английском журнале «Philosophical Transactions» vol. IX, London, 1674) карта Новой Земли, полученная Н. Витсеном из России.

Во введении к своему труду «Северная и Восточная Татария» (1692) Витсен доказывал, что Новая Земля «не остров, как ее считали до сих пор, и что Ледовитое море [Карское море.—В. Д.] не море, а залив, вода которого пресная... Была большая ошибка англичан и голландцев, что при поисках пути в Японию они прошли с южной стороны Новой Земли через Вайгач!» Находясь в плену этой географической версии, западноевропейские ученые считали, что северо-восточный проход нужно искать севернее Новой Земли. В России были сторонники этой концепции (см. об этом работу Сидорова, 1957). С полной уверенностью можно сказать, что Чирикову была известна указанная и другие версии. Поэтому он так упорно добивался продолжения плавания до Колымы.

Капитан-командор не прислушался к совету Чирикова и присоединился к мнению Шпанберга: «Исследо-

вав я поданных мнений,— писал Беринг,— положил свою резолюцию. Ежели больше ныне будем мешкать в северных краях опасно, чтобы в такие темные ночи и в тумане не притить к такому берегу, от которого не можно будет для противных ветров отойти».

Повторив аргументы Шпанберга, Беринг считал, что для зимовки нужно вернуться на Камчатку.

Таким образом, обоснованные и смелые советы Чирикова были отклонены. Беринг отказался идти к устью Колымы, хотя состояние льдов, очевидно, позволяло это сделать, и уже к 25 августа можно было бы достичь устья реки и удостовериться в существовании пролива между Азией и Америкой, доказав тем самым беспочвенность имевших тогда место неверных географических представлений.

Сначала Беринг пошел на уступки. 14 августа корабль продвигался на север. Открылась «высокая земля» и несколько позже высокие горы. «Св. Гавриил» находился в широте $66^{\circ}41'$, т. е. вышел в Северный Ледовитый океан, но этого мореплаватели не знали. 15 августа остановились на $67^{\circ}18'c.$ ш. и $193^{\circ}7'$ в. д. Отсюда Беринг в 3 часа пополудни решил идти на Камчатку: «Разсуждали, что по всему видимому, и по инструкции блаженные и вечнодостойныя памяти е. и. в. исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому, или восточному углу, земли никакой не подошло, и возвратился. А ежели б еще и иттить далее и случились бы противные ветры, то не можно паки того лета возвратиться до Камчатки, а на тамошней земле зимовать было б не без причин, понеже лесу никакого не имеется, а тамошней народ не под державою Российскаго государства, самовластен и союза с нашими ясашными иноземцами не имеют» (Полонский, 1850, стр. 552—553).

Шли с попутным ветром. Хорошая видимость позволяла наблюдать за берегом и точнее определить координаты судна. На следующий день открыли остров, которому было дано название остров Диомиды (на карте Чаплина он нанесен на широте 66°). Чаплин продолжает отмечать в журнале погоду, глубины, рельеф морского дна, очертания берегов. Так, 17 августа он записал: «...шли параллельно берега и видели на берегу людей не малое число и 2-х местах жилища их;

как увидели нас, побежали на высокую каменную гору... погода облачная с временным прояснением, а иногда туман наносило... в 6¹/₂ часа высокая гора от нас в 1/2 мили, от которой делается губа небольшая»¹.

20 августа к «Св. Гавриилу» подошли четыре байдарки, в которых находилось «мужского и женского полу человек с сорок». Один из них — тоен (старейшина) — мог говорить по-коряцки. Русские офицеры через толмача задали ему три вопроса: где р. Анадырь и далеко ль? Он ответил, что река «к полдню и отсюда не близко», что бывал в Анадырском остроге «для продажи моржевой кости» и русских людей знает давно. На вопрос, можно ли морем отсюда дойти до Колымы, тоен сказал, что р. Колыму знает и бывал сухим путем на оленях, что море против устья Колымы мелко, льды плавают постоянно, а «морем от нас до устья Колымского не бывали, токмо по берегу морскому Колыме далече отсюда живут люди все нашего роду». Когда же его спросили, имеются ли в море их земли или какие-либо острова, тоен подтвердил показания чукчей, с которыми русские встречались 8 августа².

На Камчатку экспедиция возвращалась прежним путем. В этом была крупная ошибка Беринга, подмеченная еще Ломоносовым: «Жаль, — писал он, — что идучи обратно, следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом конечно бы мог заметить берега северо-западной Америки» (1952, стр. 451).

2 сентября 1728 г. «Св. Гавриил» достиг устья Камчатки. Во время зимовки в Нижнекамчатском остроге велась подготовка к предстоящему плаванию к американским берегам.

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 51/об.

² ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), оп. 1, д. 87, л. 287. О встрече с чукчами Чаплин в шканечном журнале 20 августа записал: «...тогда ж увидели 4 лотки, пребущие от берега к нам, и мы стали дрейфовать для ожидания лоток. На означенных лотках приезжали к нам чукчи, которые нам сказывали, что река Анадырь от них на ближнем расстоянии к полдню». «Один сказал будто бывал в Анадырском остроге, а на Колыму реку ходим де мы на оленях, а морем не бывали, а по берегу де морскому все живут люди нашего рода гораздо далече, а иных родов людей на них нет». Чукчи «вывозили к нам мясо, рыбы, воды, лисц, песцов, всего с 15 мест, да 4 зуба моржевых, которые у них служители раскупили» (ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 52/об.; «Экспедиция Беринга», стр. 64 и 84).

5 июня 1729 г. при попутном ветре бот вышел в море и взял курс на восток «понеже Камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни можно видеть землю чрез моря». Пройдя около 200 верст, земля из-за тумана не заметила, а между тем судно находилось вблизи острова, названного впоследствии именем Беринга. 9 июня, встретив сильный юго-западный ветер, бот лег на обратный курс. 16 июня Беринг приказал идти на юг вдоль Камчатки. Корабль обогнул южный мыс полуострова (мыс Лопатка). Чаплин нанес его на карту и в журнале записал, что «1 июля в 6¹/₂ часов увидели землю между западом и юго-западом» и пошли «параллел оной. На земле горы невысокие каменные, берег к морю крут. С девяти часов пополудни шли параллел берега... земля низкая к морю, отлога местами». В 12 часов Чаплин отметил, что южный угол Камчатской земли от них находился «в полутора минутах» и что он от мыса протянулся в море почти на версту.

2 июля было пасмурно, дул умеренный ветер. «В сии сутки проплыли 70 миль на N 2°55' к W и видели оба Курильския острова». «Св. Гавриил» прошел Первым Курильским проливом, которым всегда проходили корабли, плававшие к восточным берегам Камчатки (Берх, 1823). Рано утром 3 июля корабль подошел к устью Большой реки и бросил якорь на глубине семи сажень, а когда наступил прилив, «ветер стал быть велик и канат подорвало... и якорь остался, который весом был в 10 пуд, и пошли в устье реки Большой на прибылой воде, и легли на якорь на глубине 3¹/₂ сажени... а якорь сыскать и поднять было не на чем, понеже таких судов в здешних местах не имеца». 23 июля поздно вечером «Св. Гавриил» вошел в устье р. Охоты. Так закончилась одна из интереснейших экспедиций русских на Тихий океан.

1 марта 1730 г. Беринг возвратился в Петербург. Он был вполне уверен в том, что Азия от Америки отделена проливом. Но в Петербурге вскоре после первой положительной реакции стали открыто говорить о бесплодности экспедиции, поскольку основная ее задача не была окончательно решена.

«Итак о несоединении [Азии с Америкой.— В. Д.] заподлинно утвердита сумнительно и ненадежно: к тому ж о пути подле земли морем от Оби реки до Ле-

ны и далее будто частью подле того берега и ходить [не]возможно, а в некоторых де местах и ничего неизвѣстно, и о том по тому ж утвердитца невозможно, ибо никаких достоверных не токмо карт, но и ведомостей нет». Как видно, Адмиралтейств-коллегия не отвергла заключение Беринга о существовании пролива, но считала, что возможность плавания из Северного Ледовитого океана осталась недоказанной. Следовательно, главное требование инструкции Петра I осталось невыполненным.

В своей интересной статье «Из истории открытия северо-западной части Америки» Б. П. Полевой дает новую трактовку петровской инструкции Берингу. По мнению Б. П. Полевого, экспедиция должна была будто бы идти не на север, а на юго-восток, к мифической «Земле да Гамы», изображенной на карте Гомона 1722 г. и врученной Берингу в 1725 г. Автор статьи подчеркивает, что никакой иной маршрут по этой карте был бы невозможен. И далее «именно там, на востоке, Беринг и должен был определить, сошлась ли земля, которая идет на норд» (Земля да Гамы), с Северной Америкой». Но оказывается, экспедиция действовала не так, как этого требовала инструкция. И в этом, полагает Б. П. Полевой, прежде всего был виноват сам Беринг, который «по-своему истолковал содержание инструкции: он действительно считал, что ему надлежит первоначально плыть вдоль азиатского побережья на север» (Полевой, 1967, стр. 114—116).

Всякая попытка осмыслить те или иные исторические события, факты, документы заслуживает одобрения. Вместе с тем новая точка зрения может утвердиться, если она опирается на прочную основу фактов и всесторонний анализ обстановки, в условиях которой происходило то или иное историческое событие. К сожалению, интерпретация Б. П. Полевого страдает односторонностью, она основывается лишь на отдельных фактах и документах и не учитывает всех обстоятельств, оказавших решающее влияние на главные цели экспедиции.

Беринг, как известно, зачастую проявлял излишнюю педантичность и, конечно, не мог приступить к исполнению задания, не уяснив его главный смысл. Еще в 1726 г., как уже отмечалось, Беринг отклонил пред-

ложение Козыревского о плавании к Японии на том основании, что это, по его глубокому убеждению, противоречило главной задаче экспедиции — выяснить вопрос, соединяется ли Азия с Америкой. Не только Беринг, но и Чириков и Шпанберг были убеждены в том, что перед ними поставлена лишь задача выяснить, «сошлась ли Азия с Америкой». Аналогичной позиции придерживалась Адмиралтейств-коллегия. Об этом же говорит попытка Афанасия Шестакова послать экспедицию в октябре 1728 г. на морских судах из Колымского устья в Анадырский острог¹. И наконец, задачи, поставленные северным отрядом Второй Камчатской экспедиции, были продиктованы необходимостью решения того вопроса, который был главным для Беринга.

Спустя 10 лет после Первой Камчатской экспедиции Адмиралтейств-коллегия недвусмысленно подчеркивала, что главной задачей Беринга было доказать существование северо-восточного прохода. В журнале Адмиралтейств-коллегии за 3 марта 1738 г. записано: «Понеже от Камчатки подле оного ж берега, чрез первый капитана-командора Беринга поход, было искание не имеется ли сходства (соединения) с Америкой, однако ж он доходя до 67 градусов и нескольких минут северной широты, того сходства не нашел»². Подобная мысль проходит через все документы того времени.

Известный историк М. И. Белов с полным основанием подчеркивает, что Беринг должен был установить, есть ли морской пролив «возле земли, которая идет под норд», т. е. в районе Чукотского полуострова, и тем самым «опровергнуть распространенные в западноевропейской картографии и наваянные авторами русских генеральных чертежей Сибири вымышленные утверждения о каких-то естественных преградах и «не обходимых носах» на северо-востоке Азии, могущих стать непреодолимой преградой на пути торговых кораблей» (Белов, 1969, стр. 401—402).

Крупный русский мореплавателю и ученый А. И. Нагаев, занимавшийся изучением материалов плавания Беринга в 1728 г. и других документов и карт, пишет,

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 29.

² «Материалы для истории русского флота». Ч. VIII. СПб., 1880, стр. 428.

что «...«Св. Гавриил» прошел расстояние в 1800 верст. Дойдя до точки, откуда Чукотская земля поворачивает на северо-запад, повернул обратно, так как Беринг убедился что Азия с Америкой не соединяется»¹.

В подборке извлечений из различных журналов, сделанных в 70-х годах XVIII в., имеются выписки из журнала Чаплина, которые содержат два любопытных примечания неизвестного автора: «Из чего явствует, что пролив между Азией и Америкой на переее открыт Берингом». Слева против этого примечания написано: «Из чего явствует, что пролив между Азией и Америкой открыт им совершенно, и доказано, что сии две матерые земли меж собою не соединяются»².

В. Берх пишет: «Путешествие первого и знаменитого мореплавателя нашего Беринга достойно особенного уважения. Хотя почтенный муж сей плавал 236 лет после Колумба, но имеет равное с ним право на признательность» (1823, стр. III—IV).

Все изложенное показывает, что Беринг уяснил главный замысел Петра I и действовал целеустремленно, чтобы его осуществить. И несмотря на то, что не все намеченное удалось выполнить, значение экспедиции велико.

В процессе плавания были собраны сведения о чукчах, составлена карта восточного побережья пролива, получившего впоследствии имя Беринга. Дж. Кук отмечал, что составленные экспедицией описания Чукотского мыса отличаются исключительной точностью: «Я должен воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга; наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что с теми математическими пособиями, какие он имел, нельзя было сделать ничего лучше. Широты и долготы его определены так верно, что надобно сему удивляться (Соок., 1785, в. 2, стр. 473). Добавим, что в этом была заслуга не только Беринга, но и Чирикова и других участников плавания.

Собранные экспедицией материалы показали, что ширина пролива незначительна, и это подтверждается в инструкции Жозефа (Николя) Делиля для Второй

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 9, л. 3.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23772, л. 1/об.

Камчатской экспедиции, озатлавленной «Известие о новой карте моря Восточного океана, которая сочинена для показания кратчайшей дороги из Азии в Америку»; в инструкции сказано, что между Азией и Америкой есть «только малой переезд чрез море, которой авось... легко можно было перебежать не очень большими кораблями, употребляя временем способным». «Сие мнение о дороге, весьма короткой и, может быть, не трудной между Азией и Америкой не без основания есть по показаниям господина капитана Беринга о землях близких на берегу Азии к норд-осту, которой он переездил в своем первом походе между параллелями 56 и 67 градусов»¹. На основании первых наблюдений участников экспедиции Беринг, как сообщает Делиль, сделал следующие выводы:

1. Что удаляясь от сих берегов нашел он только малую глубину и волны низкие, каковы обычно бывают в узкостях моря, гораздо различные от высоких волн, которые бывают при берегах положенных к морю очень пространному.

2. Что нашел он сосны и другие деревья, вырванные из корени и принесенные ветром оста, каковы не растут в Камчатке.

3. Что узнал от коренных жителей, что восточный ветер может пригнать льды в два-три дня, в то время как требуется четыре-пять дней для западного ветра, чтобы их отогнать от северо-восточного берега Азии.

4. Что некоторые птицы порядочно на всякий год в те же месяцы прилетают от стороны оста и, проводивши несколько месяцев на берегу Азии, возвращаются опять так же порядочно в обычное время»².

Во время плавания 1728—1729 гг. с самой лучшей стороны проявил себя Чириков, сыгравший в экспедиции видную роль. К сожалению, имя Чирикова долгое время было предано незаслуженному забвению, но за последние двадцать лет советские ученые немало сде-

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 208.

² ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 209. А. П. Соколов опубликовал этот документ в своей работе «Северная экспедиция 1733—1743 года» (Записки гидрографического департамента. Ч. IX. СПб., 1851), но он не дает указаний на источники; имеются разночтения и в переводе текста. Пункт 3 дается в переводе А. Э. Волюнской.

образом, А. И. Чириков высказал научное требование, осуществленное лишь столетием позже» (Лебедев, 1950, стр. 97).

Не менее ярко проявил научную дальновидность Чириков, доказывая возможность зимовки против Чукотского Носа. Аргументируя свои положения, Чириков ссылался на «скаску» Петра Татаринова. Д. М. Лебедев, произведя сравнение ссылки Чирикова на Татаринова с текстом «скаска» Петра Попова, посетившего в 1711 г. Чукотку и сделавшего сообщение о находящихся против Чукотки островах и «Большой Земле», пришел к выводу о том, что упоминаемый Чириковым Татаринов есть тот же Попов. Этот вывод представляет несомненный научный интерес. Дело в том, что «скаска» Попова была опубликована лишь в 1736 г. Следовательно, Чириков познакомился с этим документом в подлиннике. «Это служит доказательством того,— отмечает Д. М. Лебедев,— что перегруженный текущими делами экспедиции, он производил сам научные изыскания, изучил и правильно оценивал материалы, относящиеся к северо-востоку Азии и прилегающим водам Тихого и Ледовитого океанов. Другими словами, он проявил качества настоящего ученого».

Адмиралтейств-коллегия отмечала, что Чириков, «будучи во оной экспедиции також и в других, где он употреблен был командах... показывал себя тщательным и исправным, как надлежит искусному морскому офицеру»¹.

Огромную роль экспедиция сыграла в развитии отечественной и мировой картографии. Беринг представил три карты: 1) карта России Беринга, 2) карта с изображением пути от Тобольска до Охотска (она была послана из Охотска в июне 1727 г.), 3) итоговая карта была приложена к отчетам В. Беринга². Все эти карты были составлены П. Чаплиным. На итоговой карте Чаплина с большой точностью были нанесены северо-восточные берега Азии и различные пункты Сибири, изображавшиеся ранее с ошибками.

¹ «Материалы для истории русского флота». Ч. VII. СПб., 1879, стр. 520.

² Подлинник итоговой карты еще не обнаружен (Греков, 1960, стр. 343).

Бесспорный интерес для этнографов представляет изображение размещения на итоговой карте различных народностей, населявших восточную часть Сибири.

Карта Чаплина сразу же привлекла внимание не только русских, но и зарубежных ученых. Уже в 1732 г. д'Анвиль, получивший от Жозефа Делиля копию карты, положил ее в основу собственной. Д'Анвиль писал, что это была карта Чаплина. Она была напечатана французским географом дю Гальда. В 1737 г. д'Анвиль опубликовал карту в своем атласе Китая¹. Наличие на Западе множества копий чаплинской карты указывает на огромный интерес, который проявляли европейские ученые к русским географическим открытиям в северо-восточной части Тихого океана. Несмотря на то что категорически запрещалось оглашать результаты экспедиций, сведения о них все же проникли на Запад.

Об этом свидетельствует и то, что датская газета перепечатала сообщение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 16 марта 1730 г. об итогах Первой Камчатской экспедиции. В сообщении говорилось, что Беринг на двух судах, построенных в Охотске и Камчатке, совершил плавание к северо-восточной стороне и достиг 67° 19' с. ш., «и тогда он избрал, что тамо подлинно северо-восточной проезд имеется; таким образом, что из Лены, ежели бы в северной стороне лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки, и тако далее до Япана, Хины и Ост-Индии доехать возможно было»². В этом сообщении совершенно определенно высказано мнение о том, что северо-восточный проход открыт, и, следовательно, появилась возможность прямого плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий (Греков, 1960, стр. 38, 342, прим. 37).

¹ Миллер сообщает, что д'Анвиль приобрел к китайскому атласу дю Гальда карту Беринга. Она основана на наблюдениях ученых экспедиции Беринга во время путешествия от Тобольска до Камчатки. «А вдоль камчатских, коряжских и чукотских берегов была она образцом в его кораблеплавании, во время которого имел он сии берега в безпрестанном виде. Статский советник Кирилов взял своей Российской генеральной карты, изданной в 1734 г., которой следовал уж и... проф. Газиус при сочинении своей генеральной карты» (ИГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), д. 537, л. 6/об.).

² В том же году копенгагенская газета «Nye Tidende» дала краткое изложение заметки, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Известия об открытиях русского флота попадали за границу различными путями. Так, карту Беринга Деллиль передал д'Анвиллю, ее копию уже в 1733 г. получил голландский посол Зварт, а в 1747 г. — английский посол Гиндфорд. Имелись копии карты в Швеции и во Франции.

Итоги экспедиции привлекли внимание и немецких ученых. И. Б. Шерер перевел с русского на немецкий язык журнал первой экспедиции Беринга и снабдил его своими примечаниями. На полях против абзаца о религиозных верованиях якутов Шерер с восхищением писал об их искусстве. «Я отдал в числе моих идолов его прев-ву фон Дюрану такого шайтана. Он изготовлен из одного древесного корня и представляет собою исключительную редкость»¹.

К словам Беринга о его поездке на лошадях из Якутска в Охотскую крепость на полях сделано следующее примечание Шерера: «Под словом крепость не следует представлять себе правильную цитадель, так как от Москвы до Урала и до Ледовитого океана еще нет ни одной цитадели; однако в Сибири имеется несколько крепостей, состоящих лишь из небольшого вала, внутри которого находятся палисады, так устроены крепости по всей России». Шерер пишет о больших богатствах Камчатки и Америки, где «встречаются целые горы самородной меди..., содержащей золото подобно всей сибирской меди». Он выражает уверенность, что там еще найдется много драгоценностей. Кроме того, рассуждает Шерер, обилие лесов в Америке позволит построить «величайший флот, который будет содействовать развитию обширной торговли. При этом нельзя забывать о прекрасной ловле китов и трески». Все это, по мысли Шерера, не может не привлечь внимание западноевропейских держав. Против слов Беринга о добычании его подчиненными смолы из лиственниц следует примечание Шерера. «Эти лиственничные деревья — превосходный материал для судостроения, и вся Америка напротив Камчатки настолько изобилует ими, что встречаются леса, где из-за густоты солнца не видно». О чукчах Шерер пишет, что они «одеты как северные американцы и походят на них нравами и обычаями; живут порядочно и отдают за железо и другие мелочи все, что имеют».

Говоря о том, что торговля с народами, живущими по берегам Амура, была бы очень доходной, так как там много золота и серебра. Шерер перечисляет разные названия реки Амур. Для тунгусов она — Амур-река, Шилка и Кхара-Муран, маньчжуры называют ее Сагалин-Ула. «Из этого разнообразия обозначений происходит то, что господа географы себе иногда совсем другие земли под ними представляют, путаясь в разных названиях». У устья Амура «лежит большой остров Шантар длиной в 400 верст, шириною в 100 верст; на нем множество волков, медведей, лисиц, соболей и металлов».

Таким образом, в России и за ее пределами внимательно изучали итоги Первой Камчатской экспедиции, обогатившие науку новыми данными о северной части Тихого океана, но еще не давшие достаточных материалов для безоговорочного ответа на главный вопрос, сошлась ли Азия с Америкой.

Глава 3

Экспедиция Шестакова и Павлуцкого

~~Данные о богатствах Сибири~~ русское правительство получало от местных властей. Так, сибирский губернатор, князь А. Черкасский, в июле 1722 г., ссылаясь на служилых людей, совершивших плавание по Восточному и Северному морям, сообщал, что около Камчатки находятся «многие острова и иные пустые, а другие многолюдныя также в Анадырском и других носгах — непокоренных под Российскую державу иноземцев», что немало людей «самоохотно в выше означенные места для ссыску новых земель и островов и для покорения иноземцев, позволения к отпуску себя просят»¹.

В связи с этим следует подробно остановиться на экспедиции якутского казачьего головы Афанасия Шестакова. Он появился в Петербурге вскоре после отправки экспедиции Беринга на Камчатку. Это был че-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18085, л. 7.

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 6.

ловек сильной воли, большого практического опыта, но вместе с тем грубый и властолюбивый. Он был неграмотен, но много знал о Сибири и Дальнем Востоке: «...о тех странах коими ехал, о реках кои ему на пути попадались или о каких слышал от других. Сие при нем изображали на картах такие люди, которые писать знали» (Миллер, 1758, стр. 199).

Одну из таких карт доставили в Петербург под названием карты Шестакова. Она была несовершенной (давала извращенное изображение Чукотского мыса и противоположащих островов) и, по выражению Г. Ф. Миллера, «есть же и в рассуждении других мест тамошней страны весьма недостаточна»¹.

Во время своего пребывания в Якутске Миллер получил четыре карты Шестакова, однако «не решался ими пользоваться за исключением тех случаев, когда они подкреплялись другими, более достоверными сообщениями». Далее, сравнивая карту Шестакова с картой Ивана Львова, Миллер явно отдает предпочтение последней, как более подробной и точной. Значительная часть записки посвящена перечислению устных и письменных сообщений о «Большой Земле» и подробному описанию чукчей; причем на полях Миллер указывает номера дел из архива Якутской Приказной избы, откуда он почерпнул эти сведения.

Однако, несмотря на неточность, на карте Шестакова, пусть примитивно, но были показаны «Большая Земля» восточнее мыса Дежнева, группы островов против Анадырского залива, остров [Св. Лаврентия] с надписью: «На этом острове против Анадыря много жителей», Курильские и ряд японских островов. Карта содержит и краткие сведения экономического характера. Так, у острова Карагинского (на карту он нанесен против устья р. Камчатки) имеется надпись: «Его жители называются карги, они независимы и имеют много животных», против острова Кунашир: «Сюда приезжают на судах с Матмай торговать в обмен всякого рода товарами, тканями, котлами, соболями, лисицами, которых меняют на орлов и их перья», около одного из островов в Охотском море: «Медвежий остров, на нем много соболей».

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 530, д. 17, л. 1—2.

Сравнивая карту Шестакова с предшествующими, историк Л. Брейтфусс писал: «Однако более точное, хотя в некотором роде и странное отображение северо-восточной Азии стало известно лишь после 1726 г., когда в Санкт-Петербурге появилась карта, изготовленная казачьим головой Афанасием Шестаковым. На ней была воспроизведена Камчатка¹, а в северной части имеется упоминание о Большой Земле, то есть Америке и Курильских островах, в соответствии с описанием Евреинова и Лужина» (Breitfuss, 1939, р. 98).

Шестаков был уверен, что в недрах сибирских и дальневосточных земель таится много богатств. Поэтому в бытность в Петербурге он «письменно требовал пробирного мастера для обследования Курильских островов, которые имеются между Камчатки и Японского государства, а иные против Амурского устья»². Сославшись на показания японцев, попавших в 1710 г. на Камчатку, Шестаков уверял, что на тех островах имеются «подземельные сокровища»³.

Шестаков просил разрешения не только «итти с партией на Камчатку для усмирения и покорения тамошних немирных народов и сыскания в подданство новых земель и островов», но и обследовать западное побережье Охотского моря и лежащие против него Курильские острова, найти прямой путь из Удского острова через Охотское море к западному берегу Камчатки и Курильским островам и наладить плавание от южнокамчатского мыса Лопатка до Анадыря, а также к берегам «Большой Земли», лежащей против Чукотской земли.

Проект Шестакова был горячо поддержан обер-секретарем сената И. К. Кириловым, 18 января 1727 г. сенат направил Анне Ивановне доношение, в котором подведены итоги продвижения русских на Дальний Восток и намечены пути его экономического освоения, причем отмечается, что Якутск, Иркутск, Нерчинск, Селенгинск и другие, хотя и являющиеся отдаленными местами, «однако оныя умножились русскими людьми, то

¹ Необходимо отметить, что на картах С. У. Ремезова, составленных ранее (напр., в 1713—1715 гг.), Камчатка была уже показана, хотя и примитивно, но достаточно реалистично.

² Имеются в виду Шантарские острова и остров Сахалин.

³ ЦГАДА, ф. сената, д. 664, л. 88.

ныне за середину Сибири причесться могут», а дальние, недавно открытые за Якутском земли, «лежащая к морям Северному и Восточному и Камчатка, где многие остроги уже построены и иноземцы в подданство и платеж ясачной покорены, как то значит во учиненной ланткарте. Однако ж за малолюдством из Якуцка, посылаемых служилых людей иныя покоренныя иноземцы изменяют и служилых людей побивают, а другие сыскиваются и вновь в подданстве не бывшия»¹. Сенат высказал ряд предложений по приведению в подданство России новых народов, открытию морского пути в Японию и укреплению положения России на Дальнем Востоке. Отмечалось также, что прилегающие к ее дальневосточным владениям земли «ни у кого не подвластныя и к содержанию к владению под Российской державою нетрудныя». Подчеркивая важность приобретения новых земель, сенат отмечал, что в тех местах «соболь и протчей зверь родитца и оттуда вывозитца». Поскольку установление прямых торговых связей с Японией могло принести большую пользу казне, выдвигалась идея о целесообразности посылки специальной экспедиции для отыскания морского пути к японским островам.

Предлагалось также построить на Дальнем Востоке новые остроги, послать из Томска, Енисейска и Красноярска служилых людей, держать там полк численностью в 400 человек, а Шестакова с товарищами «к тамошним местам заобычных» отправить из Якутска, поручив ему «иноземцов, кои были в подданстве и изменили, и которые еще в подданстве не были, чтобы оных в ясачный платеж привести»².

При этом, учитывая обстоятельства внешнеполитического характера, сенат рекомендовал прежде всего «утвердить те места», которыми уже российское владение было и кои народы на Камчатке и в других тамошних местах еще были не покорены, а не утвердя одного, на острова морския не ходить и острогов на них не строить, но разведав об них подлинно, какие на таких островах народы под чьими владениями и торги с кем имеют ли и чем», причем на вновь открытые ост-

рова «посылать только для уговаривания добровольно в подданство и збору ясачного».

~~Для одаривания местных князцов рекомендовалось снабдить Шестакова сукном, оловом, иглами, корольками (бусами), а взамен получить соболей и других зверей «ценою с излишеством» и все это отдать в казну «без утайки, опричь того, что обыкновенно ясак собирается».~~

Большой интерес вызвало сообщение Шестакова о Шантарских островах и о землях, расположенных вдоль многочисленных рек, впадающих в Охотское море (в документе Восточное): «Понеже, Шестакова скаскою объявил, что на Уде реке, коя впадает в Восточное море, в остроге бывало служилых людей человек по сту, а ныне только пятнадцать человек; а около де того острогу лутчей соболинный промысел, и чтоб оной острог дополнить людьми, также перевезть с Учурь реки из Тондорского и Буталского зимовья, да с Май реки и с Майского зимовья ясачных людей и аманатов, представляя, что те яшашники промышляют соболи и живут около Удского острогу, а в означенныя зимовья возвращаютца назад с трудом, а иныя и на дороге продают. А кои иноземцы живут по Алдану, тех к збору приписывать в Буталскую волость; да на Шантарские пустые острова, кои против Уди реки, и соболей и лисиц на них довольно, послать бы уговоря иноземцев человек десять и служилых людей охотников на первой случай человек двадцать»¹.

Обосновывая важность установления надежной связи с Охотском и Камчаткой, сенат опирался на донесение бывшего якутского воеводы Я. А. Елчина, еще в 1718 г. убедительно показавшего «великие неудобства прежнего пути от Якутска до Камчатки» и в другие приморские места, идущего «через Верхоянск, Индигирск, Алазейск и Колымские остроги». Поэтому Елчин предложил более безопасный и на тысячу верст короче путь до Охотска, от которого можно достичь Камчатки не более чем за четверо суток. Для этого, однако, необходимо было точно определить расстояния, обозначив их дорожными знаками, и «построить в пристойных местах зимовия». Сенат согласился с тем, чтобы

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 7.

² Там же, л. 9/об.

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 13.

артиллерию, провиант, материалы (для строительства кораблей и пр.) отправить вниз по р. Лене, Алданом, Маей и Юдомой до Юдомского волока, отсюда до р. Урак груз перевозить лошадьми, а затем переправить по Ураку до моря. Весьма важным признавалось предложение Елчина относительно плавания по Амуру. Движение от Нерчинска до Амурского устья могло стать самым удобным и дешевым. Поскольку в тех условиях поддерживать связь с Камчаткой можно было только посредством дороги от Якутска до Охотска, сибирскому губернатору предлагалось «приложить старание, дабы показанной путь как возможно учредить и во удовольствие проезжающих зимовья и другие пристойные по возможности строение сделать».

Все грузы сенат рекомендовал отправлять водой до Юдомского волока, а зимой перевозить на лошадях к р. Урак, а затем сплавлять в Охотск. Однако в связи с тем, что освоение этого пути требовало развития в районе волока и в других местах земледелия, считалось необходимым послать ржаного и ярового хлеба на семена, «хотя по малой части в Юдомском волоку и Удского также в Камчатке опробовать и где и с тех мест может родитца, то старатца о размножении пашни и севу».

Шестакову вменялось в обязанность установить связь с Берингом, и «когда будут в действе, тогда, где случай допустит, с ним, капитаном сноситца и в потребных случаях друг другу помогать».

Поскольку обширное задание Шестакову могло быть выполнено при условии привлечения в экспедицию военных моряков, сенат просил «для морского ходу отправить из Адмиралтейства штурмана, подштурмана, да матрозов добрых десять человек, выбрав из сибиряков же, и с ними компасов 10 или 15 с принадлежностями, чтобы могли оные штурманы и матрозы в Западном и Восточном морях в потребных случаях на судах, кои там ныне есть, или впредь сделают, с означенными служилыми людьми ходить», а также послать учеников или подмастерья, который мог бы сделать боты или шерботы «для безопасного на море ходу».

Для развития мореплавания на Дальнем Востоке требовались не только люди, которые могли бы управлять судами и вести научные наблюдения, но и кузнецы,

плотники, конопатчики и прочие специалисты. Где взять таких мастеровых людей? Вот задача, которая была поставлена перед сибирским губернатором. «Ежели в Якуцке, — говорится в доношении сената, — таких мастеровых людей в служилых людях нет, то выбрать в других городах во определенное четырехсотное число рекрут и солдат».

Придавая большое значение дальнейшему изысканию серебряных руд, «разных видов камня, между которыми есть яшма и яхонтовая корка и прочие», сенат считал, что Берг-коллегия должна с партией Шестакова направить из Петербурга или из сибирских заводов рудознатца и пробщика.

Указ об организации новой экспедиции последовал 23 марта 1727 г. В его основу были положены резолюции верховного тайного совета, состоящие из шести пунктов, совпадающие с предложениями сената от 18 января¹.

Таким образом, новой экспедиции на Дальний Восток ставились более широкие задачи, чем Первой Камчатской экспедиции. Отправляя Беринга на Камчатку, Петр I, как свидетельствует И. К. Кирилов, считал, что он «только одно известие, соединяется или не соединяется Америка, привезет, а о интересе' настоящем от него ожидать нечего», поэтому царь «искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить»².

В июне 1727 г. Шестаков выехал из Петербурга в Охотск. В Тобольске к нему присоединился капитан Д. Павлуцкий с отрядом в 400 казаков. В команду Павлуцкого были назначены М. Гвоздев, штурман Я. Генс, подштурман И. Федоров, 10 матросов, а также ботовый подмастерье Иван Спешнев для руководства постройкой судов в Охотске.

Из Тобольска Гвоздев и Федоров выехали в Охотск, куда прибыли в 1729 г. Здесь в это время участники экспедиции собственными силами построили два бота «Восточный Гавриил» и «Лев». В распоряжение Шестакова были переданы суда Беринга: шитик «Фортуна» и бот «Св. Гавриил».

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 18—21; ПСЗРИ, т. VII.

² Проект И. К. Кирилова (Ефимов, 1950, стр. 289—290).

Однако постоянные раздоры между Шестаковым и Павлуцким тормозили ход подготовительных работ, и это вынудило Тобольскую губернскую канцелярию издать указ, в котором говорилось: «А что вы, Павлуцкой и Шестаков, еще не вступая и в партию [экспедицию], исполняя свою злобу, пишете друг на друга о непорядках и несогласии, которыми своими непорядками и безделными препятствиями чините означенной партии продолжение и остановку, от которой остановки е. и. в. интерес есть не без убытка, а обретающейся при вас свите не без излишней трудности, чего вам — капитану и Шестакову — впредь отнюдь не чинить»¹.

Одновременно «под опасением жестокого истязания» приказывалось ускорить отправку экспедиции, а Шестакову и Павлуцкому все вопросы решать по общему согласию: «Ежели кого за вины надлежит штрафовать, и тех людей наказывать, по коих мест ты капитан и Шестаков будете в одном месте обще, а одному ему Шестакову как штурмана, так и прочих служивых людей бить без согласия твоего, капитанского, весьма не подлежит, понеже ты, капитан, по силе вышепомянутого указу, числился первым командиром, а он, Шестаков, — вторым»². Можно полагать, что распри между Шестаковым и Павлуцким в известной мере объясняются тем, что, по мнению местных властей, экспедицию должен был возглавлять Павлуцкий, а согласно императорскому указу — Шестаков.

В 1729 г. Шестаков отправил из Охотска часть партии во главе со своим племянником дворянином Иваном Шестаковым на боте «Св. Гавриил», оставленном Берингом. На «Фортуне», построенной сыном боярским Галкиным, Шестаков послал сына своего Василия с

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 71—72.

² Еще 28 октября 1728 г. Афанасий Шестаков в соответствии с царским указом повелел Василию Шипицыну, Лариону Бубялину, Игнатию Востренкову «итти из Якуцка в Зашиверской острог и в Колымские зимовья и в Анадырской острог; и прибыв в Колымские зимовья, взяв промышленника Ивана Вилегена, и по согласию с ним исправление иметь, и построя морское судно отправитца с устья Колымского в морской поход и смотреть морских островов и Землю, которая называется Большая» (ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 29/об.). Этот факт служит убедительным доказательством того, что вопрос о возможности плавания из Северного Ледовитого океана являлся главнейшим.

двадцатью русскими людьми в Большерецкий острог, а сам на боте «Восточный Гавриил» отплыл к Тауйскому острогу, куда велел прибыть Гвоздеву и Спешневу, а затем следовать к корякам и ждать его. Однако Спешнев и Гвоздев «за великими пургами к нему не бывали» и возвратились в Тауйск, а Шестаков с командой, в которой находилось более ста тунгусов, в 1730 г. отправился в путь. Пройдя почти всю коряцкую землю, они взимали ясак с неясачных еще коряков и брали аманатов. Выяснилось, что незадолго до этого на коряков напали чукчи. Шестаков решил преследовать их, и в бою «его Шестакова с человеки с пятидесятью побили те чукчи и ушли в свою землю».

После гибели Шестакова¹ экспедицию возглавил Павлуцкий. Обстановка требовала принятия срочных мер, и Павлуцкому было приказано немирных иноземцев в подданство России приводить, но «войною на них не ходить»².

Глава 4

Гвоздев и Федоров — первые из европейцев у берегов северо-западной Америки

Получив известие об убийстве Шестакова, Павлуцкий 26 апреля 1731 г. приказал Я. Генсу, И. Федорову, И. Спешневу и М. Гвоздеву взять в Охотске, если «иметца, оставшее судно от капитана Беринга и на том судне из Охотка идти со служивыми людьми на Камчатку, а с Камчатки морем быть к нам, в Анадырский острог в немедленном времени», а если такого судна не окажется, то «усмотря, как способнее, ехать к нам в самой скорости». Генс должен был набрать матросов в Охотске и иметь над ними команду.

В приказе Павлуцкого, посланном в октябре 1730 г. Генсу и Федорову, предлагалось взять на Камчатке

¹ 7 апреля 1731 г. мастер пробирных дел Гардебол писал из Охотска сенату о необходимости посылки экспедиции на Курилы и в другие места, выражая готовность возглавить ее без Павлуцкого, находившегося в то время в Анадырском остроге (ЦГАДА, ф. сената, д. 664, л. 89).

² ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 28.

матросов, Ивана Шестакова со служилыми людьми, морехода Прокопия Нагибина, служилого при нем Никиту Шевырина, прежних мореходов, плававших с Берингом, и «во всем... иметь з дворянином Шестаковым общее согласие, без всякого между собою препятствия, и врученное вам дело управлять с общего согласия вкупе, а не самовласно всяк собою, чтобы от такого вашего несогласия между вами чего напрасно не произошло». Кроме выполнения научного задания экспедиция должна была привести в подданство России туземные народы, собрать с них ясак, а также вести промысел. Казаку Петру Шестакову вменялось в обязанность получить в Якутской воеводской канцелярии денежную казну, на Анааторской переправе провиант и возвратиться в Охотск. И. Шестакову было поручено собрать матросов, солдат, служилых людей, оставшихся от команды А. Шестакова, а также захватить артиллерийские припасы, после чего следовать из Охотска в Анадырский острог «без всякого замедления»¹.

~~19 сентября 1730 г. Гвоздев и Федоров на боте «Св. Гавриил» под командой штурмана Генса вышел из Охотска в Большерецк, куда прибыли 25 сентября; и только в июле 1731 г. достигли устья р. Камчатки. Отсюда моряки направились в Нижнекамчатск. К сожалению, эти плаванья оказались мало полезными»².~~

В Нижнекамчатском остроге началась подготовка к дальнему плаванью. Генс обратился в ясачную избу с просьбой выделить для экспедиции 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, толмачей Андрея Орлина, Евдокима Варыпаева, Спиридона Перебьяшина, Федора Зырянова, Михаила Жарованова, но оказалось, что в остроге «никаких припасов и кормов не имеетца», так как в «Камчатском устье и Камчатке реке и по посторонним речкам рыбе недоход, и кормов рыбных упрямьслить не могли, и питаютца де оные люди и иноземцы с великою нуждою малинкою рыбкою хахалчею»³. Од-

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 75.

² Спустя восемь лет Гвоздев, будучи в Тобольске, сообщил, что описи и карты не велись из-за болезни Генса и Федорова. ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 24, л. 587/об.

³ Хахальча — «есть род нашей рогатки, от которой отличается тем, что по бокам у нее по одной продолговатой чешуйке, которыми она одета как панцирем» (Крашенинников, 1949, стр. 299).

нако было обещано снабдить ржаной мукой и, если удастся, выделить толмачей.

20 июля 1731 г. предполагалось выйти в море, но в связи с восстанием камчадалов Генсу было приказано вначале усмирить их, а затем уже идти к островам. Вскоре Генс заболел, и начальником экспедиции был назначен подштурман И. Федоров, а для поисков серебра, яшмы, яхoitовой корки — мастер пробирных дел голландец С. Гардебол. Научной частью должен был вестать М. Гвоздев.

Павлуцкий разработал программу научных исследований. Она учла также вопросы, возникшие в результате Первой Камчатской экспедиции, и прежде всего — какие люди и откуда приплывали к кораблю Беринга, когда он в 1728 г. находился у берегов Чукотского полуострова. «Велено нам, — писал в своем рапорте от 1 сентября 1743 г. Михаил Гвоздев, — обще со штурманом и подштурманом [итти] на боте «Гаврииле» кругом Камчатскому носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая Земля», и проведать, какие там живут люди, «осмотреть и вновь прискивать и ясак брать с таких, с которых ясаку в сборе не бывали, потом ныне иметь крепкое старание».

Наступила весна 1732 года. Моряки спешно заканчивали последние приготовления к дальнему плаванью, по путям еще никем не изведанным. Мореплаватели не располагали даже элементарной картой района предстоящего путешествия. В состав экипажа включили участника Первой Камчатской экспедиции опытного морехода Кондратия Мошкова.

Между Федоровым и Гвоздевым начались разногласия, усугублявшиеся, вероятно, еще и тем, что первый хорошо знал морское дело, а второй, хотя и обладал теоретическими познаниями, практического опыта в мореплаваннии не имел.

23 июля 1732 г. «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатки. На его борту находилось 39 человек. Через четыре дня корабль миновал Камчатский Нос, 3 августа он достиг устья р. Анадырь, откуда двинулся для «взыскания островов». Было решено следовать к тому острову, у которого был Беринг в 1728 г.: «Через оногo морехода [Мошкова] пошли того острова искать, и пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне 5 дня ав-

густа». Это, вероятно, был южный берег мыса Дежнева.

Из-за наступившего штиля продолжать плавание было невозможно, и во время вынужденной десятидневной стоянки занялись обследованием побережья. Гвоздев на шлюпке отправился за пресной водой. Берег поначалу казался пустым, но вскоре появилось стадо оленей и два человека, которые сразу же скрылись.

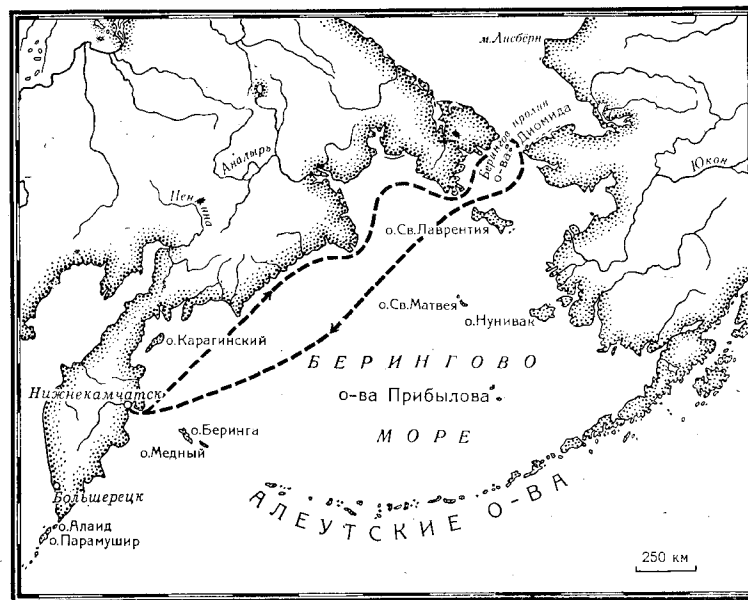
6 августа из залива вышли две байдары, в каждой находилось по два человека. Через переводчиков их стали приглашать на бот, «но токмо от них ответу никакого не было и посмотри на судно уехали на берег». На следующий день Гвоздев с группой матросов снова отправился в небольшой залив, на берегу которого обнаружил лишь две старые пустые юрты из китовых костей.

Ранним утром 8 августа задул попутный ветер. Курс корабля прокладывали к «Большой Земле» — главной цели экспедиции, но уже 13 августа из-за штилевой погоды бот отдал якорь к югу от мыса Дежнева. На берегу виднелись юрты. Гвоздев направил к чукчам служилого человека с переводчиком, но те заявили: «Мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем» — но все же просили прислать к ним приказчика, которому будут платить ясак парками¹. Гвоздев послал еще одного служилого — Пермякова. У него попросили ножик, обещав взамен кунью парку. Тем временем старейшина сказал: «... какой-де с нас ясак просите, я де у родников самый большей и ими владею, какой-де вам ясак и мы имели бой с капитаном [Павлуцким], а вы-де нас не во время застали и замаховался копьём на толмача» (Ефимов, 1948, стр. 246).

Вооруженное столкновение с отрядом Павлуцкого в прошлом году, несомненно, было причиной недоверия, с которым чукчи встретили моряков «Св. Гавриила». За время своего пребывания на берегу Гвоздев заметил, что жители питаются мясом китов и моржей, «понеже у них иных никаких кормов кроме того не видал», и что лесу здесь нет, а «токмо одна тундра».

Вскоре штиль сменился благоприятным ветром, и 15

¹ Парка — верхняя одежда северных народов, сшитая обычно из оленьих шкур мехом наружу.



Плавание И. Федорова и М. Гвоздева в 1732 г.

августа «Св. Гавриил» двинулся в путь. 16—17 августа осматривали остров, очевидно, это был остров Ратманова.

Тем временем снова заштилело, и «Св. Гавриил» вынужден был вернуться к берегам Чукотки. На Чукотском Носу были замечены юрты, а на горизонте байдары. В каждой из них находилось около двадцати человек. Они рассказали, что живут на Чукотском полуострове, и назвали себя зубатыми чукчами. Как заметил Л. С. Берг, бот «Св. Гавриил» находился у мыса Дежнева, около эскимосского селения Нуукан.

Задул ветер, и корабль под всеми парусами направился к острову Ратманова. Когда шлюпка под командой Гвоздева подходила к острову, эскимосы неожиданно «стали по нас из луков стрелять и мы против их противления выстрелили из трех ружей и велел толмачу спрашивать об них какой народ», — писал Гвоздев. Островитяне ответили, что они чукчи, что их «родники»

«пошли с оленными чюкчами против капитана биться и там де их всех побили».

Сведений о «Большой Земле» добыть не удалось кроме того, что там живут «наши же чюкчи» и что юрты свои они покинули. Убедившись, что к ним пришли без злого умысла, островитяне охотно поддерживали разговор.

Выйдя на берег, моряки обнаружили устроенные в земле две деревянные юрты, а в них моржовое и китовое мясо. На южной стороне острова находилось около двадцати юрт. Попытка склонить жителей платить ясак была безуспешной.

20 августа корабль подошел ко второму острову (Крузенштерна), находящемуся от первого в полумиле. Оказалось, что он меньше первого и обитаем. 21 августа с попутным ветром «Св. Гавриил» двинулся к «Большой Земле» — к мысу Принца Уэльского.

Исторический факт достижения русскими моряками американского берега М. С. Гвоздев описал так: «Августа 21 дня пополуночи в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы распустили и пошли к Большой Земле и пришли ко оной Земле, стали на якорь и против того на земле жилищ никаких не значилось, и подштюрман Иван Федоров приказал поднять якорь. И пошли подле земли к южному концу. У южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы и ко оному жилью за противным ветром в близость подойти невозможно и пошли подле земли по южную сторону и стало быть мелко и дошли до семи и до шести сажен и от того места возвратились назад и пошли в бейдевен, чтобы не отделять от оной земли и стал быть ветер приземной крепкой от N и подштюрман велел курш держать SW и таким крепким ветром отошли от берегу и пришли к четвертому острову августа 22 дня»¹, т. е. к острову Кинга (64° с. ш.), вблизи Аляски.

Наконец моряки оказались на долгожданной земле. На картах это было белое пятно, и разгадка его тайны была единственным желанием отважного экипажа. Бот шел вдоль берега на юг, но вскоре задул сильный северный ветер, и штурман взял курс на северо-запад.

¹ Рапорт М. Гвоздева М. П. Шпанбергу от 1 сентября 1743 г. (Ефимов, 1948, стр. 247—248).

22 августа «Св. Гавриил» подошел к острову, однако «за великою погодою у оного острова на якорь стать было невозможно». Разыгралось волнение, бот потерял управление. Некоторые матросы в связи с поздним временем предложили возвратиться, на что Гвоздев ответил: «Имеется подштюрман... понеже он в морском хождении один имеет власть и ему предлагайте, а мне без его согласия возвратиться нельзя».

Тем временем к боту подошел чукча на малой лодке — кухне, целиком сделанной из кожи, с кожаным верхом. Даже при большом волнении вода не могла попасть в лодку, имевшую отверстие только для одного человека. Сверх платья чукча носил сшитую из китовых кишок рубашку, соединенную с лодкой. Она закрывала руки и голову. Любопытно, что на кухне был привязан «великий пузырь, надутый для того, чтобы морской волной не опрокинуло кухни»¹.

Как только чукча отвалил от бота, к Гвоздеву подошли служилые люди Ефим Пермяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев «с товарищами и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже-де кормов у них малое число також де и не могут из судна воды уливать».

Служилые люди обратились к Гвоздеву возможно потому, что находились под его командой и должны были ему помогать в научных исследованиях, Федоров же был командиром корабля. По-видимому, Федоров и Гвоздев имели равные права. Это подтверждается ответом Гвоздева: «Я на то им сказал, что мне возвратиться без обчего согласия с подштюрманом нельзя».

Запасы продовольствия были на исходе, и дальнейшая задержка могла привести к тому, что результаты плавания безвозвратно пропали бы для науки. «Матросы, мореход и служилые люди подали нам с подштюрманом прошение за своими руками, которые, объявля многие свои нужды, просили, чтоб для их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку». 28 сентября «Св. Гавриил» вошел в устье р. Камчатки.

Во время похода Гвоздев и Федоров вели журнал, который был отослан в Охотскую канцелярию Гвозде-

¹ Аналогичные лодки, как свидетельствуют записи Чирикова, имели и алеуты.

вым 22 июля 1733 г. Отсутствие согласия между ними отразилось на полноте сведений и затруднило составление карты плавания. С чувством обиды Гвоздев писал, что на основании журнала невозможно было сочинить карты, «ибо я от начал как пошла с Камчатки, ко оному журналу означенным подштюрманом Федоровым допущен неведомо для чего двои сутки писал», но затем записи геодезиста, сделанные во время многих вахт, в журнал не были внесены. По возвращению на Камчатку Гвоздев обратился с письмом к Федорову, чтобы совместно внести исправления в журнал и карту, подштюрман и сам же исправил журнал и «к сочинению ланкарты его Гвоздева не допустил»¹.

Об отсутствии делового сотрудничества между Гвоздевым и Федоровым свидетельствует рапорт Гвоздева Шпанбергу: «Чего ради... ноября 10 дня 1732 года к нему, Федорову, послано от меня было письмо, в котором писано, чтоб ему обще со мною объявленной журнал и лан-карту, в каких местах были и что видели исправить, токмо он Федоров не токмо журнал исправил, но и к сочинению лан-карты меня не пустил».

В ответном письме от 28 ноября Федоров писал: «Известен де я и сам, что послан он из государственной Адмиралтейской коллегии не для сочинения лан-карты, на подштюрманской должности для морского ходу, и по той их штюрманской должности сочиняются карты морские, а не лан-карты, а я и он к своему делу в поможение никакого на море не требовал и вперед никакого не требует от других рангов, которые морского обхождения не знают, тако ж их штюрманской должности».

Михаил Гвоздев сожалел о том, что не смог в полной мере применить свои знания для изучения северо-западной Америки: «... а я б по своей должности отправлял свое дело собой, что мне показано и сочинял бы лан-карту, как мне надлежит»².

И все же по сравнению с первой экспедицией Беринга это плавание было шагом вперед: были обследованы острова, расположенные в Беринговом проливе (впоследствии остров Гвоздева — Диомид), пролив пересе-

¹ Рапорт Гвоздева Мартыну Шпанбергу от 1 сентября 1743 г. (Ефимов, 1948, стр. 249).

² Там же.

чен с запада на восток (Беринг прошел его в направлении с юга на север), ориентировочно определено время, необходимое для плавания от Чукотского мыса до «Большой Земли».

Успешное плавание в сложных навигационных условиях было возможно благодаря хорошей морской подготовке Гвоздева и отличной выучке матросов, уверенно работавших у парусов. За время плавания Гвоздев несколько раз высаживался на Чукотский мыс, на острова. Его рапорты — первое документальное свидетельство, на основании которого восстановлена, правда, не полностью история героического плавания.

Полученные Федоровым и Гвоздевым после первой экспедиции Беринга сведения оставались единственным источником для суждения о северо-западной части Аляски. Карту Гвоздева высоко оценивал академик Паллас. «...Достоинно замечания», — писал он, — что означенный на наших старых картах по открытиям геодезиста Гвоздева, берег матерой земли американской против Чукотского Носу нарочито сходствует положением длины и ширины с тем, какое определяет капитан Кук» (П. Паллас, 1781, стр. 142).

Научные результаты экспедиции Федорова и Гвоздева широко использовали А. Чириков, С. Малыгин, Д. Лаптев, Д. Овцын, С. Хитров и И. Елагин при составлении Генеральной карты северо-восточной части Российской империи, работа над которой была завершена в 1746 г. В легенде к карте отмечается: «Земля, положенная против Чукотского восточного угла к востоку, лежащая от 65° N широты, положена с карты геодезиста Гвоздева»¹.

И, наконец, следует отметить, что во Второй Камчатской экспедиции в составе экипажей «Св. Петра» и «Св. Павла» было немало участников экспедиции Гвоздева и Федорова. Действительное участие принял в ней и сам Михаил Гвоздев.

* * *

Экспедиции Беринга и Чирикова, Шестакова и Павлуцкого, Федорова и Гвоздева положили начало пла-

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 66, л. 264.

номерному исследованию северо-восточной части Тихого океана. Экспедиции снаряжались и финансировались правительством¹. Наряду с обширными научными задачами ставилась цель расширить пределы империи и изыскать новые источники доходов.

Опыт плавания в северных широтах показал, что русские моряки и мореходы способны в самых неблагоприятных климатических условиях проводить разносторонние научные исследования на кораблях, построенных в Охотске русскими мастерами, отличившихся хорошими мореходными качествами и большой прочностью.

Участники Первой Камчатской экспедиции уточнили координаты сибирских городов, через которые пролегал их путь в Охотск², изучили маршруты следования и собрали многочисленные этнографические материалы³, послужившие руководством для последующих русских экспедиций на Дальний Восток.

Видную роль в проведении исследований играл, несомненно, мичман Петр Чаплин, который систематически вел шанечный журнал бота «Св. Гавриил» во время плавания 1728—1729 гг. Журнал Чаплина положил начало замечательной традиции, воспринятой последующими поколениями русских мореплавателей.

Много интересного сообщил также Витус Беринг. Как видно из дополнений, сделанных к журналу, мореплавателя прежде всего занимала мысль об использовании сибирских рек в целях экономического развития края. Говоря о реке Тунгуске, Беринг пишет, что «на этой реке необходимо иметь лоцманов, которые знают, как избежать подводные камни»⁴. Здесь же капитан-

¹ В XVI—XVII вв. землепроходцы и мореходы совершали плавание и путешествия по собственному почину и на собственные средства.

² В итоге деятельности Первой Камчатской экспедиции был составлен «Каталог городам и знатым местам сибирским, положенным на карту, чрез которые тракт имели, в какой ширине и длине оныя, а длина счисляется от Таболска» («Экспедиция Беринга», стр. 66).

³ «Табель, показующая расстояния рускими верстами до городов и знатных мест, чрез которые имели путь во экспедицию даже до возврату со всею командою и где шли сухим путем, реками и морем и где какия обретаются народы и меж ими сколько находится русского жилища» (там же, стр. 67).

⁴ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 1, л. 5.

командор замечает, что по берегам реки живут тунгусы, платящие дань мехами, проживают здесь и русские пашенные крестьяне. Беринг советует «зимой двигаться тем же путем, что и летом, т. к. на суше нет дорог из-за лесов».

К описанию реки Илим добавлено: «Эта река очень не глубока, так что на простых судах не пройти». Сообщается и о том, что здесь приходится терпеть от мелких мух-мошек так, что без сетки на глаза не пройти. Свой скот тунгусы смазывают дегтем, «чтобы мошки не повредили, ночью дают фураж, а днем лежат».

О религиозных верованиях якутов к журналу Беринга сделаны дополнения, представляющие несомненный научный интерес. В документе говорится, что якуты веруют в загробную жизнь и закапывают в могилу лучшую одежду покойника, его лук и стрелы, коня; при погребении зажиточного якута убивают его слугу и закапывают в одну могилу в надежде, что слуга будет служить своему господину и в загробной жизни; «после это было запрещено, но при случае они это проделывают и по сей день».

Велики заслуги Михаила Гвоздева, рапорт которого от 1 сентября 1743 г. и его более ранние свидетельства о плавании русских моряков к берегам Америки явились ценным вкладом в географическую науку; рапорт Гвоздева — первое документальное свидетельство о достижении русскими северо-западной оконечности американского материка. Современники Гвоздева, отдавая дань его плодотворной деятельности, нанеся на карту открытое и обследованное им и Федоровым побережье северо-западного выступа Америки, сделали надпись: «Здесь был геодезист Гвоздев 1732 г.» — надпись, прочно удерживавшуюся на последующих картах северо-восточной части Тихого океана.

Высоко оценили дела и подвиги Михаила Гвоздева иностранные ученые: отчет о выдающемся плавании русских к берегам Америки опубликовал известный американский историк Ф. Голдер (Golger, 1922), много лет работавший в русских архивах, а историк Томпкинс отметил, что Гвоздев открыл острова Диомиды и «даже, возможно, американский материк». Однако в наше время отдельные ученые, как, например, Хэллей (Hulley, 1953), берут под сомнение тот факт, что Федоров и

Гвоздев первыми из европейцев побывали на берегах северо-западной Америки.

Ценными географическими сведениями о Чукотском полуострове мы обязаны Д. Павлуцкому. Он сообщил, что береговая черта полуострова гориста, а глубь материка — низменна, привел данные, подтверждающие прежние предположения о близости американских берегов и описал ледовый режим в Северном Ледовитом океане. «Последний поход капитана Павлуцкаго... по-дает нам в географии сих стран также некоторое изъяснение,— пишет Г. Ф. Миллер,— котораго бы может быть бес того получить невозможно было» (Ефимов, 1950, стр. 262).

На основании данных, полученных от Павлуцкого¹, Г. Ф. Миллер не сомневался в том, что против Чукотского полуострова находится «Большая Земля». «Ежели разсуждение о той земле, которую чукчи против своего жилища объявляли, еще далее производить, тово либо не невероятно утверждать можно будет, что то поныне незнаемой западной берег Северной Америки есть; или ежели в сем еще некоторое будет сомнение, то однако же можно вышеписанными иными причинами доказать, что оная земля есть немалой величины, которая и на полдень zelo далеко распространяется, ибо чукчи отуды и куниц получают, которые не в так студеных местах находятся, но где гараздо теплее бывает».

* * *

Русские тихоокеанские экспедиции первого тридцатилетия XVIII в. имели в своем распоряжении ограниченные и несовершенные средства, но зато «цель всегда была велика, предприятия бывали иногда чрезвычайно отважны, но всегда вызваны обстоятельствами данного момента» (Бэр, 1849, стр. 218). Неосуществленные цели стимулировали новые поиски, заставляли совершенствовать организацию и средства, планы и методы научных исследований.

¹ По-видимому, в 1737 г. Г. Ф. Миллеру не были известны материалы о плавании Федорова и Гвоздева. Поэтому он не упоминает о их плавании к американским берегам.

Часть вторая

Открытие северо-западной Америки и морских путей в Японию

Глава I

Подготовка второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции



огатейший опыт подготовительного этапа экспедиции имеет большой исторический интерес. Экспедиция достигла огромных успехов благодаря тому, что ее целеустремленная программа научных исследований опиралась не только на опыт предыдущих тихоокеанских экспедиций, но учитывала также и новые задачи, выдвинутые экономическим и политическим развитием России. В разработке обширного задания участвовали Академия наук, сенат, Адмиралтейств-коллегия, Берг-коллегия и Коммерц-коллегия. Особый интерес представляют проекты и предложения, которые вносились в ходе обсуждения целей и задач экспедиции.

Было ясно, что без упрочения экономической базы на Дальнем Востоке невозможно защитить земли, недавно присоединенные к русскому государству, установить и расширить торговые связи со странами Тихоокеанского бассейна. Конечно, авторы проектов исходили прежде всего из интересов абсолютистской империи, интересов колониальной политики царизма. Так, они не требовали отказа от руссификации, распространения христианства, сбора ясака, но предлагали более гибкие формы взаимоотношений с коренным населением. Отражая потребности экономического и политического развития страны, они выдвигали разнообразные предложения о заведении промышленности, развитии мореплавания, внедрении на Дальнем Востоке земледелия.

Мероприятия по хозяйственному развитию Дальнего

Востока стали разрабатываться сразу после окончания Первой Камчатской экспедиции. В «Предложениях», представленных Берингом в апреле 1730 г. правительству, в связи с проектом организации новой экспедиции затрагивался широкий круг вопросов, и в первую очередь вопрос о производстве железа. Беринг указывал, что доставка его из Тобольска до «дальних городов» связана с большими расходами, а между тем около Якутска и на Ангаре железную руду местные жители «сами плавят в крицы... А Якуцкой народ делают для себя из того железа котлы, и обивают сундуки, и на всякие другие нужды употребляют» (Соколов, 1851, стр. 428). Железо выплавлялось в недостаточных размерах, а в интересах развития судостроения настоятельно требовалось увеличение его производства в Восточной Сибири или на Дальнем Востоке и применение более совершенной техники.

Большое внимание уделялось земледелию и скотоводству. Крупный рогатый скот, по мнению Беринга, можно было разводить, используя луговые угодья на р. Урак, поселив три-четыре семьи якутов, а если возможно, и больше, «которые б могли иметь скотину и лошадей; тогда б проезжие люди могли б и пропитание от того возыметь, и лошадей для провозу казны от Охотска до реки Юдомы». Кроме того, поскольку русские служилые люди на Камчатке выражали желание заниматься скотоводством, Беринг считал, что «ежели б от Якуцка до Охотска повелено пригнать молодой скотины: коров и свиней, и от Охотска перевезть через моря на Камчатку или сухим путем чрез Колым; и при всяком остроге определить по одной или по две семьи людей из якутов, которым пасти скотину, понеже камчатской народ к тому на обычен, тоб можно там и землю пахать и всякий хлеб сеять; понеже в бытность мою учинена проба обо всяком огородном овощу, також и рожь при мне сеяна; а прежде нас сеяли ячмень, репу и коноплю, которая и уродилась, токмо пашут людьми».

Забываясь о хозяйственном освоении края, Беринг предложил не вывозить служилых людей и ремесленников, «которые на Камчатке давно обретаются и имеют дома, жен и детей»; а наоборот, направлять туда как можно больше «плотников и кузнецов, прядильщиков, слесарей; понеже, когда случится нужда, тогда не на-

добно возить от дальних городов». В предложениях сохранились также рекомендации «обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... вовремя можно свободно обучать, сколько надлежит для проезда от Камчатки до Охотска».

Ответственность за проведение намеченных мер возлагалась на известного деятеля и ученого «из птенцов гнезда Петрова» Г. Г. Скорнякова-Писарева, назначенного в 1731 г. начальником Охотского края. Специальной инструкцией¹ ему поручалось завести хлебопашество, животноводство, построить небольшую пристань, верфь, несколько мореходных судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску «казенной мягкой рухляди и купецких людей с товарами, и для других потреб», а «при Охотске и на пути в урочище, называемом Крест, между Юдомою и Ураком реками и на Уди, также и в Камчадалских острогах» выращивать не только злаковые культуры, но и коноплю (для снабжения судостроения пенькой). Семенной материал, для поощрения переселенцев, предлагалось выдавать безвозвратно, «потому что место новое и не токмо в таком, но и в дешних местах, где селят деревни, дают семена без возврата»².

Подчеркивалась также необходимость освоения речных путей (особенно на трудном участке между Юдомою и Ураком), «водяную коммуникацию» продолжить до Охотска, а для подготовки из местных жителей штурманов и матросов завести в Охотске школы не только для грамоты одной, но и для «цыфирии и навигации».

В сокращенном виде инструкция была вручена капитан-командору при направлении его на Дальний Восток.

В 1733 г. сенату был доложен проект М. Г. Головкина «О торговле Камчатской». Головкин писал: «Торг в Камчатку по нынешнее время был в худом состоянии одними служилыми людьми, а купечество не ездят; а которые и были, и те с мелочными товаришками, да и быть с большими товарами не для чего, что купить не-

¹ ПСЗРИ. т. VIII, № 5813. Подлинник находится в ЦГАДА, ф. сената, д. 664; она включила многие предложения Беринга и обер-секретаря сената И. К. Кирилова (Ефимов, 1950, стр. 288—292).

² ЦГАДА, ф. сената, д. 664, л. 71/об.

кому». Он требует разрешения купцам, пожелавшим вести торговлю с отдаленными окраинами России, свободно совершать поездки в Охотск и освободить их на десять лет от пошлин¹. В проекте предлагалось осмотр товаров у купцов, ехавших в Якутск, Охотск и на Камчатку, производить только в Верхотурье, здесь брать пошлину и выдавать владельцам документы на свободный проезд до Охотска и Камчатки.

В проекте Головкина всесторонне разобран и вопрос о последующей перевозке товаров до Камчатки. Поскольку во время Первой Камчатской экспедиции провиант и снаряжение перевозились на судах в Большерецк, а оттуда доставлялись служилыми и ясачными людьми на себе, Головкин предложил использовать морской путь, поскольку «морем дальность не великая, и никто из тамошнего народу никакой тягости не почувствует; таким же образом купецким людям и другим, кто пожелает с товарами ехать на Камчатку, давать места в тех же морских судах». Со временем, как полагал Головкин, торговля может распространиться и на Курильские острова, для чего потребуется выделить еще одно или два судна, «покамест в Охотске жителями умножитца и собственныя свои морские купецкия суда заведут, и в том охоты для лутчего распространения не отнимать, ибо удобнее без убытку казенного, сами купцы и промышленники в отдаленныя и поныне неизвестныя места путь сыщут, как и Камчатка и ныне прежде неизвестныя места купцами и промышленниками сысканы».

Автор проекта предлагал также просмаливать суда, холст для оснащения судов покупать в Тобольске, а не в Енисейске (так как холст, привезенный из Тобольска в Енисейск, ценился дороже, чем местный), но пеньку на канаты покупать в Енисейске, где она дешевле.

Копии проекта сенат направил сибирскому губернатору, Берингу и Скорнякову-Писареву с предписанием

¹ Головкин сообщал, что иркутский вице-губернатор Жолобов приказал купцам, едущим из Якутска, обязательно заезжать в Иркутск для осмотра у них товаров и уплаты десятой пошлины под тем предлогом, что он, Жолобов, «лутче сам усмотреть может... а не разсуждал, что купцам в том заезде, более полуторы тысячи верст лишняго пути и лишняго ж расходу в провозе рубли по три на пуд становитца» (ЦГАДА, ф. сената, д. 664, л. 305/об.).

немедленно рассмотреть вопрос о перевозке хлеба и других припасов, «кои де удобнее с Верхотурских пристаней, не удерживая в Якутске, отправлять водою реками, как о том описано в проекте пространно; и тем провоз дешевле и скорее в определенныя места поспеть может и о прочем, что к тому принадлежит, сибирскому губернатору с товарищи, с капитаном-командором, как в Тобольск приедет, общее»¹.

Намеченные меры не могли, однако, дать быстро ощутимых результатов, и поэтому на протяжении всех лет деятельности экспедиции испытывались серьезные трудности: не хватало рабочих, материалов для постройки судов, а также хлеба, соли и других продовольственных припасов.

Общей задаче освоения Сибири и Дальнего Востока отвечало также решение правительства по административному устройству края. Сибирский приказ получил право назначать и смещать воевод сибирских городов, кроме Тобольска, и «инструкции им давать и всякого исправления на них взыскивать и неисправных штрафовать».

Ввиду особого значения Охотска как опорного пункта России на Тихом океане в 1731 г. начальником Охотского края, как уже отмечалось, был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев, «потому что способнее ево к тому делу иного тогда не разсуждено»².

Рассмотренные выше документы были впоследствии положены в основу программы, разработанной для Второй Камчатской экспедиции Адмиралтейств-коллегией, возглавлявшейся адмиралом Н. Ф. Головиным.

С этой точки зрения несомненный научный интерес представляют первые проекты организации кругосветных плаваний, датированные 1 октября 1732 г. Их авторами были Н. Ф. Головин и член Адмиралтейств-коллегии адмирал Т. П. Сандерс.

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 664, л. 310.

² Г. Г. Скорняков-Писарев, несомненно, человек одаренный и сделал много полезного, но был груб и неуживчив, что резко проявилось во взаимоотношениях его с Берингом, Шпанбергом, Вальтоном и другими. Особенно натянутые отношения были у него со Шпанбергом. Оба считали себя независимыми друг от друга и вместе с тем требовали подчинения. Начальник Охотского края писал доносы на некоторых руководителей экспедиции, а те в свою очередь не оставались в долгу.

Этим вопросам, как свидетельствуют документы, придавалось первостепенное государственное значение. Члены Адмиралтейств-коллегии настойчиво добивались от сената разрешения послать корабли из Кронштадта на Камчатку. Адмиралтейств-коллегия внесла специальное представление в сенат, которое было рассмотрено 12 сентября 1732 г., в сенатском протоколе за это число сделана следующая любопытная запись: «...для совету призваны в Сенат Коллегии Адмиралтейской члены, которые представили, что можно отправить на Камчатку из Санкт-Петербурга корабли, которые де там могут, о чем намерение есть, исправить и к тому морская афицеры практику иметь». Одновременно они требовали передать коллегии «известие о том, что надлежит к той экспедиции [Беринга.— В. Д.], касающееся, а они могут изыскивать в том полезных способов»¹. Рассмотрев упомянутое представление, сенат приказал переслать его в Адмиралтейств-коллегию, и «какия та коллегия полезные способы в пользу интереса е. и. в. во отправлении означенной экспедиции изыщет, о том рассуждение и мнение свое представить». Таким образом, проекты Головина и Сандерса появились в результате решения сената².

В этой связи заслуживает внимания проект англичанина Элтона, пересланный русским резидентом в Лондоне Антионом Кантемиром 29 декабря 1732 г.³ Элтон изъявил желание предпринять на своих судах и на собственные средства поиск безопасной морской дороги из Архангельска в Японию, Китай и Америку. Англичанин указывал, что датчане контролируют выход русских судов из Балтийского моря, «того ради Архангельский город центром коммерции российского государства учинить». Из Архангельска удобнее и безопаснее будет

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 104.

² О важности этого документа свидетельствует тот факт, что его содержание почти дословно повторяется в «Отчете о Камчатской экспедиции, составленном в Адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г.» («Экспедиция Беринга», стр. 85).

³ Реляция А. Кантемира от 29 декабря 1732 г. и проект Элтона были опубликованы А. В. Ефимовым (1948, стр. 250—252). Уместно заметить, что в ЦГАДА (ф. Сношения России с Англией, д. 545) хранится несколько писем Кантемира из Лондона, разъясняющих причины, которые помешали Элтону выехать в феврале 1733 г. в Петербург для переговоров по поводу своего проекта.

выходить на китовый промысел. Торговля с восточными странами и китовая ловля принесут России большие барыши, и «можно утвердить и учредить такой источник добрых матрозов, каковым никакая другая нация хвалиться не может... И тако сие предприятие, хотя удасться или не удасться, однако ж случай подаст возвратить свои протори¹ токмо от многова числа китовых костей и протчего, которыя в том пути изловятся. Сие может учиниться без малейшего препятствия главному намерению сего пути, как сие легко доказать можно».

В дореволюционной и советской литературе о проектах Н. Ф. Головина и Т. П. Сандерса говорилось лишь в самой общей форме. Впервые их содержание было изложено в моей книге (Дивин, 1953, стр. 67—75). Позднее представление Головина было опубликовано полностью (см. Дивин, 1961).

Но если содержание проектов об организации кругосветного плавания теперь ясно, то причины их появления остаются еще неисследованными. Между тем эти проекты были связаны с общей проблемой укрепления, или, как тогда говорили, «поправления флота».

После Северной войны наступило относительное загибание. Флот мало плавал, корабли гнили на приколе, а личный состав, не имея систематической практики, начал утрачивать свою боеспособность. Это вызвало озабоченность Адмиралтейств-коллегии. 31 января 1732 г. последовал указ императрицы, согласно которому адмиралы и шаутбейнахты (в том числе и находящиеся в отставке) должны были представить свои соображения о состоянии флота и о мерах к «лутчему содержанию онаго».

Обращалось внимание адмиралов на то, что центральной задачей является подготовка морских специалистов из «природных россиян» для использования их в научных целях и в военное время, ибо рассчитывать на вербовку иностранных офицеров было весьма рискованно.

В свете сказанного особое значение приобретают проекты Головина и Сандерса, а также инструкция для отряда кораблей, который намечалось послать на Дальний Восток. Обосновывая выгоду использования

¹ Протори — «издержки».

морского пути для снабжения экспедиции Беринга, авторы ссылались на то, что для преодоления пути от Петербурга до Камчатки по суше требовалось не менее двух лет, а морским путем из Кронштадта до Камчатки вокруг мыса Горн — не более 10—12 месяцев.

В проекте Головина подчеркивается, что Дания и Швеция постоянно расширяют морскую торговлю и для обучения молодых офицеров и матросов ежегодно посылают корабли в Ост-Индию и другие отдаленные районы, благодаря чему имеют и «впредь иметь будут добрых и искусных афицеров и матрозов, напротив того подданные в. и. в-ва, за немением экзерциция и дела в морском действе, прямое время ко учению молодых лета упущают и тем, что мало знают и то все теряют и потому впредь никоим образом плода от них в такой науке ожидать невозможно» (Дивин, 1961, стр. 338). А между тем кругосветные плавания — хорошая школа практического обучения молодых офицеров и матросов, которые «онные моря знать будут, как и состояние тех чрез разные приключаются во время их ходу туда и возвращения назад, тако ж склонение и перемену компаса, разные течения моря, перемены ветров и все то, что потребно будет знать доброму морскому афицеру. И такое в один такой путь могут те афицеры и матрозы обучиться более, нежели при здешнем в море в десять лет».

Развивая далее свою мысль, Головин обращает внимание на то, что в гаванях суда «гниют и них какой государственной пользе не употребляются, а афицеры и рядовые жалование, мундир и правянт исправно получают, а искусства, и знания практики морской весьма лишаются».

Заслуживает внимания указание Н. Ф. Головина, что наиболее благоприятным временем для отправки кораблей в кругосветное плавание является июль¹.

Головин выражал уверенность, что отправляя корабли на Дальний Восток, Россия сможет завязать торговые сношения с различными странами, причем особое

¹ Обоснованность указанного срока была подтверждена опытом многочисленных кругосветных плаваний, осуществленных русскими моряками в первой половине XIX в. Большая часть кораблей выходила из Кронштадта в июле — августе.



значение придавал установлению «коммерции» с Японией. Президент Адмиралтейств-коллегии не сомневался в том, что его предложение о снаряжении кругосветной экспедиции будет одобрено, и, по-видимому, именно он явился автором «Инструкции о посылке двух фрегатов на Камчатку». В вводной части к ней кратко сформулирована цель экспедиции Беринга — «для изыскания новых земель и пасажу к Америке и к Японским островам и для описания Сибирского берега от Оби реки до Охотска»², а в заключительном параграфе говорится: «Итакое сие разсуждение запотребно находится весьма нужное и важное; впервых — к поправлению флота; а потом и научению и умножению в том морских и добрых афицеров и матрозов, а паче к вящей пользе и плоду государственному вечно».

В проекте Сандерса обоснована необходимость создания флота для охраны Камчатки и русских поселений на Тихом океане и островах, прилегающих к Камчатке (имелись в виду Курильские острова). Учитывая отдаленность Камчатки, автор предлагал привлекать для службы на флоте коренных жителей, которые «к этому времени, как судам отплыть в Петербург, сделаются отличными мореплавателями, как и те, что отту-

² ЦГАДА, ф. сената, д. 1089, л. 551.

да приехали. Они могут быть использованы также на маленьких судах по мере надобности»¹.

Кроме Головина и Сандерса в разработке программы для экспедиции активное участие принял И. К. Кирилов, полагавший, что при наличии флота на Дальнем Востоке Россия сможет надежно обеспечить безопасность своих границ и морской торговли, особенно если принять во внимание преимущества, которые имеет Россия перед европейцами, «кои ходят в Ост- и Вест-Индию». По мнению И. К. Кирилова, великая выгода русских в том, что им «под экватор подъезжать и в солнечной зной терпеть незачем; также алгирцов и иных морских разбойников бояться не станут, и сверх того, что они в проезде у чужих портов издерживают, а у нас все то подданным же в пользу придет».

Основное научное задание было разработано Адмиралтейств-коллегией и изложено в инструкции, утвержденной в декабре 1732 г. Экспедиция должна была проложить путь от Архангельска до Камчатки и тем самым «доподлино» доказать, что Азия не соединена с Америкой, исследовать и положить на карту побережье Северного Ледовитого океана, изучить навигационные условия плавания Северным морским путем, проложить путь к Японии, описать острова Курильского архипелага и отыскать путь к берегам северо-западной Америки. Все это объединялось общей идеей выхода на Тихий океан.

Кроме того, перед Берингом ставилась задача предпринять некоторые близкие и дополнительные плавания, а именно: «от Охоцка берега морския и впадающия в них реки, даже до реки Уди и ту реку Удь описать... а от устья той реки далее до реки Тугура... буде мочно, до Амурского устья»².

Для плавания к берегам северо-западной Америки предлагалось построить два пакетбота, вооружить их артиллерией и следовать на восток, стремясь достигнуть 67° с. ш. Американские берега и острова Беринг и Чириков должны были «искать с крайнею прилежностью и старанием, точию оный поход чинить с таким усмотрением, дабы по-прежнему к Камчатке возвратитца мог-

ли, не допуская такого времени, когда остановитца тамо лед и для того отправлятца в тот поход по вскрытии внешнего льду, не упуская ни малого времени»¹.

Изучив инструкцию, Беринг сделал ряд принципиальных предложений, относящихся к выбору типа судов, этапам плавания северных отрядов, целесообразности строительства обоих пакетботов в Охотске (в инструкции намечалось построить один корабль на Камчатке, другой в Охотске), а также по вопросу, в котором мнения сената и Адмиралтейств-коллегии расходились, а именно, в каком направлении искать Америку. Сенат считал, что экспедиция первоначально должна следовать к Америке, а затем, в соответствии с инструкцией Петра I от 1725 г., «доехать до которого города или местечка европейских владений». Согласно же инструкции Адмиралтейств-коллегии надо было идти на север и при благоприятном ветре подняться до 67° с. ш., а при возможности и желании офицеров идти еще дальше.

Отмечая противоречивость этих двух документов, Чириков с присущим ему тактом писал: «А оные места от Камчатского устья лежат меж норда и оста, разстоянием немощно быть меньше 2000 верст; и, ежели из Сената точной вышеписанному указу нам дан будет и вышепомянутая коллежская инструкция, то сумнительно будет, в которую страну иттить. Того ради покорнейше просим, дабы со изъяснением определено было, куда иттить от Камчатского устья: меж норд [ль] и оста или меж зуйда и оста?»².

Чириков считал, что американскому отряду не следует подниматься выше 67° и даже до 67° «понеже посылающимся офицером от Якуцка рекою Леною и морем до Камчатки может освидетельствоватца, что Азия с Америкою разделяется водою». Следовательно, Чириков стремился согласовать деятельность северных отрядов с тихоокеанскими, каждому из которых должен был быть отведен определенный район исследования. Он был уверен в существовании пролива, и проход кораблей из Северного Ледовитого в Тихий океан практически подтвердил бы правильность его суждений.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 11.

² «Экспедиция Беринга», стр. 96.

¹ ЦГАДА, ф. сената, л. 666, л. 116/об.

² «Экспедиция Беринга», стр. 206.

Плавание же выше 67° с. ш., по мнению Чирикова, сопряжено с большими опасностями и может кончиться неудачей. Правда, он допускал мысль о том, что в этих широтах, возможно, и имеются острова, но по всей вероятности необитаемые.

Хорошо зная метеорологические условия, царящие в северной части Тихого океана, а также учитывая, что экспансия западноевропейских стран может распространиться и на северную часть Америки, Чириков считал важным обследовать северо-запад континента, начиная от колониальных владений Испании: «Лутче, по моему признанию, искать островов в самой Америке меж 50-ти и 65-ти градусами, где климата удобная жителям, и земля может быть не пустая».

В инструкции определялся и порядок плавания: «На тех судах на одном вам, капитану-командору Берингу, а на другом — капитану Чирикову следовать, не разлучаясь обоим, и в том следовании искать американских берегов и островов с крайнею прилежностью и старанием и чинить вам, господину-командору, с общего согласия с капитаном Чириковым по науке морской, к чему в совет приобщать посланного Академии наук профессора [Де ла Кройера] и для того сперва итти по предложению и мнению помянутого профессора и по вашему общему разсуждению». Поскольку мореплаватели, сообразуясь с конкретной обстановкой, могли решать вопрос о курсе, этим правом воспользовался в дальнейшем А. И. Чириков.

Для отыскания пути в Японию В. Беринг должен был построить на р. Камчатке бот и две дубель-шлюпки, на которых М. Шпанбергу надлежало идти к японским островам. Для одаривания жителей «не токмо вновь приходящих в подданство, но и в прежних тамошних народов князцов» начальнику экспедиции предлагалось захватить необходимое количество товаров.

Важно также отметить, что в задачу экспедиции входило лишь отыскание островов, не известных другим народам, и предлагалось всемерно избегать посещения земель, открытых европейцами или принадлежащих другим государствам, причем командирам отрядов вменялось в обязанность разыскивать места для устройства пристаней «для прибежища во время штормов и льдов». Установить, где имеется лес, пригодный для

починки морских судов, и по возможности выяснить месторождения полезных руд.

В инструкции подчеркивалось, что в случае если в подвластных России «местах такое подземное богатство откроется, от которого по большим пробам прибыль покажетца, о том, не упуская вдаль по возвращению объявлять охочкому командиру, а в протчих местах другим командиром». Астроном должен был производить специальные определения сибирских городов, в связи с чем он получил право свободно передвигаться по всей Сибири.

Истинные цели экспедиции Адмиралтейств-коллегии требовала хранить в строжайшей тайне, а «для публичного показания сообщается, вам тако ж капитану Шпанберху и афицеру, который пойдет из Лены в Камчатку, особая инструкция»¹.

Чтобы всесторонне изучить новые земли и собрать материалы по различным научным вопросам, Академия наук разработала дополнительные инструкции, о которых в литературе имеются лишь отдельные упоминания. Между тем без рассмотрения этих документов невозможно понять всей грандиозности задуманной экспедиции и того научного и политического значения, которое ей придавалось. При составлении задания были учтены накопленные Академией наук обширные материалы о Дальнем Востоке, часть которых была получена от Первой Камчатской экспедицией.

Прежде всего следует отметить «Известия о новой карте моря Восточного, которая сочинена для показания кратчайшей дороги из Азии в Америку». Автор «Известий»², Жозеф Делиль, указывал, что экспедиция должна идти к земле, которую якобы видел португальский мореплаватель Жуан да Гама. По предположению Делиля, эта земля находится к востоку от земли Компани, открытой в 1643 г. Фризом и нанесенной им на карту. Однако Делиль в точности не знал, высаживались ли на «Землю Гамы» люди, открывшие этот остров, и был ли он введен во владение какой-либо державы.

¹ Указ от 28 декабря 1732 г. требовал, чтобы при встрече с иностранными кораблями предъявлялась та инструкция, в которой излагались чисто научные задачи.

² ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 209.

Предлагая идти к «Земле Гамы», Делиль считал, что последняя соединяется с северной частью Калифорнии, что берега, «виденные доном Иоанном де Гама, которые положил я прямо против Камчатки, чинить может быть часть великия земли непрерывные, которая сходится с Америкой и которая еще соединяется к северу от Калифорнии с берегом полунощным, или северным при входе сысканном через Мартина да Гиллера»¹.

Карта, составленная французским географом Гильомом Делилем, была передана Берингу, которому предписывалось пользоваться ею и неуклонно следовать курсом, указанным Жозефом Делилем. Предложения же Чирикова не были приняты во внимание.

В специальных инструкциях излагались методы определения географического положения островов и земель, причем в одной из них («Инструкции особливые о обсервациях географических») подчеркивалась мысль о важности точно описывать все места, где придется бывать русским морякам, проверять и уточнять составленные ранее карты, приводить данные о координатах слабо изученных районов и вновь открываемых земель, которые будут использованы при создании генеральной карты Российской империи².

Чтобы проложить путь к Японии и установить места стоянки судов, предусматривалось обследование Пенжинского, т. е. Охотского моря, определение размеров островов и обитаемы ли они и т. д. Далее предлагалось, следуя проливом, отделяющим материк от Великого острова, т. е. Сахалина, спускаться на юг, чтобы «уведомитца о берегах северных, восточных и западных, устье земли, которые еще и до сего числа не найдены»³, а также проверять месторасположение пунктов, обозначенных на карте голландскими мореплавателями в районе Сахалина и земли Иессо, особенно поло-

¹ Мартин Дагиляр — путешественник, достиг в 1579 г. Калифорнии (Мидлер, 1758, январь, стр. 5).

² Вполне достоверной карты в то время еще не было, а те, что имелись, были «не совершенны и недостаточны».

³ Напомним, что находившийся в этом районе в 1621 г. иезуит Десанж не мог преодолеть пролива, названного впоследствии Лаперузовым; его неудачу объяснили тем, что он не сумел «перейти сию узкость ради быстроты ея течения» (ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 232).

жение города Матмай¹: «...как он есть столичный город земли Иессо... что должно бы было к нему наипаче искать путь, для того в этот город той страны жители со своих товаров с купцами японскими, которые туда из японских провинций проходят».

Много внимания уделялось в инструкции экономическим выгодам, которые можно получить в результате установления торговых отношений с населением японских островов: «...прибыль такова купчеству могла бы быть в мене мехами сибирскими на шолк Японии, на посуду их муравленную и фарфоровую, не считая золота и серебра, меди и олова и свинца, о чем извесно, что у японцев всего сего изобильно». Обосновывая свои предположения, автор инструкции ссылается на рассказы других мореплавателей о том, что в Иессо «обретаются самые лучшие мехи, так же де руды золотыя и серебряныя, в котором деле жители весьма не искусны и не знают. Находятся там также и руды медныя, которые содержат или кажутся в себе содержат много серебра, почему российский народ может великую себе корысть получать»².

В программе исследования жизни народов посещенных земель предлагалось выяснить, «откуда имеют всякие народы начало или происхождение свое и иные предания о древних народах, оных жилищах и переселениях, о вещах воинских и от оных сделанные», собрать материалы о религиозных верованиях и обычаях, о производственной деятельности, политическом устройстве и торговле, достопримечательностях и памятниках старины.

В инструкции, составленной членом Петербургской Академии наук Даниилом Бернулли, подчеркивалась необходимость изучения климатических условий по методике, им разработанной. «Когда же усмотрено,— писал Бернулли,— что в едином и том же климате суть

¹ Матмай расположен на одноименном острове, имевшем различные названия: Матсмай, Матмай, Иезо, Иессо — искаженные наименования острова Мацумаэ, или Эдзо; с 1869 г. называется Хоккайдо. Географическое положение острова Иессо точно не было еще определено. Побывавшие здесь первыми голландцы держали в тайне результаты своих плаваний. На картах земля изображалась то круглой, с ровными очертаниями, то изрезанной заливами и проливами.

² ЦГАДА, ф. сената, д. 666, л. 236.

иные места, в которых для великой стужи едва жить можно, а иные гораздо приятнейшие надобно будет во всяком месте градус теплоты замечать в учрежденный дня часы прилежно оные записывая со днем и месяцем, чтобы средний теплоты градус найти на известный месяц. Еще ж надлежит замечать и направление, и силу ветра»¹. Далее указывалось, что термометры должны быть приспособлены для наблюдений в условиях высоких и низких температур.

Особое место уделено определению степени солености морской воды и льда в различных районах Мирового океана — одному из важных признаков близости земли.

В инструкции «О других вещах, которые на земле примечать надлежит» предлагалось исследовать закономерности распространения звука, который «скорее доходит от способных ветров, замедляется же от противных... скорейший бывает в теплую пору, нежели в студеную, в барометре высоком, нежели низком...», причем поскольку «все дело зависит, отставя причину ветров от высоты атмосферы», рекомендовалось ставить эксперименты на высоких горах, «записав высоты барометрные и термометрные».

Исследователям предлагалось также «примечать ветры и их действия, которые теплы и которые студены», используя данные опроса местного населения и результаты собственных наблюдений, отмечать изменение цвета морской воды, ее соленость на различных глубинах, а также, пользуясь самыми простейшими средствами, исследовать приливно-отливные явления, в чем неоценимую услугу может также оказать опрос местных жителей.

«Течение вод,— говорилось в инструкции,— также прилежно усмотреть надлежит, что явно сотворится, когда с корабля на якоре лежащего шар деревянный брошен будет. Понеже шар общим направлением и скоростью с водами будет двигаться». Большое значение океанографическим исследованиям придавала Адмиралтейств-коллегия. Она поручила северным отрядам «...чинить осмотр и опись, где имеется у берега стоячий лед, тот сколько далеко от земли простирается, також и по-

стоячий где есть, тот описать же изредка оль оный или частый и густой и всегда ль бывает, или его относит, буде же безопасно, в которых местах по стоячему льду идти, то и по оному следовать, дабы достовернее осмотр и опись учинить можно было. Також, ежели найдутся такие места, где сильного препятствия от льдов нет, то возможно ли судами тамо проходить и где каких рек устья и с какою глубиною и другия удобныя места к стоянию и ко охранению судов и к зимовью и под какими градусами имеются; сверх же того положение всего берега и где имеются леса, и буде протянулись, где в море углы или носы, как например, Святой Нос, то описать же аккуратно и на карту положить»¹.

Приведенные выше документы свидетельствуют о широте научных интересов русских ученых, правильном понимании ими необходимости комплексного исследования считавшихся ранее недоступными для плавания районов Мирового океана.

Состав и организация экспедиции

Обширная программа, принятая Адмиралтейств-коллегией, определила организационную структуру Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Всего было намечено создать семь отрядов, и каждому из них отводился определенный участок побережья.

Первому отряду, сформированному в 1734 г. в Архангельске, предназначался район от устья Печоры до устья Оби. Второму отряду, формировавшемуся в Тобольске, поручалось обследовать и нанести на карту побережье Карского моря от устья Оби до устья Енисея². Его возглавил один из наиболее опытных морских офицеров — лейтенант Дмитрий Овцын. Третий отряд имел задачу изучить побережье Карского моря восточнее устья Енисея. В Туруханске, избранном в качестве базы отряда, развернулась подготовительная ра-

¹ «Материалы для истории русского флота», ч. VIII, стр. 427.

² Постройка корабля, предназначенного для плавания этого отряда в арктических условиях, была начата в апреле 1733 г. по указанию Беринга, который потребовал, чтобы Сибирская губернская канцелярия выделила для этой цели «мастеровых и работных людей с их инструментами».

¹ Архив АН СССР. ф. 3, оп. 1, д. 2331, л. 78.

бота. Четвертый отряд должен был положить на карту морское побережье от устья Дены на запад до устья Енисея, пятый — обследовать и нанести на карту побережье Северного Ледовитого океана от устья Дены и, обойдя Чукотский полуостров, направиться к Камчатке. Оба отряда были сформированы в Якутске; постройка кораблей и подбор экипажей возлагались на Беринга и Чирикова. Шестой отряд обязан был направиться к берегам Америки, седьмой — к японским островам.

Действиями всех отрядов, за исключением первого, должны были руководить Чириков и Беринг, которые определили задачи каждого отряда в отдельности¹. Сделанные ими в этой связи предложения были включены в общую программу экспедиции. Считая, что северные отряды выполняют лишь частные задачи единой программы, Беринг и Чириков в общих отчетах подробно освещали их деятельность. Материалы, добытые всеми ее участниками, обобщили Чириков и др.

В марте 1733 г. были утверждены штаты экспедиции. Начальником ее, как известно, был назначен Беринг, его первым помощником — Чириков, вторым — Шпанберг. Большую роль в организации и подготовке экспедиции сыграли обер-секретарь сената И. К. Кирилов, президент Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головин и гидрограф Ф. И. Соймонов.

Не совсем удачным было назначение Беринга, так как он нередко проявлял чрезмерную осторожность и легко поддавался чуждому влиянию. Поэтому он, по справедливому замечанию А. П. Соколова, был «мало способный начальствовать экспедицией, особенно в такой суровой век и в такой неорганизованной стране, какою была Восточная Сибирь в начале осемнадцатого века» (1851, стр. 208). С недоверием отнеслись к назначению Беринга и его современники.

Выгодно отличался от Беринга Алексей Ильич Чириков, сыгравший решающую роль в руководстве всей экспедицией, «соединявший с образованием и умом

¹ Ввиду того что северные отряды действовали на значительном расстоянии от местонахождения Беринга и Чирикова, руководство ими при тогдашних средствах связи (с помощью нарочных) ограничивалось постановкой общих задач и контролем за их выполнением. Отчеты командиры северных отрядов направляли Берингу.

скромность, твердость характера»¹. По возвращении в Петербург в 1730 г. из Первой Камчатской экспедиции он был произведен в капитан-лейтенанты, а спустя два года — в капитаны 3-го ранга.

Второй помощник Беринга, Шпанберг, возглавил отряд, отправлявшийся к Японии. Учитывая важность поставленных перед экспедицией задач, было решено укомплектовать ее русскими людьми. Указом от 11 января 1733 г. Адмиралтейств-коллегия предложила главному командиру Кронштадтского порта Бранту вместе с капитаном Шпанбергом подобрать офицеров «всех из русских, а не из иностранцев». 15 января Брант сообщил, что ему удалось найти лишь трех русских лейтенантов.

К рапорту был приложен именной список², в котором значились: 8 лейтенантов, мичман, 4 штурмана, 9 подштурманов, 8 штурманских учеников в подштурманы, 7 штурманских учеников, 3 лекаря, 7 подлекарей, 4 лекарских ученика, 2 боцмана и боцманматов, 10 квартирмейстеров, 3 комиссара, 4 трубача, 8 подконстаблей, 24 канонира, 7 писарей, 2 подшкипора, 46 матросов, 4 сержанта, 2 капрала, 34 солдата.

В списке перечислялись корабли Балтийского флота, с которых направлялись в экспедицию офицеры, матросы и мастера различных дел, многие из которых участвовали в боевых действиях против шведов во время Северной войны.

В экспедицию Беринга были включены ученые Гмелин, Миллер, де ла Кройер, адъютант Стеллер, студенты Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Алексей Горланов, Василий Третьяков, а также геодезисты Андрей Красильников, Александр Иванов, Никифор Чекин, Моисей Ушаков, переводчик Илья Яхонтов и живописцы И. Беркан и И. Люрсениус.

¹ ЦГАВМФ, ф. 315, д. 521, л. 45.

² «Именной список морского флота обер и ундер-офицерам и прочим чинам, выбранным при Кронштаде во определенное по указу число в Сибирскую экспедицию». Список включает 199 человек.

В рапорте от 6 февраля 1733 г. Беринг писал: «Вместо престарелых и одержимых болезнями и имеющихся в отлучках переменить другими». В этом документе наряду с именами, прочно вошедшими в героическую летопись нашего народа, перечислены те, кто на своих плечах вынесли всю тяжесть морских походов, но остались неизвестными.

Академики Гмелин и Миллер должны были исследовать внутреннюю Сибирь и Камчатку и проводить с помощью геодезистов общегеографическое описание, а де ла Кройер, Красильников и Попов — астрономические определения и физические исследования на всем пути от Петербурга до Камчатки, руководить всеми геодезическими работами и участвовать в плавании Беринга к берегам Америки. Сибирские власти должны были оказывать содействие ученым в их исследованиях и выплачивать им двойное жалованье.

Следует упомянуть, что Академия наук, принимая во внимание заслуги ученых, нередко обращалась в сенат с ходатайством о прибавке им жалованья. Так, она поддержала просьбу Люрсениуса об увеличении его оклада до 400 рублей в год, учитывая, что художник, «когда малевать и рисовать не можно, трудится безпрестанно в копировании их обсервацией и показывает во всем прилежание и радение».

С аналогичной просьбой Академия наук обратилась в сенат по поводу студента Крашенинникова, о котором она сообщила, что «за оскудением в пропитании своем оной Крашенинников крайнюю претерпевает нужду, которое его состояние не токмо опечалить, но и к предложению толь счастливо и сызрядным успехом начатых им обсерваций унылое нерадение или крайнюю к тому неспособность причинить в нем может, и так великое бы ободрение к дальнейшему усердию в трудах его было ежелиб правительствующий сенат соизволил к прежнему его жалованию еще сто рублей прибавить, понеже оной Крашенинников труд имеет немалой, прибавки жалования достоин»¹.

В инструкции, данной Гмелину и Миллеру, в частности, подчеркивалось, что никто из профессоров, отправленных в экспедицию и находящихся в Петербурге, но имеющих отношение к ней, «не должны ничего из učinенных здесь в сей экспедиции изобретений ни приватно, ни словесно, ни письменно, ни публично чужестранным объявлять, пока оныя изобретения здесь печатно опубликованы не будут под опасением жестокого наказания»².

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 796, л. 144/об.

² Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 2331, л. 5.

С. П. Крашенинников



Программа подготовки студентов для выполнения ответственных исследований предусматривала изучение математики и астрономии, архитектуры и инженерного дела, географии и истории, латинского и греческого языков, сочетая теоретические занятия с практической работой в условиях постоянных передвижений и отсутствия элементарных удобств. Для воспитания будущего ученого рекомендовалось применять различные методы поощрения прилежных и обличения нерадивых. «Кто прилежен да непонятен явится, и то его ободрять и увещевать, не злыми ранами нанося, но как отцу чад своих милостию паче, нежели свирепством в научение приводить». В свою очередь ученики обязаны «учителей почитать, вежливо с ними говорить, слушать наказание, прилежно учиться, жить промеж собою смирно, без шуму, без крику, без ссоры, без брани».

Академия наук снабдила ученых книгами, бумагой, разными материалами и инструментами¹.

¹ Представляет интерес реестр, в котором перечислены книги, например: «Общий исторический лексикон»; «Атлас из 30 ландкарт»; «История японская, сочинена от Кемпфера»; «Лафитовы обыкновения диких американцев». Париж, 1724; «Путешествие в Индию». Амстердам, 1716; «Империя Великого Могола, или истинная Индия»; «Мемория о китайской земле, сочиненная от отца де Конт». Амстердам, 1698; и др. (ЦГАДА, ф. сената, д. 664, 1733, л. 278, 279/об., 281/об., 283, 283/об.).

Отдельные отряды выехали из Петербурга в марте 1733 г., но в полном составе экспедиция добралась до Охотска лишь через четыре года. Вскоре по ее прибытии 21 октября 1737 г. Скорняков-Писарев сообщил в столицу, что казне она приносит лишь убытки и впредь ничего хорошего от нее ожидать нельзя, виновны в этом якобы Беринг и Шпанберг, отправившиеся в Сибирь для пополнения своего кармана, причем Беринг уже «великие пожитки получил».

В связи с этим 19 августа 1738 г. сенату и Адмиралтейств-коллегии было поручено выяснить, может ли экспедиция дальше продолжать работу, не нанося ущерба казне. В декабре того же года сенат поддержал предложение коллегии продолжить деятельность экспедиции, чтобы затраченные средства не пропали даром¹.

В течение зимы 1737/38 г. большую часть грузов с Юдомского Креста на перевал люди вынуждены были перевозить «на себе нартами, от которой работы людьми весьма утруждены... к тому ж платьем и обувью обносились и все стали наги и босы, а помощи учинить никакой не можно, и купить ничего негде, понеже здесь место пустое и купецких людей ныне не имеетца».

Раздоры среди офицеров и недоброжелательное отношение Скорнякова-Писарева к экспедиции, естественно, осложняли подготовку к плаванию.

Чириков считал, что нужно проявлять больше инициативы и не ждать по каждому вопросу указаний от Адмиралтейств-коллегии. Беринг же ни на шаг не хотел отступать от данных ему инструкций. Чириков, отличавшийся точным исполнением требования морского устава, оказался в чрезвычайно затруднительном положении: с одной стороны, Адмиралтейств-коллегия поручила ему надзирать за действиями Беринга, с другой — оставила в его подчинении.

Нельзя без волнения читать письмо Чирикова графу Головину от 27 июня 1738 г.: «...понеже я, премилости-

¹ ЦГАВМФ, ф. 1212, д. 237, л. 90; см. «Экспедиция Беринга», стр. 240—241. Направленный в Якутск для содействия экспедиции лейтенант флота В. Ларионов рапортом от 12 сентября 1740 г. сообщил, что «оная экспедиция впредь может продолжиться, то б определено было в Якуцк из рекрут 500 человек»; сверх того он просил выделить 400 ссыльных и «для содержания их офицеров и солдат до 100 человек».

вый государь, обращаюсь в ней истинно бес пользы, понеже предложени мои к господину капитану-командору о экспедицном исправлении от него за благо не приемлются, токмо он, господин командор, за оные на меня злоствует, что видя, опасаясь от нево великих обид, которые ему делать легко в такой далности, имея меня в полной своей власти, а предлагать ему принужден я совершенною своею и опасаясь, чтоб не причтено было мне вне радения, а наспротив того опасен же, чтоб и с правдою за неостроту свою не остатца винным»¹.

Между тем отправка экспедиции затягивалась. В мае 1740 г. между Чириковым и Берингом произошел следующий разговор:

— Дальше мешкать нельзя,— говорил Чириков,— отправьте меня на бригантине «Михаил» для осмотра земли, лежащей против Чукотского носа от Камчатки между нордом и остом и протчих земель западной стороны Америки. Осенью вернусь в Охотск.

— Этого нельзя сделать,— возражал Беринг.— Оное з данную инструкциею несогласно.

Если бы предложение Чирикова было принято, то берегов северо-западной Америки удалось бы достигнуть уже в 1740 г.

Наконец, летом 1740 г. постройка пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» была закончена, и 6 августа Чириков сообщал Головину, что 15 августа суда покинут Охотск.

Приняв на борт необходимый груз, пакетботы и два небольших судна с провиантом вышли из Охотска и взяли курс на Камчатку. Беринг командовал «Св. Петром», Чириков — «Св. Павлом».

6 октября 1740 г. корабли вошли в Авачинскую губу, где решено было остаться на зимовку. Порт, заложженный Чириковым и Берингом в Авачинской бухте, был назван Петропавловском в честь пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел».

За время пребывания на Камчатке Чирикову удалось правильно определить координаты Авачинской бухты, убедиться в том, что она «наилучшая и способнейшая к охранению морских судов»², так как «можно

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 303.

² ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 52, л. 243/об.

в ней стоять хотя бы великому флоту», а также составить карту и подробно описать бухту¹. Помимо этого Чириков проводил метеорологические наблюдения, изучал фауну и флору, геологические особенности полуострова и его ископаемые богатства.

Интересные наблюдения сделал и Беринг: «По Камчатской земле к югу живут курила, к северу — камчадала, язык имеют меж собой в некоторых словах разнь, из сего народа немногие идолопоклонствуют, а прочие ничему не веруют и чужды всяких добрых обычаев, а российские люди, которые живут на Камчатке, и тамошние народы хлеба никакого не имеют, также и скота, кроме собак, на которых ездят и возят, что им понадобится и одежду себе от них получают, а пропитание имеют от рыбы и коренья и от ягод, а летним временем от других птиц и от всяких морских животных, а ныне в пустыне якуцкого монастыря, которая с версту от церкви Камчатской, родится ячмень, конопля, ретька, а репа и у многих служилых людей во всех трех острогах родится»².

Приближалась весна. Все чаще и чаще офицеры стали обсуждать вопрос о курсе предстоящего плавания. Разгорались жаркие споры. Чириков энергично отстаивал предложение, высказанное им в момент назначения его в экспедицию. Он оказался более проницательным и дальновидным, чем Беринг, и еще тогда определил, что Америка лежит против Чукотского Носа.

Глава 2

Коротко о деятельности северных отрядов

В то время как в Охотске велась подготовка экспедиции к берегам Америки, северные отряды Сибирско-

¹ Карта и план Петропавловска-Камчатского, впервые опубликованные В. А. Переваловым (1949), имеют следующую надпись: «Карта Аваченской губы и со внутреннем в ней гаваном, сочиненная при Камчатской экспедиции под командою капитана-командора штурманом Елагиным 1740 г.». Подпись: «Алексей Чириков». На плане нанесена постройка порта.

² «Донесение Беринга». — «Зап. военно-топограф. депо», ч. X, 1847, стр. 73.

Тихоокеанской экспедиции в исключительно трудных условиях Арктики успешно исследовали побережье от Архангельска до Чукотского полуострова. С 1734 по 1737 г. отряд под начальством лейтенантов С. Муравьева и М. Павлова (впоследствии одним из руководителей экспедиции стал С. Г. Малыгин), плавая на судах «Экспедицион» и «Обь», составил описание части побережья от Архангельска и нанес его на карту. Малыгин в две навигации (1736 и 1737 гг.) достиг Оби, что произошло 17 августа 1737 г. В результате плавания С. Г. Малыгина были составлены морские карты побережья от Печоры до Оби, собраны ценные сведения о фауне и флоре этого района, о быте и нравах местного населения.

13 мая 1734 г. командир дубель-шлюпки «Тобол» лейтенант Д. Л. Овцын начал описание берегов от устья Оби. Ему надлежало обследовать побережье до устья Енисея. Плавание первого года было неудачным. Мощные льды и встречные ветры оказались непреодолимым препятствием. В июне 1735 г. Овцын достиг 68°40' с. ш. К этому времени значительная часть экипажа «Тобола» была тяжело больна цингой. Овцын с одобрения всех офицеров дубель-шлюпки повернул обратно и в августе достиг устья Оби. В октябре судно прибыло в Тобольск.

Лето 1737 г. было особенно благоприятным для плавания. В западной части Северного Ледовитого океана льдов не было. Овцын на построенном в Тобольске боте «Обь-Почталион» совместно с дубель-шлюпкой «Тобол» отправился в новое плавание. В первых числах августа суда вышли в открытое море. Мореплаватели измеряли глубины, определяли физические свойства морской воды. Овцын в своем дневнике записал: «Вода здесь весьма солоная и горькая, цветом темно-голубая, глубины 7 сажений». 16 августа корабли обогнули мыс полуострова, который отделяет Обскую губу от Енисея, и 31 августа вошли, «хотя через великие трудности, в устье Енисея. Отсюда они поднялись вверх по Енисею, пройдя около 300 км. Наступившие холода заставили моряков остановиться на зимовку недалеко от Туруханска.

Узнав об этом успешном плавании, Беринг написал очень прочувствованное письмо Д. Л. Овцыну:

«Государь мой Дмитрий Леонтьевич!

Желаю вам здравия и благополучия на множества лет, а мы с командою остаемся в Охоцку, за помощью божию, в добром здравье; за писание ваше, отпущенное от 14 декабря прошедшего 1737 году, а в Охоцку, полученное июля 31 числа 1738 году, в котором (кроме полученных от вас того ж числа репорту) объявляете о счастливом на судах от Обского устья чрез Северное море в Енисей реку вашем прибытии, благодарствую. И весьма радуюся о таком благополучном и еще до сего необретенном, ныне же счастливо вами сысканном новом пути; причем и вас о том вашем благополучии поздравляю; и прошу дабы я и впредь приятным вашим уведомлением оставлен не был, чего охотно слышать желаю. Я иного к вам писать не имею; токмо объявляю о господине капитане Шпанберхе, что он из Охоцка в надлежащий ему ваяж з божию помощью уже отправился в минувшем июня 18 числа сего году благополучно. Впротчем остаюсь ваш охотный слуга Беринг»¹.

Окрыленный столь замечательными успехами, Овцын решил отправиться в Петербург с отчетом о работе экспедиции. Однако в Тобольске он был арестован за связь с князем И. А. Долгоруковым, находившимся в сибирской ссылке. Овцына разжаловали в матросы и направили в распоряжение Беринга. Но дело, которому он отдал столько труда, продолжали его соратники.

Летом 1738 г. штурман Ф. Минин вместе с подштурманом Д. Стерлеговым начал исследование берега, чтобы описать его и изучить морской путь от устья Енисея на восток. В течение трех кампаний Минин и его помощники на боте «Обь-Почталион» настойчиво пробились сквозь льды на северо-восток. В 1740 г. они достигли мыса на западном берегу Таймырского полуострова (75°29' с. ш.). Мыс был назван именем штурмана Стерлегова.

Замечательный подвиг совершили моряки отряда под командованием лейтенанта В. Прончищева и штурмана С. Челюскина. В 1735 г. на кораблях, построенных в Якутске под наблюдением и руководством Чирикова, отряд вышел из Лены и двинулся на запад на

соединение с Овцыным и Мининым. Достигнув устья Оленека, мореплаватели остановились здесь на зимовку. Летом следующего года моряки продолжали плавание вдоль берегов Таймырского полуострова и почти достигли мыса, носящего теперь имя Челюскина, однако встретив на пути мощные льды, они вынуждены были повернуть обратно. На этом пути отряд постигло большое несчастье. Командир отряда Прончищев и его жена Мария Прончищева, разделявшая с мужем все тяготы и невзгоды плаванья в суровой Арктике, умерли от цинги. Но отважные моряки не пали духом. Они поклялись приложить все силы к тому, чтобы завершить дело, начатое их командиром, которого горячо любили все матросы. Отряд бесстрашных и сильных волей моряков возглавил лейтенант Харитон Лаптев, мужество и находчивость которого помогли экипажу перенести еще одно, весьма тяжелое испытание: их корабль, дубель-шлюпка «Якутск», был раздавлен льдами. Казалось, все погибло, положение безнадежно. Но отважные моряки по льду перебрались на берег и с необыкновенным упорством продолжали исследование побережья. Пешим путем, следуя по пустынной тундре, они совершали большие переходы, составляя описание огромных пространств севера и нанося их на карту. Так была создана карта берега от Лены до Хатангского залива, а также побережья Таймырского полуострова.

В феврале 1742 г. Челюскин вышел из устья Хатанги и направился к северной оконечности Азии. 1 мая он достиг мыса Св. Фаддея и отсюда приступил к описанию берега по направлению к мысу, названному им Северо-Восточным, которому впоследствии было присвоено его имя. Челюскин установил широту этого мыса в 77°32' с. ш. Определения координат, произведенные впоследствии другими исследователями, подтвердили исключительную точность исчислений Челюскина.

Цель экспедиции была достигнута. Семен Челюскин в скупых записях путевого журнала отметил этот знаменательный момент такими словами: «Сей мыс каменный приярый, высоты средней, около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оной мыс Восточны-северный мыс» (Соколов, 1851, стр. 63).

Отряд под командованием Ласиниуса начал исследовательские работы одновременно с отрядами Прончи-

¹ ЦГАВМФ, ф. 1230, д. 30, л. 19.

щева в 1735 г. Выйдя из устья Лены на боте «Иркутск», он двинулся на восток. В устье р. Хараулах была проведена зимовка. В течение зимы в отряде свирепствовала цинга — из 52 человек в живых осталось всего 8. От цинги умер и сам Ласиниус.

После смерти Ласиниуса руководство отрядом принял лейтенант Дмитрий Лаптев, друг и товарищ Чирикова. Задача Лаптева состояла в том, чтобы обследовать острова, расположенные против устья Колымы. В мае 1736 г. Лаптев на трех дощаниках вышел из Якутска к устью Лены. Здесь он решил ожидать бота Ласиниуса, находившийся на зимовке в р. Хараулах. Не дождавшись бота, Лаптев отправился в Хараулах и там 18 июля принял команду над ботом «Иркутск». В конце месяца бот прибыл к устью Лены, где стояли дощаники, однако подойти к ним из-за больших льдин, преградивших путь, он смог только 7 августа. Спустя несколько дней Лаптев двинулся на северо-восток и через два дня дошел до $73^{\circ}16'$ с. ш. Но здесь мореплавателям опять преградили путь льды. Небольшое судно со всех сторон было окружено айсбергами. Посоветовавшись с офицерами, Лаптев решил возвращаться. Опыт плавания показал, что добраться морским путем до Камчатки пока невозможно. Поэтому было решено и «на предбудущий год на море не выходить, понеже к проходу до реки Колымы и до Камчатки по всем обстоятельствам ныне и впредь нет никакой надежды». Зимовка на Лене была очень трудной. Почти вся команда переболела цингой. В июле 1737 г. Лаптев вернулся в Якутск.

После двухлетнего перерыва в работе ленских отрядов командиром восточного отряда был назначен Дмитрий Лаптев. Командиром дубель-шлюпки вместо Прончищева стал Харитон Лаптев. В инструкции, которая была вручена братьям Лаптевым, указывалось, что они должны начать плавание, как только море очистится ото льда, «не упуская ни мало летняго благополучного времени, а ежели где крайняя невозможность к походу постигнет, например, ото лдов, в таком случае... обжидать перемены и к походу возможности, а ежели де таковой способной случай придет, то без потеряния времени во определенной вояж следовать. И, буде конечное препятствие постигнет в такое же время, как по тамошне-

му климату зима становитца и вода мерзнет, пред тем временем возвращатца не в прежния дальния места, но искать способу, где б ближе зимовать можно было, дабы дальним назад возвращением в действии той экспедиции медления не иметь и времени не потерять, и по усмотрению, где б по способности и безопасности ближе зимовать»¹. В инструкции далее указывалось, что экспедиция должна завершить свою работу на второе, третье или четвертое лето. Главная задача восточного отряда заключалась в том, чтобы продолжить морской путь на Камчатку вокруг Чукотского полуострова. Решению этой задачи Адмиралтейств-коллегия придавала очень большое значение.

С неутомимой энергией двоюродные братья взялись за выполнение порученного им большого государственного дела. В навигацию 1738 г. дубель-шлюпка под начальством Х. Лаптева сквозь льды добралась до Хатангской губы. Здесь была сделана остановка для зимовки. В зиму 1739/40 г. Х. Лаптев совершил путешествие к устью р. Пясины. В это же время были описаны берега к востоку и западу от р. Таймыры. Летом 1740 г. моряки сделали попытку обойти морем Таймырский полуостров. Дубель-шлюпка, попав в полосу непроходимых льдов, чуть не стала жертвой морской стихии. С большим трудом моряки спасли корабль и себя от неминуемой гибели. Ввиду того что обойти льды не представлялось возможным, было решено описать полуостров с суши с трех сторон. Эта задача была выполнена в марте—мае 1741 г. Описание отличалось большой точностью и было затем использовано при составлении карт побережья Северного Ледовитого океана.

Часть отряда Д. Лаптева ранней весной начала описание берега от устья Лены на восток к Св. Носу и обратно, другая часть произвела описание Индигирки. Эти группы производили описание по суше. В июне 1739 г. Д. Лаптев на боте отправился в море, чтобы произвести опись. Но через несколько дней он убедился в невозможности осуществить описание с моря и решил перейти на берег.

Весной 1740 г. был описан берег от Алазеи до Колымы. В это же время было произведено описание рек

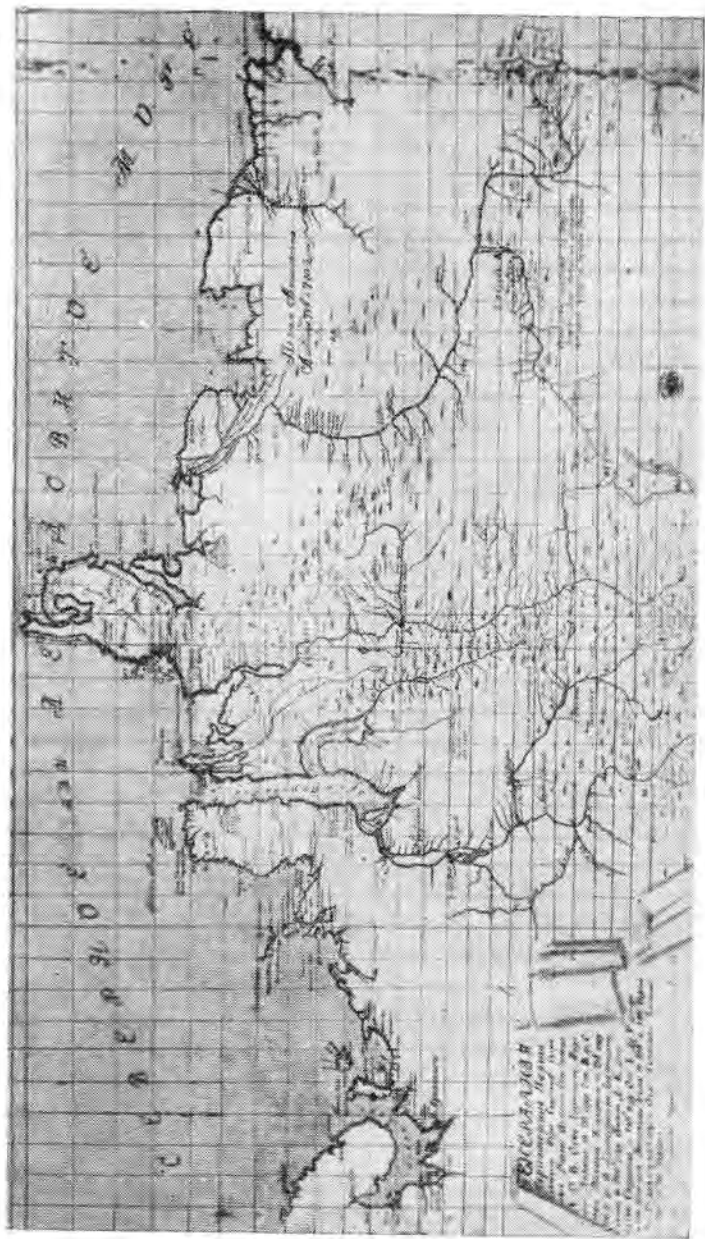
¹ «Экспедиция Беринга», стр. 159.

Яны и Хромы. Летом была предпринята настойчивая попытка пробиться к Чукотскому Носу. С большим трудом мореплавателям удалось подойти лишь к м. Большой Баранов. Встретив на своем пути мощные льды, Д. Лаптев решил вернуться к среднему устью Колымы, чтобы устроиться там на зимовку.

Осенью 1740 г. геодезист И. Киндяков был направлен для описи верховьев Колымы, а штурману М. Щербинину поручили исследовать дорогу до Анадыря. В 1741 г. Д. Лаптев сделал еще одну попытку пройти морем за Каменный Нос на боте «Иркутск», но из-за мощных льдов он вынужден был отказаться от этой мысли и решил возвратиться на Колыму. На обратном пути было произведено описание берега.

В конце октября 1741 г. Д. Лаптев отправился в поход на Камчатку, следуя сухопутьем. С 45 нартами, запряженными собаками, он, покрыв большое расстояние, появился в Анадырском остроге. Построив два гребных судна, Д. Лаптев летом 1742 г. описал берега Анадыря до самого устья, после чего вернулся в Нижнеколымск, а в 1743 г. направился в Петербург.

С необыкновенной настойчивостью русские моряки стремились проложить морской путь на Тихий океан. Они несли много жертв, но великая цель экспедиции придавала им силы в борьбе с лишениями и невзгодами. Так бороться могли только люди, понимающие величие стоящих перед ними задач. Холод и голод, льды и арктические метели — ничто не могло заставить горстку отважных отказаться от цели, ради достижения которой они не щадили своих сил и жизней. Отважные мореплаватели прокладывали пути там, куда не мог попасть ни один из европейских моряков. Хотя восточному отряду и не удалось обогнуть Чукотский мыс, он произвел описание побережья на огромном протяжении от Архангельска до Чукотки. Описания и карты, составленные отважными полярными исследователями, отличались исключительной точностью. Во время своего плавания Д. Лаптев поддерживал контакт с руководителями экспедиции, с Чириковым же его связывала большая дружба. В письмах друг другу они делились своими успехами и неудачами.



Генеральная меркаторская карта

Глава 3
К берегам Японии

Плавание 1738—1739 годов

Отряду кораблей под командованием капитана Шпанберга надлежало идти к тем островам (Курильским), «кои пошли от Камчацкого полуденного носу к Японии и из них несколько были уже во владении российском, и с народов живущаго на тех островах брали ясак на Камчатку, также которые в прошлых годах навигатор Евреев [Евреинов] описывал и видел 16 островов». Инструкция обязывала Шпанберга все эти острова и что «сверх того явитца островов жилых учинит опись... а ежели и далее к самой Японии острова ж или земли найдутца, подвластныя хана японского или иных азиатских владетелей, також осмотреть же». При встрече с местными жителями предписывалось при первом же благоприятном случае принимать в подданство тех, кто пожелает, «наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, не чем не отягачать. Разве какой сами меж себя расположат, и станут давать ясак, однакоже затем отнюдь не мешать, а отходить в свой путь»¹.

Наряду с этим предлагалось исследовать японские острова и ведущие к ним морские пути.

Подготовка экспедиции началась сразу же по прибытии Шпанберга в Охотск. 7 июля 1737 г. была спущена на воду бригантин «Архангел Михаил», 19 июля — дубель-шлюпка «Надежда», исправлены повреждения на боте «Св. Гавриил», однако из-за отсутствия нужного количества провианта экспедицию пришлось отложить до весны 1738 г.²

18 июня 1738 г. отряд вышел из Охотска и 6 июля прибыл в Большерецк. Здесь были полностью укомплектованы команды, пополнены запасы продовольствия и пресной воды. Корабли следовали вдоль островов Курильской гряды, моряки наносили их на карту, давая островам русские названия. Шпанберг сообщал, что он

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 1327, л. 79/об., см. экстракт «О вояже капитана Шпанберга»; ЦГАВМФ, ф. Чернышева 1762—1788, д. 408, ч. I.

² ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 24, л. 987.

видел 32 острова, но на тех островах «за крутостию берегов не были и есть ли на них жителей, неизвестно». Число виденных им островов Шпанберг явно преувеличил.

Наполз густой туман, бот «Св. Гавриил» отстал, а вскоре из виду была потеряна дубель-шлюпка «Надежда». Приближалась осень, и дальнейшее плавание было сопряжено с большим риском. Поэтому независимо друг от друга командиры кораблей решили возвратиться на Камчатку. Флагманский корабль, спустившись до 45° с. ш., до острова Уруп, обогнул его и 17 августа вошел в Большерецкое устье. Дубель-шлюпка (командир Шельтинг) вернулась в Большерецк на десять дней раньше. Бот «Св. Гавриил» под командой Вальтона дошел до восточного выступа острова Хоккайдо (около 43°20' с. ш.) и нанес на карту 26 островов.

Несмотря на то что японских берегов достигнуть не удалось, все же были получены некоторые сведения о Курильских островах и данные о навигационных условиях в малоизвестном районе Тихого океана. Вместе с тем выяснилось, что совместное плавание при плохой видимости и тогдашних навигационных средствах дело необычайно трудное.

Зимовали моряки в Большерецке. Они заготавливали дрова, вывозили их из лесу на себе нартами, пекли хлеб, ремонтировали суда, сушили сухари, «на дубель-шлюпе всякой мелкой такелаж перебрали, вязали и гафели сплели... кухню складали; на боте «Гавриил» и кухню ж доклали; к форштевню планку железную прибили, правой борт оконпатили; кузнечной работы бугели к мачте, где ходит вниз на дубель-шлюп сделали»¹.

Из березового леса был построен 18-весельный шлюп «Большерецк» (длина его 50 футов, ширина 11 и осадка 4,5 фута и 12-весельная шлюпка для обследования прибрежных районов. Командиром «Большерецка» был назначен квартирмейстер Василий Эрт.

Рано утром 20 мая на флагштоке «Архангел Михаил» взвился синий флаг. Четыре судна снялись с якоря. Ветер был слабый, ярко светило солнце. В честь фло-

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), д. 535, л. 135.

тилии, по морскому обычаю, салютовали из пяти пушек.

С первых же часов плавания начали измерять глубины, определять грунт, направление ветра, курс кораблей, скорость хода. Обо всем записывалось в вахтенный журнал.

На пятый день флотилия достигла первых островов Курильской гряды (42° с. ш.), того места, где на карте Ж. Делиля обозначена мифическая Земля Гамы; в действительности ее не оказалось, и это немало удивило моряков.

В первую же неделю стало очевидно, что командиры кораблей не в состоянии удерживать свои места в строю. Шпанберг произвел перемену в командовании судами: лейтенант Вальтон принял бот «Св. Гавриил», а мичман Шельтинг — дубель-шлюпку «Надежда». Смелое командование проводилось без достаточных для этого оснований.

«И по силе твоего приказания и по полученному ордеру, — писал Шельтинг, — принужден я был ехать без всякой притчины и без здачи на дубель-шлюпку, а лейтенант Вальтон — на бот «Гавриил»¹.

Взаимоотношения между Шпанбергом и подчиненными ему офицерами обострились.

Отряд сначала спустился к юго-западу, а 14 июня, на широте 39°31' с. ш., повернул к японским берегам. Шли в тумане. Чтобы судам держаться вместе, на флагманском корабле, как было условлено, били склянки, палили из пушек, и все же бот «Св. Гавриил» 15 июня был снова потерян из виду.

Впоследствии Шпанберг обвинял Вальтона в том, что он отстал без всякой причины. Вряд ли этот упрек имел серьезное основание. В условиях постоянных туманов, при несовершенстве средств кораблевождения судам было трудно удерживать место в строю.

В тот же день были замечены чайки, плавающее дерево, а затем показалась земля. Это было северо-восточное побережье острова Хондо (Хонсю).

Корабли шли вдоль берега Японии, и, чтобы «проще их видеть, какие они и сколь вблизи берегов вода глубока, и какой около их грунт», Шпанберг

направил к берегу «Большерецк». После выполнения задания Эрт письменно доложил, что «на том судне близ самой той Японской земли, расстоянием от берегов не далее двух верст»¹. Однако к берегу Эрт подойти не решился, так как в заливе находилось около 30 парусных судов и множество байдарок.

Из-за встречного ветра корабли лавировали «не в дальности японских берегов». 18 июня отряд возобновил плавание, следуя курсом StW и SSW. Моряки записали в журнал, что берега каменистые и «на тех камнях растет великий лес, а какой, того признать нам было невозможно», что на берегу были замечены четыре большие деревни, все строения каменные, а вокруг домов поля, усеянные хлебом, а «под тем хлебом пашни видели по жеребьям так, как и в российских местах, десетинами или четвертьями разделены». Поскольку все же с моря трудно было все приметить, Эрту было приказано снова попытаться подойти к берегу, чтобы «осмотреть, где бы лечь на якорь и, выехав, взять воды».

20 июня были замечены две японские лодки, они шли параллельно курсу русских кораблей. Моряки приглашали японцев подойти к ним, но те «также мохали и подавали своей лодки дрек², и указывали на берег». В журнале отмечено, что гребут японцы стоя, «наискось, подобно как рыба хвостом правит и очень гребля их скоро»³.

22 июня три русских корабля на широте 37° бросили якорь на расстоянии одной версты от берега. В этот день японские рыбаки доставили на корабли камбалу и другую рыбу. Русские угостили японцев вином и высказали пожелание снова встретиться с ними. Флагманский корабль, украшенный всеми имеющимися у него российскими флагами, произвел на японцев благоприятное впечатление. Чувство осторожности сменилось доверием и дружелюбием. Новые знакомые снабжали русских моряков рыбой, рисом, листовым табаком, редисом, солеными огурцами, молочными продуктами, а «оных японцев господин капитан Мартын Петрович Шпанберг угощал сухорями, вином и табаком, за кото-

¹ «Русские открытия в Тихом океане...», стр. 87.

² Дрек — небольшой якорь.

³ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 535, д. 4, л. 153.

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 235.

рые оне каждой приняв и принесши к голове, прижав брали... Хотя наши толмачи, курильские мужики, с ними японцами говорить не умели, однако можно было видеть с учтивостью и ласкою и благодарением принимали».

Японцы «с людьми нашими торговались охотно чрез мины», выменивали суконные изделия, бусы и за них платили золотыми монетами, имевшими форму параллелограмма и четырехугольника, «весом против российского червонца $\frac{7}{10}$ весит, токмо золото чистое». Два золотых червонца, полученные в обмен на два куска материи, были направлены в Адмиралтейств-коллегию. В журнале¹ флагманского корабля с большими подробностями описан внешний вид японцев: «Ане японцы росту среднева и малова росту доволно, а болшого росту доволно мало мы видели; ане телом смуглые, глаза черные и немалые; волосы також черные, а головы бритые с самого лба и за верховище, а назади волосы у каждого причосаны глатко и клеєм наклеены и белою бумагою обвиты и перевязано, а самые концы волосов обрезаны, а у молодых робят самое верховище квадратно выбрито на вершек и також волосы причосаны и наклеены и со лба и созади вместе связаны. У них, японцев, носы небольшие, с пережбиной, тупые и остроносых мало».

Русские моряки подметили национальные особенности и резкие контрасты в одежде различных слоев населения. «Платье на них долгое и подпоясаны, рукова широкие власно, как у нас употребляют или носят спальные шлафары, токмо бекасиные, а которых мы видели, все были босы и без порток, а вместо порток закрывают или завязывают свой срам полотном». По характеру одежды русские определили, что шесть японцев, приходивших в большой лодке, принадлежат к знатным людям, «у которых было на платье и на пле-

¹ Его полное название: «Ежедневный журнал на бригантине «Архангел Михаил» под командованием капитана Шпанберга с 6 июня 1738 г. по 3 августа 1739 г.» Всего 186 листов; подпись: «капитан Шпанберг». Журнал содержит много интересных данных, не вошедших в рапорт. Он представляет бесспорный интерес, а в данном случае служит еще одним доказательством того, что Шпанберг действительно был в Японии. Сам Шпанберг неоднократно ссылался на свой журнал.

чах и на подолах знаки репьями вышито... и как пришли оне в каюту, поклонились каждой до земли, зжав руки, принесши к голове держали, а после стояли на коленях; и его благородие подчивал водкою и кушаньем»¹.

Во время дружеской беседы с японцами Шпанберг показал им морские карты и глобус, «и оне на то сказывали минами, что та их земля называется Нифония, а не Япония», как было изображено на картах.

3 июля на широте $44^{\circ}24'$ были обнаружены три острова Курильской гряды. Их назвали Фигурный, Трех Сестер и Циторный. Из-за плохой видимости потерян был «Большерецк». Трехдневные поиски Шпанберга оказались тщетными. На следующий день пробирных дел мастер Симон Гардебол, четыре матроса и квартирмейстер Картунов для поиска металлов и минералов были посланы на остров Фигурный. Они собирали травы, цветы, ягоды, ветки и в речке обнаружили раковину, в которой находился жемчуг. Посланный на остров Фигурный штурман Петров сообщил, что глубины залива от 6 до 20 сажен, ширина — одна верста, грунт — местами песок и черный ил, якорная стоянка хорошо защищена от северных ветров и обнаружен источник сладкой воды.

7 июля, когда туман рассеялся, на широте $43^{\circ}15'$ была замечена низменная земля, покрытая густой травой, точно зеленым ковром. Ее назвали островом Зеленый. 8 июля бросили якорь у острова Нуцкам. Вокруг него были замечены острова: Нуциам, Сетмов, Акиш, Куссюр, Толотси, Эрум, Курака, Усор, Това, или Матман, Самур, Инюду, или Еиду, Осага. Жители их торговали с Матмаем².

Русские снова одарили островитян, угостили вином. «Они все от нас,— писал Шпанберг,— принимали со учтивостию, и обе свои руки, зжав, приносили ко лбу и так кланялись. Також становились они на колени перед петухом. Увидя ево, поднимали руки кверху. И поехав от нас, кланялись нам».

Отсюда корабли направились к острову Матмай. Шли в тумане, при дожде и встречном ветре. Суда

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 535, д. 4, л. 153.

² «Русские открытия в Тихом океане...», стр. 93.

подходили «к земле нечаянно, где не без великова страху были, и для того имели великой труд и суету мореплавания, и терпели немалую мокроту, и оттого многие в команде... захворали».

Положение осложнилось тем, что корабли, идя узкими проливами, в любой момент могли выскочить на берег или подводный риф. В память о тяжелых испытаниях это место было названо «губой Претерпения».

24 июля русские мореплаватели приближались к острову Матмай, к которому подходило множество японских парусных бус. «И те бусы,— писал Шпанберг,— видны строением длинные, около семи и девяти сажен, а шириною более трех сажен, остроносые, об одной мачте, палубы скатные, кормы тупые, доски назад выпущены фута на четыре, шиты те суда медью, имеютца на них каюты, парусов на них по одному стоячему, но токмо весьма широкия, а шиты из белова полотно, у некоторых бусов имеютца на парусах признаки, подле лику круги черные, а ходят оные бусы узлов по осми и по двенадцати; с которыми ходили мы вместе». Шпанберг отметил, что у острова Матмая бывают шторма, «колебание и течение моря великое». Находясь в новых местах, они пристально наблюдали за всем и брали все, что попадалось. Так, заметив плавающий грецкий орех, моряки тотчас его взяли на корабль.

В связи с тем что число больных с каждым днем увеличивалось и матросов, способных управлять парусами, становилось все меньше и меньше, 25 июля корабль лег на обратный курс. Через шесть дней на широте 44°24' «Надежда» в тумане отстала от флагмана. После тщетных попыток найти дубель-шлюпку Шпанберг направился к Первому и Второму островам Курильской гряды, надеясь встретить шлюп «Большерецк» и бот «Св. Гавриил». Но его надежды не оправдались. 14 августа «Архангел Михаил» возвратился в Большерецк, откуда отправился в Охотск. Здесь 29 августа флагман встретился с ботом «Св. Гавриил» и шлюпом «Большерецк».

Особенно большие трудности выпали экипажу дубель-шлюпки «Надежда». Шельтинг писал: «Шли мы до Комчатской земли, свету на земли за туманами не видали, також и в воде не малую нужду принимали, и ежели б не дождевые капли с парусов збирали, то б

почти и все не воскресли»¹. 31 августа, придя в Большерецк, дубель-шлюпка сразу же получила приказ доставить больных в Охотск. Но из-за штормовой погоды и плохой видимости «Надежда» в октябре вернулась в Большерецк. Здесь она провела зимовку и попала в Охотск только в июле 1740 г. Плавание «Надежды» потребовало больших жертв: 11 умерших, а «достальные едва ходили». Но и в самые опасные минуты моряки ежечасно записывали в шканечный журнал свои наблюдения. Сразу же после окончания плавания приступили к обработке материалов и к составлению карты.

Вернемся к самостоятельному плаванию бота «Св. Гавриил». Ссылку Вальтона на то, что бот отстал ввиду необходимости срочного исправления фокфал- и кливерфал-блоков Шпанберг счел попыткой оправдаться: «И то ево Вальтонова напрасная и затеянная отговорка»².

16 июня «Св. Гавриил» подошел к восточному побережью Японии на широте 37°42'. Спускаясь к югу, 18 июня корабль бросил якорь на широте 35°10' в значительном удалении от берега. На следующий день к борту бота подошло небольшое судно с 18 японцами. Они пригласили русских к себе.

Вальтон направил к берегу ялбот с шестью матросами во главе со штурманом Казимировым и квартирмейстером Черкашиным, которым было поручено доставить пресной воды, а японцам передать подарки.

Навстречу ялботу устремилось более ста лодок. Они шли «подле елбота столь блиско, что насили можно было весла на нем поворачивать» (Берг, 1946, стр. 179). На берегу низким поклоном японцы приветствовали мореплавателей. Оставив двух человек на ялботе, Вальтон с остальными людьми направился в селение Амацумура на острове Хонсю. Здесь рыбаки и угощали моряков виноградным вином из фарфоровых чашек, яблоками, померанцами, редькой в сахаре, вареным рисом, подарили табак и трубки. Казимиров передал рыбакам бусы и серебряные монеты, которые тут же были отданы старосте и его помощнику (япон-

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 238.

² «Русские открытия в Тихом океане...», стр. 95.

ские законы строго-настрого преследовали за связь с иностранцами). Казимиров со своими матросами осмотрел поселок (в рапорте Вальтона он именуется городом), в котором насчитывалось около 1500 деревянных и каменных зданий, расположенных в трех верстах от моря. Казимиров сообщил, что у японцев имеются лошади, коровы, куры, что они выращивают рис, горох, а «из овощей имеют они виноград, помаранцы, шепталу и редис», в домах чистота, «цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домех с товарами, в которых видел он пестреди бумажные и шелковые, а иног в скорости ему рассмотреть некогда было»¹.

Наполнив две бочки пресной водой, русские моряки направились к своему кораблю. Их сопровождал знатный японец, одетый в шелковое платье, совершивший вместе с Казимировым прогулку по поселку. Он преподнес капитану корабля сосуд с красным вином, а Вальтон потчевал гостя русским вином.

О встрече Казиминова с японцами интересные подробности сообщил Вальтон в рапорте Шпанбергу от 1 сентября 1739 г. «И как де он штурман Казимиров,— писал Вальтон,— усмотрел на берегу двух человек при саблях, ис которых один имел две, то де он на берегу не стал медлить ни часу и пришед де на ялбот, отвалил прочь от берегу и погребли к боту, тогда... [пропуск в документе] судов отвалило от берегу множество за ним: ис тех де судов подошло одно судно и взяли с ялбота буксир, котория и буксировали де наш ялбот до нашего боту, а протчие де суда за нами следовали для смотра, а судно, кое буксировало наш ялбот, то из них [принадлежало] знатному человеку, которой у них был на судне и буксировал к боту наш ялбот, и я подарил за его работу расиской монет, а других японских людей дарил платьем, а именно подарил суконной комзол, бешмет красной бонберековой з золотыми пуговицами, шлафарок коломенковой, подбит белками, штаны суконные красные, колпак гарусной немецкой да рубашку фанзовую для показания к ним приятнаго дружества».

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 181.

Вскоре, подняв паруса, «Св. Гавриил» взял курс на юг, следуя вдоль побережья. 21 июня на широте 38°51' бот бросил якорь между четырьмя островами¹. Хотя они и каменисты, «на них живут люди, имеют довольно скота рогатого и лошадей, огородных овощей; оные острова протягиваются от мыса южного, от которого заворачивать надлежит к городу Едо».

22 июня к боту подошли два японских судна. Вальтон попросил привезти пресной воды и дров, за что обещал уплатить фунт бисера. Капитана пригласили следовать в гавань. Стоял штиль, и корабль взяли на буксир. Неожиданно появилась лодка, в которой находился военный при шпаге и с пистолетом в руке. Он приказал отпустить бот и запретил японцам общаться с русскими моряками. «Св. Гавриил» покинул гавань и на следующий день встал на якорь вблизи небольшого острова. Здесь моряки встретили людей, одетых в холщовые платья, на берегу паслись коровы и лошади.

24 июня «Св. Гавриил» направился к берегам Камчатки и 21 июля прошел между Первым Курильским островом и мысом Лопатка. В журнале отмечено, что в двухстах сажнях к югу от мыса имеются «наружные каменья», а в двух милях лежит отмель. На следующий день бот вошел в устье Большой реки и через месяц прибыл в Охотск. Так завершилось одно из труднейших путешествий. Обработанные вместе со штурманами и геодезистами материалы плавания Шпанберг с нарочным направил из Якутска (где он находился с 4 октября) в Адмиралтейств-коллегию, а сам по указанию Беринга остался в Якутске в ожидании новых указаний.

Рапорт Шпанберга, полученный в Петербурге 19 ноября 1739 г., произвел благоприятное впечатление. Русские люди открыли морской путь в Японию, изучили навигационные условия плавания у ее берегов и собрали сведения, на основании которых можно было составить представление о Стране восходящего солнца.

¹ На печатной карте, составленной Красильниковым, то место отмечено под 35°22' с. ш. ЦГАВМФ, ф. архива Гидрографии, д. 98, л. 99.

Шпанберга обещали не только наградить за «радение и тщание», но и поставить во главе экспедиции вместо Беринга.

Указом от 7 января 1740 г. Шпанбергу повелевалось спешно со всеми документами и материалами ехать в Петербург «без всякого разглашения скрытно, не объявляя о себе, откуда, и от кого, и с чем отправлен, никому»¹.

24 января Шпанбергу был послан новый указ. Ему предлагалось ехать в Петербург «со всяким поспешанием денно и ночью... не заезжая никуда явиться в кабинет е. и. в. не отменно». Этот указ Шпанберг получил только 10 апреля. Ему не удалось немедленно выехать. В своем рапорте от 16 апреля он объяснил причины, помешавшие срочному выезду. Он писал, что старался от Якутска отправиться немедленно, чтобы воспользоваться зимней дорогой, хотя бы верхом на лошадях, «ибо в таком пустом месте, когда реки и малые ручьи наполняются водою, то распутием ехать будет никак невозможно, а судна взять негде да и сделать неисчего и не с кем. Також и правяния об удовольствии завести невозможно». В силу этих обстоятельств Шпанберг решил ждать вскрытия Лены, после чего, заверял он, немедленно отправиться из Якутска «водою и где подлежит и сухим путем в надлежащей мой тракт и буду следовать до Санкт-Петербурга со всяким поспешанием, не упуская ни единого часа денно и ночью».

Как только Лена освободилась ото льда, 13 июня Шпанберг отправился в путь, но 8 июля в Киренском остроге ему специальным нарочным вручили указ, которым предписывалось немедленно возвратиться с того места на Камчатку и принять на себя командование над Камчатской экспедицией².

В инструкции Ф. И. Соимонова, составленной для Шпанберга как будущего начальника экспедиции, указывалось, что весной 1740 г. Чириков и Ендогуров на

¹ ЦГАДА, ф. сената, л. 1089, л. 828.

² Указом от 7 марта 1740 г. капитану-командору Берингу предлагалось немедленно ехать в Петербург, поручив капитану Шпанбергу команду над Камчатской экспедицией. Именно этот указ, специально посланный нарочным, лейб-гвардии каптенармус Аврам Друкорт передал Шпанбергу.

двух пакетботах направятся к Америке, а Шпанберг, Вальтон и Чихачев — в Японию.

В инструкции точно определен маршрут японского отряда: сначала экспедиция должна идти к островам Фигурный, Зеленый, затем следовать к Матмаю и от него к Японии.

Инструкция знаменитого гидрографа, несомненно, принесла большую пользу. Достаточно сказать, что карты, составленные по материалам последующих экспедиций, отличались большей точностью, а журналы — тщательностью записей и разносторонностью наблюдений.

Время, необходимое на переход от Охотска до Камчатки, рекомендовалось использовать для описания и составления карт новых районов и, не заходя в Большерецк, двигаться вдоль берега. На пути от устья р. Уды до японских островов «весь тот берег окуротно примечать, как положение оно, так где явятся бухты и реки и прочее, т. е. глубины и места берегов, особливо осматривать, лесные ли оные или каменные и гористые, или низкие, и прочее примечанию и описанию достойное»¹, в частности, замечать места, которые могут служить надежным убежищем для кораблей во время шторма.

Специально рассмотрен вопрос о шканечных журналах, так как в журнале Шпанберга были обнаружены ошибки, сказавшиеся на качестве карты. Так, например, экватор наложен «яко бы она меркаторская, а по свидетельству явилась плоская, ибо не толко другие, но 60 градус, экваторному положен равной, которому по меркаторской картине вдвой больше экваторного быть надлежало», во многих местах обозначены только пеленги, «а надлежало бы класть к ним мили по рассуждению, токмо оных не написано и не записывано», глубины часто не наносились на карту и не записывались в журнал. Те же погрешности были допущены и во время плавания у японских берегов.

Шпанберг, как известно, не прислал в Петербург журнал и карту Вальтона, а между тем эти материалы особенно интересовали Соимонова, потому что Вальтон

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 263.

спускался значительно южнее Шпанберга. Поэтому Шпанбергу было предложено, чтобы на присланной из Петербурга карте Вальтона, от того места, «где оной с вами разлучился, назначить свой весь вояж особливо, для лучшего усмотрения и что где им видимо было, и тое карту и содержанной им на ево судне той компании журнал с первым случаем с посланным отсюда прислать».

Точность записей в журналах и их правильное отражение на картах — вот требования, которые должны были строжайше соблюдать все мореплаватели. А чтобы повысить ответственность за качество работ, «впредь велеть, чтоб все те, которые журнал содержать должность имеют, как ко оному, так и к сочиненным по оным картам подписывались, а не одне вы».

Для описания устья р. Уды рекомендовалось послать в верховья шлюпку, которая должна была, «сколко возможность и время допустит, описать глубину и берега ея, а наипаче какая леса по оной реке имеются, ибо известно, что по той реке леса дольные имеются ко всяким строениям годные; тако ж и того в примечании не оставить, какие живут около Удинского острова народы и в каком расстоянии река Уда и устье оныя... от реки Амура». Шпанбергу представлялось право произвести описание реки с берега; верховья Уды поручалось обследовать лейтенанту Ларионову.

Отметив, что во время плавания к Курильским островам измерение глубин проводилось не систематически, Соймонов предложил Шпанбергу составить карту в крупном масштабе, с нанесением глубин, входов с обозначением наиболее удобных мест, в которых в непогоду могли укрываться любые корабли.

Поскольку существенные недосмотры были допущены и при посещении островов Фигурный и Зеленый, Шпанбергу предписывалось летом 1740 г. послать на особом судне двух штурманов для осмотра и составления карты с нанесением на нее якорных стоянок, лесных массивов, источников пресной воды и т. д.

Для выяснения взаимоотношений между жителями островов Зеленый и Матмай предполагалось взять двух русских в качестве переводчиков, которые «у бывших здесь японцев, пока они живы были, по запискам не-

сколько того языка обучились и по нужде либо вместо толмачей служить вам могут»¹. Помимо этого мореплавателям надлежало путем опроса местных жителей установить, «прямая ль та земля, на которой сам японской хан живет или еще особливые острова, и какие на них города и другие поселения и сколь людны. И что у них родитца и делается и какое от тех мест состояние до столичного города японского, в котором хан их живет, и водою или сухим путем туда путь надлежит и во сколько дней переезжают».

По мнению Ф. И. Соймонова, главная цель экспедиции — наладить дружественные отношения с Японией: «С ними, японцами, соседственную дружбу и для пользы обоих государств комерцию свести, из чего обоим сторонам подданным может произойти немалая прибыль». Поэтому экспедиции следовало запастись сухом, парчой, бисером, корольками (бусами) и продавать их без «повышения настоящей цены», а старшин одаривать, чтобы «приохотить и к болшему впредь привозу оных к ним из России».

Ф. И. Соймонов считал, что колонизация западными державами Северной Америки и неизбежность охвата ею северной части Тихого океана требуют заблаговременных мер по обеспечению безопасности дальневосточных земель России.

В связи с этим перед экспедицией ставилась и другая задача — открывать острова, а их население, если оно не было подвластно Японии, приглашать принять русское подданство; при этом строго запрещалось без специального указа брать ясак, а товары только покупать и обменивать, но ни в коем случае не принимать даром.

Таковы были взгляды передовых деятелей и ученых России, нашедшие свое отражение в официальных документах. Однако нередко многие промышленники и служилые люди допускали произвол и насилие, что вызвало законное возмущение местных жителей.

¹ «Русские открытия в Тихом океане...», стр. 98.

Плавание отряда кораблей к Японии
в 1741 и 1742 годах

В сентябре 1741 г. подготовка новой экспедиции к берегам Японии была полностью закончена. В ее состав вошел пакетбот «Св. Иоанн», бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюпка «Надежда» и шлюп «Большерецк». В экспедицию были назначены знавшие японский язык ученики Академии наук П. Шенаныкин и А. Фенев, двадцатилетний сын Шпанберга, матрос Алексей Долгорукий (сын князя Долгорукого), японец Яков Максимов, потерпевший в 1718 г. кораблекрушение у берегов Камчатки¹.

Однако, поскольку благоприятное время для плавания к берегам Японии было упущено, Шпанберг считал целесообразным приступить к описи западного берега Охотского моря до устья Амура и с этой целью 4 сентября отправил дубель-шлюпку под командой мичмана Шельтинга с геодезистом Гвоздевым.

Через пять дней «Надежда» достигла Шантарских островов. Все примечательное Гвоздев записывал в корабельный журнал. 7 сентября моряки заметили утес и расположенный против устья р. Алдома остров Талок. 10 сентября сильный брамсельный ветер сменился штилем. Небо то заволакивалось облаками, то становилось совершенно чистым, а ночью на безоблачном небе было «звездное блистание». Моряки измеряли глубины, определяли характер грунта, направление и силу течения.

11 сентября «Надежда» направилась к устью р. Уды. Вскоре, однако, посланный для измерения глубин мичман Ртищев доложил, что «через всю лайду мелко, токмо три фута». Несмотря на риск, было решено продолжать плавание. Ориентироваться из-за плохой видимости было трудно, и корабль оказался на мели. На берегу виднелись жилые строения местных жителей.

13 сентября «Надежда» подошла к устью р. Уды на широте 55°30'. Ни строительного леса, ни пахотной земли вблизи не оказалось.

15 сентября, несмотря на мелководье (глубина не превышала трех футов), удалось войти в устье реки. Гвоздев вместе с командиром корабля на двух ботах с тунгусами отправился в Удский острог. Остальные участники экспедиции занялись обследованием устья Уды: «Воды имеется на три фута... — рапортовал Ртищев, — та река течет с самой горы в море, и видно было с устья якобы река валилася в море, потом было видно оная река имеет множество в себе детей [протоков.— В. Д.], которые весьма мелки и в росыпях». Подобных записей, свидетельствующих о тщательности наблюдений русских моряков, мы находим большое количество в делах экспедиции¹.

21 сентября Шельтинг и Гвоздев возвратились из Удского острога. С 22 по 28 сентября «Надежда» лавировала между Шантарскими островами в поисках удобной стоянки. Тем временем на корабле была обнаружена течь, и поэтому решено было идти в Большерецк, куда «Надежда» и прибыла 9 октября. Таким образом, в кампанию 1741 г. экипаж «Надежды» смог произвести лишь описание устья р. Уды и Шантарских островов.

Зима 1741/42 г. ушла на подготовку к новому плаванью. Отряд состоял из четырех кораблей. На пакетботе «Св. Иоанн» (командир Шпанберг) было 78 человек, в том числе два опытных штурмана — Хметевский, Верещагин, геодезист Скобельцын, констапель² Ушаков, ученики Шенаныкин, Фенев. Команда бригадины «Архангел Михаил» (командир Шельтинг, штурман Родичев) состояла из 40 человек. Экипаж дубель-шлюпки состоял из 33 человек (командир — боцманмат Козин, штурман — мичман Ртищев, его помощник Гвоздев). Продовольствия было запасено на пять месяцев.

23 мая отряд кораблей под общей командой Шпанберга вышел из Большерецкого устья, взяв курс на Курильские острова. При встрече в море с японцами командирам кораблей предписывалось проявлять знаки доброжелательства, «ибо невозможно будет сыс-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 38, л. 449.

² Констапель, коностапель — первый офицерский чин в морской артиллерии до 1830 г., когда он был заменен чином прапорщика.

¹ ЦГАВМФ, ф. 212 Адмиралтейств-коллегии, оп. 1, д. 10, л. 91—92.

кивать дружбы на земле, ежели в море хотя малое озлобление показать»¹.

На третий день отряд достиг первых островов Курильской гряды. 30 мая плавание возобновилось в юго-западном направлении. В течение нескольких дней стоял непроницаемый туман.

В 1742 г. в экипаж «Надежды» был назначен толмач курилец Кичея, а для поисков полезных ископаемых Артемий Кулагин и Симон Гардебол. В инструкции, определявшей методы изыскательских работ, содержалось требование соблюдать большую осторожность, «чтобы в море от внезапных случаев и на землях... не возметь какова бедства», и хранить в строжайшей тайне сведения о найденных металлах и минералах.

3 июня на широте 49°18' отлучились «неведома с какова умыслу или имев резоны... бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда». 13 июня на широте 44°40' отстал шлюп «Большерецк».

Чтобы обсудить вопрос о дальнейших действиях, Шпанберг дважды собирал совет офицеров, вторично — 22 июня, когда «Св. Иоанн» находился на широте 41°15' у берегов Японии, Шпанберг вновь подтвердил, что необходимо воспользоваться ожидавшимся благоприятным ветром и вернуться на Камчатку, тем более что из-за отсутствия малых судов нет возможности обследовать прибрежные районы, люди же стали ослабевать, и могут появиться болезни (Соколов, 1851, стр. 420).

В принципе все были согласны с капитаном. Мнения разошлись лишь по вопросу о сроках возвращения, но появление течи на корабле примирило всех. 30 июня, когда пакетбот находился на широте 39°35', решено было возвратиться на Камчатку. Японских берегов моряки так и не увидели.

14 июля «Св. Иоанн» подошел к первым островам Курильской гряды, где уже находились «Надежда» и «Архангел Михаил».

Наибольших результатов достигла «Надежда». Она дошла до 46°21' с. ш., а затем повернула к Курильским островам, прибыв сюда к 21 июля. Через несколь-

ко дней к дубель-шлюпке подошел флагманский корабль — пакетбот «Св. Иоанн».

Шельтингу, новому командиру дубель-шлюпки, Шпанберг приказал идти в Охотское море для продолжения описания его западных берегов от устья Уды до устья Амура. Остальные суда были отправлены в Большерецк, так как нуждались в ремонте.

24 июля «Надежда» покинула Курильские острова, а 1 августа подошла к Сахалину на широте 50°10'. Мореплаватели полагали, что это была земля Иессо. Спустившись на юг до широты 45°34', вошли в пролив, отделяющий остров Сахалин от Японии¹. Из-за густого тумана не видно было берега, хотя судно и находилось от него в шести милях. «Токмо за великими на море от противных ветров погодами, а паче же за великими ж туманами, видеть оногo Амурского устья было невозможно», — доносил Шельтинг капитану Шпанбергу.

Михаил Гвоздев систематически записывал свои наблюдения в корабельный журнал, нес вахту, производил съемку берегов.

Позднее, 14 мая 1756 г., на заседании сената об этом плавании сообщил интересные подробности участник экспедиции Петр Шенаныкин. Вместе с другими членами экспедиции он побывал на Первом острове Курильской гряды, на котором «живут иноземцы, называются курильцами, язык имеют от камчадалов и от прочих живущих иноземцев в Камчатской земле тунгусов, коряков и чукч особливой». Питаются курильцы рыбой, мясом морских и земных зверей, китовым жиром, а «хлеб у них не имеется и не знают что есть хлеб». Живут курильцы в земляных юртах, расположенных на горе. «Властителя над собой, — говорит Шенаныкин, — имеют по их иноземческому названию тоен, а тамошних российских людей по названию князец и ныне находящийся том Первом острове тоен крещен христианским православным крещением». Из дальнейшего повествования Шенаныкина следует, что жители острова находились в подданстве России и платили ясак. «И на тот Первой остров из Камчатских остро-

¹ В конце XVIII в. здесь побывал французский мореплаватель Лаперуз. В его честь пролив получил название «пролив Лаперуза».

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 54, л. 97/об.

вов посылаются тамошние российские казаки. При комиссарах для сбора с них есаку, и тот есак собирает помянутый тоен Первого острова со всех курильцев его владения, и берет с них курильцев бобры и лисицы, и отдаёт тем комиссарам, а в бытность же его Шенаныкина на показанном острове, приезжал тоен с Пятого острова». Собранный ясак комиссары доставляли на Камчатку, а оттуда его по морю в Охотск, в Охотскую канцелярию, ведавшую сбором ясака «со всех находящихся в Камчатской земле иноземцев». Из Охотска ясак увозили в Иркутск¹.

20 августа Шельтинг из-за появившейся в дубель-шлюпке течи и недостатка провианта взял курс на Камчатку и, описав 10 сентября 1742 г. часть восточного берега Сахалина, возвратился в Охотск. Следует отметить, что успешные плавания к берегам Японии, Северной Америки и другим отдаленным местам северо-восточной части Тихого океана в значительной степени связаны с трудом, который вложили русские кораблестроители в создание прочных морских судов; так, «Надежда», построенная корабельным мастером Кузьминым, за три с половиной месяца плаваний показала высокую мореходность и впоследствии совершила еще много других успешных рейсов.

Весть о плавании Шпанберга и Вальтона в 1739 г. в Японию проникла на Запад. В самом начале 1740 г. «Хроника нового света» сообщила, что Шпанберг открыл 35 островов различной величины и что он сам подходил к одному из них «и был принят островитянами с проявлениями радости»². Сообщалось и о том, что японцы показали Шпанбергу много золота и меди, и что несколько монет капитан отправил императрице.

27 июля 1740 г. «Газет де франс» писала об открытии Шпанбергом 34 островов, подчеркнув при этом, что «островитяне, хотя и весьма пораженные, приняли его многочисленными проявлениями дружбы; народы эти очень походят на японцев».

13 января 1740 г. Амстердамский журнал опубликовал письмо нидерландского резидента в Петербурге Шварца, высказавшего предположение о том, что Шпанбергу удалось достигнуть восточного берега Япо-

нии; при этом Шварц сообщил, что адмирал Н. Ф. Головин в ближайшее время должен получить от Шпанберга подробную «реляцию» «об открытии с приложением карты плавания»¹. В целом в Западной Европе не сомневались, что Шпанберг и Вальтон действительно в 1739 г. побывали в Японии.

В Петербурге с восторгом узнали, что Шпанберг и Вальтон достигли берегов Страны восходящего солнца. И вдруг 4 августа 1740 г. сенат получил доношение Скорнякова-Писарева, в котором сообщалось, что Шпанберг и Вальтон в 1739 г. дошли только до берегов Кореи².

Несмотря на то что журнал и карты плавания Шпанберга в 1738 и 1739 гг. содержали много неточностей, «однако ж можно по тому его журналу видеть, что он около тех мест ходил», — отмечал Беринг в рапорте Адмиралтейств-коллегии от 18 апреля 1741 г.

Авторитетное мнение Беринга все же решено было подкрепить изучением всех материалов экспедиции Шпанберга. 13 июля Адмиралтейств-коллегия поручила проанализировать карты и журнал Шпанберга учителю Морской академии Шишкову и сопоставить его данные с показаниями Скорнякова-Писарева и «по каким именно обстоятельствам поход оных Шпанберга и Вальтона к Японии признавать надлежит и те разности представить в коллежское разсуждение...».

Добросовестно изучив карты и журнал Шпанберга, а также использовав описания французских мореплавателей, ходивших к Японии на корабле «Антоний» в 1710 г., Шишков пришел к выводу, что Шпанберг действительно был у японских островов.

Однако и этим не ограничились и «для лутчаго и достоверного в том утверждения» была образована комиссия в составе морских офицеров Д. Я. Лаптева и А. И. Нагаева, а также Шишкова и Бильцова.

Комиссия также не согласилась со Скорняковым-Писаревым и в рапорте от 20 мая 1746 г. «без всякого сомнения» признала, что «капитан Вальтон по всем об-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18085, л. 92. Настойчивость Шварца во что бы то ни стало добыть как можно больше конкретных данных о плавании русских объясняется тем, что Нидерланды никому не хотели уступать монополию на торговлю с Японией.

² ЦГАВМФ, ф. Адмиралтейств-коллегии, оп. доп., д. 52, л. 2.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1764, д. 4856, ч. 1, л. 48—48/об.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18085, л. 90.



стоятельствам был подлинно у восточных берегов острова Япона, а не у земли Кореи».

Таким образом, комиссия показала несостоятельность утверждений Скорнякова-Писарева, который нанес на карту «Камчатской земли мыс от Япона по своему усмотрению, а не по достоверным каким свидетельствам или доказательствам, прямо на юрд, в ширине только надлежащей; по тому, правда, должен он, Скорняков-Писарев был мыслить, что линия от Камчатского мыса на его карте им Скорняковым-Писаревым на зюйд-вест, зюйден, проведенная, близ которой Вальтоново плавание до Япона изъясняет коснулась бы близ или до самих корейских берегов, которые начинаются мало западнее зюйд-востового конца, и от того к северу протягиваются»¹.

Правильная оценка деятельности экспедиции может быть дана только в том случае, если принять во внимание условия, в которых она действовала, и возможности, которыми она располагала.

Современники, как уже было сказано, не всегда объективно оценивали их итоги. Даже Г. Ф. Миллер, который первоначально считал, что плавания русских к японским берегам были бесполезными, впоследствии пришел к иному выводу: «Стали умножаться доказательства, — писал он, — что наши мореплаватели и в первом пути в достижении намерения своего не ошиб-

лись; и ныне о том никто уже не сомневается, ибо славные французские географы д'Анвиль, Буаш и Беллин на картах своих полагают между Камчаткою и Япониею столько же или еще более разности в долготе, нежели Шпанберг и Вальтон» (Миллер, 1758, стр. 128).

Подведем итоги. Экспедиции Шпанберга показали несостоятельность гипотезы о существовании «Земли Гамы»¹, установили, что «Земля Компаний» (Уруп) и «Острова Штатов» (Итуруп) входят в Курильский архипелаг; они побывали там, «где не ступала нога европейца» — на восточном побережье островов Иессо, Хонсю и Сахалин. До этого европейцы имели лишь смутные представления о географическом положении Иессо и северной части Японии, а уже в 1745 г. представилось возможным составить первую научную карту Восточной Азии, на которой Сахалин был нанесен как остров; упомянутая карта вошла в «Академический атлас России».

Первое плавание русских было зафиксировано в японских хрониках. К сожалению, оно не привело к установлению торговых отношений, так как уже 13 июля 1739 г. японское военно-феодалное правительство, издав инструкцию о «насильственном удалении иностранных судов из японских гаваней», стремилось тем самым изолировать страну от внешнего мира. А между тем уже тогда мог быть заложен фундамент добрососедских отношений между обеими странами.

Глава 4

Открытие В. Берингом и А. И. Чириковым северо-западной Америки и Алеутских островов

Последние приготовления к плаванию

Непосредственная подготовка кораблей к плаванию началась 23 апреля и продолжалась до 4 июня 1741 г. Записи корабельного журнала «Св. Петра», сделанные за этот период, свидетельствуют о весьма напряженной

¹ Однако Ф. Буаш еще в 1753 г. утверждал, что плавание Шпанберга будто бы не опровергло миф о «Земле Гамы» (Греков, 1960, стр. 108).

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 1327, л. 631.

работе всей команды корабля: проверялось парусное вооружение, проводилась погрузка дров и бочек с водой, принималось продовольствие, проверялось склонение компасов, укладывались запасные стеньги и рей, заделывались места в трюмах, где была обнаружена течь. 21 мая в журнале сделана запись: «Сего числа перебрались служители на пакетбот «Св. Петр» с своими богажами и исправляли всякие работы»¹.

Несомненный интерес представляет запись в журнале за 25 мая: «... в гаване всякие случаи и работы. Безветрие, погода пасмурная з дождем. В 10-м часу пополудни капитан-командор Беринг на пакетботах как на «Св. Петре», так и на «Св. Павле» пересматривал служителей для походу. А как поехал с пакетбота «Св. Павел», которым командовал капитан господин Чириков, тогда кричали от них капитану-командору пять раз ура, тож число ответствовали с шлюпки, потом еще кричали с пакетбота один раз. Капитан-командор со всем перебрался на пакетбот и привезли порох и гранаты. Сего числа даны от господина командора Беринга капитану господину Чирикову сигналы, которые употреблять во время нашего походу».

Как видно из приведенной записи, в журнале отмечалось все, что делалось на корабле. Служба на корабле, отношения между начальником экспедиции и его подчиненными регулировались Морским уставом. Это обеспечивало слаженность работы экипажа. Все безропотно исполняли свой долг. Эти записи, освещающие деятельность экспедиции на подготовительном этапе, имеющем решающее значение для любого ответственного предприятия, в опубликованном А. Покровским судовом журнале «Св. Петра» почему-то опущены. Аналогичные работы велись и на пакетботе «Св. Павел», но судовой журнал на нем стали вести только с 22 мая, когда подготовка была уже завершена. Запись за этот день гласит: «Пакетбот «Св. Павел» вооружен и к походу в компанию ныне обстоит во всякой готовности» (Лебедев, 1951, стр. 135).

Еще 4 мая Беринг созвал совет офицеров и штурманов для решения вопроса о курсе предстоящего плавания. На совет был приглашен также астроном Людвиг

Делиль де ла Кройер, назначенный в экспедицию по настоянию своего брата Жозефа Николя Делиля¹. Решено было идти по курсу, намеченному на карте, составленной Жозефом Делилем, на которой к югу от Авачинского залива, расположенного на 47°, 46° и 45° с. ш., была нанесена мифическая «Земля Гамы»². Это решение, как увидим далее, повлекло за собой человеческие жертвы и потерю драгоценного времени.

25 мая 1741 г. после осмотра обоих кораблей Беринг перешел на судно «Св. Петр»³ и передал Чирикову сигналы, при разработке которых руководители экспедиции учли опыт совместного плавания к берегам Японии⁴.

На рассвете 29 мая «Св. Петр» и «Св. Павел» были отбуксированы в Авачинскую губу. На суда были доставлены пресная вода, продовольствие, порох, пушечные ядра⁵.

На пакетботе «Св. Павел» находилось 75 человек. Офицеров Чириков подобрал главным образом из русских. Его ближайшими помощниками были: лейтенант И. Л. Чихачев, мастер А. Дементьев, штурман И. Ф. Елагин, комиссар А. С. Чоголков, поручик П. И. Левашов.

Экипаж «Св. Петра» состоял из 77 человек, в том числе: адъютант Г. Стеллер, лейтенант С. Ваксель с сыном, мастер С. Хитров, штурман Эзельберг, подштурман Х. Юшин, «за живописца капрал» Плениснер и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын (Берг, 1946).

Экспедиция была хорошо укомплектована навигационными и астрономическими инструментами⁶.

¹ В указе сената недвусмысленно было сказано: «...чтоб в вояж сперва шли по предложению и мнению профессора Делиля».

² О том, что такой земли не существовало, доказал уже Шпанберг в 1739 г.

³ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 3.

⁴ Об этом подробно у Дивина, 1953, стр. 130—134.

⁵ «Св. Петр» принял круп 217 пудов, мяса 160 пудов, масла 80 пудов, сухарей 382 пуда, воды 112 бочек, пороха 34 пуда, трехфунтовых ядер 57 пудов; «Св. Павел» имел различных грузов 600 пудов; воды было запасено 100 бочек, дров на 3 месяца, а всего грузов с артиллерией и шкиперскими материалами было принято около 6 тыс. пудов (ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, л. 10/об.).

⁶ Для определения пройденного расстояния применялся лаг. Песочные часы служили для измерения времени. Курс корабля опре-

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 1—4.

1 июня около 18 часов была сделана попытка выйти из Авачинской губы, но вскоре «зделался туман, чего ради выходить из устья стало невозможно». 4 июня выдался на редкость солнечный день. Дул слабый западный ветер. Корабли снялись с якоря и вышли в море. Беринг приказал следовать принятым на совещании курсом. Впереди шел «Св. Петр», за ним — «Св. Павел».

Через шесть дней мореплаватели достигли 46° с. ш., затем спустились еще на 1°, а «точию земли [Гама] не получили, и потому открылось, что земли Иан де Гама нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через...»¹. Беринг и Чириков повернули на северо-восток. 20 июня в тумане корабли потеряли друг друга и с этого времени плыли раздельно.

Плавание В. Беринга

После бесплодных трехдневных поисков «Св. Павла» Беринг, дойдя до 45° с. ш., взял курс на OtN и ONO, затем повернул на восток и далее на северо-восток, но на всем пути до 46° с. ш. обнаружить землю не удалось. А между тем половина бочек воды была израсходована, и даже при уменьшенной порции ее оставалось бы в крайнем случае до 1 сентября. Поэтому решено было идти курсом ONO, которым уже следовали, чтобы «могли заблаговременно осмотреть в тех северных местах, не имеетца ль в таком отдалении как мы себя против тех мест счислять будем какой земли, о чем и прежние слухи имеютца, что там сказывают есть земля, к тому ж, чтоб нам себя идучи на остовые курши не отдалить от всего Камчатцкого берега и за неполучением воды в прибавок не претерпеть великой нужды, или от чего, боже сохрани, и крайнего несчастья»².

делялся магнитным компасом. Высота солнца измерялась градштоком и квадрантом.

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 274.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп. (журнал пакета бота «Св. Петр»), л. 34; F. A. Golder. 1922, p. 90. Необходимо указать, что в изложении этого факта имеется различие между рапортом Вакселя от 14 ноября 1742 г. и журналом.

Наконец 17 июля после полуторамесячного плавания под 59°40' с. ш. на расстоянии 20 миль от «Св. Петра» была замечена земля. По мере приближения к берегу перед глазами мореплавателей вырастала величественная гора.

Итак, моряки достигли северо-западной Америки¹. При виде земли все члены экспедиции испытали чувство огромной радости. Наконец многолетний напряженный труд увенчался успехом.

Моряки стремились выразить признательность начальнику, вместе с ними стойко переносившему все лишения. Однако сам Беринг не принимал участия в общем ликовании. «Капитан однакож, — писал Стеллер, — не только выслушивал все эти речи весьма хладнокровно и без особенного удовольствия, но, глядя на берег, стал даже пожимать плечами в присутствии всех; если бы капитан остался в живых и вздумал бы предпринять что-нибудь против офицеров, по неудовольствию за их поведение, то нашлись бы люди, которые это телодвижение вменили бы ему в признак дурного расположения к ним. Но добрый капитан был куда предусмотрительнее всех своих офицеров... Мы, — сказал он Плениснеру и Стеллеру, — теперь воображаем себе, что все открыли, многие из нас строят себе воздушные замки на славу, вовсе не думая о том, где мы нашли этот берег, как далеко нам еще до дому, и что еще может случиться; почему знать, не задержат ли нас здесь пассатные ветры. Берег нам не знаком; провианту на перезимовку у нас не хватит»².

«Св. Петр» продолжал идти вдоль берега. Повернув на северо-запад, судно приблизилось к гористому острову, сплошь покрытому пихтовым лесом. Это было 20 июля, в понедельник, в Ильин день, и поэтому назвали его Ильным Носом (Ныне остров Каяк).

Мастеру Софрону Хитрову (Хитрово) в сопровождении подштурмана, квартирмейстера и девяти рядовых поручалось разведать бухту и побережье, выяснить, нет ли в гавани удобного рейда. Одновременно на шлюпке для розыска пресной воды отбыл Стеллер вме-

¹ Как выяснилось впоследствии, американский берег Чириков заметил на полтора суток ранее Беринга.

² ЦГАВМФ, ф. 315, д. 810.

сте с казаком Фомой Лепехиным. В течение нескольких часов пребывания на Каяке он подробно описал около 160 видов растений, обнаружил следы человека, предметы обихода, установил много общего в быте камчадалов и обитателей острова. В некоторых раковинах он нашел приготовленную по камчадальскому способу сладкую траву, а рядом с бревном, на котором находились тлеющие угли — «огнивицу камчадальского типа; трутом, который камчадалы готовят из особого рода травы, служил здесь мох-ручейник *Alga fontinalis*». Из всего виденного он сделал вывод, что жители этого американского побережья одного происхождения с камчадалами.

Исследуя остров, Стеллер отметил, что климат северо-западной Америки мягче климата Камчатки, благодаря чему растительность там богаче, чем в Азии. Но его предположение, что в этой части Америки рыба начинает идти в реки, к местам нерестилищ раньше, чем на Камчатке, впоследствии опроверг академик Л. С. Берг (1946, стр. 215).

Ученый также обратил внимание на своеобразное распространение леса. «На американском берегу на широте 60°, — пишет он, — растут преизрядные леса, в то время как на Камчатке 51° широты на расстоянии 20 верст от берега растет мелкий ивняк, ольшняк, а на расстоянии 30—40 верст — березняк, и только в 50—60 верстах от устья Камчатки внутри земли видны уже смолистые деревья». В Азии на 62° с. ш. лес вообще не встречается. Причину такого своеобразия Стеллер усматривал в том, что горы защищают растительность от северных ветров. Многие факты свидетельствуют о широком научном диапазоне Стеллера. Когда «Св. Петр» подходил к берегам Америки, он определил близость земли по плавающим морским травам. Он разъяснил Берингу, что травы могли расти только в южных широтах, где «по причине отличного от тамошнего действия солнца, морская трава имела совершенно не тот состав», и утверждал, что «как свойства этих растений, так и способы, которыми оне сюда занесены, не имеют ничего таинственного». Когда стрелок принес убитую птицу, Стеллер вспомнил, что такая птица была изображена в одном из новейших описаний на французском и английском языках, изданном в Лондо-

не, и это дало ему основание сказать: «Сие одно меня уверяло, что мы подлинно в Америке были»¹. Стеллер первый дал всестороннее описание открытой земли, и почти все сказанное им было подтверждено последующими исследователями.

Возвратившись из похода, Хитров рассказал, что между островами имеется удобный рейд, что видели они «огнище и лисиц бегающих» и постройки, по-видимому принадлежащие рыболовам, приезжающим на остров с материка, обшиты досками и укреплены гвоздями.

Хитров привез лукошко, лопату, а также камень, «на котором знатно, что обтирано бывало медь».

Вернулась и шлюпка, направленная на поиски пресной воды. Морякам удалось найти ее. На берегу они обнаружили также два погасших костра, заготовленные дрова и следы недавно побывавших там людей.

На острове, где брали воду, моряки наткнулись на юрту, в которой были разбросаны предметы домашнего обихода. Ее обитатели при приближении чужеземцев скрылись по всей вероятности в лесу. Русские оставили в юрте кусок ситца, две железные курительные трубки и фунт табаку.

Рано утром 21 июля «Св. Петр» по решению, принятому советом офицеров, взял курс на Камчатку. Корабль, по словам Ваксея, «попадал в крупную океанскую волну», и моряки «едва справлялись с управлением». Штормовая погода держалась в течение нескольких дней. Когда же ветер утих, возникла другая опасность: из-за малой глубины (всего 20 сажен) корабль легко мог наскочить на риф. Стать на якорь было слишком рискованно. К тому же дул сильный ветер. Решено было идти на юг. Спокойное плавание, однако, продолжалось недолго. Вскоре напозд густой туман, а глубина не превышала семи-восьми сажен. Был брошен якорь, и, когда туман рассеялся, оказалось, что пакетбот находится в 1/4 мили от острова, расположенного юго-западнее Кадьяка; он был назван Туманным, а впоследствии получил имя Чирикова.

Приближалась осень, запасы пресной воды иссякали, большинство членов команды болело цингой. Оста-

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 167, л. 27/об.

вался лишь один выход — возвращаться в Петропавловск, тем более что открытая «земля неизвестная, как оная простирается, к тому ж находятца великие банки и острова»¹, а ветры благоприятствовали плаванию в нужном направлении — на восток по пути. Решено было записаться пресной водой.

30 августа «Св. Петр» бросил якорь невдалеке от группы островов. Посланные на берег люди доставили пробу воды; хотя она оказалась мало доброкачественной, ее все же стали спешно возить, так как место это не было защищено от южных ветров. Во время стоянки моряков постигло большое горе — умер любимец всей команды матрос Шумагин. В память о своем добром товарище и другие моряки назвали эти острова его именем.

Ночью на одном из островов был замечен огонь. Хитров обратился к лейтенанту Вакселю, исполнявшему обязанности командира (Беринг в это время был болен и не покидал своей каюты) с просьбой разрешить ему обследовать остров. Взяв с собой шесть человек и захватив подарки для островитян, Хитров отправился в путь. На острове ничего примечательного не оказалось. При возвращении на корабль шлюпка была застигнута сильным ветром, и Хитров решил пристать к другому острову, но сделать этого не смог, так как «громadne волны, накатившиеся на берег, наполнили бы шлюпку водой и выбросили их вместе с шлюпкой на берег». Хитров не растерялся, расставил парус и смело пошел прямо в буруны. «Если бы не это, — пишет Ваксель, — волны, несомненно, поглотили бы шлюпку или даже смыли бы с нее людей». Прекрасная морская выучка, спокойствие и хладнокровие помогли Хитрову выбраться на берег. Здесь он приказал развести костер и стал ждать помощи.

Ночью поднялся сильный ветер. «Св. Петр» снялся с якоря, чтобы найти более надежную стоянку. При виде уходящего корабля Хитрова и его товарищей охватила тревога, но помощь пришла вовремя — 3 сентября они были доставлены на корабль.

Сильные встречные ветры препятствовали «Св. Петру» выйти в открытое море.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 49.

5 сентября две небольшие байдарки подошли близко к кораблю. Островитяне размахивали руками и кричали. Одна байдарка приблизилась к пакетботу; находившемуся в ней человеку дали кусок материи, два зеркала и другие предметы. Все это он охотно принял, а взамен бросил на корабль две шалки: к одной были привязаны птичьи перья, к другой — птичья нога и перья. Затем знаками он стал приглашать русских на берег¹.

Захватив с собой девять матросов, Ваксель и Стеллер отправились к острову на ланг-боте, но из-за сильного волнения подойти к нему не смогли, ибо берег «на всем протяжении, — писал Ваксель, — был усеян таким количеством больших и острых камней, что нам никак не удавалось высадиться без риска разбить в щепки нашу лодку» (Свен Ваксель, стр. 64). Бросив якорь на расстоянии двадцати сажен от берега, русские моряки, держа в руках всевозможные подарки, стали звать островитян к себе. Двоих русских и одного чукчу-переводчика Ваксель отправил на берег.

Вскоре к ланг-боту подъехал старейшина. Ваксель предложил ему чарку вина, тот охотно принял ее, но при первом же глотке «выплюнул обратно с ужасным криком» и, отказавшись от подарков, вернулся к себе.

Спускались сумерки. Поскольку оставаться близ острова было небезопасно, Ваксель приказал посланным возвратиться на судно. Русские немедленно вернулись, а чукчу «американцы» задержали: «По тому можно видеть, что оне его признали от народа нашего отменного, а себе подобного, ибо он был камчатской природы», — отмечает в своем журнале Софрон Хитров.

Чтобы освободить чукчу, Ваксель приказал произвести два холостых выстрела из мушкетов, «и как выполнено было, тогда все они упали на землю», и чукча, воспользовавшись растерянностью островитян, возвратился на ланг-бот.

За короткое время пребывания на острове два русских матроса видели девять байдарок из тюленьих шкур: в средней части байдарки имелось возвышение для сиденья, а кругом ее была приделана тюленья шкура в виде мешка, укреплявшаяся вокруг тела

¹ ЦГАВМФ, ф. Гидрографии, д. 98, л. 25/об.

при помощи длинного ремня. Благодаря такому приспособлению ни одна капля воды не могла попасть внутрь байдарки. К плаванию на таких байдарках местные жители приучались с детства и при довольно сильном ветре в состоянии были, сохраняя равновесие, перебираться с одного острова на другой.

Стрел и лука островитяне не знали. Верхняя одежда была сделана из китовых кишок, штаны — из тюленьих шкур, а шапки — из шкур морских котиков; шапки украшались перьями. Лица окрашены в красный цвет, у некоторых — в синий, в носках трава. Ростом островитяне довольно высоки и хорошо сложены.

6 сентября утром две байдарки подошли к борту корабля. В знак дружбы островитяне привезли две шапки и палку в пять футов длины, на конце которой были прикреплены перья различных птиц. Моряки также одарили своих новых знакомых.

С 6 сентября по 5 ноября стояла облачная погода с постоянными туманами: дули преимущественно встречные западные ветры и лишь иногда восточные; все это затрудняло плавание «Св. Петра» и при тогдашних навигационных средствах лишило его возможности определить свое местонахождение.

Морякиплыли «в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся». В таких условиях от всего экипажа небольшого корабля требовалось исключительное напряжение. Целыми сутками люди не отдыхали. Лейтенант Ваксель оставил правдивое описание положения на корабле: «Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие большие товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменить у штурвала» (1940, стр. 70).

25 сентября мореплаватели встретили множество мелких островов. Видневшуюся вдаль высокую гору назвали на карту и назвали горой Св. Иоанна. Отсюда был взят курс на северо-восток.

Положение осложнялось с каждым днем. Паруса и снасти изнашивались, капитан-командор давно уже не поднимался с койки и в управлении кораблем участия не принимал; многие моряки до такой степени были обессилены цингой, что не в состоянии были работать; из-за недостатка продуктов пришлось сократить нормы питания; почти ежедневно кто-нибудь умирал.

Вспомним, что все это происходило в осеннее время: дули сильные ветры, шли дожди, снег, выпадал град. Никто не знал, где находится корабль. В любую минуту он мог быть выброшен на берег. «Мы испытывали самые ужасные бедствия. Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать» (Свен Ваксель, стр. 71). Неожиданно 4 ноября моряки заметили землю — высокие, покрытые снегом горы. Не имея возможности определить по солнцу ни широту, ни долготу, приняли ее за Камчатку. «Невозможно описать, — пишет Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы увидели берег, умирающие выползли наверх, чтобы увидеть его собственными глазами... Даже больной капитан вышел наверх. Уже нетерпеливые взоры различают характерные очертания Авачинской губы, называют отдельные горы, мысы. Скорее, скорее на берег, но чем ближе к берегу подходит корабль, подгоняемый засвежившим ветром, тем более растет недоумение. Пустынный, безлесный берег совершенно не похож на Авачу и ее окрестности» (Steller, 1793, V, s. 223).

5 ноября Беринг, совершенно ослабевший от цинги, обсуждал с Вакселем, унтер-офицерами и матросами вопрос: что делать дальше. Все пришли к единодушному мнению, что в сложившихся условиях продолжать плавание нельзя «за невозможностью управления судна работными людьми, понеже служителей весьма много больных от цинготной болезни, недвижимых с мест, а некоторые хотя в числе здоровых, токмо отехчены той же болезнью, с трудом великим на вахту выходят, и верхние работы некому исполнять. К тому же многие снасти подорваны и воды пресной малое число, с которым отлучатца от берегу весьма опасны; и на оное согласо положили не отступая благополучного ветра, следовать к видимому берегу, чтобы спасти судно и слу-

жителей, а по силе упоминаемого взяли курс NtW к видимому берегу с 9 часа с полунощи».

На воду спустили ланг-бот. На берег в первую очередь были доставлены больные. К 22 ноября высадку закончили. Пакет-бот оставили в открытом море на одном якорю. Караул держать было некому. По приказу Беринга Хитров приступил к спасению корабля, но вскоре сам заболел цингой «и великою нуждою на ногах мог себя держать». Несмотря на это, Хитров все же решил вместе с боцманом Алексеем Ивановым немедленно идти к пакет-боту «для постановления его на берег, ежели что тому не воспрепятствует». В первую очередь необходимо было спасти провиант. Но «из-за малолюдства» выполнить и это задание не представлялось возможным¹. К тому ж сильный ветер в лобой момент мог выбросить судно на лежавший от него в 150 сажнях каменный риф. При таких обстоятельствах пришлось временно отказаться от спасательных работ. На следующий день произошло непредвиденное: «пакет-бот «Св. Петр», подорвав у кнехта канат великим штормом между норд и оста, поставил на тот же пещаной берег, на который мы по поданному намерению имели намерение поставить»².

Теперь предстояло выяснить, высадились ли моряки на материке или же на острове. Беринг давно уже понял, что высадились они не на Камчатке, но скрывал истину от подчиненных, все еще на что-то надеявшихся.

Для обследования местности создали два отряда, один направился на юг, другой — на север. На пути попадались много морских бобров и песцов, продолжавших спокойно лежать на побережье. Ясно было, что земля необитаема. Пройдя две мили, они взобрались на гору и, увидев на западе открытое море, поняли, что

¹ Из всего экипажа здоровых оставалось всего четыре человека — матрос Тимофей Анчюгов, солдат Григорий Измайлов, камчатский служилый человек Иван Портягин, переводчик с чукотского и корякского языков Алексей Лазунов.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 97. Д. Л. Овцын писал М. Шпанбергу, что 5 ноября 1741 г. «Св. Петр» пристал к острову, «полагая себя между... Комчацкими мысами, где лежало судно на открытом море одного месяца по 28 число, и сорвало оно с якорей и потом, притесня к берегу, разбило. И к возвращению нашему были без всякой надежды» («Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 44).

земля, у берегов которой «Св. Петр» сел на подводные камни,— остров. «Это известие подействовало на всех наших людей, словно удар грома. Мы ясно поняли, в какое беспомощное и тяжелое положение попали и что нам угрожает полная гибель» (Ваксель, стр. 79). И действительно, на острове рос только тальник, следовательно, построить новое судно нельзя было. Земля была покрыта снегом, надвигалась пора сильных морозов, но не было жилья, а провиант и лекарства были на исходе.

Прежде всего необходимо было создать запасы продовольствия и построить жилье. Муки оставалось ничтожно мало. Паек получали независимо от звания и положения. Многие тяжело болели. Нередко приходилось подолгу лежать рядом с трупами, так как ни у кого не было сил вынести покойников из землянки.

8 декабря скончался Беринг. За несколько часов до смерти он приказал закопать себя по горло в землю, чтобы согреться. Он умер, уже почти заживо похороненный. Так закончил свой жизненный путь отважный мореплаватель капитан-командор Витус Беринг¹. Умер он мужественно, до конца находя слова ободрения товарищам. Командование принял лейтенант Ваксель.

Палатки, сделанные из парусов, быстро пришли в негодность. Порой ветер достигал такой силы, что мог унести человека: «Меня самого,— пишет Ваксель,— как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом... я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей».

С наступлением весны положение не улучшилось, так как добывать пропитание становилось все труднее. Морские бобры стали пугливее, и охота на них большей частью оказывалась безуспешной. Пришлось питаться мясом морских котиков, жестким и жилистым и обладавшим неприятным запахом. Но в мае и они ис-

¹ В 1966 г. группа камчатских археологов обнаружила на Командорских островах остатки пакетбота «Св. Петр» — изъеденные ржавчиной старинные ружья, топор, предметы такелажа парусного судна, медную обшивку кованых матросских сундуков, стекло, обрывки канатов. На том месте, где прошли последние дни командора, установлен памятник и высечены слова: «1681—1741. Великому мореплавателю Витусу Берингу от жителей Камчатки. 1966 год».

чезли; тогда стали охотиться на тюленей. Однажды на берег выбросило тушу кита, и это позволило значительно пополнить запасы продовольствия.

Во время скитаний на острове удалось убить несколько морских коров (этот вид морского млекопитающего ныне уже исчез). Стеллер отмечал, что их мясо приятно на вкус и обладает целебным свойством: от постоянного питания мясом других зверей моряки страдали «тяжестью в желудке», а употребление мяса морских коров принесло им большое облегчение¹.

Наступила весна. Из некоторых трав варили чай, другие употребляли в пищу. Начав есть зелень, стали чувствовать себя лучше. Стеллер составил каталог растений острова, содержащий 218 видов².

С наступлением теплых дней встал вопрос, что же делать дальше. Д. Овцын высказал убеждение, что пакетбот можно поднять и подготовить к плаванию, но его предложение было отвергнуто. Некоторые предлагали послать на Камчатку шлюпку и ждать помощи, другие — разобрать пакетбот и сделать новое небольшое судно. В апреле приступили к разборке и снятию такелажа; к концу месяца работа в основном была завершена. Когда же наступило время закладки нового судна, то оказалось, что среди экипажа не осталось в живых ни одного плотника. Беде помог сибирский казак, уроженец Красноярска Савва Стародубцев, участвовавший в постройке обоих пакетботов в Охотске. Стародубцев заявил, что он, если ему будут указаны необходимые «пропорции, может построить судно такой крепости, что на нем можно будет безопасно выйти в море».

9 апреля 1742 г. на собрании, на котором присутст-

¹ Свидетельства Стеллера и Вакселя о жизни моряков на обитаемом острове полностью подтверждаются Овцыным. «А питались на оном безлесном острове, что когда найти выброшенными из моря всякими животными, и к тому же на пропитание били палками котов, нерп, бабров, сиучей, а напоследок промыслили чрез ялбот манатов (или морских каров). И жили чрез всю зиму в парусных палатках» («Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 44).

² Последующие исследования подтвердили правильность наблюдений Стеллера. Мужественный ученый, имевший весьма слабую надежду когда-либо вернуться домой, добросовестно выполнил свой долг.

вовали Свен Ваксель, Софрон Хитров, Георг Стеллер, все унтер-офицеры и рядовые пакетбота «Св. Петр», было решено пакетбот сломать, «к тому ж и снять оно-го з берегу никакими мерами невозможно» и построить новое судно, над провиантом и раздачей установить строгий контроль и раздавать «сколько кому надлежать будет, смотря по величеству артелей»¹.

6 мая 1742 г. состоялась закладка гукора, названного также «Св. Петр»². По этому случаю командир пригласил членов экспедиции на обед. Каждый пришел со своей ложкой и плоской. Угощение состояло из китового жира и ржаных лепешек.

Над постройкой судна трудилось человек двадцать (из наиболее крепких), остальные охотились на морских зверей.

Постройка судна подходила к концу, и надо было немедленно решить вопрос о том, как поступить с припасами и материалами: если их взять с собой, то останется половина команды, но это опасно, так как «провианту для пропитания их здесь никакова не имеется... все звери напуганы и отогнаны и не так способно впредь промыслу надежду быть имеет», если же несколько служителей будет оставлено, то «предбудущего года принуждены будут для спасения таких людей отправить сюда судна», а гавани здесь нет. Поэтому на новопостроенное судно решили взять всех и столько припасов, чтобы их хватило до Камчатки; остальное закопать.

10 августа корабль торжественно был спущен на воду.

Признавая выдающуюся роль сметливого казака Стародубцева, Ваксель впоследствии писал: «Должен заявить также, по справедливости, что этот человек оказал мне большие услуги, и едва ли удалось бы мне справиться с делом без его помощи». По представлению Вакселя Енисейская канцелярия в 1744 г. присвоила Стародубцеву звание сына боярского.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXI, д. 9, доп., л. 99.

² Длина гукора равнялась по киллю 36 футам, по ширине 12 футов, осадка 5 футов 3 дюйма. Киль был сделан из гротмачты пакетбота. В кормовой части судна соорудили каюту для командира и трех офицеров. В носовой части находился камбуз.

13 августа негостеприимный остров был покинут. На следующий день прошли мимо южной оконечности острова Беринга, которой дали название мыса Манати; 27 августа «Св. Петр» бросил якорь в Петропавловской гавани.

Первое плавание А. И. Чирикова

Разлучившись с Берингом, Чириков направился сначала на восток, а потом на восток-северо-восток.

7 июля «явилось в море много цветов плавающих, видом в воде зеленые и желтоватые...», появилась надежда, что земля близко. Чтобы определить глубину, бросали лот, но и «ста саженьями земли не достали. Цветы осмотрели, что оные не травяные, токмо сгустившая вода наподобие киселя¹, каких ordinarily много выбрасывают на морские берега»².

В последующие дни проводили астрономические определения своего местонахождения, снова измеряли глубину, но достать дна не могли. Признаки, указывающие на близость земли, исчезли. Однако экипаж пакетбота не терял надежды на то, что плавание увенчается успехом. Погода продолжала оставаться безветренной, но облачной. 12 июля, когда заметили летящую утку, никто уже не сомневался в близости земли и матросы удвоили усилия.

14 июля большая волна стала заливать палубу. Погода ухудшилась. На водной поверхности появились длинные и широкие белые дорожки³. Чириков приказал систематически определять глубины, так как в темноте, да еще и при густом тумане легко можно было наскочить на берег.

По мере продвижения вперед увеличивалось число посланцев земли; «с полуночи от третьего часу явилось летающих довольно береговых уток и чаек, также виде-

¹ Подразумеваются медузы.

² Д. М. Лебедев. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. С приложением судового журнала 1741 г. М., 1951, стр. 193. В дальнейшем при цитировании судового журнала ссылки будут даваться на Лебедева.

³ Изменение цвета воды Чириков объяснил наличием большого количества мелкой рыбы, что также указывало на близость земли.

ли китов и морских свинок, да три небольшие древа носящих старых... Видели отменную воду».

15 июля открылась земля: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф. В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть...» Это был остров, расположенный западнее острова Принца Уэльского, у берегов Аляски¹.

Побережье было изрезано множеством бухт и заливов. Теперь Чириков был твердо убежден в том, что достиг Америки. «...Признаваем без сомнения, — писал он, — что она часть Америки, понеже по картам издания норимберского географа Иоанна Баптиста Гоммана [карта Гомона опубликована в 1722 г. — В. Д.] и по прочим от сего места отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места». И он приказал «положить на карту, плавания и описи нашей здешнюю, к предложению при сем государственной Адмиралтейств-коллегии с карты помянутого географа Гоммана, также и с карты астрономии профессора Делиль де ла Кройера некоторые американские места, а именно: северной край Калифорнии, устья реки Мозамблека, да часть внутренняго восточного берега фрета [залива. — В. Д.] Годзунского...»²

16 июля пакетбот «Св. Павел» бросил якорь в трех милях от острова. Мореплаватели с интересом рассматривали землю. Это была страна высоких гор, покрытых вечными снегами. У их подножия «виден был лес великого росту». С наступлением сумерек пришлось отойти от берега, чтобы не наскочить на камни. Воспользовавшись благоприятным ветром, корабль повернул на север и в течение двух дней двигался вдоль американских берегов.

Поднявшись до 58° с. ш., моряки заметили, что снега стало значительно больше. Предполагая, что корабль входит в область более холодного климата, и «...опасаяся, чтоб, не учиня надлежащего о земли разведывания, не проитить теплой климаты, в какой чаятельно всему лутчему находиться, нежели в местах холодных... Чириков послал на ялботе... флочкиго масте-

¹ В настоящее время название острова — Бейкер (55°20' с. ш.).

² «Экспедиция Беринга», стр. 274—275.

ра Аврама Дементьева з десятью человеки служителей вооруженных на берег...». Дементьеву поручалось найти бухту, пригодную для якорной стоянки, измерить ее глубину, определить пути входа, нанести свои наблюдения на карту, установить численность населения, образ правления, а также, какие травы растут на берегу, нет ли драгоценных камней и земли, «в которой можно чаять быть богатой руде».

К обитателям приказано было относиться дружелюбно, а «ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них обороняться и, как возможно скоряе, на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать и служителей до того не допускать». Велено было также при высадке «раскласть большой огонь, о возвращении оповестить двумя выстрелами из пушки».

Дементьев, однако, к условленному сроку не вернулся. Строили разные предположения. В течение нескольких суток корабль держался под парусами вблизи залива, но посланные так и не вернулись. О постигшей их участи до настоящего времени нет единого мнения.

В. Берх высказал предположение, что Дементьев и его команда были задержаны или остались на берегу. В подтверждение своего предположения он привел следующее доказательство: «В 1788 году была прислана от испанского двора бумага, в которой, извещая наше правительство, что они нашли русских бородатых в Калифорнии, просили уведомить себя, за чьих подданных их признавать». В. Берх считал, что это были потомки русских, высаженных Чириковым, ибо ни одно русское судно не спускалось южнее того места, где высадился Дементьев.

Интересную мысль высказал П. В. Головин. Он ссылается на донесение русского посла в Мадриде, датированное 28 февраля 1789 г. Посол сообщает, что испанское судно «Сент-Шарль» под командой капитана Горо «нашло около Сент-Блаза под 48° и 49° с. ш. до 8 селений, в которых находилось от 16 до 20 семей, т. е. 462 человека русских» (В. Берх, 1808, стр. IV).

А. И. Чириков в своем рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 7 декабря 1741 г. высказывает предположение о том, что штурман Дементьев, боцман Савельев и их команды были убиты; однако не исключал и

того, что они задержаны «американцами»¹. Высказанная Берхом и Головиным версия относительно судьбы Дементьева, Савельева и других не лишена оснований.

Между тем запасы продовольствия и пресной воды иссякали. Раз в день питались кашей. Чтобы пополнить запасы пресной воды, перегоняли морскую воду. Большинство участников похода болело цингой.

26 июля на широте 58°21' «Св. Павел» при попутном ветре шел вдоль берегов Аляски. Вблизи бухты Льюта взорам мореплавателей предстал заснеженный хребет Св. Ильи и огромные каменные пики. Не имея ни одного малого судна, экспедиция была лишена возможности обследовать берега и пополнить скудные запасы питьевой воды (оставалось всего 45 бочек). Продолжать плавание признано было бесполезным, и 27 июля «Св. Павел» взял курс на Камчатку.

Прошла половина августа. Сильные встречные ветры затрудняли движение пакетбота. Кашу решено было варить раз в два дня, а для «питья давать каждому человеку мерю, которою могли токмо жажду утолять», судьба каждого зависела от того, хватит ли воды, чтобы продержаться до возвращения на Камчатку.

4 сентября под 52°23' с. ш. моряки заметили остров Умнак (восточная группа Алеутских островов), а через четыре дня остров Адак — самый крупный из Андреяновских островов.

Утром 9 сентября вблизи пакетбота появилось семь небольших лодок, в каждой из них сидело по одному человеку. В ответ на приглашение подойти ближе островитяне стали усиленно жестикулировать, из чего наши моряки заключили, что алеуты чего-то опасаются, «...и того ради мы им,—записал Чириков,—как возможно, давали знать, что от нас никакой противности показано не будет и, прижимая руки к грудям, показывали, что они приняты будут приятельски, причем для ласкания их бросил я к ним чашку китайскую, чтоб приняли в знак дружбы...».

Убедившись в добрых намерениях русских моряков, алеуты приблизились к борту корабля. По приказанию Чирикова их одарили различными предметами, кото-

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 278.

рые они охотно приняли. Описывая внешний облик алеутов, Чириков подметил характерные для них черты. «А собою они мужики рослые, лицами похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у всех нет от природы или выщипывают... только двух или трех человек видели з бородами коротенькими. В носах имеют все коренья воткнуты, от чево у иных и кровь текла... На головах они у себя имеют вместо шляп сделанные из березовых тонких досок желупки [козырьки.— В. Д.], которые разными красками выкрашены и перьями натканы, а у некоторых на верху привязаны костяные штатурки...» Чирикову удалось выменять козырек из березовой тонкой доски с раскрашенной на нем статуэткой, птичье перо, морского льва, четыре стрелы, используемые для охоты за нерпами и другими морскими зверьями и птицами, а также минерал, который Чириков назвал антимониум крудум (сурма)¹. В полдень к борту пакетбота подошло уже 14 лодок. Вскоре поднялся ветер, и «Св. Павел» поднял паруса. 21 сентября был открыт самый северный из островов Алеутской гряды — Атту.

Недоедание, холод, непосильная работа, цинга подорвали здоровье членов экипажа. 20 сентября серьезно заболел А. И. Чириков, и командование пакетботом принял, несмотря на то что сам был нездоров, штурман И. Елагин. Высоко ценя заслуги Елагина, Чириков и произвел его в лейтенанты, «понеже он не токмо лейтенантскую должность исправлял, но и всего судна правление на нем лежало».

Рано утром 8 октября показался Авачинский залив, и лишь поздно вечером 10 октября «пошли в устье губы Авачинской благополучно и бросили дагликс якорь на глубине 7 саженей». Из-за отсутствия ветра корабль не смог войти в бухту. Чтобы вызвать кого-либо из гавани, Чириков приказал палить из пушек. Утром на шлюпке прибыл исполняющий обязанности главного начальника Петропавловска прапорщик Левашев и сообщил Чирикову, что Беринг еще не вернулся, а Шпанберг, плававший к берегам Японии на пяти судах, уже находится в Петропавловске. Чириков с трудом сел в шлюпку и отбыл на берег «в жесткой цин-

¹ «Экспедиция Беринга», стр. 281.

готной болезни»¹. 12 октября «Св. Павел» вошел в Петропавловскую гавань.

Замечательное плавание окончилось большой научной победой русского мореплавателя и его героического экипажа. Чириков открыл часть побережья северо-западной Америки, общей протяженностью около 400 верст, и впервые нанес его на карту. Высоко оценил Чирикова А. П. Соколов. Он писал: «Итак, открыв Американский берег, полуторами сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцатую градусами далее; осмотрев его на протяжении трех градусов к северу и оставя пятью днями позже; Чириков возвратился в Камчатку — восемь градусов западнее Берингова пристанища — целым месяцем ранее; сделал те же на пути открытия Алеутских островов; во все это время не убирая парусов, и ни разу не наливаясь водой; тоже претерпевая бури, лишения, болезни и смертность, более, впрочем, павшую у него на офицеров, чем на нижних чинов. Превосходство во всех отношениях разительное! По времени истинное торжество морского искусства!» (1851, стр. 407—408).

Взглянем на карту плавания «Св. Петра» и «Св. Павла». Разлучившись с Берингом, Чириков уверенно идет в район, который он указал еще до назначения его в экспедицию. Беринг же часто менял курс, упускал драгоценное для плавания время, и в результате — авария пакетбота и человеческие жертвы.

Трудное плавание к американским берегам показало высокую морскую выучку личного состава пакетбота «Св. Павел» и «Св. Петр», небывалое мужество и моральную силу русских людей. Это плавание показало также, что отечественные судостроители, даже в неблагоприятных условиях, могли строить корабли, которые по своим мореходным качествам и прочности не уступали иностранным.

¹ В письме к Г. Ф. Миллеру А. П. Горланов вспоминает: «А поподина Чирикова привезли с пакетбота на берег в квартиру едва жива, которой с прибытия своего лежал гораздо долго на смертной постеле. И ежели бы через неделю времени он, господин капитан Чириков, в гавань судном не вошел, то б конечно судно пропало, а люди бы померли, ибо воды уже было токмо одна бочка, и служителем довалось оной токмо по одной чашечке, чтоб токмо от великой жажды горло промочить могли» («Изв. ВГО», т. 73, вып. 2, 1943, стр. 41).

Чириков и его соратники открыли северо-западную Америку благодаря своим знаниям, целеустремленной воле и самоотверженности, черпая силы в сознании исключительного значения свершаемого, в сознании огромной важности их дела для России.

* * *

Весной 1742 г. Чириков, будучи еще больным, задумал новое плавание к американским берегам. Дело осложнялось тем, что «Св. Павел» требовал ремонта, а команду полностью не удалось укомплектовать.

2 июня корабль вышел в море. Через шесть дней Чириков достиг острова Атту. Убедившись, что этот остров, как и другие встреченные им в 1741 г. острова Алеутской гряды, не является, как он предполагал, выступом Северо-Американского материка, Чириков приказал взять курс к родным берегам.

22 июня корабль прошел мимо острова, названного островом Св. Иулиана, не подозревая, что именно на нем находилась в это время команда «Св. Петра».

1 июля Чириков с командой вернулся в Петропавловскую гавань, а 24 августа отправился в Якутск.

Из Якутска Чириков отправил с И. Елагиним адмиралу Н. Ф. Головину рапорт, в котором разъяснил причину, заставившую его прекратить плавание; вместе с рапортом были посланы карта и шканечный журнал.

На карте Чирикова, составленной в 1741 г., были нанесены курсы пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» (до их разлучения) и путь «Св. Павла» во время его самостоятельного плавания. На этой же карте впервые была нанесена значительная часть побережья северо-западной Америки (до этого называвшаяся «Большой остров» или «Большая Земля»), а также открытые Чириковым Алеутские острова¹.

С содержанием рапорта Чирикова Головин ознакомил Адмиралтейств-коллегию, причем подчеркнул необходимость не разглашать его и использовать для «экстракта», составленного коллегией «о действиях оной экспедиции»².

В отчете Чириков, как известно, не только изложил научные и практические результаты экспедиции, но и внес ряд предложений для завершения начатого дела, причем советовал: «Чтобы в таких отдаленных и опасных плаваниях иметь взаимную помощь, и надежные производить высадки, необходимо два судна и ежели «Св. Петр» не возвратится, то надобно построить вместо него новое, такой же величины».

Однако, поскольку постройка второго корабля потребовала бы много времени (на Камчатке и в Охотске не было необходимых строительных материалов), Чириков рекомендовал взять из отряда Шпанберга один корабль и направить его вместе с пакетботом «Св. Павел» к американским берегам, мотивируя тем, что «они в тамошних всегдашних туманах могут, покамест не разлучатся, друг друга охранять, следуя один за другим; и ежели переднему случится найтись на берег или стать на мель, то другой остережется, потом и переднему споможение либо учинит, а по крайней мере, хотя людей каким ни есть образом иногда собрать и от смерти спасти может»¹.

Опыт плавания 1741—1742 гг. показал также, что для успешного исследования новых земель необходимо посылать на берег достаточное число людей, снабдив их провизией и инструментами. Как уже упоминалось, пакетбот не мог подойти к незнакомой земле без предварительной разведки глубин бухт, характера течений и т. п. Чириков и Беринг вынуждены были направлять в таких случаях судовые боты и шлюпки, вмещавшие лишь небольшую команду, которая не в состоянии была обороняться при нападении на нее аборигенов. Ссылаясь на печальный пример гибели ланг-бота и лодки со «Св. Павла», Чириков считал, что «при тех двух судах надлежит быть третьему малому судну с палубою, дабы могло собою держаться под парусами на море, иметь греблю для посылки на берега справедывать о состоянии оных, и искания гаваней».

Чириков просил срочно прислать ему людей для укомплектования экипажей «Св. Павла» и второго корабля, а также выделить такелаж для их оборудования.

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 52, л. 89.

¹ Копию карты опубликовал А. Соколов (1851).

² «Материалы для истории русского флота», ч. IX, стр. 260.

И наконец, следовало иметь в виду, для того чтобы «порядочную опись учнить тем землям», потребуется много времени, «а по состоянию на тамошнем море темного воздуха, едва кажется оное действие произведено быть без бедственных опасностей и потеряже людей».

Предложение знаменитого мореплавателя энергично поддержал лишь адмирал Н. Ф. Головин. Сенат же и Адмиралтейств-коллегия вовсе перестали заниматься делами экспедиции и не принимали мер к тому, чтобы улучшить положение ее участников, по возвращении с Дальнего Востока живших в крайней нужде¹.

Что же случилось? Почему высшие правительственные органы утратили к ней всякий интерес? Объясняется это многими причинами.

Правящей верхушке, состоявшей в значительной мере из иностранцев, были чужды жизненные интересы русского народа, русского государства, и она не могла и не хотела понять, какие огромные перспективы откроет экономическое освоение Дальнего Востока.

Внешнеполитическая обстановка между тем достигла крайней степени напряжения. Начавшаяся в 1741 г. война России со Швецией требовала значительных ассигнований на военные нужды. В это же время обострились отношения России с Францией, Англией и Пруссией.

В этих условиях вершители судеб империи стали склоняться к тому, что дальнейшие затраты на экспедицию производить нецелесообразно.

На такое решение правительства известное влияние оказали также ложные доносы в Петербург, в частности неизвестного автора «Краткого отчета экстракта»², игнорировавшего научное значение экспедиции и всячески подчеркивавшего ее неудачи.

¹ В своей записке на имя Елизаветы Петровны В. Долгоруков, В. Трубецкой, М. Головин, А. Куракин, А. Бестужев, И. Чернышев и другие писали: «Крестьяне с начала той Камчатской экспедиции находятся в дальних и в самых трудных беспокойных работах и претерпевают вящую нужду и многие из тех экспедиционных работ не возвращаются лет по десяти и более и от того дома их за взятие в те тяжкие работы разорились и пашенные земли опустели» («Из истории освоения Северного морского пути». М., 1935, т. 4 (71), стр. 142). Публикация П. Горина.

² А. Покровский предполагал, что автором был Г. Г. Скорняков-Писарев («Экспедиция Беринга», стр. 409).

23 сентября 1743 г. сенат представил Елизавете Петровне доклад о результатах экспедиции Беринга и Чирикова. Приведя ряд доводов в обоснование того, что экспедиция приносит лишь убытки, сенат сделал вывод: «...ту экспедицию, от которой Сенат немало плода быть не признавает, надлежит вовсе оставить». На сенатском докладе было начертано: «Быть по сему».

13 марта 1746 г. Чириков прибыл в Петербург и вскоре был назначен директором Морской академии. Возглавлял он ее недолго, но успел сделать много. Под его руководством группа офицеров к маю 1746 г. составила несколько карт, в которых обобщались итоги Камчатских экспедиций.

Умер Алексей Ильич Чириков по предположительным расчетам в конце ноября 1748 г. Последние годы, как и всю жизнь, Чириков испытывал крайнюю нужду. В течение многих лет его дети не в состоянии были расплатиться с долгами¹.

В заключение следует вкратце остановиться на экспедиции, задуманной Иркутской и Охотской канцеляриями, перед которой была поставлена цель посетить ту часть северо-западной Америки, которая не была обследована ни Берингом, ни Чириковым. В ходе подготовки экспедиции необходимо было изучить материалы первого плавания русских к берегам «Большой Земли». В инструкции Охотской канцелярии на имя Шпанберга от 20 апреля 1743 г. указывалось, что если сведения Гвоздева о его плавании в 1732 г. не позволят составить отчетливого представления об описанной им земле, то тогда «для подлинного о всех по рапорту геодезиста Гвоздева островах и Большой Земле осведомления» отправить к американским берегам небольшое судно, командиром которого рекомендовалось назначить «такова человека, который бы действительно знал наукою и практикою все морские к плаванию судна принадлежащие случаи и положению мест на карты обстоятельно»².

¹ У Чирикова остались два сына — Василий и Петр и три дочери — Мария и Елизавета, имя третьей дочери в документах не названо (ЦГАДА, ф. сената, д. 5960, л. 748/об.; «Библиографические записки». СПб., 1861, т. 3, стр. 357).

² ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 53, л. 745.

9 сентября 1743 г. капитан Шпанберг, выполняя приказ Иркутской и Охотской канцелярий, поручил штурманам Х. Юшину, Родичеву и геодезисту Гвоздеву собрать материалы о плавании бота «Св. Гавриил» от Камчатки к Чукотскому носу и далее к «Большой Земле», а также составить «экстракт» из журналов «по одному всем описанным во объявленном вояже местам и плаванию судна сочинить по морскому регламенту обстоятельную карту».

Задание было выполнено в короткий срок. Несмотря на некоторые неточности карты¹, научное значение ее было велико, так как составители использовали большой фактический материал, собранный во время первого плавания русских моряков к берегам Америки, и нанесли участок «Большой Земли», обследованный Федоровым и Гвоздевым.

На основании документов можно с уверенностью сказать, что авторами карты, известной под названием карты Шпанберга, являются в действительности Юшин, Родичев и Гвоздев.

Экспедиции ставились обширные задачи научного, экономического и политического характера. Ей надлежало точно определить расстояние от Камчатки или Чукотки до «Большой Земли» и прилегающих к ней островов, выяснить, имеются ли в тех местах леса, уголья, удобные гавани, какова численность населения, его верования и обычаи и «кого над собою владельца имеют одного-ль или разных и оные владельцы самовластны-ли или дань кому платят и чем» (Ефимов, 1948, стр. 243).

Экспедиция должна была выяснить, нет ли за «Большой Землей» каких-либо земель и островов с людьми, о которых «здесь неизвестно и на оные какие имеются народы и под чьей державой и под которыми градусами

¹ В своем рапорте Шпанбергу от 8 октября 1743 г. Юшин сообщал, что на карту, составленную по журналу Федорова, побережье от р. Камчатка до Чукотского полуострова и «далее островов, також и содержанной им Федоровым диурнал, токмо оной весьма не обстоятельно записыван, по которому к настоящей верности карты сочинить весьма трудно, понеже пеленги многие прописываны не порядочно».

Эту карту Шпанберг направил в Иркутск, а точную ее копию в Адмиралтейств-коллегию.

все вышеописанные острова и Большая Земля состоят и не имеются ли на оных руды золотой и серебряной и другой какой».

В экспедицию канцелярия Охотского порта рекомендовала послать Гвоздева «понеже он... на помянутых островах у Большой Земли был и ежели впредь туда послать будем, надлежит послать его, Гвоздева». Против посылки Гвоздева возразил Шпанберг, считая, что «оного геодезиста Михаила Гвоздева в ту Охотскую канцелярию от команды экспедиции отослать нам невозможно, для того чтобы он, Гвоздев, при экспедиции по управлению должности геодезистской, которая при оной для копирования о морских вояжах к отсылкам, куда надлежит весьма надобна состоит один»¹.

Здесь уместно напомнить, что Гвоздеву поручались самые различные задания. Так, весной того же 1743 г. он, совместно с мичманом Ртищевым, по поручению Охотской канцелярии обследовал обширный район и провел ряд интересных географических наблюдений. В рапорте на имя Шельтинга от 7 июля 1743 г. они писали, что, по их мнению, на Манчикане возможно создать верфь для постройки морских судов, однако «к сплаву судов от того Манчикана к Охотскому устью за множеством той реки розсыпей за мелкостию воды неудобно, да и в большую прибылую воду також плыть морскими судами за быстротою реки за означенными розсыпями никакими мерами невозможно... понеже оная река заливатца на берега и такую быстротою своею во всякую протоку и к тому же мелководна, а местами имеет глубины девять, шесть и три фута и менее».

Были приняты меры по обеспечению экспедиции всем необходимым. Об этих мерах обстоятельно рассказывает в промемории Шпанберга (ноябрь 1743 г.). Он считал, что прежде всего следует подготовить небольшое судно, снабдив его такелажем, артиллерией, но главное «командиром определить такова человека, который бы действительно знал наукою и практикою все морские к плаванию суда, принадлежащие случаи и положение мест на карты обстоятельно», а в помощь ему дать «достойного человека ибо одному командиру

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 99, л. 396.

в бытность на море во всяком справитца никак невозможно». Большое значение придавал он укомплектованию корабля матросами и рядовыми, которые были бы «за обыкновенных морскому ходу служителей», а также обеспечению команды провиантом, «почему лутче разсуждаецца придать нечто в запас нежели оного в пути недостатка, от которого недостатка (от чего боже сохрани) в здешних безхлебных и пустых подле моря местах может учнитца как служителям, так и всему гибель».

Экспедиция эта не состоялась, но сама попытка ее организации, несомненно, говорит о разносторонних интересах местных властей. В последующем, по их инициативе и при их поддержке будут посылаться корабли промышленников, которые, выполняя чисто производственные задачи, вносят ценный вклад и в географическую науку.

Глава 5

Значение Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции

Научные итоги экспедиции

В. Беринг и А. Чириков, открывшие северо-западную Америку, и М. Шпанберг, проложивший морской путь в Японию, вписали замечательную страницу в героическую летопись русского флота. Научный подвиг русских моряков способствовал решению многих вопросов, волновавших ученых в течение веков. Было доказано, что «Большая Земля» не остров, а материк; представлены более точные данные о географическом положении Японии; нанесены на карту побережье от Архангельска до Камчатки, Курильские и Алеутские острова, берега Японии; опровергнута легенда о существовании «Земли да Гамы» и «Земли Компании».

В результате напряженного труда отрядов Малыгина, Овцына и Минина, Прончищева, Челюскина и Харитона Лаптева, Ласиниуса и Дмитрия Лаптева описан северный берег Азиатской России от Архангельска до Колымы, впервые собранные ими материалы под-

твердили возможность плавания по Северному Ледовитому океану (Андреев, 1943, вып. 2, стр. 34).

Участники экспедиций произвели точную опись северных берегов России. Только к 1743 г. было составлено 53 сибирских и камчатских карт (Белов, 1954). Этот факт свидетельствует об огромном научном наследии Второй Камчатской экспедиции, оказавшей положительное влияние на мировую географическую науку. В целях обеспечения безопасности мореплавания был создан картографический архив¹.

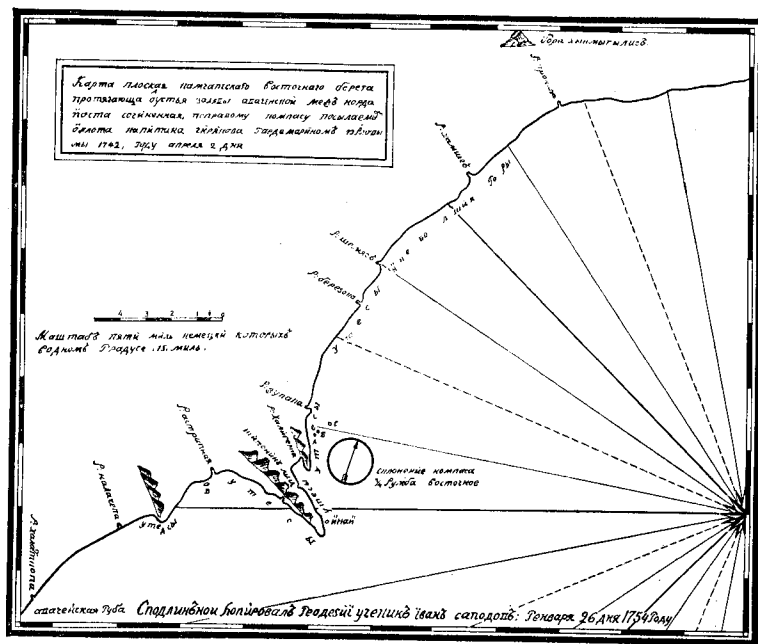
В обобщении богатого материала, собранного участниками экспедиции, огромную роль сыграл А. Чириков². Еще весной 1742 г. им была закончена карта восточного побережья полуострова Камчатки. Составленная Чириковым карта плавания пакетбота «Св. Павел» отображает район, обследованный им во время путешествия к американским берегам. Путь корабля, нанесенный Чириковым на карту, отличается исключительной точностью: ошибки не превышают ± 5 минут (Лебедев, 1951, стр. 125—126).

Составление локальных карт было лишь первым этапом большой работы, проведенной Чириковым. Еще во время путешествия он занялся подведением итогов всего того, что выполнили все отряды камчатских экспедиций. Это подтверждается тем, что вскоре по прибытии в Петербург Чириков передал Адмиралтейств-коллегии карту, подписанную им и Елагиным, обобщавшую результаты исследований русских моряков в первой половине XVIII в. Используя материалы плавания отряда Шпанберга, Чириков нанес на карту также северную часть Хоккайдо и ряд островов Курильской гряды.

Сведения, собранные мичманами Ртищевым и Шельтингом, позволили нанести на карту западный берег

¹ До этого карты хранились в кабинете Петра I, Верховном тайном совете, Модельной палате, при Адмиралтействе и в других местах. В начале XIX в. архив был преобразован в Депо Географического департамента морского министерства, ставшего крупнейшим в мире собранием атласов, карт и т. п.

² А. И. Чириков сделал все для того, чтобы сохранить для науки богатые материалы, оставшиеся после Беринга. Он лично доставил их в Томск, а при отъезде в 1744 г. в Петербург все дела экспедиции по точной описи передал Вакселю.



Карта восточного берега Камчатки

Пенжинского (Охотского) моря, начиная от Охотска, а та часть Северной Америки, которая лежит против Чукотского восточного угла между 65° и 68° с. ш., была переснята с карты Гвоздева.

Еще большее значение имела «Карта Генеральная Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам с частью вновь найденных через морское плавание западных американских берегов и острова Японна»¹. На ней был нанесен район от Архангельска до Курильских островов и точно указано место, откуда было начато описание северо-западной Америки.

Показательно, что в составлении карты (датиру-

¹ Архив древних карт ГУВМС СССР, портфель 14, № 4349. Об этой карте упоминает В. А. Первалов (1951).

ванной 10 мая 1746 г.) участвовали все руководители отдельных отрядов — русские морские офицеры Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев, Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Софрон Хитров, Иван Елагин. В техническом отношении она была выполнена учителем Морской академии Иваном Красильниковым и учеником геодезии Расторгуевым.

На составленной по материалам экспедиции Генеральной карте Российской империи и локальных картах были зафиксированы великие географические открытия русских людей, совершенные почти за двадцатилетний период. Они свидетельствуют о бесспорном приоритете русских в открытии северо-западной Америки и являются показателем их огромной роли в развитии мировой картографии. «Понеже через две Камчатские экспедиции, отправленные... в 1725 и в 1733 годах по 1743 год,— писал Чириков,— открылось не на малой части земноводного глобуза много земель и островов, о которых до упомянутого времени было неизвестно, а ныне явственно показывают подданные в Адмиралтейств-коллегию упоминаемой экспедиции от морских офицеров карты, а ис тех всех мест открылись западные американские берега»¹.

Сознавая важность создания карт Сибири и Дальнего Востока, Чириков горячо поддерживал известного русского геодезиста Петра Скобельцына, составившего (в 1740 г.) карты Иркутской губернии и озера Байкал; его товарищи в это же время составили карты Якутского уезда и Камчатки. Карты Чирикова и его помощников, карты Скобельцына и других геодезистов в значительной мере способствовали завершению важной долголетней работы Академии наук — «Атласа Российского» (1745 г.)². В его составлении решающую роль сыграли известный математик Л. Эйлер и астроном Гейнзиус.

Оценивая атлас, Эйлер впоследствии писал, что «география российская через мои и господина профес-

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, оп. 1, д. 1, л. 52.

² «Издание этого атласа поставило Россию в области географической науки на одно из первых мест в Европе... Европейские ученые очень сочувственно отнеслись к этой работе и в основу своих работ стали брать этот атлас» (Багров, 1914).

сора Гейнзиуса труды произведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география немецкой земли» и что «кроме Франции почти ни одной земли нет, которая бы лучшие карты имела». Атлас содержал неточности и упущения: маловажные географические объекты были нанесены, но зато обширные пространства показаны без населенных пунктов, имелись погрешности и неточности в названиях. Признавая несовершенство атласа, Эйлер вместе с тем говорил, что каждый «разумный человек уступить принужден, что опубликованные карты несравненно лучше, нежели никаким не быть. Сверх того, изданием сих карт точнейшее измерение не прекращается, но паче еще оно к тому способствует, понеже легче имеющиеся уже карты исправить, нежели вновь делать» (Анучин, 1949, стр. 61).

За подготовку «Исправнейшего Российского атласа» взялся М. В. Ломоносов, ставший в 1757 г. во главе Географического департамента. При этом он использовал карты обеих Камчатских экспедиций и многие «географически важные известия», как говорил гениальный ученый.

Камчатские экспедиции, по мнению Ломоносова, выполнили важные задачи и заложили фундамент для последующих исследований Тихого океана. Михаил Васильевич подчеркивал, что эти экспедиции принесли много пользы, «изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно; и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и распорядком воспоследовать желаемого исполнения» (Ломоносов, т. VII, стр. 373, 374).

Несмотря на недостатки, атлас был крупным достижением русской науки. «Нельзя не признать, что мир ученых,— писал в 1751 г. д'Анвиль,— интересующийся всеми сведениями из области географии, много обязан Петербургской императорской академии за опубликование этого атласа... Если для подобного рода трудов ждали бы времени, когда они достигнут абсолютной точности, то общество почти ничего не могло бы получить. Вполне достаточно, если то, что дается в данной работе, достигает значительного превосходства по сравнению с тем, что мы имели раньше, расширяя наши познания, так как до совершенства можно прийти только

постепенно; часто пробелы, встречающиеся в каком-нибудь первоначальном труде, служат средством для возникновения следующего более совершенного» (Гнучева, 1946, стр. 170).

Оценивая научные итоги экспедиции, академик К. М. Бэр писал: «Съемка северного берега Сибири, где еще не появлялся секстан, составляет уже одно из величайших, если не величайшее географическое предприятие». Картографические работы, выполненные по поручению Адмиралтейств-коллегии Чириковым, Берингом, братьями Лаптевыми, Гвоздевым и многими другими, оказались настолько точными¹, что спустя почти сто лет Ф. П. Врангель, П. Ф. Анжу, А. Ф. Миддендорф внесли лишь небольшие уточнения. Лишения и труды, перенесенные мореплавателями, как справедливо заметил Бэр, «навсегда останутся памятниками мужества русских» (1848, стр. 245).

Картирование территории России, проведенное в 1715—1744 гг. и отраженное в Атласе Кирилова 1734 г. и Атласе Российском 1745 г., дало «впервые новое и полное изображение $\frac{1}{8}$ суши земной поверхности. Великая Северная и другие экспедиции дали верное изображение береговой линии Ледовитого океана на пространстве протяженностью в 120° по дуге параллели, частей Великого океана (Камчатки, Курильских и Японских островов), верный контур Каспийского и Аральского морей» (Фель, 1961, стр. 249).

Западноевропейские ученые настойчиво собирали материалы о русских экспедициях, используя их для составления карт северо-восточной Азии и северной части Тихого океана. Так, например, Вотте, говоря об экспедиции Шпанберга в Японию, подчеркивает, что ее результатов «ожидали не только Адмиралтейств-коллегия, не только Россия, но вся Европа» (Wotte, 1967, S. 80). 8 апреля 1750 г. Парижская академия наук заслушивает доклад Ж. Н. Делиля «Новые открытия на Севере Южного моря». Об этом докладе следует сказать подробнее.

¹ В Адмиралтейств-коллегии составлялись более совершенные карты Сибири, чем в Академии наук, так как коллегия обладала всеми материалами экспедиции и в целях сохранения их в тайне передавала авторам «Атласа Российского» (среди которых были преимущественно иностранцы) лишь часть документов (Белов, 1954).

Отмечая важность сделанных русскими открытий на северо-востоке Тихого океана, Делиль указывает на цель, которую преследовали западноевропейские государства, пытавшиеся отыскать пути в восточные страны: «Прошло более двух с половиной столетий, как англичане и голландцы, заинтересованные в торговле с Восточной Индией, делают огромные усилия, чтобы найти кратчайший путь, либо с северо-востока вдоль северных берегов Тартарии, либо с северо-запада, проходя проливы, открытые на севере Северной Америки, но известно, сколь мало они продвинулись по тому и другому пути. Наиболее искусным английским и голландским мореплавателям с большим трудом удалось пройти с северо-востока немного далее Новой Земли; из последних путешествий к Гудзонской бухте мы узнали, что англичане, продолжающие отыскивать возможность прохода в Южное море через эту бухту, до сих пор еще не могли найти искомый выход. И если бы они его нашли, нужно будет сделать еще 500 миль, чтобы добраться до окраины, граничащей с Южным морем, причем еще точно неизвестно, земли или моря занимают данные пространства. Со стороны Азии не менее 700 миль между восточным берегом Новой Земли и восточной оконечностью Ледовитого океана, а оттуда еще 800 миль до Японии. Наконец, неизвестная часть Южного моря на севере между Японией и Калифорнией составляет более 1200 миль»¹.

Таким образом, как свидетельствует французский ученый, попытка западноевропейских государств открыть морской путь в Индию, Японию и другие страны через Северо-восточный и Северо-западный проходы потерпела неудачу.

Далее, изложив «об открытии всех земель и морей» сведения, которые он получил за долгое пребывание в России и после приезда во Францию, Делиль остановился на Первой Камчатской экспедиции Беринга. На полях доклада имеются любопытные пометы Миллера, представляющие самостоятельный интерес для исследователей русских географических открытий. Миллер, в частности, сделал замечание, что «у обитателей Камчатки имеется странное предание, что русские появи-

лись в их стране задолго до завоевания Володимира Атласова, но они не знают, каким путем они вошли. Я выяснил,—продолжал Миллер,—благодаря архивам города Якутска, что они пришли морем, опираясь на большой Чукотский нос, что случилось в 1648 г. И Беринг ничего об этом не говорит в своей реляции, которую он представил по возвращению».

Делиль отметил, что наблюдения капитана Беринга и его лейтенанта¹ над двумя лунными затмениями в 1728 и 1729 гг. послужили ему основанием «для определения долготы этой восточной оконечности»², а затем были подтверждены весьма точными наблюдениями над спутниками Юпитера, «проведенными вблизи моим братом и русскими людьми изощренными в такого рода наблюдениях и снабженными подходящими инструментами»³.

Для составления карты, представленной в Парижскую академию наук, Делиль использовал материалы первой экспедиции Беринга, которая «изображает восточную оконечность Азии с противоположным берегом Северной Америки для того, чтобы можно было одним взглядом обозреть то, что оставалось еще не открытым между этими двумя частями света». Далее Делиль указывает, что еще в 1731 г. он представил эту карту императрице Анне и правительствующему сенату, чтобы «побудить русских к дальнейшим открытиям, что возымело свой эффект, ибо императрица издала указ о новом путешествии, согласно мною составленному плану мемуару».

Делиль преувеличивает свою роль в организации Второй Камчатской экспедиции. «Г-н Делиль,—иронически замечает Миллер,—плохо помнит то время, когда он составлял эту карту. Он ее выполнил в 1732 г. по предписанию президента академии, получившего

¹ Имеется в виду, по-видимому, А. И. Чириков.

² Против этих слов помета Миллера: «Определение весьма сомнительного свойства, так как морские офицеры, наблюдавшие эти затемнения, не располагали ни астрономическими инструментами, ни стенными часами, а пользовались только карманными часами».

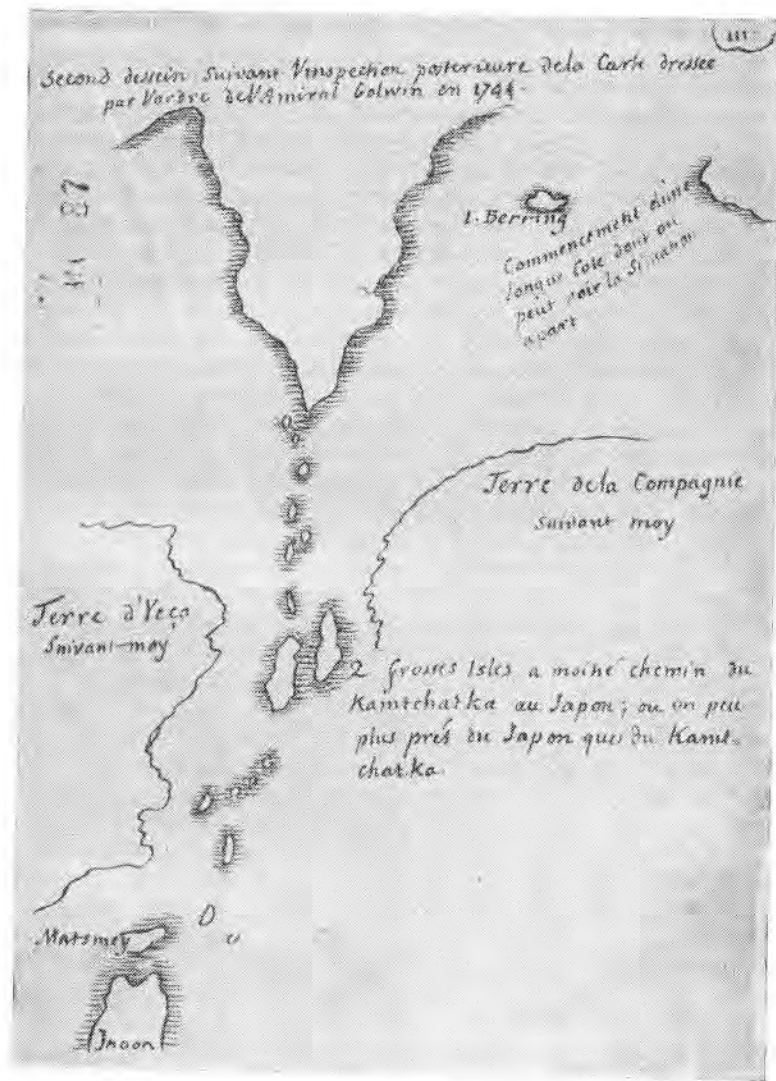
³ Делиль явно преувеличивает заслуги своего брата. Против слов «моим братом» пометка Миллера: «Это вернее наблюдения г. Красильникова, о которых здесь говорится, а не о наблюдениях г-на де Кройера».

приказ правительствующего сената о том, что императрица Анна приняла решение послать г. Беринга, недавно произведенного в чин капитан-командора, во второй раз на Камчатку; и чтобы академия получила предписание доложить сенату обо всем, что было известно об этих землях и соседних морях, поручила Делилю составить данную карту и приложить к ней мемуар для большей ясности. Итак, предназначение этой карты далеко от того, чтобы подать повод к новому путешествию г. Беринга, она явилась лишь результатом того, что было уже решено»¹.

Стремясь доказать, что к берегам Америки и Японии русские плавали по его маршрутам, Делиль ссылается на предложенные им в 1732 г. пути для открытия того, что оставалось неизвестным: «Один из этих путей должен был начинаться на юге Камчатки, идя прямо на Японию, чего нельзя было достигнуть без прохода через Землю Иесо или, вернее, через проливы, отделяющие ее от острова Штатов и Земли Компании, открытых голландцами более ста лет назад. Таким образом, можно было бы открыть то, что находилось на север от Земли Иесо, протяжение которой не было тогда известно с этой стороны, а также и пассаж между Землей Иесо и берегом Восточной Тартарии.

Другой путь должен был проходить прямо на восток от Камчатки до встречи с берегом Америки на севере Калифорнии. Наконец, в качестве третьей цели я предложил искать ту землю, признаки близости которой ощутил капитан Беринг во время своего первого плавания». В действительности же в 1732 г. об указанных путях Делиль не упоминал и, чтобы возвысить собственную роль в организации Второй Камчатской экспедиции, явно искажал факты.

Опираясь на неопровержимые факты, Г. Ф. Миллер пишет: «Если сравнить мемуар, подлинник которого хранится в Академии, с тем, что говорится здесь, то получается большая разница. В том мемуаре [1732 г.] ни одним словом не упоминается о том, чтобы делать открытия на юге, идти прямо на Японию, проходить Землю Иесо. Г. Делиль ограничился предложением трех различных путей для открытия соседних земель



Фрагмент французской карты Камчатки и Курильских островов

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфель Миллера), 533, д. 7, л. 9.

Сев. Америки или на востоке Камчатки. Вот что он там говорит: «Если подвигаться — это его собственные слова — до самого северного и в то же время самого восточного предела Азии, которого достиг капитан Беринг (неправильное предположение), — то непременно достигнет Америки, какой бы ни был взят путь между северо-востоком и юго-востоком, составляющий не более 600 миль (здесь Делиль ошибается в определении дистанции, которую он кладет между Азией и Америкой), где на севере именно между ними лишь маленький пролив, который однако расширяется, чем дальше продвигается на юг. Не заходя так далеко, быть может удобнее отправиться от восточного берега Камчатки и идти прямо на восток на исследование соседней земли, признаки которой ощутил Беринг во время первого плавания. Может быть, удастся найти сразу и с большей вероятностью земли, которые видел Дон Жан де Гама, ища их на юго-востоке Камчатки». Из этого видно, что Делиль намечал, в частности, искать мифическую «Землю Гамы». Фантастичность этого предложения была доказана плаваниями русских. В этой связи Миллер делает интересное замечание о том, что «проект, ошибочность которого г. Делиль признал, что, по-видимому, заставило его о нем умолчать по возвращении во Францию».

Описание плавания Беринга и Чирикова к берегам Америки в 1741 г., как отмечает Миллер, изобилует погрешностями фактического порядка¹.

Подробно рассказывает Делиль и о плавании своего брата с Чириковым, куда его назначили «в помощь в вычислении хода судна и для производства точных астрономических наблюдений в местах, где им пришлось бы высаживаться».

Делиль коротко упоминает также о походах северных отрядов экспедиции и их открытиях от Архангельска до Колымы: «Я ограничился, — пишет он, — тем, что отметил на моей второй карте положение берегов Ледовитого моря, следуя наблюдениям русских до реки Колымы, и остальной берег на востоке, приняв во внимание путь других русских людей, предпринявших в старину плавание на маленьких баркасах вдоль бере-

гов Ледовитого моря до Камчатки, наконец, Большую Землю, открытую в 1723 г. [нужно: 1732 г.— В. Д.], Ледовитого моря на 75° широты». Пометы Миллера существенно уточняют изложение Делиля: против слов «на маленьких баркасах» отмечается: «то были не маленькие баркасы, но корабли, способные держаться на море, длиною в 70—80 футов и соответственной ширины»; против слов «75 градусов широты» дается примечание: «Были замечены некоторые признаки Большой Земли в Ледовитом море напротив реки Колымы; однако ее открытие никогда не было доведено до такой степени, чтобы можно было быть уверенным в ее существовании и в ее положении. Все что о ней знают, сводится к рассказам некоторых простых людей, утверждавших, что они ее видели или что они на ней были, но за достоверность этого нельзя поручиться. Я подробно об этом изложил в докладе о плавании по Ледовитому морю на восток от реки Лены, основанном на материалах из архивов города Якутска. Этот доклад был послан в Петербург, выдержки из доклада были напечатаны в приложении к газетам №№ 50—60; таким путем Делиль мог о них узнать, но он поручил их перевести на французский язык, а перевод, по-видимому, был сделан весьма неправильно, так как Делиль говорит об этой земле со слишком большой уверенностью вплоть до обозначения широты, чего он не сделал бы, если бы мог прочесть мой оригинал».

Таким образом, Делиль, хотя и высказывал порой ошибочные взгляды и делал преждевременные выводы (что, несомненно, не могло не отразиться на достоверности его карты), все же отдавал должное русским мореплавателям и тем способствовал распространению их славы в странах Западной Европы.

Американский капитан Е. Бертольд, много плававший в северо-восточной части Тихого океана, писал об этой экспедиции: «Путешествие Беринга и Чирикова есть событие громадного значения. Эти два мореплавателя пересекли океан и открыли северо-западный берег Америки ценой ужасных потерь, неописуемых трудностей» (Bertholf, 1922, p. 348).

Интерес к русским открытиям не ослабевал и в последующем. В 1892 г. правительство США, решив организовать Колумбийскую выставку, посвященную че-

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 533, д. 7, л. 11/об.

тырехсотлетию открытия Колумбом Америки, пожелало, чтобы «успешные попытки русского правительства в открытии Аляски были представлены подлинным отчетом капитана Витуса Беринга за его путешествие от 1738 по 1742 г., во время которого Аляска была открыта»¹.

Следует также отметить труд американского ученого Голдера, высоко оценившего итоги экспедиции Беринга. Он опубликовал журнал пакетбота «Св. Петр» и другие документы о плавании Чирикова и Беринга к берегам Америки (Golder, 1922—1925). «Двадцать пять лет,— писал он,— ушло на попытку разгадать тайны северной части Тихого океана и Америки. Многие из них были разгаданы».

Современный английский географ Дж. Бейкер приходит к аналогичному выводу. «Этими путешествиями,— подчеркивает он,— были решены все важнейшие проблемы северной части Тихого океана в той мере, в какой они были предусмотрены данным Берингу заданием» (1950, стр. 192).

Больших результатов экспедиция достигла и в других областях знания.

Русские исследователи изучали местные народности, их язык, занятия, нравы, обычаи и т. д.

Особенно велика роль участника экспедиции, переводчика Академии наук Якоба Иоганна Линденау. 1 марта 1741 г. он закончил сочинение «Описание пеших тунгузов, или так называемых ламутов».

По сообщению Линденау, ламуты произошли от оленьих тунгусов, переселившихся на побережье моря, называемого ими «лам». Отсюда произошло слово «ламуты». У ламутов был общинно-родовой строй.

«У них, ламутов,— пишет Линденау,— не было никакого политического устройства, ни предводителя. Старшины, или ниунга, управляли по своему произволу».

В сочинении Линденау содержатся ценные сведения о занятиях ламутов. И мужчины и женщины с ранней

¹ Документы о плавании капитан-командора Беринга к берегам Америки в 1741 г. Чикаго, 1893, стр. 4. Они были изданы на русском языке; переписка официальных лиц США по поводу получения от русского правительства подлинных донесений Беринга приводится на английском языке.

весны и до поздней осени промышляли тюленями и охотились за утками. Последних загоняли с моря в реки, где их легче было поймать. Рыбу ловили корзинами. Эти занятия давали им средства для существования.

Очень важное место в жизни тунгусов занимала охота. Вместе с мужчинами ходили на охоту и женщины, которые помогали доставлять домой убитых зверей.

Отличившимся на охоте оказывались почести, в их честь давалось угощение. Победителя в охоте пазывали ловким, смелым, о нем рассказывали, сколько медведей он заколол, сколько диких оленей убил и провозглашали: «Кто между нами может с ним сравниться».

Занимались ламуты и разведением собак. Почти у каждого ламута было не менее семи собак, которые использовались для доставки провианта.

Ламуты вели торговлю. У приезжих купцов они приобретали котлы, топоры, ножи, иглы, бусы, шелк, китайские трубки, серьги и другие товары.

Линденау дал образное описание внешнего вида ламутов: «Они приземисты, широки в плечах; лицо кругловатое, к глазам расширяющееся. Щеки немного вдавлены; у них маленькие, круглые и карие глаза, очень тонкие, узкие, темные брови; широкий к глазам приплюснутый короткий нос. Маленькие толстые губы; широкие короткие и белые зубы, маленькие оттопыренные уши, заостренно-кругловатый подбородок. Многие имеют бороды. Если же она имеется, то очень жидкая и темная... Волосы на голове темно-каштановые, очень толстые, длинные и жесткие. Кожа на теле коричневая и мягкая. Среди них часто встречаются горбатые люди, но не от рождения, а вследствие болезни, ноги маленькие, слегка кривые»¹.

Достаточно полно дано описание их характера, манер, верований. «Тунгусы,— пишет Линденау,— отличаются смелостью, не любят бесполезной болтовни и считают ее величайшим позором... они гостеприимны, небережливы, мало заботятся о завтрашнем дне. Когда они едят, то каждому раздают из своих блюд, считая для себя позором не поделиться едой с гостем... Когда же сами бывают в гостях и их недостаточно хорошо принимают, то возникает из этого вечная вражда».

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 511/2, д. 5, л. 12.

зимовья вверх Уди реки и острог, де прежде был близ моря прямо Камени Тайсканского и с того де места тот острог служилые по жребью и для рыбных промыслов поставили на сем месте, а больше сего не слыхали»¹. Вблизи острога живут бежавшие с верховьев Уды якуты. По побережью Амура живут гиляки. Всего же в остроге шесть служилых людей; они переносят большие лишения и жалованья не получают уже в течение многих лет, питаются «рыбою, водою, травою и сосною и то с великою скудностью, а не с удовольствием».

Из опроса служилых людей выяснилось, что «древа и трава весной расцветают мая с 10 числа, а осенью листья с древ опадают и трава сохнет с сентября с первого числа. Зимой от силы великих морозов не бывает, а снега годом бывают и глубоки, також морозы и снега бывают не по вся год», что по Уде ходят небольшие суда, поднимающие не более 400 пудов, что китайский табак, медные котлы, серебряные пояса привозят из Якутска, что «трясение земли и небесных знаков в Удском остроге в давних годах бывало», и последнее землетрясение произошло в 1743 г.

Экспедиция провела много наблюдений над температурой воздуха, направлением и силой ветра, с точной характеристикой туманов и вообще видимости. Так, во время плавания у берегов Аляски Чириков отмечал: «...во время ходу нашава от Камчатки до земли американской, которой продолжался через шесть недель и, хотя оное время состояло в июне — июле месяцах, и в половине июня были в ширине 46 градусах, точию всегда погода была весьма холодная, как в наших местах бывает в глубокую осень, и почти вседневные стояли великие туманы, токмо в некоторые дни в приближных часах к полудню совершенно ясных дней толко было три; также и во время бытности нашей по возврате в августе и сентябре месяцах болше стало быть дней ясных, а сильные ветры по обыкновению осеннему чаще стали веять (однакож при берегах американских большая часть время стояло непогоды...)». Из этого Чириков делал практический вывод: «По моему признанию, удобнее время к плаванию по здешнему морю месяц август и половина сентября, нежели июнь и июль»².

¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 142, л. 48.

² «Экспедиция Беринга», стр. 284.

Огромное научное значение экспедиции состоит в том, что она заложила прочные основы океанографии, океанологии и гидрографии.

Был собран большой фактический материал о глубинах океана у берегов Америки, о наличии банок и отмелей у Аляски и Алеутских островов, об особенностях грунта морского дна в разных районах. Весьма примечательны наблюдения о физико-химических свойствах морской воды. Чириков первый из русских мореплавателей подметил, что морская вода обладает способностью свечения. Хотя причины этого явления объяснить он не мог, но привлек внимание ученых к его изучению.

Большое внимание уделял Чириков изучению морских течений. Дважды он пытался определить характер морского течения в океане, и хотя его попытки не увенчались успехом, но особенность течения у американских берегов ему все же удалось подметить: «Идучи вперед, дважды течение моря пробовали, точию никакова течения не обрелось, а при берегах американских имеется течение моря в параллель берега с обычайным возвратом; а по возврате, за неимением малых судов, течения пробовать не можно было».

Большое научное значение имели материалы о морских животных и птицах, собранные участником экспедиции Г. Стеллером. «Ученые будут вечно благодарны Берингу,— писал Голдер,— за то, что он убедил Стеллера пойти с ним на «Св. Петре» (Golder, VII, 1925, р. VII; Житков, 1939).

Стеллер работал в любых, самых неблагоприятных условиях, никогда не гнушался черновой работы, всегда стремился использовать всякую возможность, проявлял редкую трудоспособность и выносливость.

Для него было характерно критическое отношение к своим успехам. Он дал блестящее описание морской коровы, которая была названа его именем. Но он все же считал, что ему не удалось полностью выполнить своего намерения. «Если я недостаточно преуспел в выполнении этого желания [описать морскую корову.— В. Д.], виной тому была отчасти погода, которая, когда я начал наблюдения, была большей частью дождливая и холодная, отчасти же то, что я работал под открытым небом и не мог уйти от приливов и укрыться от огром-

ных стай песцов, которые все разрывали и тащили из-под рук. Когда я рассматривал животных, они успевали украсть бумагу, книги, чернильницу, а пока я писал, они набрасывались на животное. Мешали также огромные размеры и большой вес животного. Я должен был быть наблюдателем и рабочим. Остальные беспокоились только о постройке корабля и о спасении из этого места».

Еще в 1740 г. Стеллер собрал на Камчатке богатую коллекцию трав и вчерне описал их, поручил Горланову продолжать сбор трав, «написать вокабуляриум», а также изучать нравы и обычаи камчадалов и других народовностей полуострова и то, что студентом Крашенинниковым «не исполнено, то велено пополнить»¹.

Правительство Великобритании решило воспользоваться результатами исследования русских моряков. С этой целью послал в Петербурге Джону Гиндфорду было поручено любыми средствами добыть документы об открытиях русских в северо-западной части Тихого океана. Гиндфорд выполнил задание: «Во исполнение моих первых инструкций,—сообщал он статс-секретарю по северным делам лорду Филиппу Дормер-Стенгопу Честерфилду,—я постарался узнать, какие именно открытия сделало здешнее правительство в северо-восточной окраине России и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга, который взял на себя исследование Камчатского берега и островов, лежащих по направлению Японии; я надеюсь быть в состоянии послать их вашему сиятельству со следующим курьером; но это надо держать в секрете, ибо если Чернышев² узнает об этом, весьма многие будут отправлены отсюда заканчивать свои дни в той стране» (Ефимов, 1950, стр. 198—200).

Таковыми же приемами не брезгало и французское правительство.

¹ А. Горланов успешно выполнил задание Стеллера, 29 мая 1742 г. он сообщил Г. Ф. Миллеру, что собрал травы, растущие около Петропавловской гавани, «сушил их и клал в бумагу и их имена, как они по-камчатски называются, записывал, и которые в пищу и в лекарство от русских людей и камчадалов употребляются с обстоятельством вносил в журнал». Одновременно записывал слова камчадалов, а также слова коряжского языка, «которым говорят оленные и сидячие коряки» («Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 41).

² П. Г. Чернышев — русский посол в Лондоне.

Великие географические открытия русского флота на Тихом океане в первой половине XVIII в. выдвинули ряд экономических вопросов.

Прогрессивные деятели России, отлично понимая необходимость хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока, предпринимали практические шаги в деле развития земледелия, животноводства, металлургии и других отраслей хозяйства.

Участники экспедиции на опыте доказали возможность выращивания злаковых растений и овощей в различных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока¹. Примечательно, что исследователи получали нужные сведения непосредственно от пашенных крестьян. Так, Линденау от крестьян Удского острога узнал, что земля их «песчана и иловата», но если ее удобрить навозом, то «ячмень родится, а рожь и ярица родится годом». В 1742 г. было посеяно 42 пуда, «и от того засеянного хлеба всякого родилось двадцать пуд и с отвеями и для того против засеянного хлеба не родилось», но в следующем году на удобренной земле было засеяно 35 пудов и «от того хлеба родилось прибыли сорок пуд». В 1744 г. было посеяно 32 пуда, «но токмо оный хлеб выела червь целую десятину, а что будет при молоту, то знать не можем»; земля распахана пока еще очень мало, так как прибыли они сюда только 26 августа 1736 г. Не сумели они поэтому и заготовить необходимого количества сена и «оныи кони от той безсенницы выпали все и для того земли мало распахано и копали мы землю руками и ныне у нас коней мало имеется».

Низкие урожаи объяснялись часто и неправильным выбором земли. Большие трудности создавало также и отсутствие леса, и поэтому крестьяне часто обращались с просьбой переселить их в лучшие места².

С развитием мореплавания возрастала потребность в железе, значительная часть которого завозилась с уральских заводов. Важную роль в обеспечении экспе-

¹ Ценные сведения по этому вопросу содержатся в известном «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и в трудах других русских путешественников.

² ЦГАДА, ф. сената, д. 57, л. 104.

диции железом сыграл Тамгинский завод (решение о его постройке было принято по предложению Беринга еще в 1732 г.)¹.

Участники Второй Камчатской экспедиции старались выяснить причины разорения коренных жителей и русских поселенцев в этом богатейшем крае. Изучая быт коренного населения, Стеллер с горечью отмечал, что за последние 50 лет оно уменьшилось в 10 раз. Большое внимание уделял ученый Курилам. Лестно отзывался он о камчадалах, подчеркивая их трудолюбие, бескорыстную, исключительную честность. «Народ — самой смиренной, — писал он, — и к измене не склонной, во всем, сколько им возможно, а не против силы, послушной, не воистой, но только в ловле рыб и зверей упражняющийся, простой, приемной и к восприятию лучших обычаев и обхождений весьма склонной, также понеже никакого закона и идолов не имеют»².

Стремясь улучшить их положение, Стеллер выступал в пользу ограждения прав камчадалов от произвола приказчиков: «Чтобы прикащики без взяток доношения и жалобы принимали и без замедления решения чинили и камчадалов в остроге не держали, ибо оные лутче нестерпимые обиды понести могут, нежели долго от домов в отлучке быть».

И наконец, следует отметить доклад, присланный в сенат неизвестным автором, «содержащий вскрытие тяжких повинностей якутов, тунгусов и других народов, населявших отдаленные области Северной Сибири, покоренных Российской империей и плативших России ясак»³. Находясь 11 лет в ссылке, он хорошо знал нужды населения и для облегчения его участи в первую очередь требовал упорядочить взимание ясака.

В обоснование необходимости освоения дальневосточных земель и их обороны большую роль сыграл Чи-

¹ С 1735 по 1743 г. завод выплавил 16258 пудов кричного железа, из которых 2288 пудов пошли на нужды экспедиции, наибольшая часть израсходована заводом, а остальное продано на местном рынке (Павленко, 1953, стр. 81).

² ЦГАДА, ф. сената, д. 180, л. 550/об.

³ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 31, л. 3. Доклад написан на немецком языке (Перевод А. Э. Волинской).

риков. В июне 1746 г. он представил в Адмиралтейств-коллегию проект¹, в котором затронул многие важные проблемы, и в первую очередь проблему обороны дальневосточных земель. В этой связи он писал: «Но дабы сысканное чрез камчатские экспедиции совсем оставлено не было, того ради... на содержание Сибирской губернии употребить два судна из оставшихся от экспедиции», укомплектовать хорошо обученными матросами и офицерами, а по мере открытия новых земель сооружать такие крепости «как при островах, так и при оной жилой земле осматривать гаваней и удобных мест ко убеждению с моря от жестоких погод, и при оной земле присматривать пристойных мест, где небольшую крепость сделать... и найдется ли близь той земли приличной островой, окруженной морем, где б, построив крепость хотя бы и нападение было тоб оборониться можно».

Придавая большое значение обороне Курильских островов, открытых русскими в начале XVIII в., Чириков предлагал на одном из островов, лежащих между Камчаткой и Японией, отыскать удобное место для якорной стоянки морских судов, т. е. основать военно-морскую базу. Эту мысль он выразил такими словами: «...без препятствия можно крепость построить и служителей пристойное число содержать».

Проблема дорог и речных коммуникаций занимала всех участников экспедиции, ибо, не решив ее, нельзя было думать ни о развитии хозяйственных связей с Дальним Востоком, ни о защите его от внешних врагов.

Перед сибирскими властями Шпанберг поставил вопрос о необходимости на протяжении Усть-Майского пути, «ежели до сего что не учреждено по дорогам, конечно, учредить немедленно», предлагая руководство работой поручить геодезисту Василию Шатилову.

Особое же значение придавалось Амуру. Чтобы вызвать к жизни Приамурский край, Чириков, например, предлагал на свободных землях, простирающихся к северу, строить города и селения, подчеркивая, что использование реки Амур открывает большие перспективы для быстрого экономического и культурного разви-

¹ ЦГАВМФ, ф. Головина, д. 1, л. 52.

тия края: «На северной стороне оной реки имеются свободные места для строения там города и довольно при нем селения жителей, ибо ко оному месту из Иркутской провинции провианты и всякие материалы можно б было без великого труда отправлять».

Большой размах экспедиций в первой половине XVIII в. возможен был, в частности, благодаря тому, что обширные районы Сибири в экономическом отношении были уже освоены, и это позволило удовлетворять потребности Первой и особенно Второй Камчатских экспедиций. «Илимская пашня была основой снабжения всего северо-востока Сибири, включая Якутск, Охотск и Камчатку. Тем самым она явилась базой, на которую опирались русские, овладевая северо-восточной Сибирью», — отмечает В. Н. Шерстобоев (1952). Как правильно пишет он далее, «утверждение русской государственности в Ангаро-Илимско-Ленском крае и на крайнем северо-востоке континента явилось следствием не столько военных мероприятий воевод, сколько мирной трудовой героики пашенных крестьян».

Интересы дальнейшего хозяйственного и культурного освоения вновь открытых земель на Тихом океане и северо-западной Америки требовали продвижения земледелия дальше на восток. По мнению Чирикова, следовало начать осваивать земли Приамурского края как наиболее плодородные и где климатические условия позволяют выращивать различные сельскохозяйственные культуры. Без укрепления влияния России на Амуре, подчеркивал он, «вновь найденные от Камчатки в восточной стороне земли и острова овладеть и в подданство российской державе невозможно ж привести».

Во время Второй Камчатской экспедиции на Камчатке было положено начало школьному образованию. Камчадалы охотно отдавали детей в школу, основанную Берингом и Чириковым, но на пути дальнейшего распространения просвещения возникло немало трудностей: «Учителей добрых здесь, — писал Беринг, — нету же, а хотя по нужде и сыскались бы, о чем я и старание имел, чтоб в здешних острогах для обучения казачьих детей и новокрещенных грамоты и писать школы завести, и учителей в них определить. И о том писал к вышеобъявленному здешнему командиру Петру Колесову, точию учить не почему, понеже ответствовали ко



План Охотской дороги

мне, что и учебных книг не имеетца, и токмо ныне школы на Камчатке нигде не заведено и учения нет»¹. Однако добрые зерна, посеянные русскими моряками, давали плоды.

Из письма Иосафа Хотунцевского (возглавлявшего миссию в составе семи студентов Московской славяно-греческой академии) известно, что в разных местах Камчатки были открыты три школы, в которых обучалось 203 человека.

О больших переменах в быте населения Камчатки под влиянием русских писал С. П. Крашенинников: «Ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих обрядам их, грубостию и суеверию... Во многих местах не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкновению... заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих».

Опыт плавания

За десятилетний период деятельности экспедиции был впервые приобретен ценнейший опыт по подготовке и руководству научными исследованиями, осуществляемыми экспедициями, которые проводились в разное время и в разных районах.

Централизованное управление (Адмиралтейств-коллегия) сочеталось с широкой инициативой главных руководителей экспедиции (Беринг и Чириков) и начальников отдельных отрядов.

Беринг постоянно координировал действия отрядов экспедиции, производившей одновременно исследования на разных направлениях, поддерживал связь (главным образом посредством нарочных) с начальниками отрядов, информировал их об успехе, достигнутом на том или ином участке. Адмиралтейств-коллегия при непосредственном участии Беринга определяла состав экспедиции, цели и задачи, от нее исходили важнейшие указания,

определявшие общее направление работ. Она постоянно контролировала деятельность экспедиции, требовала представления отчетности, поощряла и награждала отличившихся.

Во время плавания Шпанберга, Беринга и Чирикова был накоплен значительный опыт в организации связи между кораблями в специфических условиях северной части Тихого океана. С этой точки зрения представляет интерес инструкция, определявшая условия, соблюдение которых должно было обеспечить успешность совместного плавания, оказание своевременной помощи друг другу во время штормов, тумана, при посадке корабля на мель и при других бедствиях. Инструкция давала советы, как надлежит действовать при встрече с неприятельскими судами и на случай, когда корабли в тумане разлучатся.

Офицеры и матросы во время плавания в невероятно трудных условиях показали удивительную стойкость, неспиаемую силу морального духа. Люди безропотно переносили все лишения и невзгоды. После возвращения из плавания они были готовы отправиться в новое путешествие. Характерным примером может служить Д. Л. Овцын, который вскоре после прибытия в Петропавловск писал Шпанбергу, что он снова может пойти в плавание¹.

Многим руководителям экспедиций были присвоены новые воинские звания, а они в свою очередь не забывали о «нижних чинах», героический труд которых имел решающее значение для успеха экспедиции. Об этих героях (многие из них так и остались неизвестными) рассказывается в различных документах. Так, 20 мая 1742 г. Шпанберг, сообщая данные о многолетней и усердной службе многих моряков, просил Адмиралтейств-коллегию о их награждении, повышении в следующую ранг, о производстве в офицеры и т. д. Не ожидая решения Коллегии, Шпанберг произвел в боцманы боцманмата Степана Серебрякова, хотя по уставу такой власти у него не было, «однакоже ко исправлению по той должности человек нужно надобен, которую тот Серебряков и исправлял поныне без получения к тому

¹ Письмо Д. Л. Овцына от 25 ноября 1742 г. Шпанбергу. («Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943, стр. 44).

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 796, л. 42.

окладу... уже несколько лет с тщательным радением и по тому же и служил и служит одним боцманматом он... 38-й год, ис которых и со мною служит одним боцманматским рангом лет з 20». А квартирмейстер Козин был произведен в боцманы, В. Эрт — в боцманматы.

В архивах Чирикова встречается много донесений и рапортов, написанных рукой Ивана Редина. С поразительной тщательностью выполнял он в течение десяти лет обязанности писаря, «будучи долгое время при главных делах Камчатской экспедиции исправлял, что надлежало бы исправлять доброму секретарю со всяким прилежанием и неусыпным трудом беспорочно, о чем и от меня ему дана надлежащая по доброй совести моей рекомендация пока же иного награждения за многие его труды учинить силы не имею»¹.

С самой лучшей стороны зарекомендовал себя геодезист Иван Киндяков. «Киндяков, — писал Чириков, — и в бытность свою в моей команде геодезическую должность исправлял изрядно и карты делал и снимал довольно да и сверх того и расход денежной казны держал порядочно. Чего ради в прибытие мое в Петербурге и я должен в государственную адмиралтейскую коллегию представить, чтоб к команде о пожаловании его в геодезии прапорщики и о даче ему против прочих бывших служителей в Камчатской экспедиции денежного жалования послан бы е. и. в. указ».

Уместно сказать, что Чириков следил за тем, чтобы все матросы и офицеры получили положенное им жалованье. Так, когда лейтенанту Михаилу Плаутину не выплатили назначенного ему содержания, Алексей Ильич немедленно написал об этом в Петербург.

Люди, работавшие в суровых условиях, особенно нуждались во внимании. Оно согревало их, помогало им переносить лишения. Вот один из штрихов, характеризующих А. И. Чирикова как начальника и человека. Получилось так, что положенный студенту Горланову провиант не был своевременно доставлен на Камчатку. Его выручил Чириков. Все лето 1740 г. он «довольствован был его столом, с сыном вместе обедал и ужинал, а сына его учил по-латински» («Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, стр. 41).

¹ ЦГАВМФ, ф. 216 (Беринга), д. 65, инструкция Вакселю.

И вот еще один любопытный документ — рапорт Ф. И. Соймонова от 6 сентября 1760 г. В 1753 г. он был поставлен во главе Камчатской экспедиции, которая должна была продолжить дела, начатые Берингом и Чириковым. Ему было предоставлено право производить служителей «в потребное в то число экспедициею число каких офицерских и других чинов доставать не будет и хотя оная экспедиция и донесе действия своего еще не имеет, но ежели оного ожидать, а бес того таких заслуженных бывших в Камчатской экспедиции служителей против протчих их братии без перемен чинов, их оставить по-прежнему в дальних сибирских городах, то им оное не без обиды быть может». Соймонов произвел 7 марта 1760 г. квартирмейстера Савву Сергеева в боцманы, дав при этом ему блестящую характеристику¹.

* * *

Исключительная роль в экспедиции принадлежала русским пашенным крестьянам, а также айнам, чукчам и другим народностям, снабжавшим экспедицию продовольствием и строительными материалами. Они не только сообщали много интересного, но и сами участвовали в трудных плаваниях.

Отважные русские мореплаватели за сравнительно короткое время накопили огромный опыт плавания и научной работы в исключительно трудных условиях Севера, создали школу замечательных моряков и ученых, обогатили науку великими открытиями. Вторая Камчат-

¹ Савва Сергеев начал службу на флоте в 1717 г. В 1736 г. определен в Камчатскую экспедицию и назначен на бот «Иркутск», на котором вместе с лейтенантом Лаптевым ходил в морской воляж из Якутска вниз по Лене «в Северное море». В 1741 г. вместе с лейтенантом Лаптевым по суше ходил до Анадырского острога и там «за неимением мастера построил он, Сергеев, своим искусством два судна, на которых и следовали вниз по реке Анадыру до самого Восточного океана, и приплыв к морю и в самое море на тех судах ходили и оттуда возвратились паки в Анадырск, а из Анадырска следовали сухим путем и прибыли в Якутск в 1742 г.». Ртищев и корабельный секретарь Синдт дали положительную аттестацию, подчеркнув, что Сергеев «по ревности сво службы к повышению не токмо в боцманматы, но и боцманы достоин» (ЦГАДА, ф. сената, 4-й департамент, 1764, д. 5960, л. 546—548).

ская экспедиция открыла северо-западную Америку. Вместе с тем она намного ускорила развитие края, вызвав необходимость решения ряда новых задач, связанных с организацией и обслуживанием экспедиций.

Вторая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция, вызванная к жизни потребностями экономического развития, сама в свою очередь указала на необходимость быстрого освоения природных богатств, обнаруженных путешественниками и исследователями на необозримых просторах Сибири, Дальнего Востока и в северной части Тихого океана. Для этого требовалось изыскать наиболее выгодные пути на восток для установления прочных хозяйственных и культурных связей Европейской России с ее отдаленной окраиной. Нужно было, в частности, доказать возможность сквозного плавания из Северного Ледовитого океана в Тихий, освоить амурскую речную систему для выхода на океанские просторы и т. д. Но прежде всего необходимо было исследовать близлежащие к Дальнему Востоку территории и начать их освоение.

Часть третья

Плавания русских к берегам Америки и Японии после Беринга и Чирикова

Глава 1

Плавания промышленников к Командорским и Алеутским островам



Плавания промышленников в северной части Тихого океана, начавшиеся сразу после экспедиции Витуса Беринга и А. И. Чирикова, представляют во многих отношениях большой исторический и научный интерес.

В исторической и географической литературе распространено мнение о том, что русские купцы ринулись на Тихий океан только ради промысла за морским бобром — каланом.

Так, например, Л. С. Берг пишет: «Когда в 1742 году спутники Беринга вернулись с острова его имени на Камчатку, имея с собой большое количество бобровых мехов, это сейчас же вызвало целый ряд экспедиций купцов и промышленников на восток» (1946, стр. 285). Той же точки зрения придерживается и Н. Н. Зубов, утверждая, что рассказы Беринга и Чирикова о богатых пушных промыслах на Командорских и Алеутских островах, а также и то, что их спутники привезли с собой много ценных мехов, в том числе бобровых шкур, побудило купцов пуститься в отчаянные и рискованные плавания: «И вот, подобно тому, как «соболь» привел русских на берега Тихого океана, а «морж» на берега Северного Ледовитого океана, так «морской бобер» привел русских на побережье Северной Америки. Как следствие этого нового стихийного движения русских на восток создалась «Русская Америка» (Зубов, 1954, стр. 101).

В работе Р. В. Макаровой (1968, стр. 43) деятельность промышленников рассматривается вне связи с общим процессом хозяйственно-экономического освоения дальневосточных земель. Р. В. Макарова считает, что единственной причиной, побуждавшей промышленников предпринимать опасные плавания, являлся промысел ценного пушного зверя. Лишь с отрицательной стороны характеризует деятельность промышленников А. Полонский¹.

Между тем явно недостаточно объяснять чрезвычайно рискованные плавания промышленников одним стремлением наживы. Узость такого взгляда, укоренившегося еще в 40-х годах XVIII в., показал в рецензии на книгу П. Тихменева «Историческое обозрение Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени» (ч. I—II, 1861, 1863) адмирал Д. М. Афанасьев. Он вскрыл сложность мотивов, побуждавших этих простых людей на весьма опасные предприятия. Не отрицая стремления промышленников к наживе, Афанасьев говорит об их неутомимой жажде познания и новых открытий.

«Люди,— писал он,— пускающиеся на море только по обману чувств, из одних мечтательных надежд, без необходимых моряку удали, терпения и равнодушия, пойдут за корыстью раз и много два» (Афанасьев, 1864, стр. 14). Понимание научного значения рискованных плаваний рождало у смельчаков, никогда не видавших моря, непоколебимую волю и изумительную силу духа. «Эти люди,— пишет Афанасьев,— гибли во множестве на промыслах и крушениях, но еще больше возвращались к своему порту без гроша, без одежды, голодные и до-нельзя изнуренные». Но став на этот путь, промышленники «заражались» неудержимой страстью к далеким плаваниям... и после короткого отдыха пускались снова и снова на океан, до тех пор, пока не убаюкивала их где-нибудь неловкая волна или не изнывали они от цинги на далеком пустынном острове».

¹ А. Полонский. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800). Рукопись на 152 листах.— «Архив. геогр. об-ва СССР»; «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.». Рукопись на 99 листах (там же).

Американский историк Томпкинс, отмечая вклад, который внесли промышленники в изучение северной части Тихого океана, считает, что инициатива в исследовании этой части океана после Беринга принадлежала не правительству, а частным дельцам, по его выражению — «авантюристам, которые в это время составляли все население Сибири» (Thompkins, 1945, p. 20).

Мы же полагаем, что имеются достаточные основания утверждать, что правительство вовсе не стояло в стороне от этого движения, а, более того, стремилось использовать плавания промышленников для решения крупных экономических и научных задач по освоению Сибири и Дальнего Востока, а также для расширения своего влияния в северной части Тихого океана и проникновения в северо-западную Америку.

Многочисленные плавания промышленников имели также своей важнейшей целью изучение возможности судоходства из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. «Эти русские предшественники Норденшельда,— писал Н. Н. Оглоблин,— стремились с своими силами и знаниями решить старую крупную задачу — подойти Северным океаном в Камчатку, т. е. открыть путь, давным-давно уже открытый Семеном Дежневым — еще в 1648 г., но с тех пор также давно и позабытый» (1902, стр. 281).

Уже опыт Второй Камчатской экспедиции доказал взаимообусловленность всех этих задач и необходимость в первую очередь способствовать развитию экономики края, внедрению земледелия и животноводства, строительству заводов по выработке железа, парусины, канатов и т. п., ибо только при этих условиях могла быть создана прочная база для судостроения, снабжения населения далекой окраины и развития морской торговли с восточными государствами и, в конечном счете, для укрепления позиции России как тихоокеанской державы. Следует иметь в виду, что в это время англичане все чаще предпринимали попытки найти Северо-западный проход в Тихий океан со стороны Атлантики. Расширяла свои владения в Северной Америке и Испания.

Таким образом, вырисовывается общая тенденция западных держав: попытаться найти путь в Тихий океан, к новым землям, так как, согласно международному

праву, они могли стать собственностью только того государства, чьи подданные их открыли.

В этих условиях деятельность русских промышленников приобретает особое значение, тем более что правительство не располагало достаточными ресурсами для организации больших экспедиций.

Русские промышленники были неутомимыми искателями новых земель, и стремление к наживе у многих из них уживалось с желанием изучать и осваивать далекие края.

Их плаванья достигли огромного размаха. С 1743 по 1764 г. проведено 42 экспедиции, в результате которых были открыты многие острова Алеутской гряды и Аляска.

В дальнейшем изложении мы остановимся только на некоторых экспедициях и на тех вопросах, которые не нашли еще достаточного отражения в работах советских исследователей.

В первый период, с 1743 по 1752 г., было предпринято 17 плаваний. В эти годы промышленники ходили к Командорским островам и к группе Ближних островов. Не исключено, что они промыслили и в более отдаленных районах, но достоверных данных об этом не сохранилось.

Первым дорогу к Командорским островам проложил сержант камчатской «нерегулярной команды» Е. С. Басов. С 1726 г. он служил в Якутске, Охотске и на Камчатке. Уже в 1740 г. он добился от Сибирского приказа разрешения идти «на Курильские и прочие морские острова для призыву иноземцев в подданство».

Е. С. Басов организовал компанию, в которую вошли служилый Евтихий Санников, несколько посадских и крестьян. Компания на собственные средства построила шитик «Капитон». Команда состояла из 20 человек. Обязанности штурмана выполнял Санников, умевший пользоваться компасом. 1 августа 1743 г. «Св. Петр» вышел в море. Через пять дней его выбросило на остров Беринга, где моряки провели зимовку.

Неудача первого плавания не обескуражила Басова. В 1745 г. он на том же судне вновь пустился в плавание. Достигнув острова Медный, мореходы первыми из европейцев высадились на нем, но, не найдя удобной бухты, вынуждены были возвратиться на остров

Беринга. В течение зимы они обследовали остров, определили, что длина его 200 верст, ширина от 5 до 25 верст и что если промысливать морских бобров, сивучей, нерп и морских коров, «то уловательно хотя бы множество народа прокормить можно». В 1746 г. неутомимые мореходы находились в открытом море в течение месяца. 31 июля «Св. Петр» благополучно возвратился на Камчатку, имея на борту богатую добычу: 1670 морских бобров, 1780 бобровых хвостов, 1990 котиков и 2240 голубых песцов. Весть об этом вызвала у промышленников желание самим попытаться счастья (Ефимов, 1948, стр. 299) ¹.

Ободренный первыми удачами, Басов предпринял еще три плавания: в 1747—1748, 1749, 1750—1752 гг. Сам же он участвовал лишь в походе 1748 г., в котором кроме промысла ценного морского зверя преследовались и другие цели: поиски руд и описание мест их обнаружения, а также сбор сведений о местных жителях. В организации двух походов участвовал купец Никифор Трапезников, вступивший в промысловую компанию с Басовым.

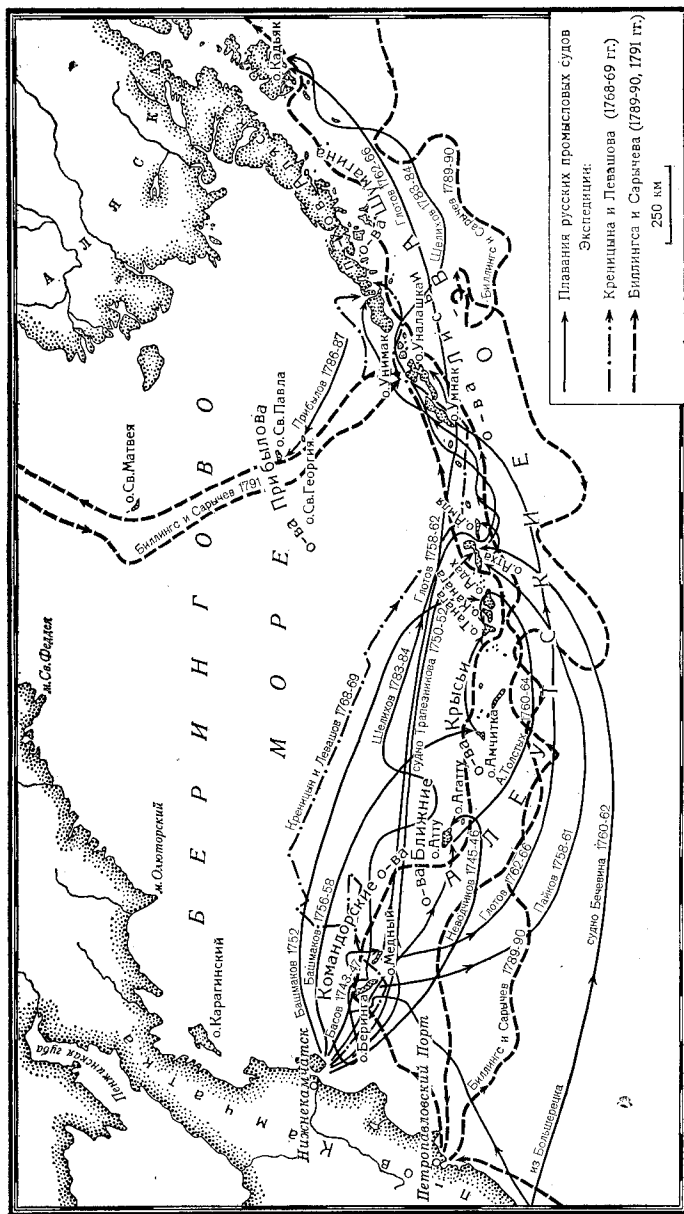
Наибольший интерес представляет плавание 1747—1748 гг. 1 сентября 1748 г. канцелярия Охотского порта сообщила в Иркутскую провинциальную канцелярию, что в августе сержант Басов направил служителя Дмитрия Наквасина ко Второму Малому острову «для промысла на пропитание» ².

На северной стороне этого острова, в утесе и на выдающихся в море каменных лайдах, была найдена самородная медь. Басов спешно направился к тому месту, где она была обнаружена. Вместе с казаком Алексеем Тезневым и другими он добыл 51 фунт меди и 205 камешков. 29 фунтов меди и камешки были отправлены в Иркутскую канцелярию, которая срочно потребовала письменный доклад о том, где найдена медь, в какое время удобнее ее добывать и живут ли вблизи люди.

Ответив на все вопросы, Басов сообщил также, что, поскольку морские суда к острову пристать не могут

¹ Н. Н. Зубов приводит другие данные о результатах промысла Басова, не подтверждая их источниками (1954, стр. 102).

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, д. 86, л. 7.



Плавания русских к Алеутским островам во второй половине XVIII в. (по Морскому атласу)

и бухту для якорной стоянки из-за кекуров и утесов выбрать трудно, безопаснее всего плыть на шитиках.

Канцелярии Охотского порта было предложено подробно описать место обнаружения медной руды и составить карту, обозначив размеры острова, выяснить, имеются ли бухты и на каком расстоянии от острова, в которые могли бы войти большие морские суда, и «ради того описания буде пожелает отправить вышереченного ж Басова, дав ему знающего к сочинению карты человека», снабдив всем необходимым, и «оное описание и карту по сочинении прислать в Иркутскую провинциальную канцелярию немедленно».

Из Иркутска медную руду отправили в Берг-коллегию «для учинения пробы». В свою очередь Берг-коллегия направила образцы руды М. В. Ломоносову, который в результате ее исследования ответил, что «чистая самородная медь, также и отделенная от нечистой, — швецкую медь доброотою превосходит и от японской доброотою не разнится чувствительно, чему и дивиться нельзя, для того что Япония и Камчатка лежат на одной гриве, которая разорвана только морем и признаки свои из-под воды островами показывает».

М. В. Ломоносов также сообщил, что серебра и золота в медной руде не было обнаружено. Далее он писал, что желательно, чтобы «толь богатая медь где-нибудь ближе в отечестве нашем открылась».

Изучение доставленных в Берг-коллегию образцов медной руды продолжалось. 24 июля 1752 г. бергпробирер¹ Христиан Лейман докладывал, что из 19 фунтов самородной меди и черного песку «по лабораторскому весу явились меди 17 фунтов с половиной, черной песок — полтора фунта». К рапорту прилагалось «Росписание учиненных с самородной меди проб на граукфер или чистую медь».

Нерчинское горное начальство послало в Охотск Петра Яковлева 23 марта 1753 г. «для совершенного географического описания и по горному искусству разведывания самородной меди». Трудна была дорога Яковлева, только в августе 1754 г. он с командой из 33 человек смог на судне «Капитон» обследовать место, где Наквасиным была обнаружена медная руда.

¹ Бергпробирер — специалист по определению руд.

Наквасин и его помощник по мореходной части, Алексей Воробьев, и еще четыре казака, знавшие хорошо остров Медный, ранее бывавшие на нем, «ему, Яковлеву, объявили: 1) что при Малом де с медью самородною острове на тех местах, где самородная медь находится, в осенняя времена бывает великое морское наводнение и волнение, от которого де бурунами всегда те места потопляются. И осматривать и разведывать оным невозможно; а лутчее тому разведывание быть в предбудущее 1755 г. лето, когда море тихо бывает и наводнения оного малья, а берега реченного Медного острова обсыхают на дали;

2) Для ожидания ... будущего летняго времени на оном ж Медном острове зимовать невозможно, за тем, что для вытаскивания судна из воды на землю покатов или бревен длинных, каковы потребны, там на острове не имеется;

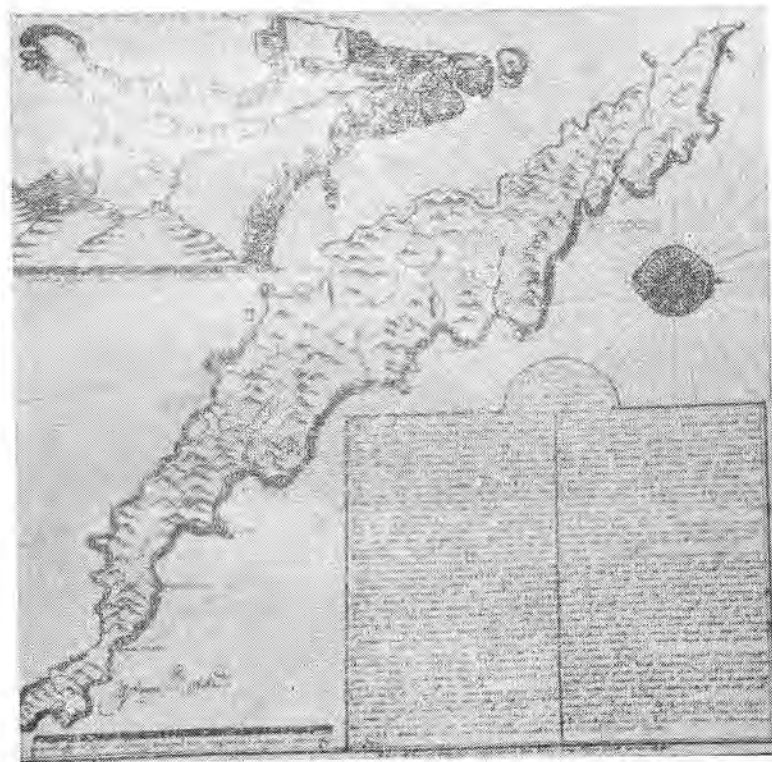
3) При том же Медном острове для корму человеческого никаких зверей в зимнее время не бывает, отчего может людям причиниться во время того зимования смертной голода».

Продовольствие было на исходе, а потому предлагалось зимовать на острове Командорском (Беринга), у северных берегов которого «морских коров имеется с удовольствием». На этом же острове при Низовской гавани имеются бревна, или покаты, и поэтому без труда можно вытащить «Капитон» на берег. Приняв во внимание эти соображения, Яковлев и «все на судне находящиеся согласились на оном острове зимовать»¹.

20 августа корабль подошел к восточному мысу острова Беринга, но из-за «неспособного ветру» он двое суток стоял на якоре и только 23 числа вошел в «ту желанную Низовскую гавань». Выгрузили бочки с пресной водой, а судно вытащили на берег «для охранения от опасных морских волн и погод».

Разделившись на артели, команда направилась промыслять песцов и морских зверей; «итакже все в оном острове зимовали по разным готоводеланным от прежних промышленников земляным юртам и питались со удовольствием морских коров мясами».

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, д. 86, л. 197/об., 198.



Карта острова Медный (фрагмент)

Возмущенный варварским истреблением ценного животного, Яковлев, вернувшись в Нижнекамчатск, просил власти, «чтоб впредь, коим будут посылаться на оной Командорской остров запретить, чтоб они такой вредительной малолетством промысел морских коров не производили, дабы и оной Командорской остров, так как Медной остров, опустошен не был, ибо ко оному Медному острову он, Яковлев, с командою своею, как выше объявлено к зимованию пристать не мог, затем что всегдашней тут людям за неимением морских коров, голод имеется, а напредь сего, как от оной же команды служители и камчадалы, кои на оном Медном острове бывали, ему, Яковлеву, сказывали, что на

оном де бобровыя промыслы тысячами, а морские коровы табунами многими находились. А ныне те коровы все так искоренены, что уже никогда не единой нигде не видно, в чем и подлинно оной Медной остров ныне состоит, что яри нем коровых табунов не имеется».

Яковлев сообщил, что остров вытянулся в длину на 150 верст, в ширину — на 10—15 верст. Лесов нет. Сохранились такедаж и другие предметы с пакетбота «Св. Петр», на котором плавал Беринг.

18 мая 1755 г. «Капитон» покинул Низовскую гавань и направился к Медному. Расстояние определяли лагом и полуминутными песочными часами. 22 мая вечером корабль подошел к острову, окутанному туманом, но вскоре туман рассеялся, и судно вошло в гавань.

26 мая Яковлев вместе с Наквасным и другими «работными людьми» осмотрел месторождения меди. Не имея леса, годного на горную крепь, Яковлев ограничился неглубокими шурфами, для чего были использованы кайло и кирки. Работой руководили Яковлев и Федор Меркурьев. За 35 дней были выявлены новые месторождения меди и «надлежащею работаю разведаны и географически описаны». Яковлев описал остров с моря, составил план мест, где была обнаружена самородная медь, взял образцы грунта, составил ведомость, из которой видно, что было добыто 29 фунтов 57 золотников самородной меди; кроме этого камней с медью 1 пуд 6 фунтов, песку с берега для пробы.

Краткий отчет Яковлева о посещении им острова Медный с целью розыска руд напечатан П. Палласом в 1781 г. в *Neue Nordische Beyträge. Bd. II, ss. 302—307*. В нем дано преимущественно топографическое описание острова, из животного мира названы только морские бобры, сивучи, котики и песцы, о морской корове совсем не упоминается.

После окончания работ на острове Медном мастера горного дела из команды Яковлева были направлены на поиски ископаемых на реки Юдома и Алдан. Документы рассказывают об участии в этом деле тунгусов (эвенков). 16 января 1756 г. тунгус Мыргина Елтигич сообщил в Якутскую заводскую контору, что в 1751 г. «брата ево роднова сын... будучи на звериных промыслах по Алдану... в камню обыскал светлыя камешки на-

подобие серебряной гланцовой руды... и обыскавши де тою руду набрал несколько каменьев и казал ему»¹.

В геологических разведках участвовали и другие тунгусы, иногда целыми семьями, содействуя русским в изучении естественных богатств дальневосточных земель.

Морской путь к Ближним островам проложила экспедиция на корабле «Св. Евдоким», снаряженная в 1745 г. камчатским купцом Никифором Трапезниковым и купцом Афанасием Чебаевским. Передовщиком был Яков Чупров, мореходом — Михаил Неводчиков. Сбор ясака и описание достопримечательностей Большерецкая канцелярия возложила на казака Силу Шевырина. Плавание продолжалось с 24 сентября 1745 по 21 июля 1746 г. Мореходы успели побывать на острове Агатту, первом из Ближних островов, посещенном русскими, и на острове Атту. 30 октября корабль, нагруженный ценными мехами, разбился. Штормом он был выброшен на камни у острова Карагинского. Мореходам угрожала голодная смерть; их спасли коряки, которые помогли им добраться до Камчатки, куда 21 июля 1747 г. они доставили 1320 бобровых шкур. 12 участников экспедиции погибло. Важнейший итог плавания — первая карта Атту, Агатту и одного из островов Семичи, составленная Неводчиковым.

Из экспедиций первого периода заслуживает упоминания экспедиция купца иркутского Е. Югова, которому сенат предоставил монопольное право вести морской промысел на четырех судах в течение года, за что тот должен был отдавать казне треть добычи (раньше промышленники сдавали в казну десятую часть). К тому же отмечалось в указе сената от 17 февраля 1748 г. — они должны промысел «иметь и к морскому вояжу суда строить работников содержать хлеб и прочие припасы покупать собственными своим коштом и когда то предпринятое ими дело с показанной казенною прибылью произойдет и чрез них к тем островам путь откроется, тогда по усмотрению улов тех зверей и просшедших на то собственных их расходов казенным ли коштом впредь прибыльное будет содержать или пак промышленники с приращением большой казенной

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIX, л. 86, л. 80.

прибыли отдать точное рассмотрение и определение учинено быть может». Далее говорилось, что если Югову не дать дозволения на промысел, то «обещанная ими от улова зверей казенная прибыль втуне пропадет, к тому ж и впредь как улов на тех островах зверей так и путь к тем островам по-прежнему останется неизвестным»¹. Следовательно, расчет правительства состоял в том, чтобы пополнить казну и одновременно разведать новые острова.

Однако компания Югова к 1750 г. сумела подготовить одно судно — «Иоани». Плавание было неудачным. В 1751 г. Югов сам отправился на промысел к берегам острова Беринга, мореходом был Г. Низовцев. В 1754 г. промышленники возвратились на Камчатку с богатой добычей. Югов умер на острове, и дело его никто из компанейщиков не пожелал продолжать.

Во втором периоде (1753—1764) русские промышленники совершили 25 плаваний (Греков, 1960).

Следует отметить, что правительство все больше старалось увязывать деятельность отдельных промышленников с интересами экономического освоения Сибири и Дальнего Востока в целом.

В 1752 г. контр-адмирала В. А. Мятлева назначили сибирским губернатором и одновременно произвели в генерал-лейтенанты. В следующем году на него возложили руководство Второй Камчатской экспедицией, возобновившей свою деятельность. Сам факт назначения на этот пост адмирала служит доказательством того, что тихоокеанскому направлению придавалось первостепенное значение.

Мятлев представил доклад, в котором подробно изложил проект освоения Сибири, Дальнего Востока и земель, открытых на Тихом океане. В нем намечалось расширение работ по изучению ископаемых богатств Сибири. Для этого необходимо было подобрать знающих людей, которые «в том довольно искусство имеют, также из купеческих и других чинов, ктоб пожелал в том обыскании руд и камня труды из собственного своего иждивения прилагать таких тому ободрять... привилегиями».

¹ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1764, д. 485, ч. 1, л. 12/об.—13; ПСЗРИ, т. XII, стр. 830.

Для снабжения Камчатки и тихоокеанских островов Мятлев предлагал использовать Амур. С этой целью в устье Амура предполагалось соорудить судостроительную верфь для постройки мореходных судов, «осмотреть и обыскать удобное место для строения судов и необходимо надобно получить достоверное известие о глубинности реки Амура и ежели в одной реке довольно глубины имеется, то можно тут будет морские суда строить, а ежели мелководна, то... для строения морских судов верфь учредить на устье реки Амура». Наряду с этим были предприняты шаги по развитию судостроения на всех сибирских реках.

Огромное значение Мятлев придавал Нерчинскому уезду, где можно «как в наилучшем к хлебородию климате земледелие умножить» и тем самым создать надежную продовольственную базу для снабжения гарнизонов крепостей, острогов в Восточной Сибири и населения тихоокеанских островов.

Мятлев считал, что ему как губернатору пужно находиться поблизости к Нерчинскому заводу, в Иркутске, а не в Тобольске, так как из Тобольска «за таким дальним расстоянием надлежащего надсмотрения и поспешного в делах исправления производить будет невозможно». И такое право Мятлеву было предоставлено. Он мог выбирать место пребывания по своему усмотрению — в Иркутске или Нерчинске.

Проект освоения Сибири, представленный Мятлевым, имеет значительный научный интерес. В нем впервые обстоятельно обоснована мысль о том, что Россия может закрепить свое положение на Тихом океане только при том условии, если будет создана экономическая база в Восточной Сибири.

Мятлев наметил также важные меры по обороне устья Амура. Для этой цели он предлагал построить крепость, «сделать верфь для строения регулярных морских военных судов, учредить и по малой мере три фрегата от двадцати шести до тридцати четырех пушек построить и вооружить во всем по регламенту надлежащими или еще и превосходными тех фрегатов как нужными, так внутренними украшениями для того, что при первом случае между неизвестными... что нарядные увидится, то больше почитается и при них три или четыре бригантина или другие какие морские суда, кото-



В. А. Мятлев

рые бы мелководнее ходили, чтоб при новообнаруженных землях могли по мелким водам способнее проходить и в устья впадающих в море рек входить»¹. И эти суда также должны быть вооружены, чтобы отразить нападение неприятеля и вовремя отойти под защиту фрегатов.

В реестре, приложенном к докладу, он перечислял количество людей, необходимых для укомплектования судов, намеченных к постройке. Руководство строительством как транспортных, так и военных судов возлагалось на Ф. И. Соимонова, которому 4 мая 1754 г. Мятлев подписал в Тобольске инструкцию, состоящую из девяти пунктов. В ней Соимонову поручалось изучить возможность и способы сплавки леса по р. Ингоде, описать р. Шилку, определить ее глубину, выяснить, имеются ли по ее берегам леса, а также земли, годные к хлебопашеству.

В инструкции указывалось, что для этих целей следует использовать рассказы местных жителей. «По северную сторону реки Шилки в Нерчинском уезде от тамошних жителей наведаться, имеются ли железные руды, и ежели имеются, то довольно ли их и какой доброты и способно ли в реку Шилку впадающими в нее реками железо и на каких судах сплавливать или сухим путем перевозить, также и о вершинах реки Олекмы и

Витима от вершины реки Нерчина в каком расстоянии находится и какое положение места; и возможно ли тою рекою Олекмою вверх с якутских железных заводов железо сплавливать от вершины реки Олекмы до реки Нерчина сухим путем перевозить». Все описи и карты Соимонов обязан был переслать лично губернатору.

И Мятлев и Соимонов старались направить деятельность промышленников на выполнение задач по открытию новых земель и их изучению. Этим объясняется то, что ни одно плавание не ограничивалось промыслами. Причем если сам промысел объявлялся частным делом компаний, то решение научных проблем подчинялось государственным интересам, что особенно ясно видно из задач, поставленных перед Бечевным, Баховым и Шалауровым¹.

Иркутская провинциальная канцелярия перед отправлением Бахова и Шалаурова в первое плавание (не позже, как предполагает М. И. Белов) вручила промышленникам ордер, в котором точно определялись главные цели экспедиции. «На построенном им, Баховым, с товарищем его устюжским купцом Никитой Шалауровым на Лене-реке [судне] плыть из Ленского устья в Северное море до реки Колымы и оттуда вокруг Чукотского Носу до Камчатки и прочих тамошних мест для размножения к приращению и пользе государственного интереса российского мореплавания и соискания новых неизвестных до сего островов и земель, и для промыслу на оных всяких зверей и птиц».

В ноябре 1755 г. сибирский губернатор поставил перед экспедицией обширные и конкретные задачи научных исследований. Путешественникам поручалось во время плавания «как вперед, так и обратно, а особливо около Чукотского Носу к Камчатке путь ежели обыщут, и не будет ли в чем при каких местах и урочищах препятствия иметь повседневную записку, в которой означивать положение мест, глубину воды, время и погоды, какие коего дни будут, а дни ведряные или облачные туманы, гром и молнии, штормы и вихри и прочее все приключаемое, а паче всего Чукотский Нос окурать, так же буде в том пути, где примотрят такие примечанию достойные курьезные камни, руды и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1764, д. 485б, ч. 1, л. 54/об.

¹ ЦГАДА, ф. 259 1-й департамент сената, оп. 22, л. 485а, л. 438.

протчие диковинные вещи и то того без описания не оставлять и ис того брать с собою для пробы»¹.

Бахову и Шалаурову приказывалось при обмене имеющихся у них товаров «на мягкую рухлядь различать казенное от их партикулярного особо без утайки», не забывая интересов казны.

Приведенные документы указывают на необоснованность утверждения Н. Н. Зубова о том, что якобы походы Шалаурова и Бахова «были совершены не по приказу и не при помощи сибирских властей», а только по личной инициативе этих промышленников и на их собственный риск (1954, стр. 107).

Программа научных исследований экспедиции Бахова и Шалаурова была согласована с задачами экспедиции Бечевина. Их общая цель состояла в том, чтобы плаванием с севера и юга доказать возможность судоходства через Северо-восточный проход из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Обе эти экспедиции должны были выполнить задачи, не решенные Берингом.

Иркутский купец Иван Бечевин направил 20 января 1757 г. в Тобольск доношение сибирскому губернатору Мятлеву, в котором изложил «неотлагаемое намерение на построенном ныне им партикулярном судне следовать мимо Курильских островов круг Камчацкого мысу в открытое Тихое море к полуденным и северным странам на преждеобретенные, также буде сыщутца на неизвестных земли и острова даже до Анадырского устья, ежели ж... благополучность допустит, и вкруг Чюкоцких мысов до впадающих в Северное море рек и до устья Ленского, и на оных островах, берегах и землях по изобретению ево, Бечевина, поверенных и рабочих людей промышлять им всякого зверя и птиц и других надобных вещей»². Бечевин просил оказать ему помощь людьми, знающими мореходное искусство, матросами; выделить толмача, плотника, а также выдать ему из казны две небольшие медные или чугунные пушки, порох и ядра для них «для осторожности и обороны в случающихся паче чаяния нападениях» и прочее содействие.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, 1764, л. 485б, л. 435—435/об.

² ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 485а, л. 436.

Ф. И. Соймонов, сменивший Мятлева, энергично поддержал Бечевина, но при этом поставил условие, что промышленники «как живущим на островах подданным ясажным, так ежели сыщут и таких народов», которые еще не приняли русского подданства, «отнюдь никаких обид и не малейших озлоблений... не чинили, но обходились бы с ними... со всякою ласкою».

Соймонов предлагал Бечевину вести «верную повсядневную записку или журнал б по возвращении своем или при случае и наперед переслать б Ыркуцкую канцелярию», а капитану Ртищеву для описания берегов, помимо квартирмейстеров назначить в экспедицию шкипера Андреяна Юрлова, «буде же ево, Юрлова, от команды отрешить невозможно, то другаго штурмана или из другаго ранга в мореплавании искусного».

Снабжение команды продовольствием и инструментами возлагалось на власти Охотска и Камчатки. Расходы по содержанию казенных людей Бечевин брал на себя.

Сенат согласился с Ф. И. Соймоновым, признав решение губернатора «яко весьма полезное и нужнейшее» и одновременно осудил действия вице-губернатора Вульфа, который «не по указам, но по своему разсуждению запрещения чинить весьма не надлежало»¹. К сожалению, несмотря на все это, смелая и хорошо подготовленная экспедиция не была осуществлена.

В 1757—1763 гг. устюжские купцы Иван Бахов и Никита Шалауров первые после Лаптева сделали попытку проложить путь из Северного Ледовитого в Тихий океан. Они совершили несколько плаваний из устья Лены в Северное море до р. Колымы, а оттуда — «вкруг Чюкоцкого носу даже до Камчатки и до протчих тамошних мест для размножения к приращению и пользе государственного интереса российского мореплавания и к сысканию незнаемых до сего островов и земель и для промыслу на оных всяких зверей и птиц»².

В последующие годы промышленники, все дальше и дальше уходя на восток, открывали новые земли, мужественно перенося лишения и невзгоды.

¹ ЦГАДА, ф. сената, д. 1560, 1764, л. 538—1538/об.

² ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, д. 485а, л. 439—439/об. См. также Оглоблин (1902), Белов (1956), Медушевская (1954).

В 1752 г. архангельский купец и мореход П. Башмаков на корабле «Иеремия», принадлежавшем компании московских купцов И. Рыбинского и А. Серебренникова, отправился в путешествие для поиска «Большой земли», т. е. к востоку от Камчатки. Башмаков обнаружил восемь островов, но из-за сильного ветра ни к одному из них подойти не смог. 2 сентября судно потерпело кораблекрушение у острова Адак. Через три года команда на построенном из обломков судне «Петр и Павел» возвратилась в Нижнекамчатск.

В 1756—1758 гг. Башмаков на судне «Петр и Павел» посетил острова Кыска и Танага.

В 1758 г. Д. Пайков предпринял на судне «Св. Владимир» плавание на юг от Алеутской гряды с целью открытия новых островов. Поиски оказались безуспешными. В сентябре 1759 г. Пайков подошел к острову Атка, потом к острову Амля, здесь провел зимовку, промысля на островах Атка, Адак и др.

Заметный след в истории географических открытий оставил Андреян Толстых, открывший центральную группу Алеутской гряды, названную Андреяновскими островами.

27 сентября 1760 г. его судно «Андреян и Наталия» вышло из Нижнекамчатска на восток. Из-за «поздностию времени прибыль к зимовке» на Командорские острова Толстых намеревался весной следующего года на том же судне пойти ко «обысканию от того вдали состоящих морских островов, колыми паче еще неизвестных». 29 сентября «Андреян и Наталия» достиг острова Беринга и вошел в бухту, где зазимовал.

24 июня 1761 г. судно вышло в море и только 6 августа подошло к острову Атту — одному из Ближних островов Алеутской гряды. Толстых здесь уже бывал; он был знаком с тоном Тукунгасином и с гостившим тогда на Атту Бакутаном — тоном трех Алеутских островов. Толстых сделал им подарки: холст, иглы, четыре теплых камзола, но в «ясашной платеж» не взял ничего¹.

В это же время у острова пребывали три компанейских судна — Афанасия Чебаевского, Степана Постникова и Никифора Трапезникова. Все они «уже при тех

островах остояли жительством за промыслом без отлучения... на дальние острова». Толстых решил обследовать лежащие вдали острова, а их жителей «привести в российское подданство». Без всякого принуждения ему были выделены два алеута в качестве проводников.

Корабль тронулся в путь и 28 августа подошел к острову Адак. Рано утром следующего дня А. Толстых, П. Васютинский, М. Лазарев и семь промышленников на байдаре отправились подыскивать удобное место для зимовки. На острове не оказалось «живущих ис тамошнего народа ни единого человека».

Вскоре бухта была найдена. Здесь мореходы и промышленники пробыли три года.

За это время Толстых описал шесть островов: Аях (Адак), Канага, Большой Ситкин, Тагалак, Атка, Амля; собрал сведения о животном мире, установил дружеские отношения с тоном Агитниным, и в результате алеуты приняли подданство Российской империи и согласились платить ясак.

Русское подданство приняло население всех 6 островов, насчитывавшее 3 тысячи человек. Только за два года (1763 и 1764) было добыто 1886 морских бобров, 2200 бобровых хвостов, 532 белых и голубых песцов; в качестве ясака было получено большое количество мехов.

Толстых и его спутники сделали географическое описание островов, собрали материалы о занятиях, нравах и обычаях алеутов. Живут они на низменности в неотопливаемых земляных юртах; одежду — парки выделывают из кож морских птиц, а также из кишок морских зверей — сивучей и нерп, питаются сырой рыбой, морской капустой, морскими зверями, выбрасываемыми волнами; за морскими бобрами и нерпами промысляют в мае — июне; жены и дети алеутов носят такие же парки и камлеи, как и мужчины.

Перед возвращением на Камчатку Толстых спросил тонов, не наносил ли кто-либо из промышленных людей кому-либо обиды, на что ему ответили: «Никакой обиды, кроме одного оказуемого им всякого благосклонного благодеяния и приязни чинено не было». С согласия тона русские взяли с собой двух мальчиков сирот, пожелавших ехать на Камчатку.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIV, д. 34, л. 65/об.

14 июня 1764 г. корабль «Андреян и Наталия» оставил берега острова Адак. На обратном пути судно несколько раз терпело аварию, а 17 сентября, когда оно вошло уже в устье Камчатки, разбилось. Значительная часть грузов была спасена, но коллекции, собранные А. Толстых, и многие составленные им описания погибли.

Сенат приказал Соймонову послать из Анадырского устья суда на северные острова и к Американскому материку, а также организовать промысел на Алеутских островах. Казенным судам, которые должен был снарядить начальник Анадырского острога Ф. Х. Плениснер, и купеческим судам «по ближайшему пути против того, как до них ходили, на ту земли иттить советовать велено; по сему и упавательно, что о том обстоятельныя известия получены быть могут»¹.

Сенат указал также, чтобы в Охотске каждому промышленнику, который на собственные капиталы построил суда и снарядил их, «всегда содержать до десяти промышленных для того единого, чтобы заготавливать съестные припасы из морских зверей и заготовя содержать в готовности, которые и отпускать на те промышленные суда». Указывалось также на необходимость постройки в Охотске складских помещений для хранения заготовленных продуктов.

В 1759—1762 гг. С. Г. Готов на судне «Иулиан», снаряженном на средства компании с участием Н. Трапезникова (для сбора ясака был назначен казак С. Т. Пономарев), открыл самую восточную группу Алеутской гряды—«Лисишныя» (Лисьи) острова, на которых мореходы пробыли два года девять месяцев. За это время им удалось «ласкою» привести «в подданство и ясак» жителей острова Уналашка. 26 мая 1762 г. мореходы отправились к берегам Камчатки, откуда вернулись 31 августа, потеряв трех человек и терпя «провеликие недостатки в воде и пище, так что последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли» (Греков, 1960, стр. 178).

В двух документах, составленных Готовым,—«Изъяснения» и «Реестр с островов»—содержатся ценные географические и этнографические сведения.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, ч. II, д. 10, л. 13/об.

Участник плавания, тотемский купец Петр Шишкин, ссылаясь на данные опроса жителя Уналашки, сообщает об острове Алахтах, на котором было замечено много леса, оленей, медведей, кабанов и других зверей, об острове Кадьяк, расположенном «в боку с полдни», и об острове Унимак. В его рассказах было немало и домыслов: так, на Алахтах «будто живут одноглазые, однорукие, одноногие люди»¹.

П. Шишкин составил чертеж, на котором впервые, правда еще в очень примитивной форме, показаны Алеутские острова, остров Кадьяк и остров Алахтах, за которыми на северо-востоке обозначены еще какие-то острова, полуостров Аляска нанесен против Чукотского полуострова, Алеутским островам было придано слишком северное направление; между Чукоткой и Аляской показана «Земля Якутского дворянина»², а к востоку от нее еще три небольших острова.

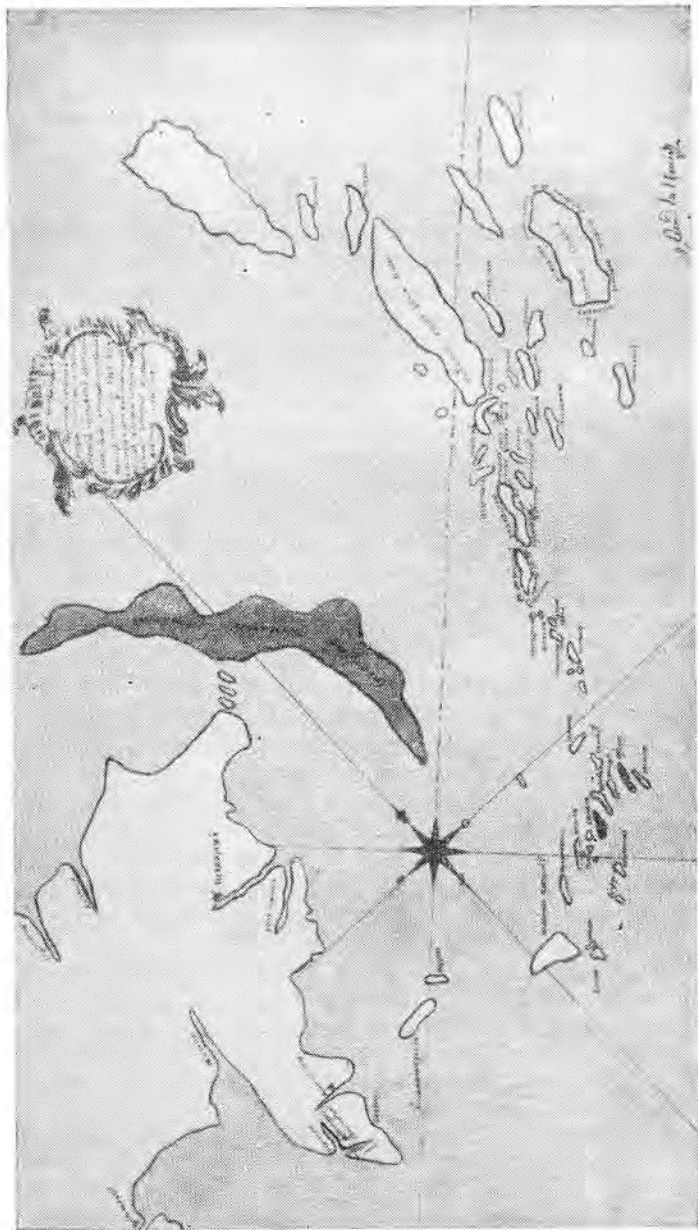
Эти сведения и чертеж сибирский губернатор Д. И. Чичерин 11 февраля 1764 г. направил в Петербург, поздравив Екатерину II с открытиями, сделанными «через самых простых и неученых людей», а Ф. И. Соймонов, находившийся в это время уже в Петербурге, передал ей полученную от промышленников карту.

Материалы и карта о плавании Глотова получили весьма лестные отзывы. «Хотя она, — писал Ф. И. Соймонов Г. Ф. Миллеру, — почти углем рисована и глиною раскрашена, однако ежели впредь удача будет, я за достойное признаю в честь и память таких неустрашимых и ревностных, на оной карте все изъясня и золотыми лаврами раскрася, в Государственной архиве содержать. Столько то я за их ревность и претерпенные голод и смертные страхи благодарнейшим их себя признаваю» (Медушевская, 1954, стр. 105).

С. Гловов собрал сведения о фауне острова Кадьяк, отличавшейся от фауны других островов: на Кадьяке водились горностаи, ласки, речные бобры, куницы, вол-

¹ «Щукинский сборник», 1906, стр. 172—174.

² А. В. Ефимов высказал предположение, что под «Землю Якутского дворянина» следует понимать землю, нанесенную против Чукотского полуострова на карте якутского дворянина Ивана Львова (1948, стр. 80).



Карта, составленная П. Шипкиным

ки, медведи, кабаны, т. е. животные, которые на островах Алеутской гряды не были обнаружены. Одежду кадыякцы делали из меха оленей и песцов. На острове росли ивы и ольха, попавшие сюда с материка. По рассказам местных жителей, где-то недалеко простираются берега огромной земли, покрытой лесом.

С Кадыяка Глотов в 1764 г. переехал на Лисьи острова. Здесь он пробыл два года, установив обмен с алеутами, добровольно уплатившими ему ясак.

Пребывание Глотова на Кадыяке означает важнейший шаг по пути движения русских к берегам северо-западной Америки. Американский историк Г. Банкрофт писал, что экспедиция Глотова составляет эпоху в продвижении русских на восток (Bancroft, 1886, p. 184).

Справедливо оценивает ее итоги и В. И. Греков (1960, стр. 184), отмечая, что она завершила крупнейшие открытия русских промышленников и заложила прочное основание для хозяйственного освоения Алеутских островов и дальнейшего продвижения русских в северо-западную Америку.

Руководство многочисленными экспедициями осуществляли сибирские губернаторы В. А. Мятлев и Ф. И. Соймонов. Они направляли деятельность экспедиций промышленников на решение научных, экономических и политических задач. Только внешне плаванья промышленников казались не связанными друг с другом. На самом деле, как об этом свидетельствуют многочисленные документы, они были объединены общим замыслом сибирских властей, опиравшихся на богатый опыт экспедиций Беринга, почин и инициативу самих промышленников. Ярким примером согласованных и целеустремленных действий являются экспедиции Бахова — Шалаурова и Бечевина.

В связи с расширением масштабов морских путешествий необычайно остро встал вопрос о хозяйственном освоении Сибири и Дальнего Востока.

Настойчиво пробивала себе дорогу прогрессивная идея о необходимости разумного использования океанских богатств. К своему описанию промысла за морским бобром Соймонов сделал любопытное замечание о том, что с Командорского острова привезено «на тот остров [вероятно, речь идет об одном из Алеутских островов.—

В. Д.] одно гнездо голубых песцов, а через несколько так расплодилось, что теми купцами через несколько ж лет в другую на том острове бытность промыслено было более двухсот песцов»¹.

Вопросы хозяйственного освоения

Плавания промышленников в 40—60-х годах XVIII в. сыграли важную роль в истории географических открытий и освоении Алеутских островов. Были собраны новые данные об их географическом положении, природных богатствах и народах, их населявших.

Большую ценность имеют свидетельства Толстых, а также казаков Васютинского и Лазарева об Андреяновских островах, Яковлева и Наквасина о Командорских островах, Глотова об островах Умнак, Уналашка, Кадьяк.

Американский историк Томпкинс, отмечая заслуги русских промышленников, пишет: «Им нельзя было отказать в смелости и отваге. Они пренебрегали опасностью плавания в неизвестных водах и без карт, изучали вероломные течения, проливы и рифы, подстерегающие неосторожных моряков... Необразованные и неопытные, они, однако, добивались успеха там, где, видимо, даже более искусные и осторожные потерпели бы неудачу».

Многие острова наносились на карты, что, несомненно, способствовало изучению северной части Тихого океана. Адмиралтейств-коллегия положительно оценила карту Алеутских островов купца Шилова, «ибо хотя она не может похвастаться за точную и совершенно на правилах мореописания основанную, однако для первых начал довольно изрядную» (Окунь, 1939, стр. 10).

Доклад Ф. И. Соймонова «О мореплавании российских промышленников» основывается на личных наблюдениях первооткрывателей. «Ежели кому-либо из читателей, — писал он, — мое повествование за сумнительное или за неимверное показаться может, то я читателей о том уверить смелость принимаю, что все то истинно сообщено из содержанных промышленных журналов, из

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, ч. II, д. 10, л. 10/об.

репортов тамошних портов, а от губернии — доношениями в правительствующий сенат»¹.

Алеуты, искусные в мореплавании, промышленляют на байдарках. На них они совершают плавания к отдаленным островам.

Русские путешественники сначала использовали дощатые малые лодки, для постройки которых требовалось железо, а затем стали применять такие же байдарки, как у алеутов. «Ныне же, — пишет Соймонов, — то совсем отменили и употребляют на подобие тамошних байдар, зделав на Камчатке все основание оных на подобие малого бота или ялбота». В разобранном виде их привозят на острова и там собирают, при этом «не укрепляют нигде железными гвоздями, но по большей части ремнями». Обшивают такой бот кожей морских зверей. Боты настолько прозрачны, что сквозь «ся изнутри вода видима бывает»². Такие ялботы могли принимать 6—8 человек; использовались они для обследования прибрежных районов.

Далекie походы русские промышленники совершали на шитиках. Для их постройки не требовалось железа, так как «шьются листовью витую». Такие суда не нуждались в специально оборудованных причалах. Подойдя к острову, мореходы выбирали мягкую землю, вытаскивали шитик на берег и ставили его на балки на всю зиму. А когда наступало время для выхода в море, то «паки спускают на воду без всякого препятствия и когда же де на таковых судах, шитиках подойдут к земле blisko, востребуется отойти от земли в море, то отходят греблю веслами, или же востребуется с моря подойти к земле, то приходят таковым же случаем греблю да и в море де никакой опасности на тех судах от сильных штормов и ветров не имеетца и вал морской никогда на судно, как то на протчие морские суда, не всходят», — писал Соймонов.

Небольшая осадка таких судов позволяла подходить к местам, недоступным для крупных кораблей. Это расширяло возможности детальных исследований: изучения подходов к берегу, отыскивания бухт, пригодных для якорных стоянок.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, ч. II, д. 10, л. 16.

² Там же, л. 10/об.

Не имея подготовки в области навигации, промышленники, как отмечал Соймонов, «по одному компасу путь свой продолжают в восточную сторону, а потом, как по мнению уверены бывают, что по разстоянию около тех островов быть признают, поворачивают к северу, и так оные находят... Однако из тех промышленных, а именно Бахова, случай был видеть и с ним говорить, который прежде протчих из Анадорского устья на Командорский остров и оттуда на Камчатку прибыл; он, хотя навигации и не знает, однако о счислении пути так знал, якобы не знающему навигации штурману надлежало. Он столь ревностен к сысканию новых земель, что и ныне (1762) по указу ис Правительствующего Сената на собственном своем судне отправился из Лены в Северное море»¹.

Рост промысловой деятельности на Тихом океане настоятельно требовал развития в Сибири земледелия, животноводства, горной промышленности. Еще в 1724 г. был составлен «план пахотных земель и сенных покосов» в районе Иркутска².

Сибирские государственные деятели изыскивали методы решения возникших задач. Для экономического освоения Приамурья много сделал В. А. Мятлев. За время его губернаторства (1752—1757 гг.) в Сибири было значительно расширено хлебопашество, в Забайкалье, в Нерчинске началось строительство судов, в Иркутске открыта навигацкая школа для обеспечения сплава провианта по Амуру (Кабанов, 1959, стр. 28). Ф. И. Соймонов, будучи сибирским генерал-губернатором, также приложил немало усилий к тому, чтобы во всей Сибири, включая Якутск и Камчатку, «хлебопашество довести до совершенного градуса», обнаружив глубокое понимание важности хозяйственного освоения необозримых просторов Сибири и Дальнего Востока.

Заслуживает особого внимания «Экстракт о хлебопашестве во всей Сибири», представленный в сенат Ф. Соймоновым.

Соймонов, как и другие передовые деятели, стремился к тому, чтобы убедить сибирское население в преимуществах земледелия перед промыслами. Считая, что хле-

бопашество можно завести в Якутии и на Камчатке, Соймонов отметил, что во время Камчатской экспедиции в Олекминском остроге и в других местах прежними губернаторами в деле заведения хлебопашества были сделаны «полезнейшие учреждения, но по лености и не радению якутских воевод все то было упущено»¹.

Из 50 семей, отправленных на Камчатку, несколько семей было оставлено в Охотске, «в которых и нималой нужды не имелось», остальные же были высажены в Большерецке и по распоряжению командира Большерецкого острога остались при том же остроге. Эти переселенцы «за лучшее восприяли пропитание иметь по тому ж от тамошних зверей и рыб, а хлебопашество вовсе оставили». Таким образом, усилия руководителей Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции, направленные на внедрение земледелия на Камчатке, не дали ощутимых результатов. По представлению Соймонова сенат своим указом поручил командирам камчатских острогов «оное хлебопашество возобновить и надлежащем порядке содержать». Хлебопашных крестьян из Большерецкого острога было велено перевести в Верхнекамчатский острог, «от которого хлебопашества по репортам немалая надежда усматривается».

Выдающийся ученый и мореплаватель В. М. Головнин, анализируя причины медленного внедрения во второй половине XVIII в. земледелия и животноводства в Охотске и других местах, с сожалением писал: «...к несчастью единственно от времен и обстоятельств тогдашних последовавшему, сии поселенцы как в данном скоте, равно и земледелии совершенной хозяйственной власти и свободы не имели, поелику скот почитался казенным, переходил из рук в руки, определяемых из Охотска каждогодно на управлении тамошними казаками казачьих урядников, которые, выдаваемым молоком довольствуясь, лишали того самого крестьян». Строгий контроль за производственной деятельностью поселенцев, а также изъятие у них всего того, что приносил их тяжелый труд, не могло способствовать прогрессу хлебопашества. «Земледелие,— продолжал Головнин,— производилось с не меньшим для крестьян отягощением; распахиwanie земли, посев хлеба, жатва и вымолочение совершалось

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, ч. II, л. 10, л. 9.

² См. об этом также работу В. А. Дивина (1957, стр. 171).

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XIV, д. 49, л. 34/об.

под присмотром и по точному приказанию не имеющих о том понятия урядников, а вымолоченный хлеб, не отдавая крестьянам, складываем был в казенные магазины... тот хлеб от небрежного хранения подвергался гнилости к употреблению негодным, о чем паки было представлено, и по другому повелению выбрасывался в реку Уд»¹. Крестьяне голодали и прекращали заниматься земледелием.

23 декабря 1763 г. в Якутскую, Охотскую и Камчатские канцелярии были посланы указы сената об исполнении предложений Соимонова «без промедления и упущения». Ответственность за заведение хлебопашества на Камчатке возлагалась на якутского воеводу Федора Чередова, получившего из Сибирского приказа 1000 рублей на покупку инструментов и семян.

С развитием судостроения в Сибири сильно возросла потребность в пеньке, которая полностью ввозилась из центральных районов России (ежегодно около 5000 пудов). Делались некоторые попытки расширения посевов конопли и льна. Так, в Тобольске было посеяно 153 десятины конопли; выделенное из конопляного семени масло пользовалось малым спросом. Соимонов отмечал, «и как то семя, так и из него масло бито и в продажу употреблялось, а пенька прядена и на суда снасти спускались, от чего покупка в Нижнем Новгороде отменена. И все то с прибытком казенным употреблялось, что все вышеписанное и чинено было через три года с немалую прибыльлю в урожае хлеба и пеньки»².

Однако масштабы производства пеньки были невелики, и указом от 17 апреля 1787 г. Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И. А. Пилю предписывалось изыскать «способ к размножению в здешнем крае такого продукта, из которого вырабатываться может пенька и прочее для того, чтобы избежать тех великих издержек казны, каковые бывают от перевоски сюда для морских экспедиций нужных снарядов». Указ возымел некоторую силу, и уже спустя два года Пилю доносил: «Поселяне здешние, как то я имею уже верное сведение, будучи неутомимыми старателями о собственной своей пользе, засевали земель коноплем и льном гораздо бо-

лее прежних лет, а именно в данном прошлом 788 году обрабатывали они для тех продуктов земли столько, что одних сих семян вышло первых 6702, а последних 87 четвертей».

В широких масштабах велись геологические изыскания, расширялись существующие и создавались новые заводы. По данным начальника Даурских серебряных заводов генерал-майора Василия Суворова, в 1763 г. на Аргунском сереброплавильном заводе имелось 12 плавильных печей, на вновь построенном Даурском заводе в 40 верстах к западу от Аргунского — 6 печей.

Суворов внес много интересных и смелых предложений по размещению заводов в различных местах Даурии и расширению поисков новых естественных ископаемых. Он же предложил использовать энергию р. Аргунь для промышленных целей. «Устроением вододействуемых заводов немалая польза ко умножению плавки руд против нынешних действующих конною силою происходит может; тогда в здешнем крае на заводах действуемых конною силою со умножением вниз по Аргунь реке водяных заводов совершенно возможно будет так знатно действо произвести, что серебро можно будет выплавить в каждой год не одну тысячу пудов».

Доклад Суворова заключает в себе географическое описание Даурии, статистические данные о добыче серебра, свинца, меди, золота. В нем дана подробная характеристика технологического процесса на заводах, организация производства, классовый состав работавших на заводах, где применялся принудительный и наемный труд.

Большое внимание уделялось в докладе подготовке специалистов различных профессий. С этой целью при главной конторе Даурских заводов предлагалось создать школу для обучения маркшейдеров, чертежников, копировщиков и т. д. «Оной школе,— писал Суворов,— быть при заводе, где главная команда имется будет и обучать всех горных и заводских служителей детей и чтоб учение порядочно производимо было за учителями смотреть и наставлять знающему все вышеписанные математические науки офицеру из порученной ему настоящей должности, кто к тому за способного признан будет освидетельствовать надсматривать, притом особо с присутствующих канцелярии обер-бергмейстеру».

¹ ЦГАВМФ, ф. 7, л. 21.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 64, ч. I, л. 3.

Приведенный документ — еще одно из ярких свидетельств тех усилий, которые прилагали русские люди для освоения Дальнего Востока.

Глава 2

Экспедиция Креницына и Левашева

Цели экспедиции и подготовка к ней

Успехи промышленников в географических открытиях вызвали живой интерес у русского правительства. Уже в 1753 г. (к этому времени относятся важнейшие открытия) была возобновлена деятельность Второй Камчатской экспедиции.

Ф. И. Соимонов, понимавший, что дальнейшие успехи в хозяйственном освоении открытых русскими Курильских, Алеутских островов и северо-западной Америки возможны лишь на экономически развитой базе Сибири и Дальнего Востока, направил в сенат доклад с предложением в 1760 г. послать правительственную экспедицию на Тихий океан. Его идею поддержал сибирский губернатор Д. И. Чичерин, принявший деятельное участие в подготовке и руководстве экспедицией к берегам Америки по маршруту Беринга и Чирикова. В 1763 г. он направил Екатерине II обстоятельный рапорт об открытии русскими промышленниками «неизвестных мест и нового промысла» (имелись в виду Лисьи острова и острова, расположенные к западу от них, позднее названные Четырехсopочными), указав, что вследствие своей неподготовленности промышленники не могут ни правильно описать вновь открытые земли, ни положить их на карту.

Донесение Чичерина ускорило решение о посылке экспедиции из Камчатки к берегам Америки. 4 мая 1764 г. последовал указ императрицы об организации такой экспедиции, начальником которой был назначен П. К. Креницын.

Спустя десять дней было принято весьма важное решение. 14 мая 1764 г. Екатерина II подписала секретный указ о снаряжении еще одной экспедиции для поиска морского прохода Северным Ледовитым океаном на

Камчатку и далее, «не упуская много времени, положить сему предприятию начало нынешним летом» под именем «возобновления китовых и других звериных и рыбных промыслов на Шпицбергене»¹. Автор указа, М. В. Ломоносов, четко сформулировал главную задачу экспедиции — проложить морской путь из Архангельска через Берингов пролив к Индии и Аляске. «Северной океан,— писал он,— есть пространное поле, где... усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-севернаго мореплавания в Индию и Америку» (1934, т. VII, стр. 284).

Адмиралтейств-коллегии было приказано выделить три небольших судна, поставив во главе экспедиции «искусного и надежного офицера и с ним двух других таких же бывалых и знающих людей», укомплектовать экипажи кораблей знающими навигацию унтер-офицерами и хорошо подготовленными матросами, а также подобрать «бывалых на оном Шпицбергене и на Новой Земле искусных тамошних кормщиков и мореходцев на каждое судно сколько за благо найдется»². Разработка инструкции возлагалась на Адмиралтейств-коллегию, которой приказывалось «все сие предприятие содержать тайно» и даже «до времени не объявлять и нашему сенату».

Начальником этой экспедиции был назначен превосходно знавший мореходное искусство капитан 1-го ранга В. Я. Чичагов (1726—1809).

В подготовке первой высокоширотной экспедиции приняла деятельное участие Академия наук. Ученые обсуждали вопрос об астрономических вычислениях, которые должны «быть произведены Поповым и Красильниковым для определения долготы на море для Адмиралтейств-коллегии».

Занятия по астрономии предполагалось поручить академику С. Я. Румовскому, но последний отказался обучать морских офицеров по причине их слабой математической подготовки.

¹ ЦГАВМФ, ф. Высочайшие указы, кн. 21, л. 5/об.

² ЦГАВМФ, ф. 315 (1763—1787), д. 381, л. 6

Занятия со штурманами стал проводить у себя на квартире М. В. Ломоносов¹ (Белов, 1956).

Чичагов должен был соединиться в северной части Тихого океана с экспедицией, направленной из Камчатки.

Хотя экспедиция Чичагова не оправдала надежд ее организаторов, но ее снаряжение отражало давнишнее стремление передовых людей России установить экономические связи с Китаем, Японией и Индией. В этой связи необходимо указать на примечательный факт. В 1762 г. группа офицеров русского флота была направлена в Англию. По ходатайству русского посла в Лондоне А. Р. Воронцова в 1763—1764 гг. мичман Н. Полубояринов и унтер-лейтенант Т. Г. Козлянинов на корабле «Спикей», снаряженном Ост-Индской компанией, плавали в Бразилию и Бомбей.

Путешествие Полубояринова было объединено общим замыслом с экспедициями Чичагова и Креницына, главной целью которых был выход России на просторы Мирового океана.

Решающая роль в определении экономических, политических и научных целей этих экспедиций, подготовке и руководстве их деятельностью принадлежала Адмиралтейств-коллегии, опиравшейся на научно обоснованные предложения М. В. Ломоносова, Ф. И. Соимонова и Д. И. Чичерина.

Обратимся к более подробному рассмотрению деятельности экспедиции для исследований в Тихом океане. В связи с решением правительства о посылке экспедиции из Камчатки к берегам Америки Адмиралтейств-коллегии, «в особливое попечение» которой передавалась экспедиция, было приказано снабдить последнюю всем необходимым и нужными наставлениями, сохраняя в глубокой тайне ее отправление. Коллегии запрещалось сообщать какие-либо сведения об экспедиции даже сенату; о всех событиях, связанных с подготовкой и деятельностью экспедиции, она должна была немедленно докладывать только императрице.

Адмиралтейств-коллегии было приказано немедленно отправить «по своему разсуждению, сколько надобно

¹ Архив АН СССР. Выписки из протоколов Конференции, касающиеся М. В. Ломоносова, стр. 281.

офицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке и применение к оной известно было»¹.

Для «исследования вновь открытых островов в Восточном океане» по предложению Адмиралтейств-коллегии начальником экспедиции был назначен капитан 2-го ранга Петр Кузьмич Креницын, а его помощником — капитан-лейтенант Михаил Дмитриевич Левашев.

Дата рождения Креницына не установлена. Известно, что в 1742 г. он поступил учеником в Морскую академию, а в следующем году зачислен в Морской корпус гардемаринном. С 1745 по 1754 г. служил на кораблях Балтийского флота, в 1755 г. участвовал в описи Балтийского моря, в 1756 г. совершил переход из Архангельска в Кронштадт. С 1757 по 1760 г. был командиром пинка² «Кола». Командуя бомбардирским кораблем «Юпитер», он отличился в знаменитой Кольбергской операции 1760—1761 гг. Точные бомбовые удары по Кольбергу содействовали высадке десанта, который совместно с сухопутными войсками под командованием П. А. Румянцева захватил эту мощную крепость.

С апреля 1762 г. Креницын до назначения его начальником экспедиции последовательно командовал фрегатами «Россия» и «Ульриксдаль».

Левашев был лет на десять моложе Креницына и также участвовал в Кольбергской операции и в плавании из Архангельска в Кронштадт.

Для прочного закрепления достигнутых промышленниками успехов требовались люди, хорошо подготовленные в области навигации и кораблевождения, способные выполнить сложные работы по картированию и описанию открытых земель.

На определение задач экспедиции большое влияние оказала карта Ф. И. Соимонова, о которой в письме к нему Екатерина II 24 мая 1764 г. писала: «Федор Иванович, господин Кропотов привез ко мне карту вами сочиненную об американских островах, на которых наши промышленники были, за которую я вам весьма благо-

¹ ЦГАВМФ, ф. 315, Развитие морской торговли, д. 381, л. 3.

² Промысловое и торговое судно XVI—XVIII вв. В русском военно-морском флоте использовалось как транспортное, судно для подвоза боеприпасов и продовольствия. Имел на вооружении от 20 до 38 пушек.

дарна. Зная сколько и вы любопытны ведать о сей материи, посылаю к вам секретную карту, сочиненную господином Ломоносовым, в чем и господин Нагаев с ним почти согласен»¹.

Цели экспедиции Креницына и Левашева держались в стражайшей тайне, и официально она называлась «Экспедицией для описи лесов по рекам Каме и Белой» (Соколов, 1852). Экспедиции, формально подчиненной Чичерину, было поручено определить район плавания; Креницын со штурманом или подштурманом должен был перейти на один из промысловых кораблей, а Левашев с двумя помощниками — на другой, остальных штурманов и подштурманов приказывалось распределить из расчета один человек на промысловый корабль.

Перед военными моряками, направленными на промысловые суда, ставилась задача — определять курсы кораблей, вести описание островов и наносить их на карты, записывать все приключения и наблюдения, «чему те промышленники противны быть не могут, ибо о том их самих целость, а может быть совершенное избавление от пагубления состоит», а также определять координаты посещаемых мест, склонение компаса «приготавливать и проверять инструмент к счислению морского меж двумя местами пути, какие нужные примечания употреблять в счисление морского пути по морям, не описанным и на картах, еще не изображенным»².

А. И. Нагаев разработал наставление о методике научных исследований. Соответствующие инструменты выделила Адмиралтейств-коллегия.

Военным морякам категорически запрещалось вмешиваться в непосредственные дела промышленников. Назначение на промысловые корабли военных моряков имело целью развернуть изучение обширного района в северной части Тихого океана и обеспечить безопасность плавания судов промышленников.

Придавая первостепенное значение тщательному ведению журналов, служивших основой для составления морских карт, Адмиралтейств-коллегия приказывала

Креницыну вести «верные и обстоятельные журналы, как морская должность и искусство требует, не упуская не малейших случаев; такие журналы должны начаты быть с прибытия в то место, где на суда надобно будет садиться, и по то время, как кампания морская окончится». По записям журналов каждый офицер должен был составить карту и без промедления через сибирского губернатора переслать в Петербург.

Большое место отводилось изучению Сибири, для хозяйственного освоения которой требовалась большая осведомленность о ее природе и населении.

Креницыну поручалось, начиная от Тобольска, на всем пути следования на Камчатку вести особый журнал и записывать наблюдения, подмечая сходство и различие фауны и флоры России и Сибири. Особое значение придавалось сбору сведений о сибирских народах. «Состояние народов, то есть, как которой зовут, с какими сходствует, какое платье и обряд около себя имеют, как домовно живут, какую пищу употребляют, какие промыслы имеют, какое богослужение отправляют, есть ли хлебородие, и хлебопашество, сколь велико, какой скот и дворовые птицы, кроме дичи, также их обхождение, стараясь сколько возможность допустит и чему возможность будет снимать рисунки».

При посещении островов в Тихом океане предлагалось записывать данные о лесах, собирать семена, а образцы металлов незамедлительно пересылать в Коллегию.

Поскольку для описания островов требовались небольшие боты, Креницын должен был подыскать в Охотске или на Камчатке казенные суда, причем ответственность за укомплектование их личным составом и снабжение всем необходимым возлагалась на Чичерина. В качестве проводника было приказано назначить морехода С. Т. Пономарева и пять человек, бывавших ранее на Алеутских островах.

Маршрут плавания пролегал между островами Беринга и Медным в направлении к острову Умнак.

Поскольку успехи промышленников были достигнуты в значительной мере благодаря тому, что они широко использовали опыт местных жителей в мореплавании, Креницыну было рекомендовано при помощи Пономарева подробно разузнать у них о шестнадцати островах

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), д. 540; АВПР, ф. 339, д. 16, л. 3.

² ЦГАВМФ, ф. Кабинета е. и. в. по морской части, о морских экспедициях, оп. 1, д. 131, л. 276.

Алеутской гряды, о которых он слышал во время прежних плаваний. Эти острова, расположенные к северу и востоку от островов Умнак и Уналашка, тотемский купец Петр Шишкин нанес на карту.

Инструкция требовала «особливо доведываться от них [островитян] о курсах и расстояниях до лесных из тех неизвестных островов, яко до Алакшана [Аляски] многолюдного, при котором уже судно российское купца Бечевина зимовало, до Кадьяка и Тыгачтаны или Шугачьтаны [Чугач]; и когда те люди (и хотя б то было на других островах) станут показывать страны, в которых те невидимые от них острова лежат, руками тогда прилежно искусным и скромным образом компасом пеленговать их на румбы и записывать в журнал, а расстоянии, буде не можно получить мерами, то доведываться, хотя днями, поскольку они до них дней в один из оных путь продолжают, дабы по тому можно вам было до них располагать своих путей курсы».

Поскольку Адмиралтейств-коллегии было известно, что у жителей острова Шугачьтаны (Чугач) имелись предметы европейского происхождения (палаши, зеркала, чернильницы и т. п.), предстояло выяснить, на каком удалении от острова находится американский материк, какой народ живет, кому платит дань и в каком размере, нет ли близко на материке какого-либо города, на каких судах ходят островитяне, откуда получают европейские товары, знают ли жители Америки грамоту и кто их обучил.

Только после всесторонней оценки обстановки можно было приступить к описанию острова Шугачьтаны и определить его координаты. Выполнив эту задачу, экспедиция могла вернуться к Умнаку, проложив курс мимо 16 островов Алеутского архипелага, «располагая курсы ваши, так чтобы вам мимо всех из тех безлесных проходить в виду и можно их было пеленговать и тем привязывать их в своих пунктах к вашему плаванью, а проходя к большим из них и лесным, яко то к Кадьяку, Алакшану и к прочим, должно вам на них, буде безопасно будет разведывать и примечать, а которые можно, те осматривать и описывать столько, сколько можно будет по порядку описи и так, как о острове Шугачьтаны вам напомянуто».

Вполне понятно, что столь обширное задание трудно

было выполнить в одну кампанию и для зимовки рекомендовалось выбрать Алакшан (его жители дружелюбно относились к русским) и свободное время использовать для изучения ближайших островов.

На экспедицию возлагалась также проверка карты Шишкина, на которую была нанесена земля под названием «Земли Якутского дворянина» и путем опроса местных жителей выяснить, далеко ли она тянется на север и на каком расстоянии находится от Чукотского Носа и Камчатки.

И наконец, решительно запрещалось вносить исправления в журнал, предлагалось «писать всегда в журнал ваш то, что когда вами сделано, усмотрено, проведено и исчислено». По прибытии на Камчатку Креницын и Левашев со всеми журналами и картами должны были отправиться в Петербург. Копии журналов и карт разрешалось показать «токмо одному господину губернатору».

Адмиралтейств-коллегия, строго придерживавшаяся в исследовании Тихого океана принципа преемственности, снабдила начальника новой экспедиции копиями журналов Беринга, Чирикова, Вакселя и других участников Второй Камчатской экспедиции.

Основной упор в инструкции Адмиралтейств-коллегия делала на правильность географических описаний и точность составления морских карт, как решающих предпосылок безопасного мореплавания, на устранение ошибок, допущенных промышленниками вследствие их неподготовленности.

На необходимость соблюдения максимальной точности указывал и Чичерин в письме Креницыну от 4 марта 1765 г.: «За главнейшее основание порученной вам экспедиции поставляю несколько уже известных, сысканных купцами, Алеутских островов, основательное описание и положение оных на карту сделать, а особливо большого и многолюдного острова, называемого Алакшан и второго Кадьяк, приложить всевозможное старание, обходя его вокруг описать. Весьма нужно знать, остров ли то, или матерая земля? Ибо на показании бывших на тому острову наших людей утвердиться невозможно».

Полагая, что не следует упускать возможности для промысла, Чичерин предлагал Креницыну взять на Кам-

чатке на каждый корабль по несколько промышленников, которые «могут своим коштом ехать на таком основании, что ежели, где иметь будете пристань у островов, то оныя могут на себя промышлять, и чрез то по их знанию обыкновений тех народов, можете лучший способ к произведению экспедиции иметь. Однако ж,— подчеркивал Чичерин,— для их промыслу нигде нарочно не останавливаться и продолжению вашего вояжа ни делать препятствия; а они [промышленники] могут пользоваться одним тем временем, пока вы у пристаней».

Поэтому сибирский губернатор предлагал Креницыну, если обстоятельства позволят, «зайти в Петропавловскую гавань всюю эскадрою, где можете от тамошних жителей, бывших в море, обо всех обстоятельствах приличных к тому вояжу яснее и подлиннее получить уведомление; из способных к тому вояжу людей взять. О чем туда писано и по тем подлинным уведомлениям и план вояжу лучше сочинить можете и в такой силе на прочие суда наставление дать».

Креницыну были также вручены опознавательные сигналы, разработанные Адмиралтейств-коллегией, на случай встречи с отрядом кораблей Чичагова в северной части Тихого океана.

Таким образом, давнишняя идея об открытии сквозного плавания из Архангельска по Северному Ледовитому океану на Камчатку на этот раз получила углубленную разработку и в организационном отношении.

5 марта 1764 г. Креницын с группой спутников выехал из Петербурга в Tobольск, где их ожидали далеко неутешительные известия: на Камчатке купеческих судов нет, галиот и бригантины хотя и исправлены, но «такелажу на них никакова нет». Поэтому Креницын «принужден все такелажи и канаты делать новые в Tobольске»¹. Часть команды была послана к Ленской пристани, куда вскоре прибыл и сам начальник экспедиции, предполагая летом заготовить материалы и продовольствие и переправить их на Камчатку и «буде успею,— писал он Нагаеву 15 марта 1765 г. из Томска,— то выду на море в какое бы то время позное не было», рассчитывая достигнуть Берингова острова, чтобы после пере-

зимовки «от гудова ранея с пособными ветрами вытить в шовеленной путь». В Tobольске в экспедицию были назначены 10 штурманских учеников из местной навигационной школы, команды из «нижних чинов» и выделены материалы, снаряжение, продовольствие. В начале марта 1765 г. экспедиция направилась в Охотск, куда прибыла в октябре.

За время следования в Охотск Креницын собрал много интересных данных о Западной и Восточной Сибири.

Из Томска 15 марта 1765 г. Креницын пишет А. И. Нагаеву: «Хлеб родитца очень хорош и земли также хороши, а пахарей на ней хороших нету, а ежели бы наши русские пахари, то бы умножение хлеба и скоту было весма болше»; при этом отмечал примитивную систему ведения земледелия и животноводства: вокруг деревни в радиусе до восьми верст земли отводятся под выгон (поскотину), а «за поскотиную пашут хлеб, кто где вздумал. Года два и три после ту землю бросают и отъезжают на другие и так, что верст за двадцать бывает пашня. А скот весь как выпускают в поле, то до самой глубокой осени или до больших морозов [морозов] ево и не смотрят. Так иной пустит лошадей десять, а придут дамой или сыщут две или три», а остальных заводит медведь или иной какой зверь. Креницын считал, что это происходит оттого, что пастухов не «употребляют, а надежду полагают на поскотину и тое толко, что думают отгорожена».

26 марта в Енисейске Креницын подводит итог своих четырехдневных наблюдений: «В проезд мой из Томска до Енисейска примечания достойнаго ничего не видел, только насмотрелся на великое множество кедровнику, которова нелзя сказать што много, а великая пропасть, также пихт и соснова лесу, а протчих крепких дерев нет».

Прибыв в мае в Иркутск, Креницын сразу же выехал на Ленскую пристань и вскоре сообщил в Адмиралтейств-коллегию, что «в здешних местах апрель был таков же, как и у нас в Петербурхе бывает. Озеро Байкал мая 2 числа получено известие, что очень крепко и без нужды по льду ездят, а реки все прошли».

Из Уст-Итгинской пристани, где отряд провел три дня, Креницын писал: «Здесь еще тепла не было и по сю пору нет; и еще почти иззелени не показывалось, кро-

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 91.

Ваше высокопрвосходительство

Милостивый Государь коллежский Регистратор

Сего числа 15 Сентября приехал в Камчатку
судно галлиот «Св. Павел», командиром которого
был капитан Иван Иванович Креницын. Судно
было повреждено штормом, и команда
находится в Камчатке. Судно
пришло в Камчатку 15 числа сего
месяца. Команда судна
находится в Камчатке.

Ваше высокопрвосходительство
Милостивый Государь

Полковник Иван

15 числа
1765 год

Письмо П. К. Креницына А. И. Нагаеву

ме мокрых мест, а на горах все туманы. Горы высокие перпендикуляр будет некоторых более ста сажен».

Первые испытания

10 октября 1766 г. отряд в составе четырех кораблей¹ вышел из Охотска на Камчатку. Неприветливо встретило моряков Охотское море. Уже на третий день разыгрался шторм. Из-за плохой видимости суда потеряли друг друга и каждому пришлось добираться до места назначения самостоятельно. Этот переход потребовал от матросов и офицеров напряжения всех сил и воли.

17 октября на широте 53°46' с бригантины «Св. Екатерина» заметили землю — это был западный берег Камчатки. Вскоре обнаружилась течь. Воду откачивали ведрами и котлами. 22 октября корабль подошел к Большерецкому устью и встал на якорь. Но штормовым западным ветром в ночь на 24 октября его выбросило на мель в 25 верстах к северу от Большерецка. Экипаж спасся, а экспедиция лишилась самого крупного корабля.

Гукор «Св. Павел» достиг устья Большой реки, однако войти в порт из-за штормового ветра не смог. В восьми верстах к северу от Большерецка судно село на мель, но вскоре было снято. Боту «Св. Гавриил» тоже не удалось войти в устье Большой реки — нахлынувшей волной его выбросило на берег. Экипажу удалось спастись.

Еще более тяжелые испытания выпали на долю галиота «Св. Павел». Сильным штормовым ветром его вынесло через Первый Курильский пролив в океан. Целый месяц команда боролась с штормами. Наконец 21 ноября галиот подошел к Авачинской бухте, вход в которую преградили скопившиеся льды. Льдинами были перетерты якорные канаты, и галиот снова вынесло в открытый океан. Еще полтора месяца моряки вели неравную борьбу с морской стихией. Паруса были порваны, такелаж поврежден, иссякали запасы пресной воды, продовольст-

¹ В состав отряда входили бригантина «Св. Екатерина» (командир П. Креницын), гукор «Св. Павел» (командир М. Левашев), галиот «Св. Павел» (штурман А. Дудин-младший), бот «Св. Гавриил» (Дудин-старший).

вия и топлива. Морякам угрожала мучительная смерть от голода, холода и жажды. Но они боролись до конца, сохраняя надежду на спасение. 8 января 1767 г. у Седьмого Курильского острова галиот налетел на скалу и разбился. Из 43 человек в живых осталось 13¹.

Спасшиеся моряки оказались в ужасном положении. Остров был необитаем. Им угрожала неминуемая смерть, но, к их счастью, на острове в это время находились курильцы, прибывшие сюда на промысел с других островов, «иначе пришлось бы всем помереть с голоду и стужи, для того что на седьмом острове нет ни жилья ни лесу... и все покрыто было глубоким снегом, курильцы на нем не живут, но только зимуют по случаю». Островитяне приютили пострадавших, поделились с ними всем, что имели, а весной специально сходили на промысел на Девятый остров и «привезли довольно разных родов птиц морских худаго и тяжелаго запаха, коими питались до приезда на Второй остров в начале июля месяца, где застали довольно рыбы, и больше недостатку в пропитании уже не имели», — отмечается в журнале штурмана А. Дудина². А в августе курильцы на двух деревянных байдарках отвезли моряков к находившимся вблизи русским судам, которые доставили их в августе 1767 г. в Большерецк.

По наблюдениям А. И. Чирикова, в октябре — ноябре в Охотском море дуют сильные штормовые ветры, туман непроницаемой пеленой окутывает горизонт. Плавание промышленников подтвердили это наблюдение, но Креницын не принял во внимание уроки прежних плаваний и был жестоко наказан.

Сравнительно короткий переход из Охотска в Большерецк многому научил руководителей экспедиции. В течение зимы моряки отремонтировали гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил», построили две байдары, заготовили снасть, смолу, соль.

Только теперь Креницын имел право распечатать пакет с секретной инструкцией от 16 июня 1764 г. и «Секретное прибавление» к ней. Обширность задач, постав-

ленных перед исследователями, вдохновила его, но сведения о новых открытиях Глотова и Пономарева, изложенные в рапорте Большерецкой канцелярии от 12 сентября 1764 г., вызвали сомнение в их достоверности.

16 ноября 1767 г. на совете офицеров, созданном Креницыным, Пономарев заявил, что во время плавания к острову Шугачьтану (вместе с купцом П. Шишкиным) он был пассажиром и ему неизвестно, где находится Земля Якутского дворянина, и что «ше токмо морского счисления, но и по компасу мореплавания он, Пономарев, содержать во все не знает», а поэтому обязанности проводника к вновь открытым островам выполнить не в состоянии. «И затем до означенных островов, — добавил он, — не только нынешней экспедиции довести и показать ей оный может, но ежели к тем островам он, Пономарев, привезен будет, за старостию лет тех островов опознать и указать не может. А могут обо всем оном, и всегда в тонкость доказать объявленные мореходы Глотов и Соловьев»¹.

Креницын послал нарочного в Нижнекамчатск за находившимся там Гловым. Тем временем он опросил писаря Большерецкой канцелярии И. Рюмина, написавшего по приказу и под диктовку поручика Недозрелова и Саламанова рапорт Глотова, включенный в секретную инструкцию Адмиралтейств-коллегии. Рюмин отказался от записи, гласившей, что Глотов рассказывал не только об островах Умнак и Уналашка, но и о других островах и что их обитатели имеют зеркала и чернильницы с перьями. А между тем Ломоносов и Адмиралтейств-коллегия придавали рапорту Глотова большое значение, почему и было сделано заключение, что недалеко от Умнак расположены владения европейских государств. Рюмин добавил, что сведения о других островах вписал в рапорт не он, а кто-то другой. Опрос Рюмина подорвал ту основу, на которой базировались проекты Ломоносова и Чичерина об организации экспедиции к Аляске.

После опроса Пономарева и Рюмина Креницын сообщил Адмиралтейств-коллегии о том, что он «означенного Пономарева усмотрел, что совершенно ему морско-

¹ «Известия о судне галиоте «Св. Павел» октября 11-го 1766 г. в море отправленном». — ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 539, д. 2, л. 1—3.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. X, оп. 3, д. 16, л. 69/об.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 540, л. 2, л. 57.

го хождения знать не можно. Потому что он малоумен и глазами мало видит. Да и стар».

С. Г. Глотов и мореход И. М. Соловьев прибыли в Большерецк 20 января 1767 г. Они не только полностью подтвердили сведения, содержащиеся в рапорте Большерецкой канцелярии от 12 сентября 1762 г., но сообщили о ряде новых географических открытий. Глотов, в частности, сказал, что посетил Кадьяк, о котором раньше упоминал на основании устных показаний жителей Умнак. «Будучи де ныне, — заявил Глотов, — в вояже на судне «Св. Андриан», промысел имел от прежде обысканных Умнака и Уналашка через восемь на девятом острове Кадьяке».

Теперь сомнения Креницына относительно правильности курса, указанного в инструкции Адмиралтейств-коллегии, рассеялись, и он без колебаний включил Глотова и Соловьева в состав экспедиции, написав в Адмиралтейств-коллегию, что решил взять промышленников «для опознания и указания тех знаемых ими островов».

Подготовка кораблей шла полным ходом, и 17 августа гукор «Св. Павел» под командой Левашева и бот «Св. Гавриил» под командой Креницына вышли из Большерецка. 6 сентября они благополучно прибыли в Нижнекамчатск.

Наученный горьким опытом, Креницын решил основательно изучить условия плавания в океане, в частности в районе исследований, и, выслушав рассказы промышленников, пришел к заключению, что экспедицию к островам Алеутского архипелага следует отложить до весны следующего года.

Зима 1767/68 г. ушла на подготовку к предстоящему плаванию. Тщательно изучалось состояние судов. В результате проверки оказалось, что бот «Св. Гавриил» прогнил и к морскому путешествию непригоден.

Начались поиски нужного корабля. Они продолжались до апреля — до прибытия галиота «Св. Екатерина», на котором его командир И. Б. Синдт предполагал отправиться для описи берегов Америки. По неизвестным причинам намеченное плавание не удалось осуществить. Креницын передал Синдту бот «Св. Гавриил», взамен взял галиот и тотчас приступил к его ремонту.

К июлю все корабли были укомплектованы личным составом, но провиант был заготовлен в недостаточном

Июль

Известия морской Секретной
Экспедиции Юнока С. Павла. Бы-
шата въ управленіи флота Капи-
тана лейтенанта Левашева.

1768^{го} году

Июль мѣсяцъ

25^{го} числа вышли с моря изъ Камчатки корабли.

26^{го} Удѣля Камчатской мѣсяцъ.

28^{го} Прислѣ къ Камчатскому острову отплыли корабль, где нашли великое множество морских котлов, пещеръ и птицъ.

30^{го} Удѣляли отъ моря островъ и отплыли съ судномъ въ Камчатку.

Августъ

11^{го} Капитанъ лейтенантъ Левашевъ Силными вѣтрами раздѣлся съ капитаномъ Креницынымъ.

15^{го} Вышли сѣню отъ острова отплыли корабль, тамъ следствия отъ моря. Отплыли для въ Камчатку къ Камчатскому острову.

16^{го} Дочадили отъ моря и отплыли къ Камчатке отъ моря, потому что вѣтъ несли. Составляя повошею часть восточныя и восточныя изъ моря Камча. у дѣла изъ моря

Экстракт из журнала гукора «Св. Павел»

количестве (руководитель экспедиции рассчитывал пополнить запасы продовольствия за счет промыслов и рыбной ловли в районе исследований).

Из суда были взяты С. Г. Глотов, П. И. Анфилов, А. И. Безруков и 10 других опытных промышленников.

Все они охотно решили идти в опасное путешествие. Украинец Прокопий Лисенков даже отказался от промысла ради того, чтобы «быть похвальным мореходцем». Чичерин отмечал, что он был «человеком очень способным»¹. Некоторые из промышленников хорошо знали алеутский язык, что позволило собрать ценные материалы об островитянах.

Обязанности переводчиков возлагались на молодых алеутов, обучавшихся русскому языку и грамоте в Нижнекамчатске.

Плавание Креницына и Левашева к берегам Аляски

21 июля галлот «Св. Екатерина» под командой Креницына (экипаж 72 человека) и гукор «Св. Павел» под командой Левашева (65 человек) снялись с якоря и через четыре дня вышли из устья Камчатки, взяв курс к Командорским островам. Пройдя проливом между островами Беринга и Медный, продолжали идти на восток, но 11 августа, вследствие сильного ветра и тумана, суда разлучились.

14 августа моряки галлота увидели два острова Алеутской гряды: Сигуам — самый восточный в Андреяновской группе и Амукту — самый западный в группе Четырехсопочных островов. Эти острова в 1759—1762 гг. посетили русские промышленники, плававшие на боте «Иулиан». 20 августа «Св. Екатерина» вошла в пролив между островами Умнак и Уналашка. Спустя два дня сюда прибыл «Св. Павел».

Пополнив запасы пресной воды в бухте острова Уналашка, корабли 23 августа взяли курс на северо-запад, а затем повернули на северо-восток. 30 августа прошли проливом между Унимаком и Аляской, описали остров Уникак. После двухдневного осмотра берегов Аляски

начались поиски удобного места для зимовки. 5 сентября корабли снова разлучились и только весной следующего года встретились вновь.

Креницын и Левашев первыми из европейцев прошли вдоль северного побережья Аляски.

Креницын принял неудачное решение устроить зимовку на восточном побережье острова Уникак в глубине залива, названном именем Креницына (на американских картах — бухта Св. Екатерины). С северо-востока вход в залив из-за сильного морского течения и небольших глубин весьма затруднен. С юго-восточной стороны вход более удобен и глубины достигают здесь 5,5 сажен. Осень в этих местах дождливая и холодная, а зима студеная. Пришлось строить жилища.

Вскоре к месту зимовки подошли две байдарки с «американцами», которые просили дать им ножи и бусы, пытаясь одновременно узнать о численности экипажа русского корабля; толмачу предлагали перейти на их сторону. Когда же «американцам» подарили шапки, рукавицы и бусы, они отошли, но через некоторое время стали пускать стрелы. Галлот открыл ружейный огонь, стрельба велась по воздуху.

Обстоятельства требовали осторожности, и берега обследовались небольшими группами.

Между тем запасы продовольствия подходили к концу, в юртах, оставленных ее обитателями, были найдены лишь сухая рыба «да 250 нгол, 4 аршина красного сукна, два фунта бисеру» европейского происхождения, возможно завезенных русскими промышленниками.

Только охотой можно было добыть средства к существованию, но от нее пришлось отказаться из-за недоброжелательного отношения местных жителей и угрозы нападения.

Напряженный труд, стужа, дожди, сменявшиеся вьюгой и пургой, недоедание подтачивали здоровье мореплавателей. В январе 1769 г. болело цингой более 20 человек, в апреле насчитывалось более или менее здоровых лишь 12 человек. За время зимовки умерло 36 человек, в том числе штурманы Дудин-старший, М. Крашенинников и С. Чиненой, подштурман К. Ларионов, промышленники Н. Новоселов, М. Лебедев, А. Дружинин и др. 4 мая умер С. Глотов. Отважному первооткрывателю было всего 40 лет. С каждым днем положение станови-

¹ ПГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, л. 34, л. 44/об.— 45

Журнальная записка штурмана
И. Крашенинникова о его плавании
вдоль берегов Аляски
с капитаном С. Сивергиным в долину
Берега Острова Сикси.

1768^{го} года
Месяц Октябрь

16^{го} числа подвонной флота отпущена Креницына
иностранцы по южную сторону Острова Сикси к
востоку для обиспаня на южной Жилы и Святла
отъ обиспанцев аманатовъ поподному обло гасанъ
встрелъ байдарахъ аманатинскъ благополучно: и бай
дары были поодужены. Назавле паналана Цинога
а манатинскъ малинца дводичная Паша Епископъ
нмъ числомъ харазовъ, и Звельного Свудителю
Имткоса Гурю и Шитомоу и иностранцы: Как
племте составле гана Манашинскъ штурманъ 1.
подштурманъ 1. Капитанъ 1. для плавания байдара
ли бывающае надостовалъ 3 человекъ. егеряе да на
поровае назавле 26. толмачае 1 да для алкаухъ
аледтае 2 и того всеае числомъ 38 человекъ.

Перекладе отъзна ебостара Уинмана иб Острова
аленес иадъ плавашъ малой, кжнне дудле пкстмъ
алехушкае юрте обиспаннхъ Сентяе 15^{го} дня
пнстали кннскъ. на тогои и кананновали пеланиа,
нстали нмбты. Озан бегеа идше и поткнше Савитъ
повнсталие пнсталие 2^{го} числа иддеганъ кдше пнст
проткнше ии Ордъ алстдъ пнсталие итестадъ мнскъ

У. Давидъ Визвичъ

Журнальная записка М. Крашенинникова о его плавании
вдоль берегов Аляски

лось все более тяжелым, запасы продовольствия иссякли, жилища разрушались, почти все болели, отремонтировать корабль не было никакой возможности.

Неожиданно к зимовке подошла группа «американцев», снабдившая зимовщиков китовым жиром, тюленьим и китовым мясом. По просьбе русских моряков «американцы» стали чаще привозить продукты в обмен на всевозможные товары.

Все же обе стороны не доверяли друг другу: «американцы» оставляли жир морских животных в условленном месте на берегу пролива, а сами удалялись, моряки оставляли взамен свои товары, ружья прятали за одеждой.

Моряков галюта беспокоила судьба «Св. Павла». С момента разлучения о его судьбе ничего не было известно. И только 10 мая, когда в проливе появились две байдарки с развевающимся белым холстяным платком, выяснилось, что гукор «Св. Павел» зазимовал в одной из гаваней бухты острова Уналашка. Посланные Левашевым алеуты были одарены ножами, сушом, бисером и леденцами.

6 июня 1769 г. в проливе между островом Уинмак и Аляской «Св. Павел» соединился с галлотом, что по существу спасло экипаж «Св. Екатерины», на которой к тому же не хватало людей для обслуживания корабля.

Капитан Левашев доложил о том, что произошло за время его самостоятельного плаванья. Некоторое время «Св. Павел» лавировал у берегов Аляски и островов Уинмак и Уналашка, а 16 сентября бросил якорь в заливе, названном Левашевым Макушнским (северная сторона), который вскоре был признан для зимовки неудобным. Рассчитывая пайти Креницына, Левашев направился к Уинмаку. После безуспешных поисков вернулся к Уналашке и зазимовали в бухте, названной именем «Св. Павла» (теперь бухта Левашева). Она находится в Капитанском заливе и служит наиболее удобной якорной стоянкой. На берегу из плавника были сделаны юрты, в которых зимовала меньшая часть команды, остальные жили на корабле. Зимовка тоже оказалась для мореплавателей тяжелой: ощущался большой недостаток в продовольствии, 27 человек болело цингой, трое умерло, двое пропали без вести.

В зимнее время Левашев занимался изучением осо-

бенностей быта и материальной культуры алеутов, не испытавшей еще воздействия европейцев. Свои наблюдения он записывал в журнал «О жителях того острова», содержащий сведения о внешнем облике алеутов, их жилищах, способе добывания огня и употребляемой пище¹.

Все эти стороны жизни алеутов отражены в журнале с различной степенью подробности. О внешнем виде алеутов и их жилищах Левашев ограничивается лаконичными замечаниями. «Оной народ,— писал он,— росту средняго; волосы имеют на головах черные жоския; лицо смуглое, русковато, телом черноваты». Отмечается, что алеуты живут «в земляных юртах, в которых сделаны подставки из выкидного лесу». А по рассказам промышленников, у алеутов были юрты большие и малые нескольких типов.

Левашев записал в свой журнал много интересных наблюдений. Алеуты пищу варили редко, предпочитали употреблять ее в сыром виде. Питались они рыбой, ракушками, морской капустой, а также «камчатской лилей» — сараной, в луковицах которой много крахмала и сахара. Упоминает мореплаватель и о «грехиче живородящей» — макарше. Употребление этих продуктов предохраняло алеутов от всевозможных болезней, поражавших европейцев.

Особый интерес проявил Левашев к способу добывания островитянами огня. «По надобности своей,— писал он,— вырубает огонь: на какой ни есть камень положат сухой травы и птичьего пуху, осыплют горячею мелкою серою и ударят в тот камень другим, от чего сделаются искры, и положенная на камень сера, с травою и птичьим пухом, загорится; а некоторые достают огонь и деревом, на подобие как сверлом вертят».

Своих жилищ алеуты не отапливают. В студеную погоду они выходили из юрт на берег; чтобы согреться, между ног ставили плоски с китовым жиром, зажигали его, а затем в огонь бросали сухую траву. Наблюдения Левашева подтверждаются промышленниками, которые незадолго до этого зимовали на Лисьих островах. Некоторые алеуты разводили огонь непосредственно в юртах.

Подробно описал Левашев орудия рыбной ловли и

охоты. Его внимание привлекли одноместные алеутские байдарки. Корпус байдарок делался из дерева и обшивался китовой или нерпичьею кожей. В середине лодки устраивалось отверстие для гребца; у него было одно весло, на обеих сторонах которого имелись лопаточки, и греб он им на обе стороны, а во время волнения «обтягивают около того отверстия и около себя выделанною широкою китовою кишкой, чтобы не могла в байдарку попасть вода».

Левашев дал подробное описание одежды мужчин и женщин, обычаев и верований, сделал заметки о социальных порядках.

Левашев пишет, что у алеутов нет закона, о боге не имеют никакого представления, богослужения не отправляют, но зато у них есть люди, которые «сказывают им будущее, кто об чем загадают, называют их шаманы», уверявшие островитян, что обо всем они узнают от самого дьявола.

Левашев рассказал о быте алеутов, их обычаях и нравах. Во время плясок они надевают на себя маски, сделанные из дерева и выкрашенные разными красками.

Во время пляски островитяне бьют в бубны, все мужчины и женщины поют песни, «мужчины сидят особливою толпою, тож и женщины, и пляшут по одному человеку, начиная с малых ребят, а женщины по одной и по две, имея в руках по пузырь надутому». Такие игры посвящаются окончанию промысла за котиками. Они длились с половины декабря до апреля.

Журнал Левашева содержит интересные сведения о семейно-брачных отношениях у алеутов. Там существовала полигамия. Мужчине разрешалось иметь столько жен, сколько мог сделать шарок. После смерти мужа вдова должна была «сидеть сорок дней в темном месте, и не ходить на свет, а пищу подают ей протчия», овдовевший мужчина должен был делать то же самое. Если муж не любил жену, то он мог ее продать или променять другому, а «наипаче в голоду отдают жену за пузырь китоваго жиру, весу фунта за два; напоследок ежели которую жену он любил, то старанца обратно украсть и буде не удасса, тогда и сама убыют».

В журнале Левашева говорится, что алеуты постоянно совершают набеги на «остров Аляску», захватывают там «баб, девок и робят себе в холопы».

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. X, оп. 3, л. 16; Соколов, 1852.

Левашев стремился правдиво описать образ жизни алеутов, не приукрашивая его отдельных сторон и не выпячивая непривычных для европейцев особенностей быта аборигенов.

В статьях «Описание острова Уналашки», «О промысле российских людей на острове Уналашке разного рода лисиц» и «О ясаке» Левашев использовал наблюдения зимовавших вместе с ним русских промышленников.

23 июня оба корабля снялись с якоря и двинулись к Камчатке. Перед тем как оставить остров, Креницын распорядился поставить на место зимовки «деревянный крест и на оном же медный». В том кресте, в скважине, надлежало оставить составленную им записку.

На обратном пути встретилось немало трудностей. Уже через три дня совместного плавания корабли снова потеряли друг друга.

С 27 июня по 2 июля «Св. Павел» плывал к югу от Уналашки и Умнака, отсюда повернул на запад и описал Четырехеопочные острова, расположенные между островами Умнак и Амукта. 8—9 июля прошел между островами Амукта и Амля в Берингово море и через 20 дней достиг острова Медного. Потребовалось еще 11 дней на то, чтобы обогнуть остров Беринга. Через две недели трудного плавания перед взорами моряков открылись знакомые берега Камчатки. 24 августа Левашев был уже в Нижнекамчатске, где встретился с Креницыным, прибывшим почти на четыре недели раньше его.

Зима 1769/70 г. прошла в нужде и лишениях. Участники экспедиции не получили ни положенных порционных денег, ни «сухого пунта» провизии. За купленную у местных жителей рыбу Креницын платил в пять раз дороже казенной цены. Пришлось заняться рыболовным промыслом; моряки засолили 19 бочек рыбы.

К началу 1770 г. все было подготовлено для возвращения в Охотск, но 4 июля экспедицию постигло большое несчастье. Пытаясь переправиться на небольшой лодке на другой берег Камчатки, П. К. Креницын и находившийся с ним казак Иван Черепанов утонули.

Командование экспедицией принял на себя Левашев; командиром галюта «Св. Екатерина» он назначил штурмана Дудина-младшего. 8 июля суда покинули Нижнекамчатск, 4 августа прибыли в Охотск. 22 августа Ле-

вашев, сдав корабли, направился в Петербург. В Тобольске его задержал Чичерин, видимо желая получить подробный отчет о плавании.

22 октября 1771 г. Левашев возвратился в Петербург, где вскоре ему был присвоен чин капитана 1-го ранга. В 1772 г., назначенный командиром повопостроенного корабля «Борис и Глеб», он совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В начале следующего года в чине капитан-командора вышел в отставку по болезни.

Значение экспедиции Креницына и Левашева

Экспедиция Креницына и Левашева осуществлялась по общему замыслу, предусматривавшему решение ряда важных вопросов: изучение возможности плавания из Северного Ледовитого океана через Северо-восточный проход на Камчатку (экспедиция Чичагова), исследование Алеутских островов и берегов Америки (экспедиция Креницына), изучение условий плавания из Кронштадта в Южную Америку и в Индию (путешествие Полу-бояринова). Впервые в истории русских географических открытий точно определялся район соединения двух экспедиций, начинавших свои плавания с различных пунктов (Архангельск и Петропавловск-Камчатский). Намечавшееся крупнейшее научное предприятие в новых исторических условиях выражало возросшие потребности России в морских и океанских путях сообщения. И то, что из намеченного не все удалось осуществить, ни в кое мере не умаляет важности самого замысла и проведенных для его обеспечения подготовительных мер, из которых особо следует отметить всестороннюю подготовку личного состава и кораблей. Нерешенные задачи побуждали к организации новых исследований, которые будут проведены в последующие десятилетия XVIII в. в еще более широких масштабах и в более сложной международной обстановке.

Современники, однако, не всегда правильно оценивали ее результаты. Даже такой вдумчивый исследователь, как Т. И. Шмалев, не располагавший, правда, полными данными, в письме Миллеру от 21 января 1771 г. заявлял: «Ко всеобщему сожалению что она продолжалась немалое время в потере ж высочайшего не-

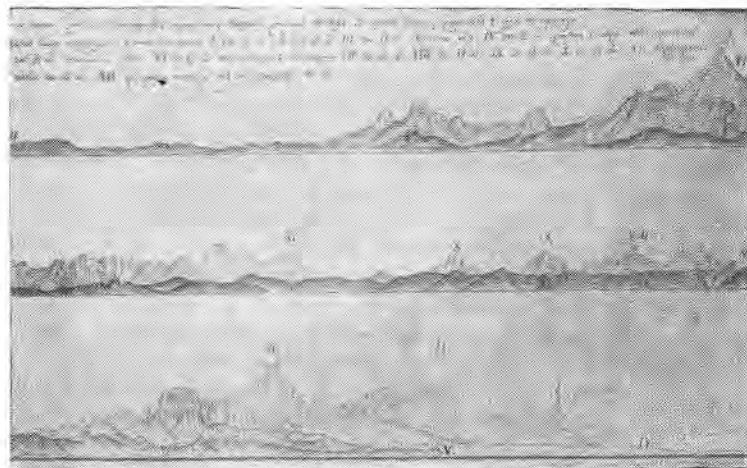
малога интереса и людей да и самого главнокомандующего капитана Креницына... того более сожалеательно, что недалеко простиралось; как только судно главнокомандующего зимовало с северной стороны Лисишнего острова Ушимака, на котором людей от цинготной болезни и протчаго померло 37 человек, в том числе обер-офицерского ранга штурманов два. Думаю, что оное зимование того судна почти, кроме только положения острова на карту, полезного не усмотрено»¹.

Экспедицию Креницына и Левашева не смог правильно оценить и русский военно-морской историк Ф. Веселаго. Не приведя убедительных аргументов, он просто писал, что она закончилась неудачно. В более позднее время аналогичную оценку экспедиции давал Л. С. Берг (1946, стр. 292). С ними солидаризируется Р. В. Макарова, при этом свою точку зрения она подкрепляет ссылкой на Шмалева, упуская, однако, из виду то обстоятельство, что он неоднократно оговаривался, что не может еще с полной достоверностью оценить значение плавания Креницына и Левашева.

Уместно заметить, что различные оценки той или иной экспедиции объясняются многими причинами. Одна из них состоит в том, что часть исследователей сопоставляет конечные результаты экспедиции с их обширными целями, которые однако не обеспечивались соответствующими материальными средствами. Не учитывая это весьма важное обстоятельство, ученые делали выводы, принижавшие значение экспедиций, сыгравших в целом значительную роль в географических открытиях и исследованиях на Тихом океане.

Другие исследователи оценивали плавание по тому, какой вклад вносило то или иное путешествие в науку о Мировом океане. Подобный критерий в оценке экспедиций является наиболее правильным и позволяет с большей объективностью оценить роль и место любого морского путешествия в истории исследований и освоения северной части Тихого океана.

Если взять плавание Креницына и Левашева, то оно положило начало систематическому описанию и съемке Алеутских островов. В определении долгот из-за несовершенства приборов и плохих материальных условий



Фрагмент зарисовок Алеутских островов, сделанных М. Д. Левашевым

допускались погрешности, но планы островов Алеутской гряды впервые были сняты с безукоризненной точностью и выполнены на высоком профессиональном уровне (Зубов, 1954, стр. 118).

Немецкий ученый Гельвальд отмечал, что Креницын со своей командой обследовал на шлюпках в течение лета полуостров Аляску, совершив 14 переходов. «Этим обследованием Аляски, первым, которое было сделано, плавание Креницына получает важное значение» (стр. 433).

Ценные материалы экспедиция собрала и по другим отраслям знаний. Так, Креницын отметил землетрясения, происшедшие в районе Алеутских островов 15 января, 20 февраля и 15 марта 1769 г. Записи Левашева значительно обогатили этнографическую науку новыми данными об алеутах. Его записи проникнуты духом уважения к коренным жителям островов.

Открытия Креницына и Левашева вызвали большой интерес за границей. По приказу Екатерины II для английского историка В. Робертсона был переведен журнал Креницына (т. е. отчет Левашева) и скопирована

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, II, д. 6, л. 5—5/об.

подлинная карта плавания. Тем самым была снята секретность со всех материалов экспедиции, что, по-видимому, было связано с попытками английского правительства распространить свое влияние на северную часть Тихого океана. В этих условиях русское правительство было заинтересовано в том, чтобы морские державы узнали о всех открытиях, сделанных русскими.

В оценке иностранными авторами русских географических открытий в северной части Тихого океана обнаруживается два подхода.

Так, В. Робертсон вопреки фактам отрицал открытие Берингом и Чириковым северо-западной Америки и ни словом не обмолвился о географических открытиях русских промышленников XVII и XVIII вв., хотя располагал соответствующими материалами. Более того, Робертсон не признавал того факта, бесспорность которого была уже полностью доказана академиком Г. Ф. Миллером, что Семен Дежнев и Федот Алексеев Попов обошли Чукотский полуостров.

Против этого преднамеренного искажения исторической правды выступил соотечественник и современник Робертсона английский путешественник и историк Вильям Кокс. В целях правдивого освещения истории русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах он 12 декабря 1778 г. направил письмо Миллеру, в котором изложил мотивы, побудившие его обратиться с просьбой прислать ему соответствующие материалы о русских тихоокеанских экспедициях. «Так как много ложных слухов и противоречивых мнений распространилось о новых открытиях,— писал Кокс,— я полагаю, что окажу своим любознательным соотечественникам немаловажную услугу, показав им то, чему они могут поверить... Мне удалось достать карту части Восточного океана со вновь открытыми островами, выполненную Очерединым и еще другую карту работы Синдта — карту Камчатского берега и его плавания к северу океана, когда он открыл на небольшом расстоянии от северо-восточного берега Сибири землю, которую он принял за часть главного континента Америки. Эта самая карта, которая была послана Бюффону»¹. Далее Кокс

подчеркивает важное значение плавания Синдта, которое может дать, по его мнению, существенные предпосылки для освещения вопроса, принадлежит ли вновь открытый берег к Американскому континенту или нет.

Кокса возмутило заявление Робертсона в его книге «История Америки» о том, что якобы ни один русский корабль никогда не обходил вокруг Чукотского Носа. «Однако, несколько лиц мне заявляли,— продолжал Кокс,— что хотя ни одно правительственное судно не погибало этот мыс, но что это выполнили несколько частных кораблей». И затем Кокс обратился с просьбой к Миллеру сообщить ему авторитетные источники, чтобы он имел возможность «проверить вышеприведенное утверждение».

В многочисленных работах, опубликованных Коксом, дана объективная оценка русских географических открытий в северной части Тихого океана. Его труды, базирующиеся на документальных материалах, сохраняют и поныне свою историческую и научную ценность.

* * *

Меркаторская карта, составленная Креницыным во время его плавания в 1768—1769 гг. от Охотского устья до Аляски, свидетельствует о значительном прогрессе в области картографии. На ней, по сравнению с картами Беринга и Чирикова, более точно нанесены острова Алеутской гряды, приведены новые данные о Камчатке, Алеутских островах, Аляске и занятиях алеутов. О более глубоком изучении условий плаваний в районе Алеутского архипелага свидетельствуют пояснительные надписи: около острова Большой Ситкин — «Высокая сопка, выше всех протчих, которая по объявлению промышленных в 1764 г. весьма горела и сажей бухты заметала и много тушунных жителей померло, а остальные разъехались по другим островам» (по-видимому, в данном случае зафиксирован факт вулканического извержения); против острова Саннахкак (Санак) — «По объявлению промышленных есть жила 4 юрты и ловятся бобры, весь в утесах и подводные камни. Только по сию сторону (юго-восточную) есть бухта небольшая, в которую можно входить промышленным судам».

С навигационной точки зрения особый интерес пред-

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 546, II, д. 9, л. 16—16/об.

ставляет меркаторская карта плавания гукора «Св. Павел» под командой Левашева от Большерецкого устья до р. Камчатка¹.

Следует также отметить карту под названием «Карта плоская морской секретной экспедиции под главную команду Креницына» (1768 г.), на которой нанесены глубины в Аляскинском заливе и у берегов Аляски.

28 октября 1771 г. Адмиралтейств-коллегия поручила А. И. Нагаеву подвергнуть научной обработке материалы о новых географических открытиях. По материалам Беринга и Чирикова, Креницына и Левашева А. И. Нагаев составил общую карту, полагая, что только при этом условии можно определить то, что сделала последняя экспедиция. «Почему все находимые ими в пути плаваниях их по Восточному океану берега от Камчатской и Чукотской земли и берега положил я по точным каждого плавателям исправленным мною счислениям на одну общую меркаторскую карту в самых тех пунктах ширины и разности длины от залива в Камчатке Авачинской к востоку, в которых они, плователи, те места изобретали по именам теми же, которая часть земли или остров, кем прежде найдены и наименованы в границах пеленгов оными описателями виденных, различа при том на оной карте пути их и изобретенные ими земли разными колерами, а именно: Беринговы означал голубым, Чириковы — красным»². На карту были также нанесены маршруты плавания купца Шилова.

И наконец, в 1777 г., по данным Креницына, В. Крайников составил карту Алеутских островов, которая вручалась мореплавателям, отправлявшимся к берегам Аляски (Атлас, 1964).

Существенный вклад внес Креницын и в другие области научного знания. П. Паллас по его отчету составил описание геологии и минералогии северных берегов Тихого океана (Криштофович, 1926, стр. 40).

Известно, что ни одно, даже самое выдающееся открытие в любой области знаний не дает исчерпывающего решения проблемы. Оно только раздвигает рамки для

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23752. Имеется два экземпляра. Один из них подписан М. Левашевым. Оба экземпляра составлены штурманом Яковом Шабановым.

² ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 4, л. 68.

новых открытий и научных подвигов. И русские постоянно ощущали потребность в новых поисках. Вскоре же по завершении экспедиции Креницына и Левашева Т. И. Шмалев предлагает организовать новую экспедицию к берегам Америки, заявляя о готовности принять в ней участие под руководством Д. И. Чичерина, хорошо знавшего северо-восток Азии. В письме на имя Миллера от 21 января 1771 г. Шмалев писал, что за 17 лет службы ему «тамашние края и обстоятельства известны, чтоб повелено было принять на себя по ревности моей с охотою желаю»¹.

По следам Креницына и Левашева двинулись промышленники и купцы, но на их судах теперь, как правило, находились опытные штурманы — моряки флота, почему и качество описей и карт значительно улучшилось.

Глава 3

Географическая и астрономическая экспедиция

Географическая и астрономическая экспедиция в северо-восточную часть России была учреждена 8 августа 1785 г. Ее начальником был назначен англичанин на русской службе Иосиф Биллингс, участвовавший в качестве юнги в третьем путешествии Кука, а его помощниками — тоже англичанин на русской службе лейтенант Р. Р. Галл², незадолго до этого произведенный в лейтенанты Г. А. Сарычев и Х. Т. Беринг.

Экспедиции поручалось обойти северо-восточную оконечность Азии и Чукотский полуостров и доказать возможность плавания из Северного Ледовитого в Тихий океан. Этому придавалось большое значение в связи с тем, что английский мореплаватель Кларк после путешествия Джемса Кука сделал вывод о бесполезности поиска северо-западного или северо-восточного прохода, вопреки утвердившемуся мнению ученых о существовании пролива между Азией и Америкой.

¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 528, II, д. 6, л. 6.

² Галл Роман Романович (1761—1844), выходец из Англии, впоследствии адмирал русского флота. «Общий морской список», ч. III. СПб., 1890.

Указ от 8 августа 1785 г. обязывал произвести обследование «всей цепи островов, к Америке простирающихся, и для новых открытий с полезными и необходимыми к тому примечаниями». Особое внимание обращалось на острова «мало посещаемые и несовершенно известные, лежащие вдоль и под ветром сих берегов на восток острова Унимака и большого носа Аляски, составляющего часть матерой земли, как например: Саннах [Санак], Кадьяк и Лесной, острова Шумагин и Туманный» (Сарычев, 1952, стр. 34).

При открытии экспедицией новых земель или островов, населенных или ненаселенных и никакой европейской державе не принадлежащих, «стараться оные присвоить скипетру российскому» и хорошим отношением завоевать доверие аборигенов: «Как таких людей без сомнения никто из европейцев не успел еще огорчить и раздражить, то и должно быть первое старание ваше поселять в них хорошее понятие наипаче о россиянах».

В разработке программы этой экспедиции, как и знаменитой экспедиции Беринга и Чирикова, участвовала Академия наук. Среди многих научно-исследовательских задач инструкция Академии наук предписывала Биллингсу «собирать все, что касается до нравов, разных обычаев, языков, преданий, древностей» (Штернберг, 1926, стр. 152).

Врученное Биллингсу наставление предписывало: следовать шитиками от восточного устья Колымы до Восточного мыса, «определяющего восточный конец Сибири», идя вдоль берега морем и «простирая свои изыскания и путешествия, употребляя различные способы, так далеко, как того обстоятельства, безопасность и польза службы потребует... сочинить точные карты, означить места, которые вам случится видеть... снимать везде виды признакам земли и важнейшим и явственнейшим предметам». Биллингсу предлагалось также обстоятельно разузнать о земле чукчей, силе и нравах их и постараться «своим поведением споспешествовать утверждению сего народа в зависимости народа в зависимости России и в добром мнении о кротости правления, под которым они находятся» (Сарычев, 1952, стр. 286).

Экспедиции были выделены инструменты и приборы для ведения астрономических, геодезических и метеоро-

логических исследований. Ее снабдили также лингвистической инструкцией, четырнадцатью картами и выписками из журналов прежних «путешественников, начинающая от 1724 по 1779 год».

Инструкция Адмиралтейств-коллегии предлагала Биллингсу соблюдать строжайшую тайну: «Отнюдь и ни под каким видом не должны вы открывать никому о намерениях и делах экспедиции вашей..., а и того паче показывать кому-либо сие или другие данные вам для того наставления...» (Сарычев, 1952, стр. 281).

Для выполнения обширной программы научных исследований в условиях сурового края требовались специалисты различных областей знаний, способные перенести неизбежные тяготы и лишения. В экспедицию были назначены: доктор Карл Мерк, его помощник Данила Гауз, Иван Мейн, Карл Кребс, лекари Михайла Робек, Петр Алегрети, подлекари Антон Лейман, Василий Волошенев, штурманы Гаврила Прибылов, Сергей Бронников, Антон Батаков, подштурман Иван Кондратов, геодезисты Алексей Гилев и Осип Худяков, рисовальный мастер Лука Воронин, механик Иосиф Эдвардс, армейский капитан Тимофей Шмалев, ученый самоучка-чукча Николай Дауркин, секретарь Мартын Соур, согник Иван Колбелев и другие — всего 141 человек (Сарычев, 1952, стр. 35—37, Алексеев, 1961).

Для участников экспедиции предусматривались большие награды и досрочное повышение в воинских званиях: Биллингсу сразу же был присвоен чин капитан-поручика, при достижении устья р. Колымы — капитана 2-го ранга, а по прибытии к мысу Св. Ильи предоставлялось право «объявить себе чин флота капитана первого ранга».

Всем офицерам по достижении устья р. Колымы присваивался новый чин, а по прибытии к Аляске — следующий. Все перечисленные выше лица настойчиво добивались назначения их в экспедицию.

Так, 5 сентября 1785 г. 20-летний Лука Воронин, только что окончивший Академию художеств, послал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву следующее письмо:

«Узнав от господина коллежского советника Палла-са, что в некоторую Экспедицию, отправляющуюся по высочайшему е. и. в. повелению в восточную страну рос-

сийского государства потребен рисовальный мастер, я тем охотнее на сие согласился, что более буду иметь случаяев доказать мою любовь и благодарность к моему отечеству, которыми должен за воспитание, доставленное мне в Академии художеств, несмотря на обещания и обнадешивания, какие мне предлагают в сей Академии, я сочел сей путь способнейшим к достижению моего счастья и надеюсь, что ваше сиятельство меня в сем вашей милостию не оставите»¹.

А вот что писал механик Иосиф Эдвардс: «Во время пребывания моего здесь в Санкт-Петербурге доказал я довольно успех в механике, а особливо в часовом мастерстве... Любопытство и желание быть полезным доставляют мне оставить сие место и следовать в вышеписанную Экспедицию».

Геодезист Иван Копман, мотивируя свою просьбу о назначении его в экспедицию, писал: «Я воспитан в шведской морской школе и имею сведения не токмо о некоторых началах мореплавания, но также о географии; па-че же всево прилежал я к снятию карт и по сей части трудился уже для господина Биллингса, который не преминет свидетельствовать в сем случае о моих посильных дарованиях».

Экспедиция отправилась из Петербурга сухим путем. Выхав в сентябре 1785 г., Сарычев прибыл в Охотск 27 марта следующего года, и, не теряя времени, начал заготовливать материалы для постройки двух судов, названных позднее «Слава России» и «Доброе намерение». В июле в Охотск приехал и Биллингс, а следом за ним и капитан-лейтенант Галл.

1 августа Сарычев отправился в Верхнеколымск, вскоре туда выехал и Биллингс. К этому времени для экспедиции были построены два судна — «Ясашна» и «Паллас». Командование первым кораблем принял на себя Сарычев, а вторым — Биллингс.

24 июня начальник экспедиции, как это было предусмотрено, объявил себе чин капитана 2-го ранга. В тот же день корабли снялись с якоря и вышли из устья Колымы в Ледовитое море.

Укрываясь от льдов, двигавшиеся у самых берегов

¹ ЦГАВМФ, ф. 972, оп. 1, д. 414, л. 135—135/об. Документ опубликован А. И. Алексеевым (1966, стр. 94). При этом ссылка сделана на ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 589, л. 135.

суда заходили в бухты. 28 мая Биллингс на берегу между Большим и Малым Барановыми камнями основал обсерваторию. 1 июля корабли пошли на север, но из-за плохой видимости (не более двух сажен) судам с трудом удалось отойти от берега не более чем на 20 миль, отсюда они повернули обратно, «ибо высокие и большие льды, коим не видно было конца покрывали впереди все море, и ударяющиеся об них волны производили ужасный шум»¹.

Медленно продвигались корабли. 19 июля миновали Большой Баранов камень. Прошли еще около 11 миль. Громадные льдины преградили путь, и судам пришлось укрыться за мысом. Созванный Биллингсом совет офицеров единодушно решил: «За невозможностью для великих льдов следовать далее и за поздним временем возвратиться назад». 26 июля вернулись в устье Колымы (Алексеев, 1966, стр. 50).

В. Берх, И. Ф. Крузенштерн, Н. Н. Зубов подвергли Биллингса критике за отказ от дальнейших попыток пробиться на восток для достижения поставленной перед ними главной цели. Но М. И. Белов (1956, стр. 423), М. Б. Черненко (1957, стр. 127) и А. И. Алексеев (1966, стр. 75—78) считают, что много выхода не было.

Недовольная медлительностью Биллингса Екатерина II подписала 20 июня 1787 г. указ «О возвращении обратно... Биллингса со всею командою при нем находящейся». Иркутский и Колыванский генерал-губернатор И. А. Пиль решил, что надо немедленно спасти важное предприятие. И 3 августа он уже послал ответ на упомянутый указ, полученный в Иркутске только 5 августа следующего года.

Между тем в Иркутске стало известно, что к берегам Камчатки вышел снаряженный на средства английского правительства шведский капер «Меркурий» под командой английского морского офицера Кокса.

Учитывая, что главные силы и средства в России сосредоточены для решения черноморской проблемы и

¹ Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина, рукописный отд., ф. IV, № 874, л. 495; в ЦГАВМФ хранится «фонд Биллингса», содержащий корабельные журналы и карты экспедиции. На английском языке журнал опубликован Соутом: M. Sauer. An account of geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by Commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802.

закрепления обретенных ранее позиций на Балтийском море, Англия решила воспользоваться благоприятной ситуацией.

В этих условиях экспедиция Биллингса должна была показать европейским державам, что у России имеется достаточно сил для защиты ее интересов на Дальнем Востоке.

И. В. Якоби предложил передать Шелихову и его товарищам исключительное право на звериный промысел у берегов Аляски и прилегающих к ней островов, «отвести их [местные народы.—В. Д.] гораздо далеко от образа нынешней их жизни, нужно только, чтобы препоручено оное было тому, кто на опытах показал свою в том способность»¹, а также построить на острове Афогнак и «матерой американской земле сколько можно ближе полезно два полевые укрепления с углубленными и ширины довольной рвами, кои никакого не будут иметь в себе затруднения относительно самого их построения для казны».

Для заселения вновь открытых земель Якоби советовал использовать раскольников и других беглых людей, но не говорить об этом открыто, «дабы тем не подать повод к многим бегствам и беспорядкам».

И. А. Пиль, принявший от И. В. Якоби управление Иркутской и Колыванской губерниями, продолжал линию своего предшественника. Он начал с попытки ускорить постройку судов в Охотске. В письме к А. А. Безбородко Пиль писал: «Господин Биллингс, начальник той экспедиции, до самого почти моего прибытия сюда оставался, сколько мне известно, без всякой нужды в Якутске, а изготовление морских судов и всего к тому потребного заведения подчиненные ему; поелику же без начальника и подчиненные радеют о возложенном на них не с тем усердием и попечением, какового толь важное дело от них требовать может, то и придаю прозорливому суждению Вашему, чего мне должно будет ожидать от сей экспедиции».

В начале июня 1789 г. Биллингс прибыл в Охотск. 10 июня на воду была спущена «Слава России», а «Доброе намерение» находилось на стапелях. «Все были в работе,—записал в журнале Биллингс,—заняты, кто

оснащением, кто вооружением и приготовлением всех вещей, потребных к выходу в море; и все были в добром духе»¹.

27 августа «Слава России» вышла на Охотский рейд, а 8 сентября «сделался большой прилив с моря и всяк думал, что лучшей погоды ненадобно для вывода нашего второго судна». Проводкой корабля руководил опытный лоцман Г. Ловцов. «Доброе намерение» буксировали две байдары и три бота. В половине десятого наступил полный штиль, и судно оказалось вблизи песчаной банки. Внезапно с юго-восточной стороны задул свежий ветер, а затем налетел шторм; волна понесла судно к берегу, и спасти его «от совершенного разрушения было даже свыше сил и искусства человеческого». От корабля осталась гряда обломков.

Нагруженная спасенными товарами и различными материалами с потерпевшего кораблекрушение судна «Слава России» 19 сентября взяла курс к берегам Камчатки. Через три дня моряки заметили единственный в открытой части Охотского моря небольшой каменистый остров, окруженный подводными и надводными камнями. Его открытие для всех было полной неожиданностью. Биллингс назвал его островом Св. Ионы, определил широту (56°55' с. ш.) и нанес на карту. 3 октября корабль вошел в Авачинскую бухту, где и перезимовал. 9 мая 1790 г. «Слава России» под командой Биллингса покинула Авачинскую бухту и в начале июня достигла острова Уналашка.

Когда Биллингс и Сарычев находились в море, Пиль был извещен о том, что капер «Меркурий» действует у берегов северо-западной Америки. В связи с возможным нападением на Петропавловск Пиль еще 29 февраля 1790 г. приказал принять меры к тому, чтобы ни одно иностранное судно «не могло приставать к гавани до тех пор, покуда не изведается со стороны нашей, что сии иностранцы несут для нас, опасны или вредны». Впускать в гавань разрешалось небольшие байдарки с несколькими моряками, «от коих гораздо удобнее узнавать нашим служителям о состоянии их судов и о самых предприятиях оных»².

Иркутский генерал-губернатор обращал внимание

¹ ЦГАВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 159, л. 338/об.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 64, л. 143—143/об.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 62, л. 28/об.

В. Шмалева на необходимость «смотреть при сем должно на вид флагов, иностранными судами на себе имеющих, да и самую национальность народа разбирать, елико можно прилежнее, дабы иногда под видом почитаемых доброжелателей России, не вкрался другия противного сему названию люди; умалчивая же здесь о англичанах, которые давно уже силятся похищать сокровища не им, но России принадлежащие». Если иностранные суда, вопреки запрещению, все же станут врывать в гавань, надлежало всеми средствами отразить нападение. Промышленникам разрешалось выходить в море только при условии вооружения их судов пятью или шестью орудиями.

Биллингу же предписывалось при обнаружении шведского капера преследовать его и «удержать намерение капитана Кокса в стыд и поношение выдуманному ему и как в случае сем наиболее руководствоваться вы обязаны собственным благоразумием и благоприятностию времени, то я и уверен, что сей способ предохранит вас от всякой опасности и водворит на тамошних водах желаемое спокойствие и свободу для промышленников российских столь пужную». И далее: «Надлежит вам расположить себя, дабы нигде капитану Коксу удачи не было, и чтобы надежда, которую он питается в грабительстве, действительно не вменялась по пределам России подвластным».

При встрече с иностранными судами предписывалось соблюдать осмотрительность, но вместе с тем всеми силами «защищать те заведения, которые у берегов пространного океана и Охотского моря... от всякого нападения, прогоняя шведский капер, ежели не мужественным образом, так по меньшей мере хотя благоразумными, но однако же деятельнейшими способами».

Помимо выполнения главной задачи (не допустить нападения иностранных кораблей на Камчатку, Алеутские острова, Аляску и т. д.) экспедиция Биллинга и Сарычева провела большие научные исследования.

Г. А. Сарычев описал Бобровую бухту и Капитанскую гавань. Биллингс изучал занятия аборигенов, их обычаи, обряды, верования. С большим мастерством описал он внешний вид уналашкинцев, характерные черты лица, одежду. «Они среднего роста и еще несколько пониже, и ни одного уналашкинца я не видел,

Г. А. Сарычев



которой бы выше был среднего роста. Все смугловаты с оттенком черноты. Лицо широковатое. Глаза по размеру лица маловаты, и углубленные в ямах, волосы на голове, в бровях и на теле черные и крепковатые; скуловые кости высоки; уста пропорциональные; нижняя губа имеет две скважины, в которые продеваются перья или обделанные косточки вместо украшения: уши у иных не проколоты, а у других украшаются бисером и родом янтаря, у некоторых мужчин, однако таких мало, я заметил, что носовая перегородка имеет на себе дырочку, подбородок мал и кругловат; а бороды очень мало. Вообще сложение тела их хорошее: они статны, и весьма проворны на маленьких своих байдарах, которых они держат в великой чистоте. Ни какими красками они тела своего не мажут и наблюдают около себя всевозможную опрятность. Женский пол у них крепкотел и плотен; главы своей никогда не покрывают; на каждой щеке имеют две чисто пунктированные черты, от ушей до носа; и самой подбородок у женщин пунктирован вдоль короткими, правильными и плотными черточками»¹.

Жители острова с большим радушием встречают всех, кто приезжает к ним с добрыми намерениями. Усаживая гостя при входе в юрту, подносят чашку холодной воды, а затем угощают кусочком хрящевины от ки-

¹ Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина, рукописный отд., Ф. IV, № 874, л. 374. В дальнейшем ссылка будет даваться: Журнал Биллинга.

того пера, рыбой, сараной, ягодами, мясом морского льва и китовым жиром, причем все должно быть съедено или унесено с собой.

Семь дней «Слава России» находилась у острова Уналашка. Между морьяками и алеутами установились дружеские отношения. Ежедневно островитяне доставляли морякам свежую рыбу «в таком достаточном количестве, что все люди нашего судна тем довольствовались» (Сарычев, 1952, стр. 145).

17 июня корабль, выйдя из Бобровой бухты, направился к Шумагинским островам. В исследовании обширного и малоизученного района русским помогали два алеута, один из них «изрядно говорил по-русски», и одна алеутка. От них мореплаватели узнали названия семи островов из группы Шумагина: два более крупных — Унга и Нагай, Кагау, Салюктусик, Ньюняк, Тах-Киняк и Кюною-Танавы. От намерения идти между островами, чтобы иметь возможность лучше их осмотреть и описать, пришлось отказаться, так как было установлено, что «подводные камни лежат цепью от одного острова до другого», что видно было «по беспре-
станному тут плесканию воды».

Шумагинские острова, по описанию Биллингса, гористы, «голы, в чем один уподобляется другому, хотя образование и величина их различны и виды их очень странны, нельзя приметить ни самомалейшего куста, а больших деревьев подавно нет. Низкие места кажутся довольно зелеными, но все высоты и горы имеют оттенок темноватую. В иных местах утес крутизною опускается в самое море, в других — видны острые мысы, есть и кругловатые». Почти все острова окружены надводными и «потаенными камнями, на самих берегах и вдоль их примечается повсюду сильной бурун, которой предостерегает мореплавателей от опасного к ним приближения, а хотя кое-где видны отверстия, будто как какие-нибудь бухты, а может быть и заливы, однако не совету никому туда идти не зная фарватера. Пролива между ними не примечено, где бы могло судно пройти без всякой опасности. А лучше ехать к югу или от юга на север тем проливом, которой отделяет сии острова от матерой земли»¹.

¹ Журнал Биллингса, л. 390.

25 июня «Слава России» подошла к Евдокеевским островам (Семиди), их насчитывалось семь, три из них имели названия: Алексиный, Семидин, Агеях, а четыре были безымянными. Они также гористы и окружены множеством надводных и подводных камней. Глубины достигали 40 саженей (Сарычев, 1952, стр. 148—149).

Вскоре моряки заметили приближавшиеся к кораблю двух- и трехместные байдары. Среди прибывших находился один русский промышленник. По его словам, он с 300 островитянами был послан с острова Кадьяк на промысел — за сивучами и птицей.

Наступил штиль. Корабль дрейфовал вдоль пролива. Биллингс и корабельный врач сошли на берег. Птицы не обращали никакого внимания на охотников, по видимому, на острове редко бывали люди. По описанию Биллингса, южная оконечность острова Кадьяк (Кук назвал ее Троицыным мысом) вытянулась далеко в море. На западной стороне виднелись невысокие горы, а между ними долины, лишенные какой бы то ни было растительности.

«В 3 часа по полудни, — писал Биллингс, — я сам поехал с натуралистом на берег и нашел каменистой остров, составленной из гранита с другим весьма крепким серым камнем, на низких местах земля имеет цвет слегка темноватый и смешана с мелким белым песком. Мы собрали много цветочков и приметили малую породу ивнячка, которому не более 7-ми вершков вышины. Отсея, расстоянием в 8 или 9 милях в OtS увидели большой остров, на котором есть жители; он нам казался низким и длинным. Видели мы Еврашек [остров] и того же рода гусей, какие были на Уналашке. В 6 часов мы возвратились на судно, услышавши выстрел пушечный».

Воспользовавшись попутным ветром, «Слава России» направилась к юго-западному мысу острова Кадьяк и встала на якорь.

Пополудни ветер усилился, и к десяти часам вечера «с умеренным марсельным западным ветром и с порывистыми шквалами подъехали мы к небольшому островку Насикану»¹, примечательному двумя круглоглавы-

¹ Г. А. Сарычев называет его Насикак (1952, стр. 150).

ми горами. Поэтому английский мореплаватель Кук назвал его двуглавым мысом; другой мыс, названный им мысом Варнавы, «есть нечто иное как юго-западный конец небольшого острова Кунакана, которой стоит в двух милях от Кадыяка. Между сим островом и тем, что назван мысом о двух главах (Two Readed) находится пролив, чрез которой въезжают в бухту». 29 июня на рассвете «Слава России» вошла в бухту. Встречный ветер препятствовал входу в гавань Трех Святителей «особливо потому, что глубина велика и нам нельзя было опустить малого якоря, чтобы по ним тянуться», и поэтому решили идти вдоль западного берега и вскоре вошли в малую гавань с небольшими глубинами.

Против мыса было замечено два островка, разделенных проливом шириной в три мили, дно органического происхождения: из раковин и кораллов. Один из них, низкий и бесплодный, окружен песчаными отмелями, именуется местными жителями Тугьяк, другой, названный Куком Троицыным островом (Тринита), «на середине низок, и тут есть бухточка, но по концам он высок», местные жители именуют его Сихтунах (Ситки-нак).

С острова Кадыяк на судно прибыл управитель русского поселения, заведенного Шелиховым. Тем временем корабль при помощи бечевых ввели в гавань Трех Святителей. Вечером моряки съехали на берег и осматривали русское поселение, расположенное на южной стороне гавани. Оно состояло из нескольких землянок, одного амбара и двух изб. Здесь жили русские промышленники, их управителем был Деларов — грек на русской службе. На берегу моряки установили астрономическую палатку.

Островитяне «с великим любопытством осматривали судно наше. Более всего дивились величине и отличности его от купеческих галиотов. Для продажи ничего нам не предлагали, как видно по боязни от русских промышленников, которые, кроме себя, другим продавать запрещают» (Сарычев, 1952, стр. 151).

«Селение сие велико,— отметил Биллингс,— ибо состоит из множества юрт»¹.

Русских моряков приняли с большим радушием. Бы-

стро подготовили одну юрту, набросали травы на пол и накрыли рогожками, женщины разукрасили лица и оделись в лучшие платья. Вскоре появился старик, который объявил, что Шелихов назначил его главой селения, а затем бережно развернул небольшой «простаго письма образ в свинцовых рамках аки знак его власти, для показания всякому, что он тутошний глава».

Биллингс сделал много зарисовок быта, обычаев и нравов жителей острова Кадыяк. Подобно уналашкинцам они прокалывали нижнюю губу и носовой хрящ, а в нос вставляли безделушки, которые «у них почитаются щегольством». Тело разрисовывали самыми причудливыми узорами. Носили меховые платья. Одежду украшали небольшими раковинами, клювом морского попугая, но предпочтение всегда отдавалось янтарю. Шляпы носили соломенные, но «есть у них шляпки деревянные, с резными на них головками разных морских животных». С американского берега «чрез торговлю получают кожаное платье, называемое камлей, и парки, выделенные из кож разных зверей, а дают им в обмен всякия, какия у них есть, безделушки».

Интересны некоторые детали, характеризующие брачные отношения. Жених обычно покупает себе невесту, но тот, кто отличался проворством и искусством на охоте, «тот всегда сыщет себе жену даром. Она ему дается, как скоро он попросит ее у отца. Жених, взяв ее, кладет спать с собою. Поутру, проснувшись, идет за дровами, натопляет баню, и сам с молодою и со всеми гостями обоего пола парится и мсется без зазора. Потом молодою остается жить у тестя, до тех пор пока жена родит ему первого ребенка, тогда позволяется ему жить с женою, где он захочет. Многосженство у них бывает в употреблении, однако в таком случае первая жена может отойти от мужа и выйти за другога, когда она с ним не имела детей».

При похоронах соблюдались обряды, распространенные и у других народов, находящихся на ранней стадии общественного развития. Умершего одевали в лучшее платье, в землю клали принадлежавшие покойнику украшения, стрелы и прочие вещи, а «ежели умер бедной человек на открытом воздухе, тут делают яму, в которую стелют кожу морских зверей, и самого покойника ими же покрывают, потом засыпают землей, кожа, из

¹ Журнал Биллингса, л. 405.

которой его байдара сделана, раздирают, а само дерево ломают в куски и кладут». Когда умирал богатый человек, убивали любимого его служителя и клали с ним рядом, а если умирала богатая женщина, то убивали любимую ею служанку и хоронили их вместе. Могилу обкладывали стрелами, крапивными нитками и камнями.

Основное занятие жителей Кадьяка — морской промысел и охота. Установленный обычаем промысловый календарь разрешал в конце февраля вести к югу от Кадьяка охоту на котика и тюленя, в апреле и мае — на морских бобров вокруг Кадьяка или далеко в океане; в июне, когда бобров становилось мало, начинали ловить рыбу и тюленей. Рыбу ловили при помощи дротиков, заменявших остроги. Нередко рыбу выбрасывало морской волной на берег «в великом изобилии». В сентябре островитяне получали богатый улов красной рыбы: «...сих рыб великой лов бывает до самого сентября и оне весьма вкусны».

Важным источником питания были травы и ягоды: в июле собирали сарану, сначала ее варили, затем укладывали в кадку и заливали рыбьим жиром. Впрок заготавливали также и траву-кислицу: рыли яму, дно ее застилали травой, затем клали слой кислицы, поверх ее — слой китовины, и яма покрывалась землей.

В октябре островитяне возвращались в зимние жилища «и всяк привозит с собою свой припас, которым он может пропитаться, не завися друг от друга».

Своеобразны были и предметы домашней утвари. Деревянные блюда и тарелки вырезали из крепкого дерева и украшали косточками, хрусталиками, бисером и зубами различных животных. Из морской травы сплетали корзинки так плотно, что они удерживали воду. Чтобы сварить пищу, корзинки ставили на раскаленные камни. Горшки делали из глины, ножи — из яшмы и крепкого аспида.

Основное оружие островитян — дротики или копья, длиной в две сажени. На одном конце дротика прикрепляли пузыри, удерживавшие его на воде, на другом — насаживали остроги для прокалывания китов и тюленей.

Обычно для промысла за китом использовалось особое оружие — длинное бодило, имевшее вид широкого обоюдоострого ножа. При помощи дротика бодило выстреливалось и вонзалось в тело животного, после чего

ловцы могли быть уверены, что «сей кит в скором времени будет лежать мертв на их берегах». Бодило из камня и черепка раковины применялось также для охоты за другими морскими животными.

Копья с перьями, луки и стрелы использовались при охоте за бобрами и другими морскими животными, а также за птицами.

Для рыбной ловли употребляли крючки из косточек, а лесу — из морских растений, свитых с китовыми усамми. Лодки или байдары (одноместные и двухместные) кадьякские были значительно тяжелее, чем уналашкинские.

В ноябре окончание сезона рыбной ловли отмечалось празднествами, продолжавшимися всю зиму. Островитяне ходили друг к другу, пели и угощали гостей всем, что было запасено, плясали: «Плясуны имеют лицо, росписанное красками, и держат в руках гремушки, сделанные из двух или трех обручиков разной ширины, скрепленные поперечною палочкою, украшенною перьями, которая служит вместо рукоятки; а к тем обручкам привязано множество клювов морского попугая; так что потрясывая их в такту по биению в бубен, происходит от сего весьма громкая стукотня»¹.

6 июля «Слава России» снялась с якоря и направилась на север вдоль Кадьяка; остров изрезан заливами и бухтами, многие из которых пригодны для якорной стоянки крупных кораблей. Через два дня вошли в Кенайский залив, ошибочно названный Куковой рекой. В ее устье был замечен небольшой островок и вдали мыс Св. Елизаветы, но подойти к ним помешал туман и встречный ветер.

12 июля туман рассеялся. Открылся гористый американский берег. Вскоре на горизонте показались две байдарки с сидящими в них «американцами». Не доходя немного до судна, остановились, распростерли руки и повторяли: «ляли, ляли». Моряки приглашали незнакомцев на корабль, «но они не скоро на сие решились, и, по многом уже от толмачей наших уверении в безопасности, осмелились пристать к судну и с немалым страхом взошли на оное» (Сарычев, 1952, стр. 154). От них стало известно, что видимая впереди губа называется

¹ Журнал Биллингса, л. 510.

Нука и что к востоку от нее «кажущийся мыс» в действительности остров. Сообщив, что в губе имеются заливы, удобные для якорной стоянки, они пригласили моряков в расположенное неподалеку селение.

В журнале Биллингса события этого дня описаны несколько иначе. «В трех милях от берега... приехали к нам двое островитян в своих лодках; и сделали обыкновенные свои знаки дружества, т. е. перестали грести и распростерли руки в доказательство, что у них нет неприятельского оружия: мы сделали то же и подняли флаг, тогда они подъехали к нам и наконец взошли в брод; принесли с собой молодую морскую выдру, простую еще выдру, да молодого тюленя, которого только что убили и содрали с него кожу. Мы им дали табак».

19 июля «Слава России» вошла в Шугачскую (Чугачскую) бухту и встала на якорь против острова Цукли (Монтегю). Поскольку экспедиция достигла пункта, указанного Адмиралтейств-коллегией, 21 июля Биллингс торжественно объявил, что по праву присваивает он себе чин капитана 1-го ранга.

Сарычев вместе с шихтмейстером Гаузом и с 16 служилыми отправился на баркасе осмотреть местность и установить, «матерая ли то земля или остров».

25 июля недалеко от залива Нучек Сарычев и его спутники ночевали вместе с несколькими семьями «американцев», выехавших на промысел. Часть из аборигенов жила в шалашах, составленных из досок, другая — под тремя опрокинутыми большими кожаными байдарками. «Приметно было, что они сначала нам не доверяли и несколько боялись. Я обласкал их и уверял, что мы обиды им никакой не сделаем, а хотим быть друзьями. Тогда они, указывая на солнце, свидетельствовались оным, что худого намерения против нас не имеют: «Вы к нам ласковы,— говорили они,— и лучше поступаете, нежели прежде бывшие здесь на судах, так за что мы с вами будем ссориться?»» (Сарычев, 1952, стр. 158).

Приближалась осень, и, поскольку запасы продовольствия и пресной воды подходили к концу, решено было возвращаться на Камчатку. Сарычев сожалел, что из Петропавловска не был послан транспорт с провизией на остров Кадьяк. «Тогда бы не имели мы надобности итти зимовать в Камчатку,— пишет он,— а с пользою могли бы употребить сие время на осмотрение амери-

канских берегов, лежащих далее к югу¹, и, препроводя зиму в теплых странах, в марте месяце возвратиться опять к северу, наместо того, что в Камчатке без всякого дела должны жить семь месяцев праздно».

На обратном пути морякам пришлось перенести большие лишения. «К 6 числу октября пресной воды оставалось у нас семь с половиной бочек, а до Петропавловской гавани должно еще было пройти 350 миль, почему убавили мы дачу воды и стали производить по восьми только чарок в день на человека как на варение пищи, так и на питье. Некоторые недостаток в воде сносили терпеливо, но многие чрезвычайно мучились жаждою и для утоления оной держали во рту свинец. Несказанно радовались, когда шел дождь, тогда каждый старался собирать его всеми возможными способами. Будучи в таком положении, малейшая перемена ветра производила сильное действие в душах наших. При благополучном все восхищались надеждою скорого прибытия в гавань, рассчитывали ход судна, оставшееся расстояние и время, в которое должны увидеть возжеланный для нас берег. Но восставший вдруг противный ветер часто разрушал надежду нашу и обращал в ничто все наши расположения. Тогда с видом прискорбия взглядывали мы друг на друга с молчанием и удалялись в свои каюты».

Сквозь туман, нередко при противных ветрах, судно все же приближалось к берегам Камчатки. 10 октября показался Шипунский мыс и высокая Виллючинская сопка. Но в Авачинскую бухту «Слава России» вошла только 13 октября. «Нельзя описать той радости,— пишет Сарычев,— каковую чувствовали мы, достигнув до пристанища и окончив благополучно плавание наше. Вода у нас вся почти вышла, и ежели б противные ветры продержали нас еще сутки с двоим в море, тогда бы мы были в самом бедственном положении». Но, несмотря на невзгоды, все участники труднейшего плавания оказались вполне здоровыми. «Удивительно,— рассказывает Сарычев,— что употребляя толь малое количество воды, и то протухлой, все мы были здоровы и не чувствовали

¹ Соур в своих записках отмечает, что Сарычев и другие офицеры предлагали оставить труппу моряков в заливе Вильяма для географического описания территории, но с этим не согласился Биллингс.

от того худых следствий. Когда привезли к нам с берегу свежую воду, все бросились утолять свою жажду, и тогда казалось, что мы во всю нашу жизнь не пивали никогда вкуснее сего напитку».

Снова в морском вояже

Зимовала экспедиция в Петропавловске-Камчатском. В начале мая 1791 г. все приготовления к морскому походу были полностью завершены. Чтобы очистить путь для выхода в море, боты и портовая байдара начали разламывать лед в Петропавловской гавани. В полдень высаженная на берег группа людей бечевою тянула судно из бухты, и «Слава России» вышла на внешний рейд. «Мы были вне устья губы,— записал Биллингс,— стали на якорь, подняли флаг и укрепили судно наше малым якорем на обоих берегах, часть команды пошла на берег»¹. Тем временем одни члены экипажа заготовливали топливо, изготовляли гвозди, чинили паруса, другие тренировались в постановке парусов, проводили покраску бортов корабля.

19 мая «Слава России» взяла курс к Алеутским островам. У острова Беринга поджидали второе судно под командой капитана Р. Р. Галла. Однако к условленному сроку оно не прибыло, и решено было плавание продолжить. Во второй половине июня «Слава России» достигла Алеутских островов и 25 числа бросила якорь у острова Уналашка. Моряки установили на берегу палатку для астрономических наблюдений, провели описание бухты, промерили глубины— у северной стороны они не превышали восьми сажен.

У острова Уналашка ожидали прибытия судна Галла. «Положено было между нами, что второе судно поедет к Уналашке, ежели не найдет нас у Берингова острова; ради сея притчины, мы ждали на Уналашке— сколько время теперешней години могло нам позволить; а ныне я оставил первое намерение мое, чтобы обозреть те части американских берегов, которые неизвестны были Куку; и вознамерился я осмотреть острова, лежащие на моем пути к губе Св. Лаврентия». Прежде всего было

решено идти к двум островам, обнаруженным к северозападу от Уналашки.

Посетив острова Прибылова и остров Св. Лаврентия, «Слава России» 4 августа вошла в залив Лаврентия. На другой день на корабль прибыли толмач Н. Дауркин и казачий сотник И. Кобелев, посланные Биллингсом еще в 1787 г. из Охотска на Чукотскую землю, «чтоб приготовить тамошний народ к принятию нас как друзей».

Стремясь к всестороннему изучению нового края, начальник экспедиции решил отправиться в Нижнеколымск через Чукотку и попутно описать северное побережье Чукотского полуострова. Капитана Сарычева он назначил командиром «Славы России», поручив ему проводить исследования на море. Подобное решение позволяло достигнуть наибольшего результата. Поэтому нельзя согласиться с Н. Н. Зубовым, сделавшим незаслуженный упрек в адрес Биллингса, будто бы последний предпочитал «езду на суше плаванью по морю».

Биллингс обследовал условия жизни местных жителей и их взаимоотношения с русскими промышленниками. В своем обстоятельном рапорте Биллингс писал о тяжелой участи аборигенов Ситкинака и Уналашки. На Уналашке, например, было всего 12 русских, но они заставляли на себя работать всех мужчин и женщин Ситкинака и Уналашки.

«Самых молодых и пригожих женщин,— писал мореплаватель,— разбирают по рукам для своих услуг, не спрашивая, согласны ли оне на то или нет. Все нужное им для пропитания должно им быть доставлено островитянами, которые часто сами терпят голод, чтобы насытить сих господствующих над ними гостей; главная их пища состоит в кореньях и в ягодах. Самое важное и страшное для сих бедных жителей имя есть передовщик, т. е. старший вожак подобной шайки звериных ловцов»¹.

Островитян посылали на промыслы за морским зверем на отдаленные острова. Промысел проводился артелями. В тех случаях, когда в одно место приходило два судна, между артелями завязывались драки, заканчивавшиеся нередко кровопролитием.

¹ Журнал Биллингса, л. 515.

¹ Журнал Биллингса, л. 368.

14 августа «Слава России» под командой Сарычева снялась с якоря и взяла курс к Уналашке, где 2 сентября встретилась с судном «Черный Орел». Галл как старший стал командиром «Славы России», Сарычев — «Черного Орла».

В феврале и марте 1792 г. в течение 40 дней Сарычев на трехместной байдаре с помощью алеутов занимался описанием острова. Он собрал много новых данных о природе острова, быте и нравах его обитателей. Многим географическим пунктам (бухтам, проливам, заливам и т. д.) Сарычев дал имена русских мореплавателей. Капитанский залив, например, был назван в честь Левашева, произведенного в 1771 г. в капитаны 1-го ранга. Это наименование, как впрочем и многие другие, до сих пор осталось на картах.

К концу марта Сарычев возвратился к месту зимовки судов. Вскоре сюда же приехал помощник Сарычева геодезист сержант О. Худяков, описавший острова Унимак, Санак и юго-западную оконечность Аляски. Худяков открыл группу небольших островов, названных впоследствии его именем.

16 мая оба судна взяли курс к берегам Камчатки и 19 июня вошли в Авачинскую бухту. «Слава России» была передана в распоряжение Петропавловского порта, а «Черный Орел» 18 сентября прибыл в Охотск. 14 июля 1793 г. Сарычев выехал в Петербург, куда добрался лишь в апреле следующего года.

Ценные материалы собрал Биллингс о чукчах и «американцах». В разговоре с одним из «американцев», находившимся в плену у оленных чукчей, он выяснил, что его сородичи желают жить с русскими в дружбе, просят защиты от чукчей, которые почти ежегодно на байдарках переплывают через проливы и совершают нападения, они занимаются грабежом, убивают мужчин, а жен и детей берут в плен. Биллингс видел одну «американку» с двумя детьми «в тяжком рабстве». Он выкупил ее, но выволить детей ему не удалось (позднее они были перевезены в Якутск).

На Чукотском полуострове Биллингс был свидетелем того, как чукчи готовили поход против «американцев»: «По близости находящиеся разошлись от оных по разным местам в северную и южную сторону, а прочие на остров Укипень», — сообщал Пиль на основе донесения

Биллингса и журнала Николая Дауркина, побывавшего в селениях, покинутых «американцами».

Для защиты «американцев» Биллингс считал необходимым «ласкостию и приветливостию в скором времени привести в подданство» России¹. Чукчи же откажутся от разорительных набегов на своих соседей и «принуждены уже будут для необходимостей своих искать оные посредством дружбы и торговли».

На американском берегу много лесов, в изобилии водятся лисицы, рыси, куницы, которых «американцы» обменивают на железо. Поэтому мореплаватель считал, что торговля может быть прибыльной. Пиль не разделял мнения Биллингса и рекомендовал «оставить сие предположение до времени, пока сии чукоцкие народы вяще будут ко престолу е. в. приверженными, а тогда, думаю, не трудно будет ласковым обращением уговаривать их от такового гнусного пороку, каковой они производят чрез нападение на американцев, и продолжать привлечение прочих народов».

* * *

Экспедиция Биллингса подытожила все то, что было сделано русскими мореплавателями на протяжении XVIII столетия. Это нашло отражение в Атласе, составленном Сарычевым и изданном в 1803 г. в качестве приложения к первой части его труда «Путешествие флота капитана Сарычева...». В его основу были положены рукописные материалы экспедиции и в первую очередь самого Сарычева, а также Биллингса, Гилева, Бронникова, Худякова.

Атлас содержит планы устьев рек, гаваней, островов, береговые объекты, входы в заливы и проливы — всевозможные «приметные виды» (перенесенные впоследствии в отечественные и английские лоции), выполненные художником Лукой Ворониным по материалам Сарычева, зарисовки быта жителей Алеутских островов, Аляски и Чукотки.

Особенно большой интерес представляет «Меркаторская карта северо-восточной части Сибири, Ледовитого моря, Восточного океана и северо-западных берегов

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, д. 64, л. 139.

Америки», на которой нанесена береговая линия Северной Америки от мыса Принца Уэльского до Бристольского залива (на прежних картах ее не было). Она устранила погрешности карты И. Б. Синдта, обозначившего многочисленные несуществующие острова в северной части Тихого океана (Алексеев, 1966, стр. 158).

Большая точность составленных Сарычевым карт достигалась тем, что он придерживался принципа ничего не брать на веру и не применял рекомендованный инструкциями способ производить опись с борта корабля.

Этот очень важный принцип знаменитый русский мореплаватель сформулировал на основании обобщения опыта многочисленных русских и иностранных экспедиций. Высоко оценивая, например, заслуги Кука, Сарычев вместе с тем указывал на весьма существенные неточности, допущенные им при описании северо-западных берегов Америки. «Будучи в здешних морях,— писал Сарычев,— принужден он был многие места за крепкими ветрами, туманами и отмелями оставить неосмотренными, да и те берега, которые видел, означить на картах в некоторых местах несоответственно настоящему их положению, некоторые заливы пропустить, островов не отделить от матерой земли и, наконец, туманы почесть за острова». Так, побережье северо-западной Америки от Нутки до 55° с. ш. из-за крепкого ветра и тумана английский мореплаватель не видел; берег от Бристольского залива до 63° с. ш. из-за мелководья не смог обследовать.

Опыт плавания Кука указал, что для обстоятельного исследования и описания географических объектов в северной части Тихого океана необходимо иметь небольшие суда, и Сарычев делает важный практический вывод: «...чтоб иметь верные карты здешних морей, надобно опись делать, так сказать, ощупью. Для сего нужно производить ее на больших кожаных байдарках или на малых гребных судах, удобных по малому углублению своему безопасно плавать подле самых берегов и могущих находить всегда закрытие себе, при крепких ветрах в мелководных речках или заливах» (1952, стр. 25).

Метод описи с байдар или малых судов стал широко применяться русскими моряками при гидрографических работах в районах, изобилующих многочисленными островами и шхерами.

Прочным основанием для карт Сарычева, особенно для генеральной карты, служил картографический материал его предшественников. Гижигинская и Пенжинская губы и Курильские острова были нанесены по данным Е. Кожевина и И. Антипина и других мореходов; была также использована исследователем карта А. И. Нагаева. Сарычев, как и Нагаев, нанес на карту всю северную часть Тихого океана, обозначив на ней курсы плавания всех кораблей экспедиции Биллингса и уточнив географическое положение Алеутских островов, берегов Северной Америки и Курильских островов. На карте Японского моря верно переданы очертания Амурского лимана и острова Сахалин.

Еще большую научную ценность имеет составленный под руководством Сарычева «Атлас Северной части Восточного океана», вышедший в свет в 1826 г. В нем отражена вся северная часть Тихого океана, включены Сандвичевы, Каролинские и Филиппинские острова. Впервые долготы даны либо от Гринвича, либо от Петербурга.

Все карты, планы и рисунки, выполненные гравюрой, отличаются точностью, восхищавшей моряков. Во время плавания на шлюпе «Диана» В. М. Головнин записал: «Усмотрев Петропавловскую гавань, мы взяли свой курс к оной таким образом, чтоб миновать мель, лежащую при входе в так называемую Раковую губу. В сем случае мы употребили карту Г. Сарычева: известная точность сего мореходца, с какою описывал он берега, заставила меня иметь к его планам гаваней полную уверенность, почему мы без всякого опасения шли под всеми парусами и, вошед в гавань около 8 часов вечера, положили якорь» (1961, стр. 262). Этот отзыв прославленного мореплавателя служит высшей похвалой Сарычеву¹.

Г. А. Сарычев принимал деятельное участие в организации крупнейших кругосветных экспедиций, сыгравших выдающуюся роль в изучении Мирового океана. Его

¹ В 1940 г. англичане широко использовали для составления лоции гидрографические описания Алеутских островов, выполненные Г. А. Сарычевым (Wotte, 1967, s. 127). Большинство рисунков Алеутских островов, помещенных в английскую лоцию 1940 г., ее составители взяли из сочинений Сарычева.

справедливо считают воспитателем целой плеяды талантливых русских гидрографов.

Экспедиция собрала богатейшие материалы по географии, этнографии и лингвистике Алеутских островов, Аляски и Чукотской земли, в изучении которой большую роль сыграл Биллингс. Его журнал отличается богатством содержания, точностью изложения, широтой описываемых явлений, яркостью и живостью изложения.

В изучении северной части Тихого океана экспедиция Биллингса — Сарычева, несомненно, явилась значительным шагом вперед.

Глава 4

Поиски морских путей на Камчатку и Аляску

21 января 1839 г. в просторном конференц-зале Морского кадетского корпуса в торжественной обстановке праздновалось пятидесятилетие службы на флоте вице-адмирала И. Ф. Крузенштерна. Прославленный боевой адмирал и мореплаватель П. И. Рикорд, обращаясь к юбиляру, сказал: «Никогда не забудут русские, что вам, тогда еще юному, только что возвратившемуся в отечество обязана была Россия первою мыслию путешествия вокруг света»¹.

Эти слова, как отмечал Л. И. Голенищев-Кутузов, «сугубо удивили тех, кому известно, что не только имела мысль о путешествии вокруг света, но для сего приготовлен был отряд, когда Иван Федорович Крузенштерн был кадетом в Морском кадетском корпусе» (1840, стр. 11).

Подвиг И. Ф. Крузенштерна, первым (вместе с Ю. Ф. Лисянским) из русских моряков совершившего кругосветное путешествие, принес ему бессмертную славу. Он, разумеется, не нуждался в заслугах, принадлежавших другим. «Слава о достоинстве первого нашего путешественника вокруг света, — справедливо замечает Голенищев-Кутузов, — служит доказательством несрав-

¹ «Юбилей 50-летней службы вице-адмирала И. Ф. Крузенштерна». — «Русский инвалид», № 30, 1839.

ненно больше, нежели изречение, что «никто и прежде его мысли не имели».

Но и в наше время вопрос об истоках отечественных кругосветных путешествий еще не получил исчерпывающего освещения ни в исторической, ни в географической литературе.

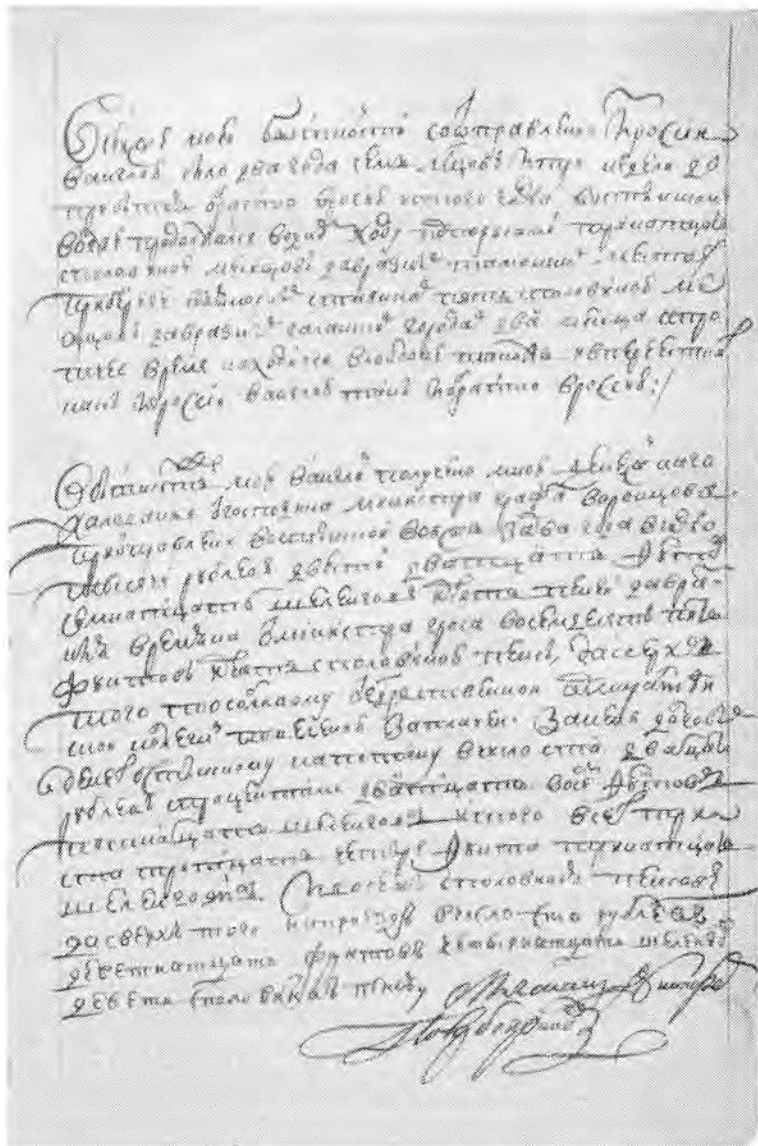
Между тем уже в первой половине XVIII столетия вопрос о снаряжении кругосветной экспедиции рассматривался в плоскости практического его решения. С этой точки зрения несомненный научный интерес представляют первые проекты посылки кораблей из Кронштадта на Камчатку вокруг мыса Горн, составленные в 1732 г. Н. Ф. Головиным и Т. П. Сандерсом в связи с подготовкой экспедиции Беринга и Чирикова и выдвинутые 23 года спустя М. В. Ломоносовым.

Смелое предложение о посылке экспедиции из Архангельска по Северному Ледовитому океану в Восточную Индию высказал М. В. Ломоносов (1952, т. VI).

Путешествие Полубояринова в Бразилию и Индию

В начале 1763 г. посол России в Лондоне А. Р. Воронцов, узнав, что Ост-Индская компания направляет корабль «Спикей» в Бомбей, получил разрешение послать в это плавание двух русских офицеров: мичмана Никифора Полубояринова и унтер-лейтенанта Т. Г. Козлянинова. 25 апреля корабль взял курс к берегам Бразилии. Полубояринов вел дневник, в котором подробно описал плавание в экваториальной части Атлантического океана, он заносил в него данные о погоде, глубинах, направлении и силе ветров.

22 июля «Спикей» бросил якорь вблизи города Себастьян. В Бразилии Полубояринов заносил в дневник самые разнообразные сведения об естественных ископаемых странах, о торговле, рабах, ввезенных из Африки, о животном мире, особенно о рыбах, которых он сам ловил крючками. Через полгода 25 декабря 1763 г. корабль прибыл в Бомбей. Индийские страницы дневника свидетельствуют о большой наблюдательности русского моряка. Обращают на себя внимание страницы дневника с записями о тяжелой участи населения Бомбея и всего Малабарского берега, о резких контрастах



Последняя страница журнала мичмана Н. Полубояринова

между имущими и бедными, которые обнаруживались во всем — в жилище, одежде, питании.

Помимо подробных описаний фауны и флоры Индии в дневнике содержатся сведения о климатических условиях: с мая по сентябрь, а иногда и до октября идут проливные дожди, а в зимние месяцы, когда устанавливается хорошая погода, снимают урожай риса; почва «весьма красноватая и глинистая, и множество там селитры находится и пары от оной вредительно происходят».

24 февраля 1764 г. корабль покинул Бомбей. Огибая Африку, русским морякам довелось побывать у мыса Доброй Надежды и затем у острова Св. Елены; 30 октября «Спикей» прибыл в приморский городок Дил, вблизи устья р. Темзы.

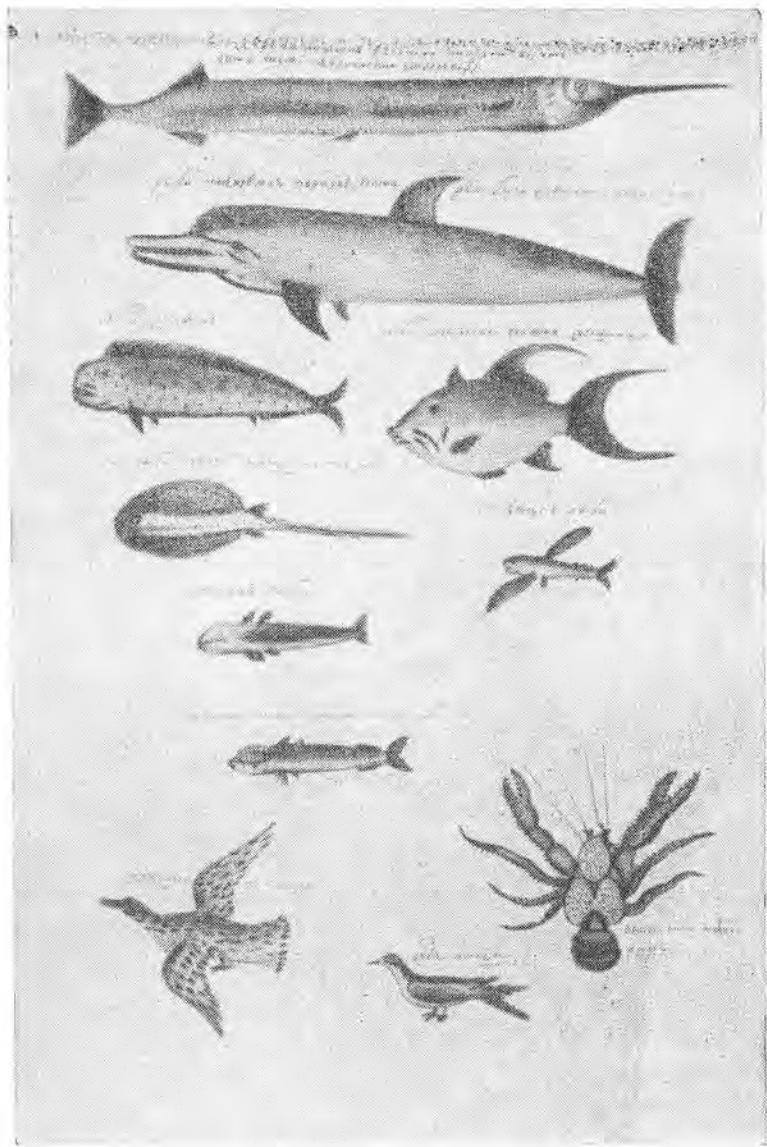
Полубояринов нанес на карту морской путь от Англии до бразильских берегов, оттуда до Индии и дальше — от Бомбея, вокруг Африки, до Британских островов. Этими морскими трассами широко пользовались русские мореплаватели первой половины XIX в. В течение 15 лет после возвращения из плавания Полубояринов служил на флоте и в 1780 г. в чине капитана 1-го ранга ушел в отставку.

В 1764 г. русское правительство решило направить экспедицию Чичагова из Архангельска в Индию через Северо-восточный проход. В том же году наряду с экспедицией Креницына и Левашева предполагалось послать два корабля из Кронштадта вокруг света¹. В 1781 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев по собственной инициативе построил на казенных верфях судно, загрузил его товарами и хотел направить к северо-западным берегам Америки. Обе экспедиции не состоялись, первая из-за русско-турецкой войны, вторая, по-видимому, по техническим причинам (Невский, 1951, стр. 16).

* * *

Интерес к кругосветным плаваниям в России все возрастал. Все более отчетливо выявлялись экономические

¹ «Предприятие Екатерины II для путешествия вокруг света». — «Зап. Ученого комитета Морского министерства», XV, 1840; см. «О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся». — «Зап. Ученого комитета Морского штаба», ч. 10, 1833; см. также В. В. Невский, 1951, стр. 16.



Рисунки рыб и птиц, выполненные Н. Полубояриновым

и политические выгоды открытия морского пути из Кронштадта на Камчатку. В известной мере это было связано с проектом австрийца Гильома Болтца, предложившего русскому правительству послать экспедицию от мыса Горн к северо-западным берегам Северной Америки. В письме на имя вице-канцлера И. А. Остермана от 17 декабря 1782 г. он доказывал, что осуществление этого предприятия не только сделает честь русскому флагу, но и «создаст отрасли новой огромной и доходной торговли на пользу ее подданных». О Болтце было известно, что он служил волонтером в английской Ост-Индской компании, в 1760 г. прибыл в Бенгалию, где занимался юриспруденцией, финансами и политикой, в течение нескольких лет «благодаря преимуществам знания индийских языков» вел обширную торговлю во всей Индии и Китае, а последние шесть лет командовал кораблем «Джузеппе и Терезия» в Вест-Индии.

Болтц указывал, что «среди промежуточных островов Тихого океана встречаются удобные для разведения сахарных плантаций, что даст возможность русским доставлять этот важный продукт из первых рук», что им приглашены опытные офицеры, плававшие с капитаном Куком в его последней экспедиции, карты и планы которой перешли от них к нему. «При этих условиях,— хвалился Болтц,— я надеюсь добиться одной экспедицией от мыса Горн больше, чем русские добились бы в двадцати экспедициях, предпринимаемых от Камчатки»¹.

Болтц нарисовал заманчивую перспективу: успех экспедиции приведет к установлению самых прибыльных и обширных торговых связей между полуостровом Камчатка, всеми берегами Азии, Америки и даже Восточной Африки, а также со всеми промежуточными островами между континентами.

* * *

Русские моряки предлагали правительству различные варианты маршрутов кругосветных плаваний. В письме из Охотска, отправленном 3 августа 1786 г., от имени всех офицеров капитан Биллингс просил вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. XXIV, л. 61, л. 3.

разрешить ему возвратиться с Дальнего Востока в Кронштадт морем. «Не угодно ли будет приказать,— писал он,—по окончании экспедиции обратный путь сделать, обойдя мыс Доброй Надежды, прямо в Кронштадтскую гавань с тем намерением, что оное будет впредь служить для распространения знания и искусства; сверх того удобнее и сохраннее все вещи и редкости собираемые доставятся могут в целости; по сей же дороге обратно следовать без сомнения много повреждения вещам последовать может, так как следуя сюда многие вещи подмокли, а другие вовсе испортились, хотя с крайнею осторожностью все укладываемое было и ящики были все засмоленные холстиной все двойной кожей обшиты». Далее Биллингс выражает уверенность, что «суда же к такому предприятию могут быть надежны крепостно, что обещает здешней хорошей лиственничной лес»¹.

Биллингс предполагал идти на судах, построенных в Охотске. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что русские дальневосточные корабельные мастера строили корабли, обладавшие хорошими мореходными качествами. Просьба Биллингса не была удовлетворена, по-видимому, по той причине, что в это время решено было послать вокруг света экспедицию Г. И. Муловского.

В 1785 г. Федор Шмелин подал проект о посылке судов из Архангельска и Балтийского моря в Китай и северо-западную Америку.

Взросший размах исследований в северной части Тихого океана настоятельно требовал решения проблемы снабжения русского и местного населения продовольствием и различными материалами. Доставка их сухопутьем не могла больше удовлетворить экономические потребности края. Приходилось учитывать также необходимость хозяйственного освоения открытых русскими земель и укрепления их безопасности в связи с той обстановкой, которая складывалась в 70-х годах на Дальнем Востоке: западные державы настойчиво стремились распространить свое влияние и в северной части Тихого океана.

¹ Цитата, приведенная В. В. Невским (1951, стр. 16), имеет расхождения с подлинным письмом Биллингса.

Русское правительство особенно насторожила английская экспедиция Кука, появившаяся у берегов Аляски в 1778 г. с официальной целью отыскать Северо-западный проход.

Но еще больше встревожились местные власти, когда 18 апреля 1779 г. в Авачинскую бухту пришло два английских судна под командованием капитана Ч. Кларка. Начальник Камчатской области М. К. Бем, сдавший свою должность Василию Шмалеву и собравшийся отбыть в Охотск, спешно выехал из Большерецка в Петропавловск, гарнизон которого состоял из одного сержанта и десяти солдат; сморя порт не был защищен, поэтому Бем принял энергичные меры на случай нападения английских судов и, чтобы выяснить цель прихода англичан, направился к начальнику английской экспедиции. Кларк сообщил ему о численности личного состава кораблей и рассказал о том, что после открытия Сандвичевых островов экспедиция направилась к берегам северо-западной Америки, посетила остров Уналашка, прошла через Берингов пролив до 70°44' с. ш., но из-за непроходимых льдов не смогла продвигаться на север. Поэтому был взят курс к Сандвичевым островам, где 14 февраля 1779 г. при обследовании острова Гавайи островитянами был убит Джеймс Кук.

Англичане нуждались в продовольствии, и Бем безвозмездно дал им 20 коров (в том числе двух дойных) и 250 пудов ржаной муки.

5 июня английские корабли покинули Авачинскую бухту. Бем и Шмалев предупредили русских промышленников на островах, чтобы они «старались оказывать англичанам почтение и дружество» (Сгибнев, 1869, стр. 24).

За содействие английским морякам, находившимся в тяжелом положении, английское правительство наградило Бема серебряной медалью, а Шмалева — столовыми часами Кука. Позже, в 1793 г. Д. Ванкувер назвал пролив в юго-восточной части Аляски проливом Бема, чтобы тем самым «выразить свою глубокую признательность майору Бему за его гостеприимство, оказанное офицерам и командам «ДисCOVERи» и «Резолюшн»» (Anderson, 1966, p. 17).

Приход английских кораблей в Авачинскую бухту заставил правительство сделать выводы о необходимо-



Карты русских мореплавателей в XVIII в.

сти укрепления безопасности Камчатки, и 12 декабря 1779 г. Екатерина II приказала иркутскому генерал-губернатору «привести Камчатку в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известным иностранцам». Назначенный управителем Камчатки Ф. Рейнеке начал строить редуты. На Камчатку были направлены 4 канонира, 3 унтер-офицера, порох, свинец и ружья. Для обеспечения безопасности дальневосточных земель приняты были и другие меры.

Правильность предпринятых шагов подтвердил последующий ход событий. Западные державы усиливали активность в северо-восточной части Тихого океана. Так, в феврале 1779 г. два испанских корвета — «La Princesa» и «La Favorita» — под начальством Бодегани-Куадра и Игнасио Артега с целью обследования берегов северо-западной Америки поднялись несколько севернее мыса Св. Ильи и возвратились в ноябре того же года. В 1785—1788 гг. к берегам северо-западной Америки плавали англичане Георг Диксон и Натаниель Портлок. В 1787 г. в дальневосточных водах появилась французская экспедиция под начальством Лаперуза. В 1788 г. испанцы Мартинес и Харо побывали на Алеутских островах (Кадьяк, Уналашка и Унимак) и, узнав, что для основания на Уналашке колонии ожидается прибытие русского военного корабля, немедленно направились в Новую Испанию (Мексику) и доложили обо всем вице-королю. Последний приказал в спешном порядке послать военные корабли под начальством Мартинеса и Харо на остров Нутка, чтобы захватить остров и тем самым поставить русских перед совершившимся фактом. В это же время испанское правительство потребовало от русского правительства прекратить колонизацию в «испанских землях» Америки, в действительности никогда не принадлежавших Испании. От прямого ответа Екатерина II уклонилась.

Кругосветная экспедиция Муловского. Ее цели и подготовка

В 1786 г. личный секретарь Екатерины II П. П. Соионов направил в Коммерц-коллегию «Записки о торговле и звериных промыслах на Восточном океане», в которых говорилось, что Англия стремится укрепить свое

влияние в Китае, расширить торговлю с Японией и захватить земли, открытые русскими мореплавателями. По его мнению, для защиты русских земель и промыслов необходимо послать в Тихий океан три-четыре фрегата.

Президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов и вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев поддержали идею П. П. Соимонова. Указом от 22 декабря 1786 г. коллегии приказывалось: «...немедленно послать из Балтийского моря два судна, вооруженные по примеру потребленных английским капитаном Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооруженные шлюпки, морские или другие суда по лучшей сей коллегии усмотрению»¹.

Во главе экспедиции был поставлен двадцатидевятилетний опытный и образованный морской офицер Г. И. Муловский, а командирами кораблей, офицерами и штурманами назначены закаленные в походах моряки, многие из которых впоследствии стали крупными учеными и видными деятелями нашего флота.

В экспедицию решили послать лучшие корабли «самые способные к открытиям», а именно «Соловки», «Колмогор» и два корабля меньшего водоизмещения «Сокол», «Турухтан»². Первоначально предлагалось обшить их «для скорости в ходу и безопасности в пути медными листами», но учитывая, что от меди железо «совершенно повреждается, особливо около руля, поступлено в разсуждении обшивки по прежнему обычаю». Были приняты во внимание также рекомендации Кука, считавшего нецелесообразным применять медную обшивку в дальних и продолжительных плаваниях, пока не будут найдены средства для устранения вредного воздействия меди на железо. Английский мореплаватель говорил и о том, что рулевые медные петли являются менее прочными, чем железные, «утверждая уверительно, что оныя не выдержат такого вояжа, какой сделал его корабль «Резолюшн»».

¹ ЦГАВМФ, ф. Чернышева, д. 376, л. 322; ЦГАДА, ф. Госархива, разр. X, оп. 3, д. 16, л. 131.

² ЦГАВМФ, ф. 172, д. 367. «Колмогор» имел водоизмещение 600 т, «Соловки» — 530 т, «Сокол» и «Турухтан» — по 450 т. Корабли экспедиции Кука имели: «Резолюшн» — 446 т, «Адвенчер» — 350 т.

10 февраля 1787 г. Адмиралтейств-коллегия решила «ту медную обшивку отменить, а обшить тонкими досками и вымазать угольною смолою, изобретенную в Англии, которая признана особливо к тому способною... чрез то суда надежно многия годы послужить могут».

Адмиралтейств-коллегия приказала в спешном порядке привести корабли «в самое прочное и надежное состояние». Ремонт кораблей, их оснащение и обшивку закончили в начале октября.

Помимо основной задачи — защитить земли, «российскими мореплавателями открытые», экспедиции предстояло выполнить большую программу научных исследований. В ее разработке участвовал академик П. С. Паллас, назначенный в связи с подготовкой экспедиции главным историографом российского флота.

Был выработан следующий маршрут: Кронштадт — Северное море — мыс Доброй Надежды — Зондский пролив или вдоль берегов Новой Голландии (Австралия); в Тихом океане у Сандвичевых островов эскадре надлежало разделиться. Отряду из двух кораблей под командованием Муловского приказывалось идти к берегам Северной Америки, «обозреть так названную английским капитаном Куком Сент-Жорж Зунд, или гавань Нутку — от сего места можете вы следовать вдоль простирающегося Американского берега, до открытой части российскими капитанами Чириковым и Берингом, и оной берег, от гавани Нутки до начального пункта открытия Чирикова (55°36' с. ш.) взять во владение российского государства, ежели оной никакою державою не занят. А оттуда вдоль же всей открытой части берега вышеписанными российскими капитанами до Аляски и все то пространство, как берега, так и могущия там найтись острова, яко сущее открытие, учиненное российскими мореплавателями, формально взять во владение» (Фролов, 1855, стр. 539—541). В задачи второго отряда входило обследование Курильских островов, острова Сагалин-анга-гата (Сахалин) и описание устья Амура; пятый корабль должен был идти в Петропавловск-Камчатский.

Эскадре Муловского поручалось доставить материалы для намечавшегося к постройке Удинского порта, завязать торговые сношения с Китаем и Японией, по-

знакомиться с местными народами, условиями их жизни, быта и хозяйственной деятельностью.

В программу научных исследований включалось: описание Курильских и Алеутских островов, Аляски и прочих мест, куда должны были заходить русские суда. Обязанность ведения обстоятельного журнала «чистым стилем» возлагалась на Степанова, обладавшего обширными познаниями в различных областях науки и знавшего несколько иностранных языков. В экспедицию также был приглашен немецкий ученый и публицист, участник третьей экспедиции Кука Георг Форстер.

При укомплектовании кораблей личным составом был применен принцип взаимозаменяемости. «А в числе матроз, канонир и солдат охоту в одной поход, представляющих, избраны знающие сверх своей службы другое какое-нибудь ремесло, как-то плотничное, столярное, котельное, кузнечное, конопатное и другие, и нет ни одного, который бы не умел хоть топором работать»¹.

Первостепенное значение придавалось разработке научно обоснованного наставления. С этой целью Адмиралтейств-коллегия приказала собрать журналы и карты «всех донные известных российских плавателей в тамошних морях» и на их основе составить атлас или генеральную карту на большом бештеке, нанеся на нее все плавания русских и капитана Кука, «точным обозначением тех мест, земель или островов, какие капитан Кук из прежде уже открытых россиянами выдал под собственным открытием... особенно в гаванях, портах или на рейдах показать глубину или промер». Составление указанной карты поручалось контр-адмиралу Фондезину (фон Дезин), которого было решено снабдить книгами Кука.

Подготовительные работы шли полным ходом. Уже 6 сентября 1787 г. контр-адмирал В. П. Фондезин представил составленные им шесть карт, в том числе одну генеральную меркаторскую на большом бештеке «всем учиненным до сего российскими английскими и другими мореплавателями вояжам и открытиям на Восточном океане, с частью Ледовитого, Охотского и Пенжинского

морей и с лежащими при оных берегами и островами»¹. На второй карте был нанесен Охотский порт с частью Охотского моря, на третьей — р. Камчатка, на четвертой — Авачинская бухта с Петропавловской гаванью, на пятой — гавань Св. Павла (на острове Уналашка) и на шестой — рейд между Уникаком и мысом Аляска, где зимовал капитан Креницын. Фондезин приложил две объяснительные записки: одна содержала пояснения к генеральной карте (в ней было отмечено, «с чьих плаваний и с каких карт она сделана»), а другая — замечания, сделанные им при сверке с журналами российских мореплавателей. Копии этих карт, выполненных «с особливом искусством и оккуратностью», приказано было выдать каждому командиру корабля эскадры Муловского.

Особо указывалось на необходимость снабдить корабли «надежнейшими и прочнейшими парусами и такелажом», артиллерией, лекарствами, предохраняющими от цинги, и доброкачественной провизией на три кампании: сухарями, мукой ржаной или крупчатой «и толкна набив столь можно крепче», капустой сушеной, щавелем соленным, клюквенным соком. Для проверки сохранности продовольствия в специфических условиях предлагалось заготовить одну бочку на пробу «оставить до лета, держа в сыром месте, подобном интриюму, тогда ее освидетельствовать».

Корабли получили все необходимое «с избытком... так что уповать можно, что не токмо ни в чем недостатку не потерпят, но несколько еще и к камчатским портам из того привезти могут». Кроме того, начальнику экспедиции было разрешено пополнять запасы продовольствия и в других местах, где он «для пищи и сохранения здоровья служителей за полезное и надобное признает».

Муловскому поручалось купить в Англии печи с котлами и установить их на кораблях «для перегону морской соленой воды в пресную»¹.

Были предусмотрены меры на случай возможных осложнений. Адмиралтейств-коллегия считала необходимым заблаговременно заготовить продовольствие в кам-

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. X, оп. 3, д. 16, л. 132/об.

¹ ЦГАВМФ, ф. 172, л. 367, л. 262.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. X, оп. 3, д. 16, л. 133/об.

чатских портах «буди бы при всем таком изобилии сверх всякого чаяния потребовалось чем-либо из того запастись на случай как пребывания в тех морях, так или возвратного сих судов похода, или для предбудущаго времени и плавателей, ибо известно, что нет средств к скорому и благовременному доставлению в тамошняа порты ни морской провизии ни такелажных вещей».

Сибирскому губернатору Якоби было предложено к приходу эскадры на Камчатку заготовить в камчатских портах морскую провизию и такелажные вещи и быть готовым оказать помощь и содействие, «какие только к поспешеству сего дела могут быть нужны и полезны».

Экспедиция была снабжена большим количеством медалей и чугунными гербами, отлитыми на Александровском Олонецком заводе с пометами 789, 790 и 791 годов, для установки на тех берегах и островах, «кои вновь, им, Муловским, и посланными от него открыты», а гербы без обозначения года — в местах, открытых ранее.

Личный состав кораблей напряженно готовился к предстоящему плаванию: офицеры совершенствовали астрономические знания в обсерватории Академии наук, изучали книги о путешествии Кука, изданные на английском и французском языках, практиковались в обращении с приборами и инструментами, картами и т. д.

К осени 1787 г. экспедиция была полностью подготовлена к кругосветному плаванию, но сигнала к выходу в море не последовало. Начавшаяся русско-турецкая война заставила правительство отменить многообещающую кругосветную экспедицию. В указе Екатерины II от 28 октября говорилось: «Приготовленную в дальнее путешествие под команду флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам повелеваем отменить, и как офицеров, матросов и прочих людей для сей экспедиции, назначенных, так суда и разные припасы для нее заготовленные обратить в число той части флота нашего, которая по указу нашему от 20 сего месяца Адмиралтейской коллегии данному в Средиземное море отправлена быть долженствует»¹.

¹ ЦГАВМФ, ф. Чернышева, д. 376, л. 411—412.

В июне 1788 г. вспыхнула русско-шведская война и эскадра, назначенная в Средиземное море, была использована для действий против шведского флота. Г. И. Муловский командовал линейным кораблем «Мстислав», находившимся в голове русской эскадры. Команда мужественно отбивала атаки семи вражеских кораблей. 15 июля, когда на «Мстиславе» была сбита последняя мачта, Муловский вышел осмотреть «оную по середине корабля на противном боку с коего стреляли, тогда прилетели ядра... и одна ударила его в бок и вырвало». Последние слова командира несущим его матросам были: «Братцы, не отдавайте корабль»¹.

* * *

Давно вынашиваемая идея кругосветного плавания была блестяще осуществлена учеником Муловского — Крузенштерном вместе с Лисянским в 1803—1806 гг. Восторженные рассказы Муловского о его мечте побывать в далеких странах, познакомиться с затерянными в Мировом океане островами прочно запомнил молодой Крузенштерн, служивший мичманом на корабле «Мстислав». «По всей вероятности, — пишет военно-морской историк Ф. Ф. Веселаго, — во время плавания на «Мстиславе» Муловский погружаемый мыслями в предстоящее ему плавание много раз в разговорах касался этого предмета, и, конечно, у такого слушателя, каков был Крузенштерн, уже и тогда могла зародиться мысль о важности и пользе подобного предприятия» (1869, стр. 10).

Хорошо организованная и всесторонне подготовленная экспедиция Муловского, хотя и осталась неосуществленной, приблизила то время, когда «Надежда» и «Нева» смогли выйти в кругосветное плавание, положившее начало целому ряду кругосветных экспедиций, в результате которых русские заняли почетное место в изучении Мирового океана.

¹ «Материалы для истории русского флота», т. XII, стр. 551—552.

Первое посольство в Японию

Экспедиция Лебедева-Ласточкина

Уже с самого начала XVIII столетия Россия неуклонно стремилась к установлению торговых отношений с Японией и, как уже говорилось выше, предприняла в этом направлении ряд практических шагов.

Но в 70—80-х годах XVIII в. обстановка в северной части Тихого океана существенно изменилась: у берегов северо-западной Америки, Камчатки, Японии и Китая все чаще и чаще стали появляться английские, французские, испанские, а позднее и американские корабли. Начавшийся промышленный переворот в Англии, достижение североамериканскими колониями независимости и буржуазная революция во Франции расчистили путь для быстрого развития капитализма в этих странах. Возрастала потребность во внешних рынках. Еще более обострилась англо-французская борьба за колонии.

Северо-восточная часть Тихого океана становится ареной соперничества колониальных держав. Особую активность в этом районе земного шара стала проявлять Англия. Она решила укрепить свои пошатнувшиеся позиции как колониальной державы в результате победы американского народа в войне за независимость (1775—1783 гг.). По образному выражению американского историка эти годы были самыми мрачными в истории Великобритании (Anderson, 1966, p. 19). Чтобы поправить дело, английские колонизаторы пытаются расширить свое влияние на севере Тихого океана. В этих условиях русское правительство сочло, что наступил момент для реализации давнишних замыслов относительно Японии. Большую роль в этом сыграли сибирские власти и купечество.

В Иркутске разрабатывались планы экспедиции на Курильские и Алеутские острова, а также к берегам Америки. Этот город, в котором скрещивались торговые пути Востока и Запада, стал главным экономическим, политическим и культурным центром Сибири. Число его жителей в 70-х годах XVIII в. достигло 20 тыс. человек. К этому времени было уже создано несколько училищ, крупных библиотек, организован музей природы, театр. В городе жили и работали известные ученые: ботаник

И. Сиверс, естествоиспытатель А. Карамышев, минералог Эрик Лаксман (Шмаков, 1959, стр. 40). Столица Сибири нередко принимала иностранных ученых и исследователей. Купцы и промышленники вели торговлю с жителями островов Курильской гряды и были заинтересованы в установлении прямых торговых связей с Японией. Правительство же ставило себе задачу экономического освоения Курильских островов и укрепления их безопасности.

Практическим решением этих задач занимался иркутский генерал-губернатор А. И. Бриль. 28 ноября 1772 г. он вручил главному командиру Камчатки М. К. Бему инструкцию, в которой предписывалось начать опись всех островов Курильской гряды на судне, которое секретно следовало направить к последнему Курильскому острову Аткис¹. Успешное выполнение задания связывалось с посылкой человека, знающего навигацию и японский язык. При благоприятных условиях надлежало произвести подробное географическое описание Японских островов, нанести их на карту, собрать сведения этнографического характера.

Бему потребовалось немало времени, чтобы найти охотника возглавить рискованное предприятие. В конце концов такой человек нашелся — якутский купец П. С. Лебедев-Ласточкин². Торговля с Японией сулила большие барыши, и он без колебания дал свое согласие пригласить в компаньоны предприимчивого купца Г. И. Шелихова.

Начальником экспедиции был назначен сибирский дворянин Иван Антипин, хорошо знавший мореходное дело и японский язык.

За счет казны в экспедицию были зачислены подштурман Федор Путинцев, переводчик Иван Очередин, унтер-офицер Иван Осколков и четыре матроса. В «матросскую должность» были назначены казаки Николай Козлов, Иван Петушин, Андрей Сермин и Тимофей Конев, «кои прежде сего в секретной экспедиции с ка-

¹ Еще японцы, потерпевшие кораблекрушение в 1744 г. у Пятого острова Курильской гряды, сообщали, что острова Аткис нет, а есть на Магмае место, которое носит название Аткис (Берг, 1946, стр. 184).

² В некоторых научных работах ошибочно говорится о том, будто бы было два купца — Лебедев и Ласточкин.

питаном Креницыным, тож в морской должности уже находились»¹. Расходы по содержанию 37 рабочих людей компания взяла на себя. Антипин и другие члены экипажа отправились в плавание в качестве полупайщиков².

В случае встречи с японцами следовало выяснить, какие нужны им российские товары и что можно купить у них, а также изучить возможности для заключения торгового договора, чтобы «возьметь дружеское с ними сношение». Курильцев и другие народы предлагалось приводить в подданство Российской империи. Ставилась также задача пригласить одного из курильцев для «ознакомления с российскими обычаями» (Полонский, 1871, стр. 442).

Антипину был передан бот «Николай», снабженный казной, всем необходимым, и вручена инструкция, содержащая по сравнению с инструкцией Бриля много новых моментов; в ней, в частности, указывались цели экспедиции и способы их достижения.

Нерешенным остался вопрос, волновавший Лебедева-Ласточкина, кто из участников мог в случае необходимости принять на себя командование кораблем. «Всякий человек, — писал он, — подвержен смерти, то в таком случае после тебя дворянина Антипина, вступить в такое правление кому, не предвидится»³. Обязанности начальника мог бы выполнить Иван Очередин, но он «больше уже сей должности снести не может по слабости ево разсудка... к томуж тогда не пьет, когда напитков нет». Те, кто ограничивается подобной характеристикой, обычно забывают, что Очередин внес свой вклад в географическое изучение Алеутских островов⁴.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, д. 2539, л. 97, 97/об.

² Реестр имеющимся рабочим людям Курильском на 18-м острову и управляющимся на судне бригантине «Св. Наталии» компанейщика якутского купца Лебедева-Ласточкина и рьльского — Шелихова» содержит поименный список всех лиц, которые отправились в плавание; интересно, что здесь были купцы, посадские крестьяне и мещане различных городов и губерний России (Якутска, Илимска, Иркутской, Тобольской, Екатеринбургской) (ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, д. 2539, л. 119/об. — 120, л. 148/об.).

³ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, д. 2539, л. 97/об.

⁴ В 1770 г. составил карту Алеутских островов (Магидович, 1953, стр. 538). В 1775 г. по данным Антипина и Очередина была составлена карта Курильских островов (см. «Атлас географических открытий...», 1964, карту № 159 и комментарий к ней, стр. 106—107).

В инструкции, к которой была приложена карта и выписки из журналов прежних плаваний, говорилось, что «от самой Курильской Лопатки в полуденную сторону в море находятца Курильские острова, на которых живут верноподанные е. и. в. ясашные курильцы; а на самых дальних называемыя мохнатые. А простираютца те острова даже до японских городов, т. е. до первого Матмая». От Камчатки до Девятнадцатого острова 805 верст. Со всех жителей островов сотник Черный собрал «ясаку несколько и в казну объявил», а также сообщил, что два японских судна приходят для торговли с «мохнатыми» курильцами, а на Двадцатый — одно судно с экипажем в 16 человек. Японцы покупают жир, треску, юколу, бобров морских, черных нерп, орловые хвосты, а продают вино, листовой табак, продовольствие (хлебные припасы), сабли, ножи, топоры, медные котлы.

Антипин в случае встречи с японцами должен был выполнить инструкции Бема. В инструкции предписывалось:

«При мирном же случае с мохнатыми курильцами и японцами, тебе Антипину, разведать от них ласкою следующее:

1-е. О великости и числе японской империи городов и о укреплении оных; также и в Курильских островах многолюдствии народов;

2-е. Какую они веру содержат и закон, и какой иностранный народ на судах приходит или сухим путем на чем приезжают и с какими товарами; или для другой какой надобности, и какое житие, нрав и обычай имеют;

3-е. Сколь склонны и приятны в обхождениях промеж собою и тверды ли в давних обещаностях;

4-е. Какое имеют пропитание, и от какого земляного, урожаемого каким трудолюбием продукта; и доволь онаго; при каком климате родится, и где или откуда доставляется, и чрез дальнее ль расстояние. И какое ж носят платье, от своих ли рукоделий или отколь что получают;

5-е. Какие имеют с кем торги и на что более склонны;

6-е. Какие артиллерийские и прочия снаряды и орудия при себе имеют и отколь оное получают или сами делают, из своеголь железа, или другого чего, и где оное и при каких заводах делаетца, какими людьми иль из привозного от коль;

7-е. С каким имеющимся регулярные и нерегулярные служители оборонительным оружием и какой обучены экзерциции; и не имеют ли с кем войны и нет ли других каких народов близ Курильских островов, а им известных;

8-е. У кого оные курильцы и живущие на неизвестных островах народы и давно ль в подданстве и владении состоят, и платят ли, какую там когда подать;

9-е. От какого ж колена они рождены и давнью размножились;

10-е. Каков им российской народ приятен кажетца;

11-е. Есть ли где у них и японцев морские какие суда в заведении, каким манером и куда с чем плавание совершают, и имеют ли карты каковые ни есть; и лес какой на строение судовое употребляют со своих ли островов или отколь з другого места получают за плату или без платы;

12-е. Довольноль у тех японцев конного и рогатого скота имеется, а ежели оного у них зачем не плодитца, то откуда и за какую цену к ним доставляетца; а чтож касатца будет и до протчаго сведения, то как есть мне при первом случае яко предбудущаго предугнать и подробно более описать неможно, а единственно оставляетца по тамошнему обстоятельству на изобретаемое любопытство, и стараясь чрез то не только видимую самим вещь и прочее, но и невидимыя, а уверяемые в словах японцами и мохнатыми курильцами; а особливо земли и острова чрез будущаго при тебе ученика Путинцова, по должности и знанию ево науки для положения впредь на карту не румбами, но на четверти компаса¹.

Антипину вменялось в обязанность собрать сведения обо всех ближних землях и островах и сравнить их действительное положение с тем, как они нанесены на карты. При обнаружении несоответствия «ония и на особую карту переложить».

Курильцев предписывалось склонять к переходу в русское подданство без принуждения, «с ласкою и доброхотством, одаревая алеутским платьем, обещая им защиту от немирных народов», а тех, кто прежде находился в российском подданстве, заверять, что за их уход «никакого гнева и штрафа на себе не понесут». Добровольно приносимый ясак записывать в книгу и непременно выдавать квитанции.

Морских бобров, нерп, черные орлиные хвосты рекомендовалось продавать по повышенным ценам, продовольствие покупать по пониженным. Категорически запрещалось под страхом наказания покупать и выменивать у японцев вино и напитки и «ни на одну копейку не покупать и для себя не употреблять, а особливо учеников Путинцева и Очередина к тому тшятся не допускать». Под страхом смертной казни запрещалось покупать у японцев оружие и порох.

В целях изучения предпосылок для хозяйственного освоения южных островов Курильского архипелага Антипин обязан был найти и описать места, пригодные для земледелия и скотоводства, а также определить по-

требное число русских семей и местных жителей для заведения колонии на Восемнадцатом острове. Для опытных посевов ему было дано по два фунта ржи, ячменя, овса, конопля, с тем чтобы первый посев произвести осенью 1775 г., а второй — весной следующего года, «тож старатца учинить посев ярице, ячменю, пшенице, овсу и семя коноплянному; и при растении оного смотреть, что будет ли впредь к размножению хлебопашества в урожае надежда». И когда уродится добротный урожай, то «оной без упущения времени собрать в удобное место. И сколько по урожаю окажется против посеву прибыли градусами и минутами состоят записывать в журнал», а о собранном урожае составить обстоятельную записку и «впредь сколько будите на том острову времени находитца производить посев на таком же основании, чрез чтоб можно было не только то земледелие з желаемою пользою развести, но дабы и впредь там в большом числе из русских заселять способ был изыскан, а хлебом удовлетворятца б там было возможно уже и без привозу отюда».

Создание продовольственной базы ускорило бы освоение всех Курильских островов, и тем расширило бы возможности для исследований в северной части Тихого океана. Требовалось также найти место для постройки небольших заводов или плавильных печей, а также разведать, нет ли железной и медной руды, минералов и других полезных ископаемых, «особливо самородных слитков и разных красок и любопытства достойных вещей, например, окаменелых животных и растений, и всякого рода камней, черепак, раковин и в них оренгальского большаго, средняго и малого земчугу».

В инструкции Бема отражено желание русских установить дружественные отношения с Японией и обеспечить безопасность торгового мореплавания, чем и объясняется большой интерес автора к морским картам, которыми пользовались японцы и курильцы.

Закончив приготовления, бот «Николай» 24 июня 1775 г. вышел из Авачинской бухты. Осенью 1776 г. корабль разбился у Урупа, его личный состав вывезен байдарками на Камчатку.

Несмотря на понесенный материальный урон, Лебедев-Ласточкин через два года снаряжает новую экспедицию на бригантине «Св. Наталия», полученной от

¹ ШГАДА, ф. Госархива, разр. VII, л. 2539, л. 102/об.— 103.

казны сроком на три года. После отказа Шелихова участвовать в деле, по его мнению бесперспективном, Антипин и на этот раз возглавил экспедицию. Переводчиком с ним отправился иркутский посадский человек Д. Я. Шабалин.

«Св. Наталия» вышла к острову Уруп из Охотска в сентябре 1777 г. В мае 1778 г. Шабалин плавал на трех байдарках к острову Итуруп, где повстречался с тоенами «мохнатых» курильцев (айнов). Обнажив сабли и копыя, тоены кричали с лодок, курильцы, сопровождавшие Шабалина, «ходили вдоль берега с копьями и обнаженными саблями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали... и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их кричали также тонкими голосами» (Полонский, 1871, стр. 453—454). Тоены поочередно подходили к толмачу, поднимая над его головой саблю. Опасения, не готовят ли курильцы нападения, оказались напрасными.

Отсюда Шабалин решил пойти к Двадцать второму острову — Матмаю. На Двадцатом острове Курил — Кунашир — сделали остановку. Курильцы рассказали, что топоры, сабли и пальмы (железные ножи с деревянной рукояткой), зимние платья им доставляют японцы. Сами курильцы изготавливают грубую ткань из тополевого лыка. Пользуются луком и стрелами, панцирями (куяки) из мелких дощечек, шлемами из досок. Рыба и рис привозится из Японии. Курильцы поведали и о том, что против северной части острова Кунашир находится земля, которую они называют Короска, и живет на той земле многочисленный народ, говорящий на том же языке, что и они. Речь шла о Сахалине (японцы называли его Карафуто).

В июле 1778 г. Шабалин прибыл на Двадцать второй остров, в город и залив Аккеши (Аккеси) на северо-востоке Матмая (Хоккайдо). В бухте стояло японское судно.

Русские и японцы обменялись подарками, но когда Шабалин завел речь о торговле, японцы заявили, что без позволения начальства вступать в торговые сделки не могут. Но тут же пригласили Шабалина посетить остров Кунашир в июле следующего года.

29 августа 1778 г. бригантину возвратилась в Охотск. Решив не упускать возможности для новой встречи с

японцами, Лебедев-Ласточкин начал готовиться к новому плаванию. На корабль погрузили сукно, бархат, атлас, муку, масло, сахар, солонину. Начальником экспедиции опять назначили Антипина, а переводчиком — Шабалина. Зимовали на острове Уруп. Весной 1779 г. на семи байдарках отправились в Аккеси, 24 июня вошли в японскую гавань Ноткомо, расположенную в северо-восточной части Хоккайдо, недалеко от Аккеси; с проживавших здесь курильцев взяли ясак. Японцев не встретили. Через три недели Антипину вручили письмо, в котором сообщалось, что с наступлением хорошей погоды японцы придут в Ноткомо, русских же просили не уходить. Прошло три недели, но японцы так и не появились. 21 августа бригантину направилась на юг и уже через четыре дня бросила якорь в бухте Аткис, где в это время находилось японское судно.

«Св. Наталия» салютовала японскому флагу, как этого требовал морской устав. Японцы сообщили, что в Аккеси они торгуют с курильцами, которые покупают у них платье, пшено, табак, а продают жиры, сухую треску, ракушки и прочее, «для нас потребное».

Не выразив прямого желания торговать с русскими, японцы снова предложили в будущем году прислать судно на остров Кунашир (Полонский, 1871, стр. 460).

5 сентября с Матмая прибыли два японских чиновника. Они передали Антипину, что власти запрещают русским торговать на Матмае: «Иностранная торговля ограничивается исключительно портом Нагасаки и так как в остальных местах она совершенно не разрешается, то сколько бы ни просили, позволения дано не будет. В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно» (Позднеев, 1909, т. II, стр. 35—36).

Внешне японцы проявили к русским знаки внимания и доброжелательства и вручили подарки. Антипин и Шабалин в долгу не остались.

Вскоре бригантину возвратилась на остров Уруп, где предполагалось провести зимовку. Однако неожиданно на острове начались землетрясения. Самое сильное длилось 15 минут. Большая морская волна стремительно ринулась на берег, снесла юрты и сорвала «Св. Наталию», стоявшую на рейде на двух якорях. После землетрясения она оказалась на острове почти в 400 метрах

от берега. Захватив 14 человек, Антипин на байдаре ушел на Камчатку за помощью. Шабалин с остальной командой из 52 человек остался на Урупе. Проходили дни, недели, но никто на выручку не пришел. Попытки спустить бригантину на воду были тщетны. Запасы продовольствия иссякали, а пополнить их за счет промысла нельзя было — после землетрясения морские бобры ушли с острова.

Оказавшись в отчаянном положении, Шабалин со всеми своими людьми на четырех байдарках 28 мая 1782 г. направился к берегам Камчатки, оставив одну байдару и 12 бобровых сетей у Четырнадцатого острова, а другую — на р. Явиной, что на Камчатке. Он привез 61 бобра, 97 лисиц, несколько выдр, соболей (из них 2 выдры и 3 лисицы прислал тоен с острова Кунашир).

В итоге экспедиции Лебедева-Ласточкина на четырех южных островах было обложено ясаком 1500 айнов, обещавших впоследствии принять русское подданство, добыты некоторые новые данные о географическом положении южных островов Курильской гряды и их населении, но в целом задание не было выполнено. Лебедев-Ласточкин понес огромные убытки и, чтобы расплатиться с долгами, стал промыслять у Алеутских островов.

Подводя итоги экспедиции, следует упомянуть некоторые малоизвестные документы, в частности рапорт Антипина в Камчатскую Большерецкую канцелярию от 21 сентября, где описано его пребывание на Курильских островах, землетрясения на Восемнадцатом острове, его взаимоотношения с Шабалиным; перечислены вымененные у японцев вещи: «вотки во фляге японской ведра 3 два, одежда военная, латы под лаком железные и 3 шишаком на голове, два азяма конфетные вышитые под их цветы шелковые и мешурные; три чашки небольшие под лаком» и другие товары.

В рапорте Антипина от 22 октября говорится о торговле с японцами и переговорах с ними, а также о сборе ясака с курильцев. Он пишет, в частности: «А на Двадцать второй остров Аткинскую землю Наноткаму, когда прибыли, тутушной атаман Сомканну Камунампи благоприсойно нас приняв и за родников своих заплатил ясак и по многом обращении, где в разных местах с японцами виделись и с прибывшими тут Матмайской

губернии начальниками и переговоров имели, о чем явственно от слова до слова в приобщенном при сем журнале показан»¹.

Сибирский генерал-губернатор Ф. Н. Кличка писал генерал-прокурору А. А. Вяземскому, что Антипин и Шабалин доходили до Двадцать второго острова, где встречались с японцами и договорились «каждое лето свидание иметь на Двадцатом острове, называемом Кунашир; на предбудущей же случай, чтоб к ним, а им к нам вывозить потребные товары». Согласно этой договоренности, в сентябре 1778 г. Лебедев-Ласточкин отправил из Охотска судно с разными товарами «для утверждения с японцами, начинающегося союзного торгу, к чему они как ис переговоров Компанией ево видимо и склонность оказывали». Кличка отправил Вяземскому карту, переданную ему Лебедевым-Ласточкиным, на которую были нанесены Курильские острова и «части самого Аткиса со изъяснением в ней бывшей церемонии, какая при принятии того Антипина с передовщиком Шабалиным делана была японскими тремя воеводами».

Лебедев-Ласточкин, который «собственным своим иждивением, отправя из Камчатки на дальния Курильския острова в морской вояж несколько судов, имел случай первой свести знакомство с японцами к заведению с ними торга», был награжден золотой медалью с надписью: «За полезныя обществу труды, 1779 года апреля 18 дня».

Результатами плавания Антипина заинтересовалась Академия наук. Она попросила иркутского генерал-губернатора сообщить, какие сведения он получает «из таковых отдаленнейших краев». Ф. Н. Кличка, не имевший права сделать это без разрешения правительства, в рапорте от 13 декабря 1780 г. просил «уведомления, может ли он сие известие о Чукоцкой земле и о Ку-

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, д. 2539, л. 210; «По секрету. Журнал веденной сибирским дворянином и японского разговора толмачем Иваном Антипиным по отбытии от Охотского порта в 1779 г. будучи на Курильских дальних островах с мохнатыми курильцами, а также с иностранными людьми, то есть японцами по свидании какой разговор был с ними учинен о всем значит в сем журнале, начатое по прибытии на Двадцать второй остров, называемой Аткис с 24 июня 1779 г.».

рильских островах бывшего на них дворянина Антипина доставить той Академии»¹.

16 февраля 1782 г. А. А. Вяземский ответил: «Требуемая Академиею о Чукоцкой земле и о Курильских островах известии ея величество сообщать вам позволяет, так и присланные от вас употребляемые теми народами вещи по воле е. и. в. от меня в оную уже отосланы». В тот же день А. А. Вяземский по распоряжению Екатерины II препроводил в Академию наук С. Г. Домашневу присланные от Ф. Н. Клички вещи «для хранения с прочими любопытства достойными вещами» с приложением реестра.

Правящие круги России не могли отказаться от своих давнишних планов относительно северо-восточной части Тихого океана. В частности, они рассчитывали завести на южных островах Курильской гряды хлебопашество и животноводство. Произведенные Антипиным и Шабалиным на острове Уруп посевы пшеницы, ячменя, ржи дали хороший урожай. Наличие на островах леса позволяло создать там базу кораблестроения. Курильцев предполагалось использовать в качестве посредников в торговле России с Японией. В обмен на рыбу и другие товары надеялись получать хлеб для островов северной части Тихого океана, кроме того, проблема снабжения населения этих островов с расширением размаха их колонизации становилась очень острой, доставка же продуктов питания из Сибири была сопряжена с большими трудностями.

Плавание «Св. Екатерины»

Установление торговых отношений с Японией могло в значительной степени ослабить остроту продовольственной проблемы на Дальнем Востоке. Налаживанию торгово-экономических связей с восточным соседом благоприятствовала внешнеполитическая ситуация: западноевропейские государства вели войну против республиканской Франции, в силу чего их внимание к Японии было несколько ослаблено.

¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, д. 2539, л. 56/об.

Необходимость посылки посольства в Японию была осознана уже давно, и требовался лишь подходящий случай. И вот в 1787 г. в Иркутск прибыла группа японцев, потерпевших кораблекрушение. Известный путешественник, академик К. Г. Лаксман¹, пригласил к себе одного из спасшихся, купца Кодая, явившегося в сопровождении казака Е. Туголукова—преподавателя переведенной в Иркутск школы переводчиков японского языка.

По описанию французского путешественника Лессепа, Кодая приятен на вид, глаза не маленькие, нос продолговатый, бороду часто бреет, ростом около пяти футов, довольно статен, носит волосы по-китайски, т. е. посредине головы оставляет один клочок волос (Лессепс, ч. II, стр. 4).

Кодаю рассказал, что 6 августа 1783 г. корабль «Синсё-Мару», нагруженный различными товарами, потерпел аварию и стал неуправляемым. В течение нескольких месяцев его носило по Охотскому морю, и наконец у острова Амчитка он штормом был выброшен на берег. От корабля остались только обломки².

За два года до этого здесь же потерпело кораблекрушение русское судно «Апостол Павел». Из обломков двух судов русские соорудили небольшой бот, на котором в 1787 г. русские и японцы (из 16 спасшихся японцев до 1785 г. дожили 9 человек) прибыли в Нижнекамчатск. Японцев одели, оказали врачебную помощь, и все же трое из них умерло. В 1788 г. японцев доставили в Охотск и в следующем году переправили в Иркутск.

После выражений чувств признательности русским морякам Кодая дал понять, что у него есть мечта побывать в столице «благородного русского царства, которое столь широко распространило свои познания, что

¹ Лакоман Эрик (Кирилл Густавович) (1737—1796) — естествоиспытатель и путешественник, академик. Родился в Нейшлоте (Финляндия). В 1762 г. переехал в Россию. Изучал полезные ископаемые, животный и растительный мир Алтая и Восточной Сибири. Составил план построения дороги от Якутска до Охотска. Интересный экономико-географический материал содержится в его записке «Мысли к распространению торговли по Восточному океану касающиеся» (18 декабря 1792 г.).

² Оросиякоку Суймудан. (Сны о России). М., 1961, стр. 36—37.

даже язык его страны хорошо известен здесь» (Жуков, 1945, стр. 41).

Японский коммерсант интересовался многим: каков состав семьи Лаксмана и где учатся его дети, каких животных, рыб и птиц едят русские, чем и кто торгует в Петербурге, сколько пушек у русской царицы во дворе... Расспрашивал он и о том, какие корабли Россия имеет на Восточном океане, какова численность русских войск в Иркутске и Якутске. Разумеется, не на все вопросы он смог получить удовлетворяющие его ответы, да и сам Кодаю неохотно и крайне туманно отвечал на вопросы академика о стране, которую плохо знали в России и в Европе в целом. Из европейских ученых в Японии к этому времени побывали лишь немецкий путешественник Кемпфер (1651—1716) и швед Тунберг, который в 1775—1776 гг. посетил даже японскую столицу.

После этой встречи у Лаксмана созрела мысль организовать экспедицию в Японию и одновременно доставить на родину японцев, спасшихся от кораблекрушения. О своем замысле Лаксман сообщил в Петербургскую академию наук, приложив карту Японии.

Русское правительство затребовало находившихся в Иркутске японцев, и Лаксман вместе с Кодаю отправился в столицу¹.

В Петербурге Кодаю познакомили с некоторыми влиятельными чиновниками. Свой проект посылки экспедиции в Японию Лаксман вручил А. А. Безбородко. Проект был одобрен Екатериной II. В ее указе 13 сентября 1791 г. на имя Пилю подчеркивалась мысль, что представившаяся возможность возвращения японцев в их отечество открывает «надежду завести с оным [Японией] торговые связи тем паче, что никакому европейскому народу нет столько удобностей к тому, как российскому, в рассуждении ближайшего по морю расстояния и самого соседства» (Полонский, 1871, стр. 468).

Экспедиция должна была действовать только от име-

¹ Трех японцам — Синдзо, Коити и Исокити — разрешили добираться в Петербург с попутным транспортом, шедшим из Кяхты с ревенем. Остальные японцы остались в Иркутске. Сэдо и Синдзо приняли христианскую религию, получили русские имена Федора Степановича Ситникова и Николая Петровича Колотыгина и решили навсегда остаться в России.

ни иркутского генерал-губернатора, и поэтому в случае провала попытки установить торговые отношения с Японией престиж России не пострадал бы.

Пилю было поручено подыскать человека из иркутской купеческой среды и убедить его лично отправиться в Японию или послать своих приказчиков «с некоторым количеством отборных товаров для жителей той страны потребных, по продаже коих могли бы они купить японских товаров, дабы из сего опыта удобно было получить просвещение ради будущих наших торговых предприятий в Японию»¹.

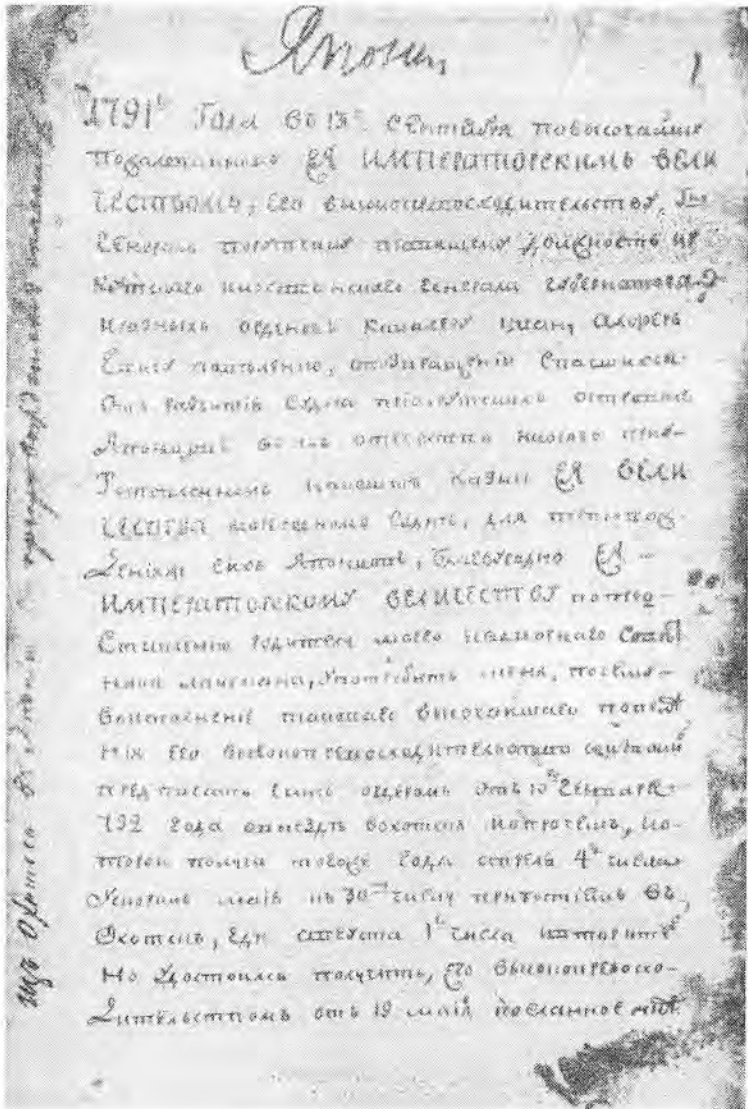
Двух японцев предлагалось оставить при иркутском училище переводчиков и использовать в качестве учителей японского языка, «который при установлении торговых с Японией сношений весьма нужен будет», отдав им в обучение 5—6 семинаристов, чтобы «они со временем могли служить и переводчиками, когда произойдет у нас желаемая связь с японским государством и распространить учение столь нужного к тому языка японского».

В начале 1792 г. К. Лаксман и японцы возвратились в Иркутск, и вскоре нашелся богатый купец Шабалин, который согласился отправиться в Японию. Часть средств на снаряжение экспедиции выделил также Шелихов.

Небольшой караван К. Лаксмана вышел из Иркутска 19 мая. И только 3 августа достиг Охотска. Здесь уже находился сын Лаксмана — поручик Адам Лаксман². Он был поставлен во главе экспедиции, командиром галиота «Екатерина» назначен опытный штурман Василий Ловцов, вторым штурманом — В. Олесов, помощником штурмана — Мухомлев, переводчиками японского языка — Егор Туголуков и Иван Трапезников; в качестве пассажиров — Кодаю, Коити и Исокити, всего около 40 человек. На борт корабля погрузили пушнину, бумажные ткани, зеркала.

¹ ПСЗРИ... т. XXIII. СПб., 1830, стр. 250.

² А. Лаксман служил исправником в Гижигинске, небольшом селении при впадении р. Гижиги в Охотское море. Здесь русские купцы торговали с коряками и чукчами. А. Лаксман с увлечением изучал малоизвестный край. На берегах Охотского моря он собрал много образцов минералов, руд, растительности, наблюдал за жизнью коряков, проводил опыты по выращиванию овощей и картофеля.



Первая страница журнала А. Лаксмана

13 сентября 1792 г. «Екатерина» при попутном ветре вышла из Охотска, взяв курс к острову Св. Иоаны. В письме к академику П. С. Палласу К. Лаксман писал: «13 сентября 1792 г. сын мой Адам покинул Охотский рейд, и я полагаю, что он теперь уже на месте. В августе 1793 г., если все кончится благополучно, он вернется назад, и может быть привезет с собою некоторые редкие вещи и интересные сведения. Кодай и прочие некрещенные японцы разстались со мною, выражая свою благодарность: они плакали как дети. Я с своей стороны, не жалея и собственных средств, сделал что мог для удовлетворения этих островитян» (Лагус, 1890, стр. 250). Лаксман действительно проявил много заботы о людях, потерпевших кораблекрушение, и понятно, почему прощание было столь трогательным...

6 октября «Екатерина» достигла острова Итуруп. На следующий день русские высадились на северо-восточной части острова Эдзо (Матмай, Хоккайдо), где встретили шесть японцев, с которыми обменялись подарками (Файнберг, 1960, стр. 55). Кодаю и его товарищи, естественно, обрадовались соотечественникам. А. Лаксман направился в бухту Немуро; на острове Матмай русских приветствовали айны. Лаксман и Туголуков сошли на берег. Но японцы отказались вступить с ними в переговоры, мотивируя, как всегда, тем, что не имеют специального разрешения начальника. Вернувшись на корабль, Лаксман сочинил дипломатическое послание, изложив причины, побудившие русских зайти в бухту.

12 октября японцы послали губернатору острова Эдзо донесение о прибывшем из России посольстве с посланием Лаксмана на имя «Великого Нифонского государства. Его Тензин-Кубоссага величества Матмайской губернии Главнокомандующему Шимано-Комисаму», в котором говорилось, что, руководствуясь соображениями человеколюбия, русское правительство направило корабль в неведомую страну, подвергая своих соотечественников опасностям и всевозможным лишениям только для того, чтобы доставить Кодаю и его спутников на родину: «Вследствие такового высочайшего е. и. в. повеления, его превосходительство и отправил нас, как для посольства в великое Нифонское государство к главному правительству, так и для доставления онаго государства подданных в свое отечество с подробнейшим опи-

санием о их приключении и обо всем прочем по соседственной смежности»¹.

В послании содержалась также просьба известить власти о прибытии русского посольства, «чтоб главное начальство онаго государства на случай, есть ли по приближении нашем к берегам Нифонского государства, мы иметь будем, не дошед главной пристани, либо в разсуждении погод или других, каких могущих встретиться случаев, необходимую нужду в пристанище, предписало своим подданным, дабы оные нам, как соседственным союзникам без всякаго препядствия безвозбранный вход иметь позволили, не считая нас за противоборствующих и нечестивых противников».

Предположения Кодаю о том, что в гавани придется зимовать, оправдались. Тем временем русские совершали небольшие экскурсии, используя любую возможность для изучения природных условий страны. Впоследствии собранные экспедицией коллекции были переданы Академии наук.

Японцы следили за каждым шагом русских. В результате нехватки свежих продуктов, особенно овощей, многие заболели цингой. 17 ноября 1792 г. участники экспедиции были переселены в казармы и снабжены безвозмездно пшеном и другим продовольствием.

Наконец, 12 декабря из Эдзо прибыл влиятельный чиновник Судзуки Кумадзо и с ним врач Като Кэнго Киотоси, сообщившие, что письмо Лаксмана отправлено в столицу и что им поручено находиться в Немуро для охраны русских от курильцев и для оказания им помощи в случае необходимости.

Судзуки Кумадзо распросил о численности экипажа, именах и фамилиях каждого из его членов, записал числа и «несколько слов российских». После этого достал из книги сложенный лист, на котором было «землеописание обеих половин земного шара» и обозначил четыре части света: Европу, Азию, Африку и Америку. Лаксман отмечает, что это была карта, «по-видимому самого древнейшего издания и многотысячная копия, совершенно не согласующая[ся] с нынешними описаниями»². В этом сказывались отрицательные результа-

¹ ЦГАДА, ф. Воронцова, д. 754, л. 2; оп. 1, д. 2891, л. 6/об.; Берх, ч. 3, 1822, стр. 248—250.

² ЦГАДА, ф. Воронцова, оп. 1, д. 2891, л. 10.

ты изолированности Японии, ее слабой осведомленности и достижениях европейской науки, открытиях русских в северной части Тихого океана. Лаксман тут же показал японцам большой глобус и новейшие географические карты, которые Судзуки стал рассматривать с большим интересом. Всем увиденным японец был «удовольствован равно как и показанными в географии печатными гербами».

29 декабря, накануне нового года, из столицы к русским прибыли два высокопоставленных чиновника Та-набэ Ясудзо, Такусака Рэндзио и врач Гэннан. Они заявили, что, узнав о прибытии русского корабля, решили «по своему любопытству» увидеть посланников великой страны. Чиновники расспрашивали о географическом положении России, ее заводах и фабриках, «о разных рукоделиях», расстоянии от русских берегов до Японии. С большим интересом рассматривали они географические карты и описания обоих полушарий.

Лаксману было ясно, что чиновники прибыли по указанию властей, чтобы окончательно удостовериться в истинных намерениях русского посольства. Нужно отдать должное дипломатической проницательности Лаксмана, всегда умевшего видеть за туманными дипломатическими разговорами подлинные пружины тех или иных действий японцев.

Лаксман рассказывает, что с матмайскими чиновниками установились хорошие отношения: «...в продолжение времени познакомились ближе, посещались между собою нередко, с нашей стороны ходили мы к матмайским чиновникам». Но после прибытия чиновников они к «нам уже ходить не смогли». Что касается переводчика, то ему велено было ежедневно посещать чиновников для изучения японского языка, «о чем и оне просили, как был им нужен перевод с подписей на картах, кои из них всякой иметь старался».

Просьба Судзуки разрешить скопировать карты была удовлетворена: «...и по оной обводил кистью искуснейшим образом без малейшей ошибки. И еще видел у него их сочинения карту острова Матмая, или Едзо с приобщением острова, называемога Карап, которой состоит против северозападной стороны и оную по прозьбе для скопирования получил, скопировавши же и по надписанию оной по-японски лекарем Кенго остава-

лась у штурмана Ловцова для лутчаго соображения в плавании». Так, с каждым днем научные контакты между посольством и японцами расширились, причем заинтересованность проявлялась с обеих сторон.

Новый год встречали торжественно: «Накануне нового года,— рассказывает Лаксман,— зажгли они перед своими идолами курительные свечи, и ходя по углам, бросали жареной горох крича: они васото, фуки уджи, что значит: дьявол вон, добро останься. Каждый японец съедал при том столько горошин, сколько ему лет. В передней угол покоя поставили на подобие хлеба сделанные из муки и сорочинского пшена колобки. Дом обставили кругом елками, на коих навязаны были бумажки и ленточки. В самой праздник нового года оделись все в лучшие платья и ходя друг друга приветствовали желанием щастия. Сие празднование продолжали они почти весь первый месяц. Все, что случилось хотя б незадолго перед новым годом, счислялось у них уже целым годом, так что и младенцу, родившемуся в самом окончании года, всегда считают они уже целый год жизни»¹.

Следует иметь в виду, что первые сведения о нашей стране японцы получили от голландцев, пытавшихся представить Россию и ее народ в весьма непривлекательном виде. Вот почему известие о российском посольстве было воспринято с опаской. Но тот факт, что русские спасли Кодаю и его спутников и доставили их на родину, произвело благоприятное впечатление.

10 февраля японские чиновники Ясудзо, Рэндзиро и врач Гэннан по секрету сказали переводчику Туголукову, что голландцы, желая вызвать неприязнь к русским, говорили, что со всеми, кто попадает в Россию, поступают жестоко, и поэтому весть о прибытии русского корабля была встречена с большой настороженностью. Чиновники признались, что «шли они в здешнюю бухту Нимуро с великою опасностию»².

Из-за подозрительности произошла задержка с ответом на письмо Лаксмана. По этой же причине японцы высказали сомнение в том, что вряд ли император пой-

дет на заключение дружественного союза с Россией, «пока отправленное нами письмо... не получится, в котором не оставили о вашем расположении более к составлению дружбы о ласковом обхождении в бытность нашу изведенном особливо как уверены были от природных наших людей, привезенных вами, кои по жребию попавших на самые отдаленнейшие острова под российском владении состоящие по случаю прислучившихся российских людей сохранены во-первых, от голоду и во-вторых, от нападения островных жителей без помощи и призрения которых могли бы быть побитыми. Сверх того, по врожденной российских людей добродетели были вывезены во внутренние пределы вашего государства и что великая российская государыня, не взирая, что такая маленькая непородного состояния странствующия люди по их желанию, не считая за ущерб и не поставляя за опасность для людей своих» приказала препроводить их на родину. Они выразили надежду, что когда будет получено их донесение «о поведениях и добродетелях вашей... надеямся, что последует к лутчему вашему успеху».

«Еще,— добавил Ясудзо,— я думаю, естли император наш позволит своим подданным производить торговлю с подданными вашего государства, голландцам не весьма оно понравится... как мы видим у вас тоже все, что оне к нам привозят, только в том разница как, по-видимому российское государства весьма в блиском расстоянии от нас, нежели в какой отдаленности Голландия». Поэтому японские чиновники выражали надежду, что их донесение, в котором рассказывается о поведении и добродетелях русских, окажет положительное влияние на решение императора и будет содействовать успеху миссии посольства.

Приведенная запись полностью подтверждается дневником Дайкокуя Кодаю. Капитан потерпевшего кораблекрушения судна в первый же день поделился с соотечественниками впечатлениями о России, ее климатических условиях, природных богатствах, быте и культуре, сельском хозяйстве и промышленности. Он восторженно отзывался о том приеме, который ему был оказан в Петербурге. Проф. Есино приводит следующие слова Кодаю: «Когда я жил в Пэтэрубору [Петербург], меня каждый день приглашали то в одно, то в другое

¹ Известия о первом российском посольстве в Японии под начальством поручика Адама Лаксмана. М., 1905, стр. 10.

² ЦГАДА, ф. Воронцова, оп. 1, д. 2891, л. 14.

место и угощали важные сановники, знатные горожане, а также чиновные лица, прибывшие туда из других государств, так что я никогда не питался у себя на квартире. Сановники часто брали меня с собой во дворец и показывали мне его. Царица так же запросто приглашала меня к себе и разговаривала со мной, и даже наследник престола и царевны, возможно, потому, что японец был для них диковинкой,—подзывали меня и часто беседовали со мной»¹.

Лаксман убеждал японцев в том, что им выгоднее торговать с русскими, нежели с голландцами, тем более что на русском корабле, как в этом легко они сами могли убедиться, имеются все те товары, которые они покупают у голландцев.

Начальник голландской фактории на острове Дэсима не раз пытался внушить японским властям, что «экспансия» России на Дальний Восток угрожает северным владениям Японии (Файнберг, 1960, стр. 56). Однако глава правительства Танума Окицугу (1772—1787 гг.) был заинтересован в расширении внешней торговли и хотел за ее счет преодолеть финансовые трудности.

Многие видные представители самуравийской интеллигенции выступали сторонниками установления торговых отношений с Россией, запрещения контрабандной торговли приморских княжеств, а также против монополии голландцев на ввоз европейских товаров и огнестрельного оружия.

29 марта японские чиновники неожиданно уехали. Кодаю и его спутники были оставлены на русском корабле. Русские терпеливо ждали ответа. Ровно через месяц, 29 апреля, на берегу была замечена процессия. Шествовавшие впереди два высокопоставленных чиновника сообщили, что прибыли в связи с письмом русского посла от 12 октября 1792 г. Они пригласили Лаксмана, Ловцова и Туголукова навестить их и пообещали дать Лаксману ответ на его письмо. Лаксмана и сопровождавших его лиц принимали как посланников великого государства.

У ворот были поставлены два человека с копьями,

¹ Оросиякоку Суймудан. (Сын о России). М., 1961, стр. 12—13.

«в покоях же как у них место стен перегородивается подвижными бумажными щитами так, что из многих покоев по надобности можно сделать большую залу, которая у них для приему и была таким образом устроена. Пришедшие в покой были вторично встречены двумя младшими чиновниками с приветствиями сажаемые на сделанные им нарочно для нас стулья, но кои когда сели и они равно по своим местам с прочими сидящими угощали чаем также поставленными закусками и подносили в лаковых маленьких чашечках вино, называемое на их языке саке, которое выквашивается из сорочинского пшена, потом по приказанию старшего едовского чиновника вынул старшей из матмайских лист бумаги и прочел: «По посланному от вас письму к матмайскому губернатору от 12 декабря прошедшего года и представленному от него при донесении в столицу нашу на рассмотрение для должного по оному исполнению е. в. наш император благоволил послать для распределения и совершенного разрешения в 4-й день генваря сего года в Матмай двух 5-й степени чиновников, которые туда 6 февраля и прибыли и нас трех человек от себя, и четырех матмайских чиновников марта 18-го в здешнюю гавань прислали как для встречи вашей, так и для объявления вам, начальствующему российскому чиновнику и кому следует, чтобы итти до города Матмая с нами вместе сухим путем, что все исполнили и теперь вам объявили» (Берх, 1822, № 3, стр. 253—254).

В ответ Ловцов справедливо заявил, что не может оставить судно и команду и категорически отказался следовать в Матмай сухим путем, не желая подвергать риску личный состав и корабль.

Лаксман решил также остаться на корабле. За это историк Берх подверг его резкой критике. «Читатель, — писал он, — я думаю вознегодует вместе со мною на него и согласится, что ежели бы он не отрекся от следования сухим путем из Немуро в город Матмай, то доставил бы нам гораздо любопытнейшие сведения о малоизвестной стране сей».

Вряд ли можно согласиться с В. Н. Берхом. Лаксман должен был учитывать, что во время следования в Матмай могла возникнуть ситуация, которая потребовала бы его решения.

Переговоры затягивались, и поскольку русские настаивали на своем, японцам пришлось уступить. Корабль получил разрешение на переход в порт Хакодате, где внешне русских встретили очень вежливо, но скрытое недружелюбие проявлялось во всем, в частности запрещался выезд в город и ловля рыбы с берега. Русские обратили внимание на то, что морской берег был разделен на отдельные участки. Японцы объяснили, что у них на каждого человека, смотря по семейству, разделяется часть берега для собирания морской капусты, разных растений и ракушек и что «каждый только на отведенном ему месте и против оного в море промышлять может».

Затем русские в сопровождении японцев поднялись на самую высокую гору острова Хоккайдо; здесь русским были показаны горячие источники ключей, которые «весьма целительны, так как их народ, пользуясь оными, сплошь получают от разных болезней облегчение».

Через час пришли два чиновника. Они заявили, что посланы губернатором, чтобы поздравить русских со счастливым прибытием и объявить, что он их направил по повелению государя «в разсуждении исполнения всего к удовольствию нашему потребного, чтобы находились безвыходно при нас для услуги, и есть ли, когда в чем надобность случится, о сем бы их уведомляли».

В специально построенном для посла доме «наделаны были столы, стулья, скамейки и места для постель, также новой пол бес постилок; прочее же украшение состояло из картин, лаковых ящиков для бумаги, чернильных и для курения табаку приборов, перед домом же был сад с разными деревьями и поставленными из твердого гранита для горшков круглыми педисталами, вокруг коего был низкой забор, но сверх оного обтянут сшитою белою и синею дабою в пять полос, так, чтоб ис покоев, хотя и была не ниска, ничего чрез оной видеть было не можно».

Посольское здание охранялось вооруженными солдатами с зажженными фитилями в руках. Через час Лаксмана пригласили к «чиновнику 5-й степени», предупредив, что он обязан прибыть босиком, а свою просьбу изложить лежа на боку или стоя на коленях.

На это посол ответил: «Всего сего исполнено быть не может, во-первых, как имеет не такое, как них длинное и просторное платье, в котором они хотя и вовсе будут ходить босыми, не может быть приметно снаружи, естли в нашем раздеться, не будем уже совершенного по обряду с обыкновением сообразующаго должнаго виду иметь, в разсуждении поклонения в землю и чтоб сидеть на коленях у нас сего и в обыкновении нет, чтоб могли столь низко унижаться». Чиновники доказывали правомерность своих требований ссылкой на традиции их страны. В конце концов японцы отступили и согласились со всеми доводами русских. 16 июля Лаксману и Ловцову разрешили идти в город. Впереди шли два чиновника, за ними посол, командир корабля и несколько участников экспедиции. Шествие замыкали 450 японцев, к которым перед самым входом в город присоединилось еще 600 человек.

Переговоры продолжались девять дней. Японцы проявляли то добродушие и лесть, то хитрость и лукавство. Уже в первый день Лаксману возвратили письмо на том основании, что перевод на японский язык якобы сделан плохо. Туголуков и японский переводчик усовершенствовали перевод, но и это не помогло. Во время второй встречи японцы отказались принять письмо И. А. Пиля по той причине, что оно неправильно адресовано. Им было разъяснено, что генерал-губернатор не мог знать всех японских чиновников, и что главное не в этом, а в самой сути письма. На следующий день японские чиновники выдвинули другую причину, заявив, что в Матмае вопрос о договоре не может быть решен, в силу чего разрешалось кораблю следовать в Нагасаки, где находятся специальные чиновники по сношениям с иностранцами.

23 июля начался новый тур переговоров, во время которых Лаксман, несмотря на враждебную деятельность голландцев, добился крупного успеха: для торговли с японцами Россия получила право ежегодно посылать в Нагасаки одно судно.

Японцы поблагодарили Лаксмана за доставку на родину лиц, спасенных русскими, а тот выразил признательность японским властям «за оказанные пособия в прозимовании русскому судну в Нимуrowsкой гавани и в шествии его до Каходажской гавани и оттуда в со-

провожении его свиты до Матмая и снабжении всем нужным»¹.

На другой день Лаксману сообщили, что по повелению Тензин-Кубосского величества посольству выделено 61 куль ржи, 27 мешков пшеницы, 3 мешка гречихи, а всего 91 куль, 6 боченков соленого козьего мяса, ручной жернов для помола зерна, 2 сита, «с коих одно проволочною красной меди»².

В Хакодате корабль прибыл через три дня. Лаксмана попросили передать письмо Пилю — свидетельство того, что в Японии были люди, искренне желавшие установить дружеские отношения с Россией.

5 августа «Екатерина» покинула гавань, но из-за неблагоприятного ветра простояла на рейде пять суток. Только 11 августа, дождавшись попутного ветра, галиот вышел в море в сопровождении двух японских кораблей. 8 сентября «Екатерина» возвратилась в Охотск.

Через 20 дней Лаксман сухим путем отправился в Иркутск, куда прибыл 21 января 1794 г. Иркутскому генерал-губернатору были переданы грамота японского императора, журнал о плавании, всевозможные выписки, в которых содержались характеристики экономического и социального уклада жизни курильцев и японцев, а также карты, планы, чертежи и описания посещенных мест. Так завершилась миссия первого русского посольства в Японию.

Итоги экспедиции и ее значение

Главным результатом экспедиции Лаксмана и Ловцова, установившей непосредственный контакт с японскими властями и заложившей основы для торговых экономических отношений с Японией было то, что японские власти разрешили заход одного русского судна в Нагасаки. «Доступ в Нагасаки, — говорится в японской грамоте, — разрешается одному кораблю великаго русского государства с условием, чтоб в других местах не приставали и с объявлением, что христианская вера не

терпитя в нашем государстве, а потому в продолжение посещения никакое богослужение отправлять не дозволяется; если же впредь какой-нибудь договор будет заключен, то каждое противузаконное действие, как мы уже предписали, будет запрещено. Для соблюдения сего мы передаем это удостоверение Адаму Лаксману» (Лагус, 1890, стр. 265).

Настойчивое стремление русских к дружбе с японцами вызвало благожелательные отклики, и многие японцы, особенно представители интеллигенции, проявляя большой интерес к России, стали изучать русский язык. Русские карты, переданные Лаксманом, оказали положительное влияние на японскую картографию (Lenzen, 1954, p. 7).

Об итогах экспедиции было доложено Екатерине II. 13 июня 1794 г. она приняла в Царском Селе Адама Лаксмана и Василия Ловцова. 10 августа последовал указ сенату о награждении участников экспедиции.

Результаты научных исследований были изложены в письмах, докладах, рапортах Адама Лаксмана и Василия Ловцова. Так, из рапорта Лаксмана от 24 февраля 1794 г. известно, что он привез 59 моллюсков, «раковых» рыб и червей, 65 гербариев горных и садовых растений, 65 листов, содержащих зоофиты и мхи (эти ценные коллекции были переданы Петербургской академии наук). Сообщалось также, что на японских островах произрастают клен, дуб, береза, ольха, ива, липа, пихта, ясень, осина, бук, сосна, ельник, каштан, яблони, черемуха, боярышник. В низких местах, вблизи рек, растет клюква, брусника, голубика, черника, ежевика и другие ягоды. Несомненную ценность представляет выполненное Лаксманом географическое описание острова Матмай (Хоккайдо).

Следует отметить, что программа научных исследований полностью не была выполнена. Участники экспедиции, лишённые свободы передвижения, должны были отказаться от плавания на байдарках и не смогли подробно описать побережье. Не удалось также купить чайные и другие семена, а также выполнить задание по сбору «полезных к любопытству сведений, развязки и дополнению известий, полученных через Кемпфера и других путешественников» (Полонский, 1871, стр. 539).

¹ «Известия о первом российском посольстве в Японию...», стр. 27.

² ЦГАДА, ф. Воронцова, оп. 1, д. 2891, л. 61.

Ботанические исследования на острове Матмай проводил Ловцов. «Лес на Матмае,— писал он,— в изобилии — дуб, клен, ель, пихта, береза, местами есть ореховый и яблонный плодовые лес, а кроме того довольно и других разного рода прекрасных деревьев, коих нигде мне видеть не случилось, вообще как к строению нужного, так и плодovitаго леса избыточно; также и дикаго белаго крупнаго и краснаго винограда изобильно». Он сожалел, что не смог детально описать остров из-за «малости бывших с нами людей, из коих многие были одержимы цынгою, сколько и ради удаления всякого на нас подозрения» (Полонский, 1871, стр. 541), но все же ему удалось скопировать план острова.

Об острове Матмай Ловцов 18 января 1794 г. сообщил следующие сведения: «Остров исполнен множеством равнин и вообще земель удобных к произведению лучшего хлебопашества; но природные жители, японцы, мало в том упражняются, ибо хотя имеют пашни около города, но самую малейшую часть, в самой близи; а мохнатые, живущие на Двадцать втором острове возделыванием земли вовсе не занимаются, а получают, вообще с японцами, зерно хлебное в пищу с Нипона».

На острове проживало около 7 тыс. человек. Айны жили в шалашах, покрытых травой. Они не раз выступали против своих поработителей, а однажды (1788 г.), напав на японское судно, стоявшее в пристани Чуруи, убили 75 японцев. «Мохнатых» курильцев японцы использовали на самых тяжких работах: для «перенесения с места на место разных тяжестей и в прочие работы употребляют и содержат в великом порабощении, даже до самого Матмайского градосодержателя... а от того очень приметно, что все курильцы крайне японцами недовольны, что изображали они чрез разные движения при разговорах с нами, чинимых украдкою, по ночам, ибо вьявь говорить с нами не смели».

Положительную оценку экспедиции дали академик К. Лаксман, И. А. Пиль и Г. И. Шелихов.

Представляя к награждению участников экспедиции и характеризуя деятельность Адама Лаксмана, Пиль отметил, что посол «исполнил порученную комиссию, сколько настоящие обстоятельства позволять могли,

учиня описание многим неизвестностям, кое послужит как новейшее многому любопытству».

Отмечена также большая роль в организации, подготовке экспедиции охотского коменданта И. Коха, который и «при отправлении в Японию в прошлом годе и экспедиции исполнил все до оной касающееся и от меня особенно на него возложенное с желаемым успехом и соблюдением казенного интереса».

Убежденный в том, что в результате посольства Лаксмана открылись пути для торговли с Японией, Пиль, основываясь на рапорте Г. И. Шелихова¹, предлагал послать новую экспедицию в Японию или, как он писал, «учинить повторение дальнейшего испытания, чрез которое бы достигнуть до постановления дружеских взаимных и торговых условий между обеими державами... но сего вторичного покушения нельзя иначе произвести, как через особую и подобную ныне возвратившейся экспедицию». Для этой цели он считал необходимым построить особое «лучшей конструкции транспортное судно, поелику ныне возвратившееся транспортное судно не может уже быть прочным и совершенно способным к дальнейшему плаванию», а начальником экспедиции отправить из природных российских штаб-офицеров, и совершенного патриота, которому можно дозволить для приобретения от японцев большого уважения к возложенному на него делу...

В установлении торговых сношений с японцами серьезным конкурентом для русских, считал Пиль, могут стать голландцы и англичане, но сами японцы через небольшой промежуток времени воочию убедятся в том, что товары из «северных держав гораздо прочнее привозимых голландцами», поскольку известно, что «вывозимые через северные страны изделия мануфактуры лучше сохраняют свое качество... нежели те, кои вокруг света чрез жаркий пояс привозятся». Русские купцы получают возможность на Алеутских и Курильских островах покупать по недорогой цене сушеную и соленую рыбу в «превеликом изобилии» и вывозить ее в Японию, «как вещь там весьма нужную, по причине, что рыба... есть там важнейший и питательный почти для всей Японии продукт». В Японии же

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 105.

можно купить много нужных для Камчатки, Охотска и других мест Дальнего Востока товаров: пшено, медь, железо, которые «удобно и выгодно и без малейшие в цене тягости тамошним жителям, особливо сорочинское пшено и другие хлебные семена, яко вещи к пропитанию в тамошних бесхлебных местах нужные, несравненно дешевле будут проданы, нежели привозимые туда, а наипаче из Иркутской области хлеб ныне казной туда поставляемый в рассуждении трудного из Якутска в Охотск транспорта весьма дорогой ценой, да и ту еще пользу произведет, что менее уже потребуетя туда доставлять казенного провианта, следовательно менее казенных издержек на будущей время происходит будет».

Иркутские купцы уже в 1795 г. начали готовить мореходное судно для плавания в Японию. Степан Киселев, Алексей Полевой и Влас Бабинов просили К. Лаксмана исходатайствовать «на сей новый похвальный подвиг высочайшего... соизволения». В письме от 7 декабря 1795 г., направленном Екатерине II, Лаксман признавал «настоящее время, занимающее европейские купеческие народы войной и недозволяющее им с завистливыми намерениями помышлять об отдаленных отраслях торговли, за наимуднейшее к утверждению торгового знакомства»¹.

В качестве повода для новой экспедиции и на этот раз рекомендовалось использовать отправку на родину 15 японцев, судно которых потерпело кораблекрушение у одного из Андреяновских островов. Они были спасены и доставлены русскими в Охотск. 16 марта 1796 г. генерал-майор Л. Т. Нагель сообщил Государственному совету об обстоятельствах гибели японского судна, шедшего в Эдзо с рисом. В указе, подготовленном в связи с рапортом Нагеля, говорилось, что японцев следует доставить в Японию на казенном или купеческом судне, а с ними несколько купцов с такими же товарами, какие были у Адама Лаксмана, ибо новое путешествие может «доставить обстоятельнейшее о Японии сведение и способствовать распространению Российской торговли» (Головнин, 1851, стр. 12).

Новую экспедицию послать не удалось. В. М. Головнин полагал, что «беспокойство, причиненные Европе

французской революцией, было тому причиной». Возможно, экспедиция не состоялась и потому, что компания Г. И. Шелихова и И. И. Голикова, получившая монополию на промыслы, решила захватить инициативу в организации новых экспедиций, в том числе и экспедиции в Японию, а возможно и в связи со смертью Екатерины II, энергично выступавшей за восстановление торговых связей с Японией.

Экспедиция Лаксмана служит свидетельством усилий России, направленных на установление дружественных отношений с Японией. И, как отмечает американский историк Лензен, первые связи русских начались по инициативе России, и даже вопреки желанию японского правительства. Первое русское посольство в Японию, несмотря на неблагоприятные условия, в которых протекала его деятельность, сыграло положительную роль в истории русско-японских научных связей (Lenzen, 1954, p.6).

Глава 6

Шелихов и освоение северо-западной Америки

Новый этап в истории географических открытий и исследований в Тихом океане был связан с деятельностью Российско-Американской компании, в организации которой решающую роль сыграл Г. И. Шелихов.

Григорий Иванович Шелихов родился в 1747 г. в городе Рыльске Курской губернии, в купеческой семье. Еще в ранней молодости его заинтересовала Сибирь и прилегающие к ней неизведанные земли. Он неоднократно бывал на Дальнем Востоке с поручениями по торговым делам. С 1775 г. после смерти родителей он переселился в Охотск, и вскоре по его инициативе началось строительство судов для плавания к островам, открытым русскими в Тихом океане в первой половине XVIII в. В 1781 г. Шелихов отправил к Алеутским островам три корабля. Одним из них, «Св. Георгием», командовал штурман Герасим Прибылов, открывший два острова, лежащие к северу от острова Уналашка, названные впоследствии его именем. По богатству котиками эти острова не имели себе равных в мире. Вернувшись в 1790 г. в Охотск, Прибылов привез много

¹ ЦГАВМФ, ф. О морских экспедициях, д. 131, л. 215.

ценной пушнины, тысячи морских бобров, котиков, голубых песцов, моржовых клыков и 500 пудов китового уса.

Для плавания к Алеутским островам в 1783 г. Северо-восточная американская компания Шелихова и купцов братьев Голиковых построила три галиота: «Три Святителя», «Симеон и Анна» и «Св. Михаил». 16 августа 1783 г. они вышли из устья р. Урак в Охотское море, взяв курс к острову Беринга. На галиоте «Три Святителя», которым командовал штурман Г. А. Измайлов, находился Шелихов с женой и двумя детьми. Командир галиота «Св. Михаил» штурман В. Олесов отказался идти к острову Беринга и соединился с Шелиховым только через три года, в 1786 г.

Проведя тяжелую зимовку на острове Беринга, «Три Святителя» и «Симеон и Анна» весной 1784 г. двинулись в путь, попутно посетив Капитанскую гавань на Уналашке. 3 августа суда были уже в бухте острова Кадьяк, на котором было основано постоянное поселение, положившее начало русским колониям в Америке. На юге острова Шелихов предложил заложить гавань и назвать ее Три Святителя по имени одного из галиотов. Шелиховцы приступили к добыче дорогих мехов и к исследованию американского берега и Кенайского залива.

Весной следующего года Шелихов послал отряд для изучения местности между берегами Кадьяка и Аляски. К августу отряд возвратился и зимовал в Калукском селении, где в самых тяжелых условиях продолжал исследования побережья Аляски, а также севера и запада острова Кадьяк. На острове была найдена медная руда, слюда, горный хрусталь, строительные материалы. Кенайский залив был детально описан и нанесен на карту.

Поселение русских значительно разрослось, и выходцы с Оки и Волги начали «обживать» Новый Свет. На Кадьяке росло много прекрасных строевых деревьев, их стали успешно использовать для постройки судов. В Кенайском заливе и на острове Афогнак были заложены крепости.

Весной 1786 г. Шелихов покинул Кадьяк, взяв с собой несколько молодых аборигенов. «Должен отдать народу сему справедливость,— писал Шелихов,— в ост-



rote ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки и некоторые до отъезду моего столько выучились по-русски говорить, что без нужды можно было их разуместь. Я оставил таковых 25 мальчиков, которые гораздо охотнее желают быть с россиянами¹. В Иркутске они показали незаурядные способности и прилежание, и их обучали грамоте, пению и арифметике. В инструкции, которую Шелихов дал Е. И. Деларову, говорилось: «...двух ребят американцев учить мореплавание, арифметике и морской науке... чтобы со временем были из них мореходы и добрые матрозы; также мастерам разным учить их надобно, особливо плотничеству... держи их при себе, содержи пищею... кто учить хорошо, тем гостица пришлю на судне. Затем всем добрым молотцам объяви мое доброжелательство и поклоны».

Но и после возвращения из Америки Шелихов уделял огромное внимание хозяйственному освоению Аляски и прилегающих к ней островов.

30 августа 1789 г. Шелихов писал Деларову: «От иностранцев бутте осторожны: Англия, Пруссия, Швед, Голандия и Турецыя российские неприятели, оне могут переменить и флаги; а потому и должны вы всех иностранцев опасатца и быть во всяком случае осторож-

¹ «Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 г. по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию...», СПб., 1812, стр. 40.

ным, наставления храни все. И отнюдь ныне кому секретов, вверенных тебе, не открывай, помни священные слова: бутте мудры, яко змии, а целы яко голуби», а в заключение предупреждал: «...не допускать ни до малейших не только обид, но и огорчения американцев»¹.

Гуманным отношением к островитянам Шелихов завоевал их уважение. «Таким образом, — писал он, — приобрел я к себе от них столь великое благорасположение, что они наконец все назвали меня своим отцом». И далее он с гордостью писал: «Я могу сказать и хвалиться тем, что когда узнали они о моем отъезде, то столько о том печалились, как будто все уже потеряли».

Торговую компанию Шелихова и Голикова поддерживал И. А. Пиль, постоянно информировавший правительство о ее деятельности. Компания развернула работы по исследованию побережья Аляски от Кадьяка до 57°—59° с. ш., в результате чего были открыты многие острова «к берегу американскому прилегаля, и найденныя две гавани, важностию своею первым двум тамо уже известным, Кадьякской и Чугатской, не уступающие, конечно, будут ободрять упование мое». Одна из гаваней была расположена в заливе Якутат, вторая — в бухте Лытуа. Проживавшие здесь аборигены просили принять их в подданство России.

Пиль одобрительно отзывался о важности действий компании в тот момент, когда «аглинские промышленники развязаны были излить все мщение свое на частных российских мореходцев за промыслы, толико им важныя, неоспоримо доказывает, сколь удерживано было дальнейшее покушение иностранцев на северной берег, ими устремляемое»².

Плаванья компанейских судов, по мнению Пилия, позволят распространить торговлю на Курильские и Алеутские острова, Японию и Калифорнию. Он предложил, чтобы «гербы и железные доски» с надписанием на них Земля Российскаго владения утверждены были на знатнейших бухтах и гаванях таким же порядком, как и у берегов самая Америки», понимая, что со временем они будут служить доказательством того, что эти земли были впервые открыты русскими.

¹ «Русские открытия в Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в.», М., 1948, стр. 287—288.

² Там же, стр. 299—300.



План полуострова Аляска, составленный штурманом Бочаровым

В рапорте от 14 февраля 1790 г. Пиль отмечал: «Преткновение англичан и гишпанцов к берегам Курильских и Алеутских островов и к самой Америке теперь можно признать вашему величеству за одно из отважнейших предприятий держав оных, устремленное ими на совместничество в таких пределах, которые и по правам первого открытия экспедиции ваших вовсе утраченными от них быть должны». »

Из разных источников, и особенно из донесений русских промышленников, известно о посещении европейцами Аляски и островов, принадлежащих России. В течение 1786 г. в Кенайскую губу вошли два английских корабля, два других крейсировали у Кадьяка. Поздно осенью здесь побывало еще три корабля и один ялбот, торговавшие с аборигенами. В мае 1788 г. в Кенайской губе около шести дней находилось двухмачтовое судно. В июне того же года одно судно встало на якорь у острова Шелидак, другое — у острова Тугидак. Моряки, по-видимому испанцы, дарили островитянам разные европейские вещи и серебряные медали.

Коренные жители, поощряемые иностранцами, нападали на русских промышленных людей.

В 1786 г. английский двухмачтовый фрегат под командой капитана Мезрз заходил в Капитанскую бухту. Экипаж корабля насчитывал 35 человек, из которых половина были индийцами. Англичане заявили, что они следуют из Ост-Индии шестью фрегатами вдоль американского берега до бухты Нутки (48°—49° с. ш. по их карте).

Летом 1788 г. в Капитанскую и Калехтинскую бухты из Калифорнии по повелению вице-короля Испании пришли испанские фрегат (командир Зончало Лопес Дегаро) и пакетбот с экипажем в 130 человек.

Тревожные вести в Петербург шли из Америки от Н. А. Шелиховой и Ивана Голикова, сообщивших в феврале 1796 г. Екатерине II о том, что летом 1794 г. в Кенайскую и Чугачскую бухты «в присовокупленные к России воды американские» прибыли два английских корабля: «Дискавери» под начальством капитана Ванкувера и «Чатам» под командой лейтенанта Питера Пюджет. Несмотря на то что здесь уже были промышленные русские люди, англичане, как пишет Голиков, «не посовестились утверждать права свои к присвоению

Америки на северо-западе от Нутки до самой Кенайской губы и сразу же приступили к детальной описи Кенайской и Камишакской губы «до самой внутренности Земли».

В 1788—1789 гг. Мезрз вместе с В. Дугласом, Д. Колнетом и Р. Гудсоном совершили второе плавание. Их попытке основать поселение на берегах залива Нутка воспрепятствовали испанцы. В 1789 г. Мартинес во время второго путешествия занял порт Нутка, взял в плен Колиета и отправил его в Мексику. Только по англо-испанскому договору от 28 октября 1791 г. испанцы вернули Нутку англичанам. В 1789—1792 гг. была осуществлена первая американская экспедиция на шлюпах «Леди Вашингтон» и «Колумбия» под командой капитана Р. Грея. 7 мая 1792 г. он открыл устье реки, назвав ее по имени шлюпа, Колумбией (Фролов, 1855; Магидович, 1962; Brand, 1967).

Англичане добивались встречи с правителем компании А. А. Барановым «для разводу границ, за которых бы россиянам промысла ради не переходить», но тот не смог встретиться с английскими мореплавателями, «да и к счастью ибо не его дело полагать меж, сие дело есть государственное». Англичанам пришлось удалиться не солоно хлебавши. Однако от своих замыслов они не только не отказались, но прибегли к угрозам, заявив, что «через два года для занятия сих мест прибудет в Кенайскую губу пять или шесть их военных кораблей»¹.

Голиков был озабочен. Поэтому он обратился к правительству и просил его указания «при подобных встречах каких правителю нашему держатся правил? Какие делать возражения? Какие употреблять изгибы для предохранения пользы государства?».

Здесь же Голиков высказывает беспокойство в связи с малочисленностью военной силы, в результате чего «селения наши будут добычею покушений чуждых: тамо нет российского ополчения, чтобы им противопоставить». Голиков жалуется на отсутствие у компании мореходов и штурманов. «Медленность в лучших заведениях,— пишет Голиков,— которая бы доселе могли быть в превосходство цветущем состоянии происходит

¹ АВПР, ф. Сиб. глав. Архив, П-3, 1783—1796, д. 1, л. 32/об.

от скудости в мореходах штурманах», хотя руководители трудов своих не жалеют, но безуспешно, так как «управлять и действовать судами нет никого, один наличный штурман и тот уже в болезнях». И Голиков просил повеления Адмиралтейств-коллегии о выделении пяти-шести или «сколько-нибудь добрых мореходов».

В столь сложной обстановке во весь рост встала задача освоения края, удаленного от экономических и культурных центров страны. Для того чтобы поднять уровень его производительных сил, начать разработку естественных богатств, завести хлебопашество и скотоводство, развить промыслы и продолжать географические открытия, необходимо бы привлечь не только людей, умудренных опытом и знаниями, но и коренных жителей. Без этого Россия не смогла бы закрепить всего того, что было обретено ею в результате великих географических открытий XVII и XVIII вв.

Пиль в своем ордере на имя Шелихова от 11 мая 1794 г. высказал пожелание, чтобы всех местных жителей, которые изъявляют желание жить вместе с русскими, стараться «научать всем тем работам, изделиям и упражнениям, кои сами они знают, дабы современем и сии американцы не токмо могли быть гражданами сего первого в Америке заселения, но и пригодны бы были служить на мореходных судах за добровольную плату и другими нужными по времени упражнениями заниматца, и чтоб потому не было уже нужды посылать туда ремесленных и хлебопашцов из России»¹.

Хозяйственное освоение края должно проводиться одновременно в нескольких направлениях. В первую очередь компанейские правители должны были продолжать «труды свои к распространению новых открытий по Северо-восточному морю и на берегах северной части Америки», а направленные ими люди как можно быстрее «проехать желанная пользы как в строении тамо судов, так и заведении хлебопашества».

И. А. Пиль считал, что для безопасности всех русских в Америке от «нечаянного нападения» необходимо построить крепость, которая должна была надежно прикрывать первое русское поселение. Жилые дома в первом русском поселении должны располагаться за

крепостными укреплениями. В этом поселении городского типа должны быть широкие улицы и площади, вдоль которых можно будет в будущем возвести различные здания для административных и культурных целей. Кстати сказать, дома, церкви и другие здания, построенные русскими в те времена в Америке, до сих пор сохранились как памятники зодчества.

Помимо заведения хлебопашества и установления торговых связей с другими тихоокеанскими государствами следует, по словам Пилья, начать поиски руды и строить железодельательные заводы. Для образования семенного фонда необходимо завести запасной магазин, в который следовало откладывать определенную часть семенного хлеба: «Таковое учреждение, единожды заведшееся, останется вечным в обыкновении и полезным для выгод там жить одолжающихся. Равномерно и огородные произрастения, сберегая на первый случай, умножить семена оных до такого избытка, чтоб на случай неурожая в посев и во всегдашнее потом употребление в пищу доставать могло, а затем всегда в избытке еще бы оставалось». Возделывание же конопли и льна поможет избавиться от ввоза парусов и снастей из центральных районов России.

Местных жителей надо обучать не только говорить по-русски, но и словесной науке и математике, художествам, а также хлебопашеству и скотоводству, «тем паче что американцы естественно остроумны, понятливы, проворны и крепкаго сложения и, следовательно, способны ко всем таким приобучениям».

И наконец, особое внимание следует уделить Курильским островам, в частности острову Уруп, на котором предлагалось завести земледелие, так как через жителей легче всего можно установить дружественные отношения с Японией.

В соответствии с приказом иркутского генерал-губернатора Г. И. Шелихов 9 августа 1794 г. направил письмо правителю Северо-восточной американской компании А. А. Баранову, в котором изложил обширную программу хозяйственного освоения Аляски, Алеутских и Курильских островов. Он привел убедительные аргументы в пользу того, что русское поселение следует «несравненно лучше завести на матерой земле, нежели на острове, куда всегда могут притти иностранцы, от

¹ «Русские открытия...», 1948, стр. 329.

коих в нужном случае удобнее можно сыскать и убежище на матерой земле; да и в прочем, по известным вам политическим причинам, должно более стараться матерую землю занимать, нежели острова».

Шелихов склонялся к тому, чтобы такое поселение основать за мысом Св. Ильи: «При хорошей судоходной реке, по которой бы можно было с удобностию доставать лес к кораблестроению и самое кораблестроение производить, или при озере, или по крайней мере при иных каких истоках, здоровую воду имеющих; также, чтоб вблизи был строевой лес, поле для пазбы скота, и для всевания хлебов... или же искать таковое место в пределах чугачских или кинайских, где так же воздух, времена года, земли, воды состоят хорошие».

Шелихов просил Баранова спешно составить план местности, «разбить по оному крепость и селение» и, заготовив материалы, начать постройку в первую очередь крепости, наименовав ее крепостью Св. Екатерины.

Для непосредственного руководства строительством крепости и селения в качестве помощника А. А. Баранова Шелихов направил И. Г. Поломошного. К сооружению крепости и редутов предлагалось привлечь до тридцати «вооруженных и всем снабженных промышленных, выбрав хорошаго поведения, и таких, кои хорошо знают плотнишную и столярную работу, и другие мастерства, как-то кожевенное, мыловарение, дело кирпичей и глинянной посуды, и прочие, необходимые на первый случай к заведению экономии, мастерства» и за особую плату пригласить до ста «кадыцких мужиков, лутчих, кои по-русски говорят, или других американцов или алеут, оставить в сем заселении дотоле, доколе, могут они все нужное к общежитию обстроить и экономические заведения завести».

Вдохновленный величием замысла Шелихов стремился воодушевить и правителя компании. «Надеюся на вашу расторопность, искусство, радение и чувствование,—писал он Баранову,— что вы первым будете основателем благоустроеннаго жилища на земле, от пачала мира онаго не имевшей».

Селение Шелихов рекомендовал наименовать в честь российского народа Славороссию. В нем должны были быть широкие улицы, просторные площади, украшенные обелисками в честь русских патриотов. Это,



План Чугачской бухты

конечно, осталось смелой фантазией, но на Кадьяке все же было осуществлено немало замечательных дел.

Компани, по глубокому убеждению Шелихова, следовало заниматься не только промыслами, но и земледелием, скотоводством, добычей и переработкой руды. Он направил в распоряжение Баранова и его помощника 59 пудов 39 фунтов ржи, 10 пудов 35 фунтов ядрицы, гороху 8 пудов 10 фунтов и семена различных огородных культур. Шелихов предлагал снабдить поселение острова Кадьяк картофелем, «так как оные у вас хорошо плодятся». Были направлены и сельскохозяйственные орудия и скот.

Для обработки земли рекомендовалось использовать быков, а на первый случай — людей, которые могут обработать землю кайлами и лопатами. «Всего бы лучше, — пишет Шелихов, — ежели бы вы вымыслили машину, с посредством которой бы удобно можно было орать землю».

Шелихова постоянно занимала мысль об увеличении численности населения, так как без этого проекты освоения повисли бы в воздухе. Шелихов — сторонник смешанных браков: «Холостых ныне посланных поселян постарайтесь обженить на хороших американских девах, для чего нарочно послал я к вам на подарки невестам их и будущим женам разных вещей, к одежде нужных, коими при свадьбе каждого женившегося и снабдите».

Заслуживают внимания рекомендации относительно судостроения и выбора подходящего места для верфи, которую следует построить вблизи леса, поскольку существующая верфь в Чугачской губе хотя и удобна, но не имеет «токмо годного к строению лесу», который приходится доставать с Грековского островка.

И здесь снова, лестно отзываясь о способностях аборигенов, Шелихов говорит о необходимости обучения их не только плотницкому, столярному и кузнечному делу, но и другим профессиям, «а особливо, что принадлежит до компаса, который весьма нужно, чтоб они знали, и в заключение просит Баранова продолжать дальние поиски «в пространстве моря и открытии мест на матерой американской земле, и порядочного оных описания и положения на планы».

Шелихов сообщил Баранову, что он создал новую

компанию под названием Северной Американской во главе с купцом Меркульевым, которая должна была объединиться с другими компаниями и наладить торговлю с народами, живущими на американском берегу, «противу лежащем Чукотской земле в самом уском месте не более, как на восемьдесят верст чрез море относящей от той Чукотской земли, да и на самой той Чукотской, так как чукчи, не имея у себя более кости моржевой и китовых усов, прочие пышные товары, русским от них достающиеся, получают от соседственных им чрез помянутое малое разстояние американцев».

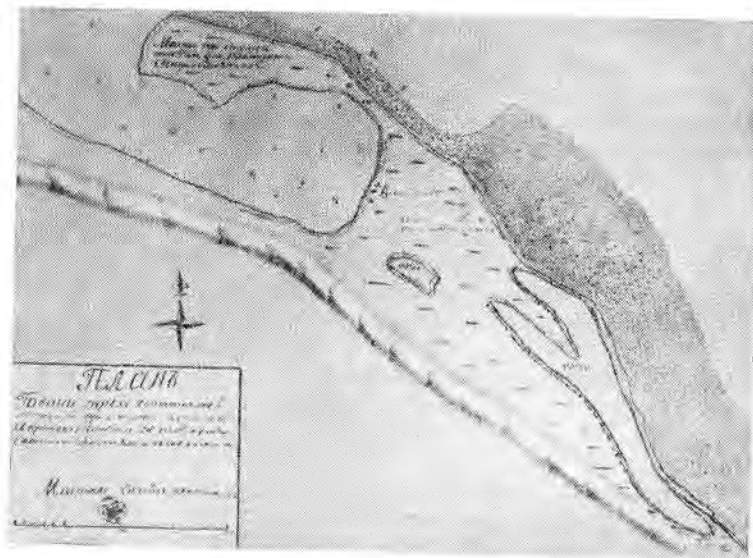
Таким образом, по плану Шелихова новая компания должна была исследовать оба берега, лежащих против Чукотского полуострова, а земли, лежащие к северу от него, — Северо-восточная американская компания, где следовало построить «магазин для компанейского экипажа, и тем закрыта от неприятствующих иногда европейцев, могущих покуситься нанести вред компании». Помимо всего этого Баранов должен был проводить дальнейшие поиски земель до бухты Лыгуа, чтобы европейцы не могли «в чем-нибудь упредить».

Опорной базой Северной Американской компании должны были служить острова Павла и Георгия, куда было направлено судно с 70 промышленными людьми, разными товарами и инструментами.

Однако Шелихов был убежден в том, что для экономического развития русских поселений «нужно распространить мореплавание столько и затруднителен, тем, что не во всякое время все нужное можно туда доставить, наипаче же из вещей тяжесть имеющих. Морем же привозимые туда вещи не только дешевле в Америке и на островах могут быть продаваемы, но и всегда в довольном количестве, сколько надобность потребует, могут быть туда доставляемы; избытки же от расходов товаров в Америке и на островах привезутца в Камчатку и в Охотск».

И теперь, продолжает Шелихов, имеются благоприятные условия для морской торговли, так как в Америке было положено начало кораблестроению.

Много фактического материала содержится в письмах Натальи Алексеевны Шелиховой, женщины энергичной и наблюдательной, разделившей с мужем тяготы его путешествий.



План гавани Трех Святителей

В ее записке о деятельности компании отмечается, что артель промышленников, обосновавшаяся в Кенайском заливе, завела торговлю с местными жителями, как и артель в Чугачском заливе, которая в 1794 г. построила «3 судна из тамошней лисвины, один прекрасной фрегат «Феникс» с 24 пушками и два малых «Пегас» и «Олег». В созданной компанией на острове Кадьяк школе «американские» дети учатся русскому языку, арифметике. Вывезенные Шелиховым в 1786 г. и обучавшиеся в Иркутске дети были обучены игре на разных музыкальных инструментах и в 1793 г. были отправлены обратно на Кадьяк «к удовольствию тамошних жителей, имеющих склонность к веселостям»¹.

Н. А. Шелихова сообщает, что на Восемнадцатом Курильском острове Г. И. Шелихов основал поселение такое же, как и на Аляске, названное им Славороссией. Для освоения Алеутских островов Шелихов основал компанию из 200 человек, которая должна была зани-

маться промыслом морских котиков и моржовой кости. Главным центром компании был избран остров Уналашка. Намерение Шелихова состояло в том, чтобы компания подчинила своему влиянию и «в севере к Берингову проливу лежащие острова, и обо противу лежащие друг другу Азиатской чукоцкой земли и американские матерья берега, завести с тамошними народами торговлю и где можно крепостцы и поселения поставить и тем самым предупредить приходящих туда завистливых иностранцев, обирающих у островитян на безделушки богатую рухлядь»¹.

В письме от 22 ноября 1795 г. Н. А. Шелихова сообщила о заходе Д. Ванкувера в русские воды (56° с. ш. и 250° в. д.) в Кенайский и Чугачский заливы. Англичане расспрашивали о занятиях русских и с давних ли времен владеют они этими землями, на что промышленники отвечали, что земли до 55° с. ш. принадлежат России с 1741 г. На притязания англичан, сославшихся на то, что Кук первым из европейцев побывал у берегов Америки, Шелихова отвечала, что их притязания беспочвенны, что Беринг и Креницын достигли «точно тех американских берегов и были в местах, лежащих близь 55° с. ш.—все английские сочинения и карты о сей части Новаго Света, да и самово Кукова, свидетельствуют сию истину, когда на сих картах означеноывают мест, где остался в 1741 г. российской штурман Дементьев с 17 человеками ему подчиненных, потому россияне в уме и проводят черту своей принадлежности по означенному 55 градус. Правда, что помянутые российские мореплаватели, касаясь сих берегов, не могли точно тогда определить, что материка ли касались или до островов, но последующее время оправдало их мнение, что они достигли самого материка».

И это, говорит Н. А. Шелихова, подтверждается сочинением Кука (изданным в Лондоне в 1780 г.), который изучал материалы о морских путешествиях русских в северной части Тихого океана. «Ежели бы англичане стали уличать, что свет не имеет сообщенных точных о том сведений, что Россия со времен 1741 г. совершенно приобрела означенные места, то можно вопреки сказать, что каждая нация имеет право — тайну одной

¹ ДВПР, ф. РАК, оп. 888, л. 41, л. 10.

¹ ДВПР, ф. Сиб. глав. архив, П-3, 1783—1786, д. 1, л. 5—5/об.

ей лишь принадлежащую для пользы своей от других таить и вследствие того можно сослаться на медные доски, в разных местах и разныя времена по берегу американского материка секретно поставленными российскими мореплавателями».

С глубокой озабоченностью Шелихова писала, что если в самом спешном порядке не будут приняты меры, то англичане «яко народ в мореплавании искусной, к торговле привязанной, и в Нотке своей имеющей уже колонию, могут чрез медленность нашу нанести вред нам по своему соседству не только опромышляванием зверей в водах нам принадлежащих и обторговыванием американцев от времени до времени России привержаемых, но и распространением своих заселений в тех же самых пределах, после чего сживать их весьма будет трудно».

* * *

Обладая широким для своего времени научным кругозором, Шелихов понимал, что успех промыслов в решающей степени будет зависеть от правильно составленных морских карт тех районов Тихого океана, где производится промысел. Поэтому компания приглашала на службу опытных штурманов, нередко из военно-морского флота, которым поручалось описывать и измерять глубины заливов, проливов, бухт и т. п. Ими были составлены описания Чугачского залива, северного берега Аляски до р. Квичак в Бристольском заливе, ряд мест в Беринговом море и на побережье Америки к югу от Аляски.

На основании материалов самого Шелихова и предшествующих открытий в 1796 г. была составлена морская карта, дающая ясное представление о масштабах русских географических открытий и исследований того времени. На карту были нанесены почти все ныне известные острова, входящие в состав Алеутской и Курильской гряды¹. В легенде содержится много сведений

¹ Архив древних актов ГУВМС СССР, портфель 4, № 1301; А. И. Андреев сообщает, что копии карты 1796 г. хранятся в ЦГВИА (Москва) и Гос. публ. б-ке им. Салтыкова-Щедрина; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», стр. 378—379.

этнографического, экономического и политического характера о русских владениях в северо-западной Америке.

Шелихов справедливо считал, что только с основанием поселений в Северной Америке возможно прочное обладание островами, что рано или поздно «придут искательные иностранцы и вотрутся в обладание сокровищ, кои были извлекаемы с оных и омывающих оные проливы»¹.

В конце XVIII и начале XIX в. число русских поселений в Северной Америке быстро увеличивалось. На острове Ситка (ныне остров Баранова) был основан главный административный центр русских владений — город Ново-Архангельск. Отсюда предпринимались впоследствии плавания в Калифорнию, на Гавайские острова, Филиппины, в Японию и Китай. Возможности для новых исследований расширились, и этим воспользовались русские мореплаватели, совершившие в первой половине XIX столетия более 40 дальних и кругосветных путешествий.

Деятельность Г. И. Шелихова протекала в сложной политической обстановке. Стремясь подорвать влияние России на Алеутских островах и Аляске, англичане, испанцы и американцы вооружали аборигенов и подстрекали к нападениям на русские поселения и корабли. Недовольство среди местных жителей вызывалось также действиями самих промышленников. Прогрессивные деятели справедливо подвергали критику компанию, притом всю тяжесть обвинения возлагали на Шелихова, Баранова и других лиц, стоявших во главе компании. Резко отрицательную позицию по отношению к Шелихову занимал В. М. Головнин.

Сосредоточивая внимание на отрицательных моментах в деятельности компании и ее главного организатора, К. Лаксман и Головнин упускали из виду ту положительную роль, которую сыграл Шелихов в изучении и освоении открытых русскими мореплавателями земель. Что касается отношения к аборигенам, то, как правило, он, несмотря на сложность обстановки, устанавливал с ними дружественные отношения. Тот факт, что А. И. Радищев дружил с «колумбом российским», говорит о

¹ АВПР, ф. 339, оп. 288, л. 13/об.

многим: у них общие интересы — служение России, ее народам. Их объединяло много общих интересов. Радищев и Шелихов энергично выступали за развитие экономики России, укрепление ее могущества. Каждый из них действовал, разумеется, согласно своим патриотическим убеждениям и политическим взглядам. «У Радищева, борца, антикрепостника, эти интересы исходили из глубокого понимания общественно-политических задач и государственного долга писателя-революционера. У Шелихова они были менее широкими и, конечно, в первую очередь диктовались потребностями, выдвигаемыми крупной сибирской буржуазией, стремящейся к тому, чтобы расширить сферу своего влияния, завоевать богатые рынки сырья и сбыта» (Шмаков, 1952, стр. 44). Субъективно оба выдающихся деятеля искренне желали служить интересам России, ее народам. Поэтому, когда Шелихов умер, то великий просветитель сильно переживал. «...Смерть Шелихова... огорчила меня. Я не сужу о его нравственных качествах, но могу сказать, что он был человеком услужливым. В общем, я был счастлив в моих сибирских знакомствах, за изъятием тупиц той округи, в коей живу», — писал Радищев своему петербургскому другу (Радищев, 1949, стр. 602).

Несмотря на свои прогрессивные взгляды, Шелихов, конечно, даже при наличии очень сильного желания не смог бы искоренить зло, которое порождалось буржуазной сущностью компании. При этом нужно помнить, что заслуги тех или иных деятелей должны оцениваться по той роли, которую они объективно сыграли в истории.

Послесловие

Русские морские экспедиции к берегам Америки и Японии в XVIII в. совершались в условиях сложной международной обстановки: продолжались англо-французские войны за колонии, все явственнее пытались западные державы расширить сферу своего господства в северной части Тихого океана.

Тревога правительства России за безопасность дальневосточных земель была вполне обоснованной. Если отдельные английские, французские и испанские корабли совершали плавания к Берингову проливу и к берегам Аляски, то не исключалась возможность появления у берегов Камчатки и в других районах русского Дальнего Востока целых эскадр. Опыт колониальных войн показал, что отдаленность от объекта нападения перестала быть преградой для западноевропейских государств.

Особенно большой интерес к Аляске, Алеутским островам и другим российским землям проявляли английские колонизаторы.

Англия настойчиво добивалась укрепления своих позиций в северной части Тихого океана и лишения законных прав России на земли и острова русскими мореплавателями. Явно по политическим соображениям английский историк В. Робертсон фальсифицировал историю русских географических открытий на Тихом океане. Он отрицал факт открытия Берингом и Чириковым северо-западной Америки и не признавал научных заслуг промышленников, в результате многочисленных плаваний которых на карте появились новые острова, проливы, заливы и т. п.

Достойную отповедь Робертсону и ему подобным, стремившимся принизить заслуги русских в мореплавании, дал автор интереснейшего документа «Исторический табель российских плаваний и открытий в Северовосточном море» (около 1790 г.). Он содержит обобщенные и убедительные факты о приоритете русских в географических открытиях в северной части Тихого океана в XVIII столетии. Неизвестный автор этого документа показал полную беспочвенность взглядов, распространенных на Западе по этому вопросу. «Мнение многих иностранных писател[ей] весьма неосновательно будто

бы россиане прежде преобращения своего из иностранных обычаев в состояние сходственное против ученых европейских народов не имели толикаго духа и способности, чтоб обратить внимание свое на полезнейшия открития далее пределов покоренной в 1697-м году Камчатской земли. Дух всегда неутомимой россиан не токмо тщательно старался уведать места, земли и народы далее Камчатки лежащая: но вдавался еще и весьма трудным и почти невозможным испытаниям по Ледовитому морю еще и прежде завоевания Камчатки, ибо по приобретении Ковымы в свою власть предприят был в 1646 году судовой ход между вечными людьми [льдами] и Чукоцкой нос лежащей между севером и востоком не в дальном испытании от американского матерого берега и до неизвестных нам пределов Северной Америки простирающейся, давно уже обойден был морем и следовательно давно известен тот небольшой пролив, которой разделяет Азию от Америки, чего другим нациям не удалось прежде узнать» (Ефимов, 1948, стр. 291).

Многочисленные кругосветные плавания русских, осуществленные в первой половине XIX в., показали несостоятельность широко распространенной на Западе версии о том, что только англосаксы обладают способностью к мореплаванию. Один из инициаторов и организаторов русских кругосветных морских путешествий, Н. П. Румянцев, с гордостью писал в 1818 г. Головнину: «В мореплавании они [англичане.— В. Д.], так сказать прочим народам старшие братья, но во многих семействах есть примеры, что младшим много удается, минуя старших»¹.

Значительная часть русских кругосветных экспедиций была осуществлена в благоприятной политической обстановке. В результате разгрома полчищ Наполеона в 1812 г. необычайно повысился престиж России. Русских моряков повсюду, особенно в странах Латинской Америки, встречали с большим гостеприимством и радушием. Ф. П. Литке — участник экспедиции на шлюпе «Камчатка», осуществленной в 1817—1819 гг. под начальством В. М. Головнина, — в своем дневнике записал: «Итак, слава России гремит во всех концах все-

ленной! О дражайшее мое Отечество! Народы тебе удивляются, завидуют славе твоей, но слава сия стоит тебе весьма дорого. О! Когда придет время, что внутреннее твое благосостояние будет равняться твоему внешнему величию».

История русского мореплавания в XVIII—XIX вв. показывает, что наибольшее количество экспедиций и наиважнейшие открытия были сделаны в периоды между крупными войнами. Плавания рассматривались передовыми государственными и военно-морскими деятелями в качестве средства поддержания флота в надлежащей готовности к выполнению основной его функции. В многочисленных плаваниях закладывались новые принципы воспитания и обучения матросов, основанные на уважении человеческого достоинства матросов. Выдающиеся русские флотоводцы постоянно указывали на решающую роль матроса на военном корабле.

Дальние плавания требовали разработки многих вопросов гидрографии и океанографии. В планы экспедиций включалось все больше задач, выходящих за чисто географические рамки. Все это требовало более высокой теоретической подготовки офицерского состава. Дальние морские походы оказывали положительное влияние на прогресс кораблестроения, совершенствовались парусное вооружение и средства кораблевождения. Русские корабли по своим тактико-техническим и мореходным свойствам не уступали лучшим иностранным образцам.

Согласно существовавшему международному праву, земли, открытые тем или иным государством, становились его собственностью только в том случае, если на них имелись силы, способные обеспечить их безопасность, или если они осваивались в хозяйственном отношении. России необходимо было принять эффективные меры в этом направлении.

Интересы хозяйственного освоения опромных естественных богатств в северной части Тихого океана требовали ее всестороннего изучения.

Начало составлению подробных географических карт, на которых помимо открытых земель указывались глубины, точно описывались течения, направление и сила ветра и т. д., было положено русскими пионерами изучения северной части Тихого океана.

¹ ЦГАВМФ, ф. 7 (В. М. Головнина), оп. 1, д. 2, л. 60—61/об.

Опорной базой всех исследований был Петропавловск-Камчатский, основанный в 1741 г. Берингом и Чириковым, а также Охотск, сыгравшие огромную роль в укреплении дальневосточных границ нашего государства. Петропавловск служил главной базой формирования многочисленных экспедиций, предпринятых русским флотом в XVIII и XIX вв. для исследования северо-западной Америки, Курильских и Алеутских островов и т. д.

Открытие северо-западной Америки и Алеутских островов, описание ряда Курильских островов, а также картографирование всей северо-восточной части Тихого океана — все это создало предпосылки для более быстрого освоения нового края.

В условиях еще не обжитого и мало изведенного края от поселенцев требовалась исключительная выносливость и твердая воля. Не случайно английский мореплаватель Ванкувер писал: «Я полагаю, что мало найдется таких людей, которые бы решились жить в столь холодном климате и совершенно покориться образу жизни, столько разнующему от нравов и обыкновений образованного света. Участие, которое, по-видимому, берут туземцы в успехах и благосостоянии русских, основано на твердых правилах, и привязанность и уважение их к ним не легко может быть уничтожено влиянием иностранцев, пожелавших повредить торговле русских; напротив того, должно предполагать, что сия привязанность еще более утвердится, ибо русские... во всех колониях берут к себе заблаговременно детей туземцев и содержат их в особенном для сего выстроенном здании, где обучаются они российскому языку... Вместе с тем стараются внушать им такие правила, которые впоследствии должны послужить в пользу обоих народов» (Г. Ванкувер. СПб., 1833. кн. 5, стр. 372).

Исследования русских моряков в XVIII в. явились прочной основой для последующих экспедиций в Тихом океане, получившие широкий размах в первой половине XIX в. Россия по праву заняла почетное место в географических открытиях. Все исследователи последующих поколений, опираясь на большой опыт, накопленный русскими моряками во время экспедиций на Тихий океан, восхищались точностью их наблюдений. Не случайно в приветствии Академии наук по случаю двух-

сотлетия Морского кадетского корпуса говорится: «Велики заслуги питомцев Морского кадетского корпуса, геройски защищавших отечество в години испытаний и блестящими победами поддерживавших могущество России; но не менее славны их деяния на пользу науки: в истории ее навсегда останутся памятны имена Чирикова, Прончищева, братьев Лаптевых и других участников Великой Сибирской экспедиции, а также Беллинсгаузена, Крузенштерна, Коцебу, Литке и еще многих славных русских моряков, научные открытия которых поставили их наряду с замечательнейшими мореплавателями всего мира» (Павлинов, 1901, стр. 72).

Опыт многочисленных экспедиций позволил выработать методику научных исследований, в основе которой в интересах безопасности мореплавания лежало требование достижения наибольшей точности в определении координат любого географического пункта, измерении морских глубин и нанесении на карту подводных камней, рифов и т. п. С каждым плаванием составлялись все более точные карты. Особое значение придавалось ведению шканечного журнала по всем правилам навигационной науки.

Соблюдать точность требовалось и при описании исторических событий, быта и обычаев народа.

Успехи в исследованиях Алеутских и Курильских островов, Камчатки и Чукотки, северо-западной Америки и прилегающих к ней островов были возможны также и потому, что в них участвовали простые люди; хотя они зачастую не имели элементарной грамотности, но отличались наблюдательностью, находчивостью и понимали важность изучения нового края. Собранные ими материалы о животном и растительном мире предварительно обрабатывались учеными Сибири, а затем направлялись в Академию наук, Адмиралтейств- и Берг-коллегии. На основе их обобщения и разрабатывались практические меры по освоению несметных богатств далекого края.

Историческая преемственность в развитии научных идей, указывавших направления новых исследований, — важнейший фактор, способствовавший успехам экспедиций.

Богатый научный материал, собранный русскими мореплавателями во время экспедиций в Тихом океане, со-

держал ценные сведения, необходимые для изучения многих природных явлений. Так, изучение фактического материала, добытого преимущественно русскими экспедициями, позволило Ломоносову выявить причины, вызывающие перемены климата в различных частях земного шара.

Побуждаемые благородными целями, русские мореплаватели делали все для того, чтобы поставить на службу России огромные богатства Сибири и Дальнего Востока. Они выдвигали смелые проекты хозяйственного освоения края и сами выступали застрельщиками многих практических начинаний.

Медленно, с исключительно большими трудностями выполнялось все намеченное. Этому препятствовал социальный строй России, колониальная политика царизма, затруднявшие внедрение передовых методов ведения хозяйства. Но прогрессивные деятели России уже в XVIII в. поставили проблему освоения новых территорий. Возникали очаги земледелия и скотоводства на Камчатке и в других местах Дальнего Востока; нередко, возникнув, они потом затухали, но спустя некоторое время вновь оживали. Порой земли Камчатки, Охотска, Приамурья и других дальневосточных районов щедро оплачивали тяжелый труд крестьянина, принося обильный урожай. Настойчивые попытки утвердить земледелие на Дальнем Востоке имели большое значение. Важно отметить, что именно русские мореплаватели выступили и застрельщиками земледелия в новых, еще не обжитых, но богатых краях. Развитие мореплавания способствовало также прогрессу промышленности, торговли, экономическому и культурному подъему Дальнего Востока, становлению России как тихоокеанской державы.

Несмотря на всю сложность и противоречивость процесса колонизации Сибири и дальневосточных земель, как подчеркивал Ф. Энгельс, Россия действительно играла «прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹.

Наш народ высоко ценит заслуги русских моряков в истории географических открытий и исследованиями Мирового океана. «Географическая карта Дальнего Востока в названиях морей, бухт, проливов — это истори-

ческая летопись подвигов замечательных русских людей... Боты и шхуны смелых русских моряков-исследователей первые бороздили здесь девственные волны морей, пересекали океан, водружали русский флаг на неведомых островах»¹.

Дальневосточные земли открыты и освоены нашим народом, они обильно политы потом русских людей, обогрены их кровью. Дальний Восток, преобразованный героическим нашим народом под руководством ленинской партии в процветающий край, близок и дорог для каждого советского человека.

¹ «Правда», 1 октября 1945 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, изд. 2, стр. 241.

Приложение

ТАБЛИЦА ПЕРЕВОДА МЕР

Меры длины

Миля русская — мера длины, применявшаяся до введения метрической системы = 7 верстам = 7468 м

Миля морская = 1853 м

Миля географическая — нидерландская мера длины = 7407 м ($\frac{1}{15}$ градуса)

Миля голландская = 5556 м ($\frac{1}{20}$ градуса)

Верста — старинная русская мера длины = 500 сажням = 1067 м

Сажень — старинная русская мера длины = 3 аршинам = 7 футам = 2,134 м

Фут = 12 дюймам = 30,48 см

Дюйм = 2,54 см ($\frac{1}{12}$ фута)

Сажень морская — шестифутовая, ок. 1,83 м. В морском деле применялась только для обозначения глубины моря.

Сажень семифутовая — единица длины = 2,14 м. В морском деле применяется лишь для измерения расстояний в горизонтальной плоскости при морских съемках и при составлении морских карт.

Меры веса

Фунт русский = 409,5 г

Золотник — старинная русская мера = 4,27 г ($\frac{1}{96}$ фунта)

Меры объема

Четверик — старинная русская мера объема сыпучих веществ = 26,2 л

Литература

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Соч., изд. 2, т. 4. М., 1956.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2, т. 23.

Маркс К. Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2, т. 9.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу от 23 мая 1851. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2, т. 27.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Флот. — В кн.: «Избр. воен. произведения», М., 1957.

Архив Маркса и Энгельса, т. VIII. М., 1946.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарская крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20.

Агранат Г. А. Новые американские работы о Русской Америке. — «Летопись Севера», т. II. М., 1957.

Азатьян А. А. и др. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969.

Александров В. И. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969.

Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.

Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Истор. очерк. Магадан, 1958.

Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Изд. 2. Иркутск, 1941.

Андреев А. Первая русская экспедиция XVIII в. в Северный Ледовитый океан. — «Изв. ВГО», № 75, вып. 2, 1943.

Андреев А. И. Новые материалы о русских плаваниях и открытиях в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVIII—XIX вв. — «Изв. ВГО», т. 75, вып. 5, 1943.

Андреев А. И. Экспедиции В. Беринга. — «Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943.

Андреев А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII в. — «Мор. сборник», № 4, 1947.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири, Изд. 2, испр. и доп., вып. 1—2. М.—Л., 1960—1965; вып. 2, XVIII век. 1965.

Анучин Д. Н. Избранные географические работы. М., 1949.

«Архив адмирала П. В. Чичагова», вып. 1. СПб., 1885.

«Архив князя Воронцова», кн. 1—40. М., 1870—1895; кн. 5, 1872.

«Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке (XVII—XVIII вв.)». Сост. А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. М., 1964.

Афанасьев Д. М. Российско-Американские владения. — «Мор. сборник», т. 71, № 3, 1864.

Ахматов В. В. Картография.— В кн.: «Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926.

Багров Л. С. Карты Азиатской России. Ист. заметки. Пг., 1914.

Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722).— «Изв. ВГО», № 4, 1952.

Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.

Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

Бейкер. Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.

Белов М. И. О составлении генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г.— «Геогр. сборник», вып. III, 1954.

Белов М. И. Семен Дежнев. Изд. 2. М., 1955.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.

Белов М. И. Новые данные о службе Владимира Атласова... «Летопись Севера», вып. II, 1957.

Белов М. И. Путь через Ледовитый океан. Очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. М., 1963.

Белов М. И. Крайний север и Северный морской путь.— В кн.: «История открытия и исследования Советской Азии». М., 1969.

Берг Л. С. Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода (1765—1766).— «Изв. ВГО», т. 72, вып. 6, 1940.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. Изд. 3. М.—Л., 1946.

Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946.

Берг Л. С. Всесоюзное географическое общество за сто лет (1845—1945). М.—Л., 1946.

Берх В. Н. Путешествие казачьего головы Афанасия Шестакова и поход майора Павлуцкого в 1729 и 1730 годах.— «Сын Отечества», ч. 54. № 20. 1819.

Берх В. Н. Путешествие поручика Адама Лаксмана в Японию.— «Северный архив», 1822, ч. V.

Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединятся ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 1728, 1729 годах под начальством флота капитана 1 ранга Витуса Беринга. СПб., 1823.

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. С присовокуплением «Исторического известия о меховой торговле». СПб., 1823.

Берх В. Н. Собрание писем Петра I к разным лицам с ответами на оные. Ч. I—4. СПб., 1829—1930.

«Библиографические записки», т. 3. СПб., 1861.

Боднарский М. С. Очерки по истории русского земледелия. М., 1947.

«Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г.». Под ред. Н. В. Новикова. М., 1948.

Быковский И. А. Рассказы о русских кораблестроителях. Л., 1966.

Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— «Зап. Рус. геогр. об-ва», ч. III, IV. СПб., 1848.

Ваксель. Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.—Л., 1940.

Валло К. Общая география морей. М., 1948.

Ванкувер Г. Путешествие в северной части Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1794—1795 гг., кн. 5. СПб., 1833.

Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым. Ч. 1—3. СПб., 1840.

Веселаго Ф. Очерки русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875.

Веселаго Ф. Ф. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. СПб., 1869.

Веселаго Ф. Ф. Дедушка русского флота.— «Русская старина», № XI, 1872.

Визе В. Ю. Моря Советской Арктики. Изд. 2. Л., 1939.

Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. Изд. 2. М., 1945.

Гельвальд Ф. В области вечного льда. Изд. 2. Пер. с нем. СПб., 1884.

Генин-де-Вильгельм. Описание Уральских заводов. М., 1937.

Герье В. И. Лейбниц и его век. Т. 2. СПб., 1871.

Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII—XIX вв.— «Тр. Арх. АН СССР», вып. 4, 1940.

Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. СПб., 1788—1789, ч. 8 (1721—1723).

Головнин В. М. Записки в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора. Ч. 1—3. СПб., 1851.

Головнин В. М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка». М., 1965.

Голенищев-Кутузов Л. И. Предприятие императрицы Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786 г. СПб., 1840.

Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.

Гришин Ю. А. История мореплавания. М., 1966.

Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.

Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.

Дивин В. А. Вторая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция и вопросы хозяйственного освещения Дальнего Востока.— «Летопись Севера», вып. 2. М., 1957.

Дивин В. А. Журнал путешествия мичмана Никифора Полулядинова в Индию.— «Тр. ин-та истории естествознания и техники», т. 27, 1959.

Дивин В. А. О первых проектах русских кругосветных плаваний.— «Тр. ин-та истории естествознания и техники», т. 32, 1961.

«Документы о плавании капитана-командора Беринга к берегам Америки в 1741 г.». Чикаго, 1893.

«Донесения Беринга». — «Зап. воен.-топограф. депо», ч. X. СПб., 1847.

Евтеев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.

Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океане. М., 1950.

Житков Б. М. Морская выдра в описании Стеллера. — «Научн.-метод. зап. Гл. упр. по заповедникам», вып. 4. М., 1939.

Жуков Ю. Русские и Япония. Забытые страницы из истории русских путешествий. М., 1945.

Забелин И. Встречи, которых не было. Изд. 2. М., 1966.

«Записки Академии наук», т. X. СПб., 1867.

Заозерский А. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. — В сб.: «Россия и Запад». Пг., 1923.

Зверев Б. И. Страницы русской морской славы. М., 1960.

Знаменский С. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Благовещенск — Владивосток, 1929.

Зубов Н. Н. Гавриил Андреевич Сарычев. В кн.: «Русские мореплаватели». М., 1953.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

Ивашенцев Н. А. Русские кругосветные путешествия 1843—1849. СПб., 1872.

«Известия о первом российском посольстве в Японию под начальством поручика Адама Лаксмана». М., 1905.

«Из истории освоения Северного морского пути» (Экспедиция Беринга 1732—1743 гг.). — «Красный архив», т. 4 (71), т. 5 (72), т. 6 (73). М., 1935, т. 1 (74). М., 1936.

«Исследователи Сахалина и Курил». Сб. статей. Ю-Сахалинск, 1961.

«История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 2. Л., 1968.

Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.

Каманин Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1951.

Кондаков С. Н. Юбилейный справочник имп. Академии художеств. Список русских художников. Т. 1—2. СПб., 1915.

Константинов В. М. Свидетельства японцев о России XVIII в. — «Советское востоковедение», № 2, 1958.

Криштофович А. Н. Геология. В кн.: «Тихий океан». Л., 1926.

Кротков А. С. По поводу письма А. Чирикова, напечатанного в № 5 «Русского вестника». СПб., 1888.

Кротков А. Морской кадетский корпус. СПб., 1901.

Кушнарев Е. Г. Нерешенные вопросы первой камчатской экспедиции. — В кн.: «Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.». Л., 1964.

Лагус В. Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Пер. со шведск. СПб., 1890.

Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., 1950.

Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к бережьям Америки. М., 1951.

«Лессенсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири», ч. 1—2. М., 1801.

Ломоносов М. В. Сочинения. Пг., [1916].

Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. — Соч., т. VII. Л., 1934.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1952.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1947.

Магидович И. П. Известные русские мореплаватели. — В кн.: «Русские мореплаватели». М., 1953.

Магидович И. П. История исследований и открытий Северной Америки. М., 1962.

Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970.

Макаров С. О. Океанографические работы. М., 1950.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Марков С. Н. Клады «Колумбов» российских. — «Мор. сборник», 1944, № 8—9.

Марков С. Н. Летопись Аляски. Изд. 2. М., 1948.

«Материалы для истории русского флота». Ч. 1—17. СПб., 1865—1904.

Медусhevская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во 2-ой половине XVIII в. — «Тр. Моск. истор. археол. ин-та», т. VII, 1954.

Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с российской стороны учиненных. Соч. и переводы к пользе и увеселению служащие. Т. 7—8. СПб., 1758.

Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1—2. М.—Л., 1937—1941.

Мирзоев В. Г. Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963.

«Морской атлас». Том III, военно-исторический, ч. 1. М., 1958.

Невский В. В. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951.

Некрасов Г. А. Военно-морские силы на Балтике в первой четверти XVIII в. — В кн.: «Вопросы воен. истории». М., 1969.

«О камчатской экспедиции, 1758 год (рукопись XVIII в.)». — «Шушинский сборник», вып. 5. СПб., 1906.

«Общий морской список». Ч. 1—12. СПб., 1885—1900.

Оглоблин Н. Н. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки. «Чтения общ. ист. и древн.». СПб., кн. 3, 1891.

Оглоблин Н. Н. История полярной экспедиции Бахова и Шелаурова в 1757—1760 гг. — «Журн. М-ва просвещения», ч. 341, июнь, 1902.

Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. — «Уч. зап. ЛГУ». Серия факультета народов Севера, вып. 2. Л., 1953.

Окладников А. П. История Якутии, т. 1. Якутск, 1949.

Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.—Л., 1939.

«Описание к картам военно-исторического тома Морского атласа». Под общ. ред. Г. И. Левченко. М., 1959.

Оросиякоку Суймудан. (Сны о России). Пер. с япон. М., 1961.

«Освоение Сибири в эпоху феодализма (17—19 вв.)». Сб. материалов. Новосибирск, 1968.

Островский Б. Г. Беринг. Л., 1938.

«Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.». Сост. Н. С. Орлова. М., 1951.

«Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М., 1958.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М.—Л., 1953.

Павлинов Я. И. Описание празднования двухсотлетнего юбилея со дня основания 14-го января 1701 года императором Петром I Великим Навигацкой школы, переименованной впоследствии в морской кадетский корпус. СПб., 1901.

«Памятники сибирской истории XVIII в.». Кн. 1—2. СПб., 1882—1885.

Перевалов В. А. Ломоносов и Арктика. М.—Л., 1949.

Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.

Перцмакер В. В. Русские моряки в Индии в 60-х годах XVIII в.—«Страны и народы Востока», вып. V. М., 1967.

Плейер Оттон. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии (1710).—«Чтения в имп. о-ве истории и древностей российских», кн. 2, разд. 4. М., 1874.

Позднеев Д. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. 1—2. Иоккохама, 1909.

Покровский А. В. Беринг и его экспедиция.—В сб.: «Экспедиция Беринга». М., 1941.

Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Ю.-Сахалинск, 1959.

Полевой Б. П. Забытый наказ А. А. Винниуса.—«Природа», № 5, 1965.

Полевой Б. П. Из истории открытия северо-западной части Америки.—В кн.: «От Аляски до Огненной земли». М., 1967.

Полонский А. Курилы.—«Зап. Рус. геогр. о-ва по отделению этнографии», т. IV. СПб., 1871.

Полонский А. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 годов.—«Зап. гидрографического департамента», ч. VIII. СПб., 1850.

Полонский А. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив.—«Мор. сборник», т. 4, № 11, 1850.

Попов К. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1842.

ПСЗРИ... т. XXIII. СПб., 1830.

«Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию...». СПб., 1812.

Радищев А. Н. Избранные сочинения. Л., 1949.

«Рассказы Нартова о Петре Великом». СПб., 1891.

«Регламент Петра Великого... о управлении Адмиралтейства и верфей...», 1795.

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири, составленная... в 1701 году. СПб., 1882.

«Российского купца Григория Шелехова странствования в 1783 г.

из Охотска по Восточному океану к американским берегам». СПб., 1791.

«Русские мореплаватели». (Сб. статей). М., 1953.

«Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Сб. докум. о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Сост. М. И. Белов. М.—Л., 1952.

«Русские океанографические и морские исследования XIX — начала XX в.». М., 1964.

«Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». Сб. под ред. А. И. Андреева. М., 1948.

«Русско-индийские отношения». Сб. докум. М., 1965.

Салищев К. А. Основы картоведения. М., 1948.

Самойлов К. И. Морской словарь. Т. I, 1939; т. II, 1941.

Сарычев Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 г. Ч. 1—2. СПб., 1802.

Сарычев Г. А. Атлас карт и рисунков к путешествию в северо-восточную часть и на северной части Тихого океана. СПб., 1804.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Сафронов Ф. Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим. Якутск, 1956.

Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии. XVII — начало XX в. Якутск, 1961.

«Сборник русского исторического общества». т. 24. СПб., 1878.

«Сборник русского исторического общества». т. 40. СПб., 1884.

Сгибнев А. Большой Камчатский наряд (Экспедиция Елчина).—«Мор. сборник», № 12, 1868.

Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке.—«Мор. сборник», № 7, 1869.

Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.

Сидоров К. В. Новая Земля на картах XVII в.—«Летопись Севера», вып. 2, 1957.

«Собрание старых и новых путешествий». Ч. I. М., 1855.

Соколов А. П. Северная экспедиция 1733—1743 гг.—«Зап. Гидрогр. д-та», ч. IX, 1851.

Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г. под начальством Муловского.—«Зап. Гидрогр. д-та», ч. VI, 1848.

Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева, 1764—1769 гг.—«Зап. Гидрогр. д-та», ч. X, 1852.

Соловьев А. И. Курильские острова. М., 1945.

Спасский Г. С. Монах Иван Козыревский.—«Сибирский вестник», ч. 2. СПб., 1823.

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку. Л., 1928.

Степанов Н. Н. Первая экспедиция русских на Тихий океан.—«Изв. ВГО», т. 75, вып. 2, 1943.

Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII в.—«Изв. ВГО», т. 90, вып. 5, 1945.

Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954.

Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.

«Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926.

Тихомеяев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1—2. СПб., 1861—1863.

«Тихоокеанский флот». М., 1966.

«300 путешественников. Биографический словарь». М., 1966.

Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960.

Фель С. Е. Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века.—«Вопросы географии», сб. 17, 1950.

Фель С. Е. Картография России XVIII в.—«Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР», вып. 37, 1961.

Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом.—«Чтения в имп. о-ве истории и древностей российских при Моск. ин-те», кн. 2, разд. 4. М., 1874.

Фролов Н. Собрание старых и новых путешествий. Т. IV, ч. 1. М., 1855.

Хиггинс и Колумбос. Международное морское право. М., 1953.

Хабаров А. В. Очерки по истории геологоразведочных знаний в России (Материалы для истории геологии). М., 1950.

Черненко М. Б. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг.—«Летопись Севера», т. II, 1957.

Шерстобоев В. Н. Земледелие Северного Предбайкалья в XVII—XVIII веках.—«Мат-лы по истории земледелия СССР». Сб. 1. М., 1952.

Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. М., 1952.

Шамаков А. А. Радищев в Сибири. Иркутск, 1952.

Штернберг Л. Я. Этнография.—В кн.: «Тихий океан. Русские научные исследования». Л., 1926.

Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946.

«Шукинский сборник». СПб., вып. 5, 1906.

«Экспедиция Беринга». Сб. док. М., 1941.

«Юбилей 50-летней службы вице-адмирала И. Ф. Крузенштер-на».—«Русский инвалид», 1839, № 30.

Янников Г. В. Великая Северная экспедиция. М., 1949.

Яцунский В. К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1955.

Anderson V. Sureyor of the Sea. The Life and Voyages of Captain G. Vancouver. Washington, 1960.

Bagrow L. Die Priorität der Entdeckung des Amurs, des Tartarischen Golfs und der Insel Sachalin. Jamato, 1931, H. 2—3.

Bagrow L. The Vitus Bering first voyage maps. Anecdota cartographica. Vol. IV. Copenhagen, 1950.

Bagrow L. A few remarks on maps of the Amur, the Tartar Strait and Sakhalin. Imago mundi. A review of Early Cartography of Edited by Leo Bagrow. Anno DHI MCM V, XII.

Bancroft H. The works. V. 33. History of Alaska. 1730—1885. San-Francisco, 1886.

Beaglehole J. C. The Exploration of the Pacific. 3 ed. Stra-
ford (California), 1966.

Bell M. E. Touched with Fire. Alaska's George William Steller. N. Y., 1960.

Berthoff R. Note to accompany the chart of the voyage of Bering and Chirikov from Kamchaika to the Alaskan Coast and return, 1741. В кн.: F. A. Golder «Bering's voyages», vol. I. N. Y. 1922.

Brand D. D. Geographical Exploration by the Spaniards. В кн.: «The Pacific basin». New York, 1967.

Breitfuss L. Early Maps of North-Eastern Asia and of Lands around the North Pacific. В кн.: «Imago mundi», V. III, Lon-
don, 1939.

Chevigny H. Lord of Alaska. The Story of Baranof and the Russian Adventura. London, 1946.

Cook J. and King J. A Voyage to the Pacific Ocean. Vol. II, London, 1785.

Coxe W. A. Comparative View of the Russian Discoveries with Those Made by Captains Cook and Clerk and a Sketch of What re-
mains to be ascertained by future Navigators. London, 1707.

Coxe W. Account of the Russian Discoveries, between Asia and America, to which are added the Conquest of Siberia and the History of the Transactions and Commerce between Russia and China. London, 1780 and 1803.

Daugherty C. M. Searchers of the Sea. London, 1961.

Fisner R. H. Semen Dezhnev and Professor Golder.—«Paci-
fic Historical Review», vol. XXV, Number 3, august 1956.

Golder F. A. Russian expansion of the Pacific 1641—1850. Cleveland, 1914.

Golder F. A. Bering's voyages. Vol. I—II. New York, 1922—
1925.

Guberlet M. Explorers of the Sea. Famous Oceanographic Expeditions. New York, 1964.

Hall William. The Strategic Story of Alaska. The Military Engineer, November—December, 1957.

Hulley C. C. Alaska. 1741—1753. Portland (Or.), 1953.

Kämpfer E. Geschichte und Beschreibung von Japans. Bd. 1—
2. Berlin, 1777—1779.

Krümel O. F. S. O. Makarofs Witas und Sttelle ozean, mitei-
lungen. Vol. 40. Gothe, 1894.

Lauridsen P. Vitus Bering; the discoverer of Bering Strait. Chicago, 1889.

Lensen G. A. Report from Hokkaido. The remains of Russian culture in Northern Japan. Hakodate, 1954.

Lensen G. A. The Russian Push toward Japan. Russo-Japa-
nese relations; 1697—1875. New Uersey, 1959.

Muroga, Nobuo. Geographical exploration by the Japanese.—
В кн.: «The Pacific basin». New York, 1967.

Müller G. F. Nachrichten von den neuesten Schiffahrten im Eissmeere und in der Kamschatkischen See seit dem Jahr 1742,—
neuste Nordische Beiträge. Bd. 5. SPb.—Leipzig, 1793.

Müller G. F. Voyages from Asia to America. N. Israel, Am-
sterdam, New York, 1967 (Bibliotheca Australis, № 26).

The Pacific basin. A History of its geographical exploration. Ed.

Указатель имен

by Herman R. Friis. New York, 1967. (American Geographical society special publication. Ed. N 38).

Pallas P. S. Erläuterungen über die im Ostlichen Ocean zwischen Siberien und America geschehenen Entdeckungen. В кн.: «Neue Nordische Beiträge». Bd. I. SPb.—Leipzig, 1781.

Pallas P. S. Bericht von der in den Jahren 1768 und 1769 auf allerhöchsten Befehl der russischen Monarchinn unter Anführung des Capitains Krenitzyn und Leitnants Lewashew von Kamtschatka nach den neuentdeckten Inseln und bis an Alaska oder das feste Land von America vollbrachten Seereise.—В кн.: «Neue Nordische Beiträge». Bd. I. SPb.—Leipzig, 1781.

Pirson R. Eastern Quarterly. Riview, vol. XVIII, N 1, 1952.

Robertson W. The History of America, in 2 volumnes London, 1777.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern part of Russia... London, 1802.

Stejneger L. Georg Wilhelm Steller — the pioneer of Alaskan natural history. Cambridge, Massachusetts, 1936.

Steller G. W. Beschreibung des Manati oder der Sogenannten Seekuh...; Beschreibung des... Seebäres; Beschreibung des Seelöwen; Beschreibung der Meerrotter. «Hamburgisches Magazin», Bd. IX, 1753.

Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt — Leipzig, 1774.

Steller G. W. Topographische und phisikalische Beschreibung der Beringinsel, welche in östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt.— В кн.: «Neue nordische Beiträge», Bd. II, SPb.—Leipzig, 1781.

Steller G. W. Tagenbuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von America und seiner Begebenheiten auf der Rückreise.— В кн.: «Neue Nordische Beiträge». SPb.—Leipzig, 1793.

«Stellers Reise von Kamtschatka nach Amerika». Neue Nordische Beiträge. SPb. — Leipzig, 1793.

Thompkins S. R. Alaska. Promyshlenik and sourdough. Oklahoma, 1945.

Wagner R. The Cartography of the north west Coast of America to the Year 1800, in two volumes. Berceley, 1937.

Wotte H. In blauer Ferne lag America. Reisen und Abenteuer des deutschen Naturforscher Georg Wilhelm Steller. Leipzig, 1966.

Wotte H. Kurs auf interforscht. Leipzig, 1967.

Алегрети П. 257

Александров В. А. 9

Алексеев А. И. 257—259, 276

Агитин И. 215

Анвиль Ж. Б. д' 67, 68, 141, 172

Андерсон Б. 294

Андреев А. И. 38, 40, 41, 169, 338

Анжу П. Ф. 173

Анна Иоановна 71, 175, 176

Антипин И. 277, 295—298, 300—304

Анучин Д. Н. 172

Анфилатов П. И. 242

Анциферов Д. Я. 26

Анчюгов Т. 152

Апраксин Ф. М. 43, 46, 49

Артега И. 287

Атласов В. 9, 23, 25, 26, 28, 36, 175

Афанасьев Д. М. 198

Бабинов В. 322

Багров Л. С. 171

Бакутан 214

Банкрофт Г. 219

Баранов А. А. 329, 331, 332, 334, 335, 339

Баренц В. 6

Баскин С. И. 28

Басов Е. С. 200, 201, 203

Батаков А. 257

Бахов И. 211—213, 219, 222

Башмаков П. 214

Безбородко А. А. 260, 306

Безруков А. И. 242

Бейкер Дж. 3, 180

Беллин 141

Беллинсгаузен Ф. Ф. 345

Белов М. И. 25, 61, 169, 173, 211, 213, 228, 259

Бем М. К. 285, 295, 297, 299

Берг Л. С. 54, 81, 127, 143, 146, 197, 250, 295

Беринг В. 5, 24, 28, 29, 34, 35,

40, 42, 44—63, 66—69, 74—

79, 84—87, 90, 94, 96—100,

102, 106—114, 129, 130, 139,

141—146, 148, 151—153, 156,

161, 163, 165, 168, 169, 173—

180, 185, 186, 188, 190, 192, 193, 195, 197, 199, 206, 212, 219, 226, 233, 252—254, 256, 279, 289, 337, 341, 344

Беринг Х. Т. 255

Беркан И. 107

Бернулли Д. 103

Бертольд Е. 179

Берх В. Н. 14, 17, 59, 62, 65, 158, 159, 259, 310, 315

Бестужев А. 164

Бечевин И. 211—213, 219, 232

Биглехол Д. 5

Биллингс И. 255—262, 264—267, 270—278, 283, 284

Бильцов 139

Бодега-и-Куадра Х. 287

Боднарский М. С. 34

Болтц Г. 283

Бочаров 327

Брант 107

Брейтфусс Л. 71

Бриль А. И. 295, 296

Бронников С. 257, 275

Бубялин Л. 76

Бутин И. 52

Бэр К. М. 88, 173

Бюаш Ф. 141

Бюффон Ж. Л. 252

Вагнер Г. Р. 4

Ваксель С. 24, 25, 143, 144, 147—151, 153—155, 169, 194, 233

Валло К. 4

Вальтон В. 93, 121, 122, 127—129, 131, 132, 138—141

Ванкувер Д. 285, 328, 337, 344

Варыпаев Е. 78

Васютинский П. 215, 220

Верещагин 135

Веселаго Ф. Ф. 14, 40, 250, 293

Вилеген И. 76

Вильстер 40

Виниус А. А. 24

Витсен Н. 56

Волошенов В. 257

Волынская А. Э. 63, 188

Воробьев А. 204

Воронин Лука 257, 275

Воронцов А. Р. 228, 279, 288

Вострецов И. 76
Вотте 173
Врангель Ф. П. 65, 173
Вульф 213
Вяземский А. А. 303, 304
Газиус И. М. 67
Галкин 76
Галл Р. Р. 255, 258, 272, 274
Гальда дю 67
Гама Васко да 4
Гама Жуан да 101, 102, 178
Гардебол С. 77, 79, 125, 136
Гауз Д. 257, 270
Гвоздев М. С. 65, 75, 77—85,
87, 88, 134, 135, 137, 165—167,
170, 173
Гейнзиус 171, 172
Гельвальд Ф. 4, 251
Генс Я. 75, 77—79
Герье В. И. 24
Гилев А. 257, 275
Гиндфорд Д. 68, 186
Глотов С. Г. 216, 217, 219, 220,
239, 240, 242, 243
Гмелин И. Г. 107, 108
Гнучева В. Ф. 173
Голдер Ф. 87, 144, 180, 185
Голенищев-Кутузов Л. И. 278
Голиков И. И. 37, 323, 324, 326,
328, 329
Головин М. 164
Головин Н. Ф. 93—98, 106,
111, 139, 162, 164, 279
Головин П. В. 158
Головин Ф. 19
Головкин М. Г. 91, 92
Головнин В. М. 5, 223, 322,
339, 342
Гомон И. Б. 60, 157
Горин П. 164
Горланов А. П. 107, 161, 186,
194
Горо 158
Грей Р. 329
Греков В. И. 38, 49, 54, 66, 67,
141, 208, 216, 219
Губерле М. 5
Гудсон Р. 329
Густав II Адольф 7
Гэннан 311, 312
Дагиляр (де Гиллер) М. 102
Дауркин Н. 257, 273, 275
Дегаро З. Л. 328

Дежнев С. 8, 9, 23, 35, 199,
252
Деларов Е. И. 266, 325
Де ла Кройер Л. Д. 100, 107,
108, 143, 157, 175
Делиль Гильом 102
Делиль Жозеф Никола 62,
63, 67, 68, 101, 102, 122, 143,
173—176, 178, 179
Дементьев А. 143, 158, 159, 337
Денбей 25, 26
Десанж 102
Джефрис 17
Дивин В. А. 95, 96, 143, 222
Диксон Г. 287
Долгорукий А. 134
Долгорукий В. В. 49
Долгоруков В. 164
Долгоруков И. А. 114
Домашнев С. Г. 304
Дружинин А. 243
Друкорт А. 130
Дуглас В. 329
Дудин-младший А. 237, 238, 248
Дудин-старший 237, 243
Дюран 68
Евреинов И. М. 29, 36—38, 41,
71, 120
Евтеев О. А. 28, 34
Екатерина II 217, 226, 229,
251, 259, 281, 292, 304, 306,
319, 322
Елагин И. Ф. 85, 112, 143,
160, 162, 171
Елизавета Петровна 164, 165
Елтигин М. 206
Елчин Я. А. 36, 73, 74
Ендогуров 130
Енисейский И. 25
Ермак 7
Есино 313
Ефимов А. В. 4, 13, 24, 25,
38, 45, 75, 80, 82, 88, 91, 94,
166, 186, 201, 217, 342
Жарованов М. 78
Житков Б. М. 185
Жолобов 92
Жуков Ю. 306
Забелин И. 12
Заозерский А. 40
Зварт 68

Зубов И. 14
Зубов Н. Н. 197, 201, 212, 251,
259, 273
Зырянов Ф. 78

Иван IV Васильевич (Гроз-
ный) 6
Иванов Александр 107
Иванов Алексей 152
Иванов Лука 107
Измайлов Г. 152
Измайлов Г. А. 324
Исокити 306, 307

Кабанов П. И. 222
Казимиров 127, 128
Кампредон 39
Кантемир А. 94
Карамышев А. 295
Каргунов 125
Като Кэнго Киотоси 310
Кемпфер Е. 109, 306, 319
Киндяков И. 118, 194
Кирилов И. К. 24, 29, 67, 71,
75, 91, 98, 106, 173

Киселев С. 322
Кисть 32, 33
Кичья 136
Кларк Ч. 255, 285
Климовский 50
Кличка Ф. Н. 303, 304
Кобелев И. 257, 273
Кодау Д. 305—307, 309, 310,
312—314
Кожевин Е. 277
Козин 135, 194
Козинский 48
Козлов Н. 295
Козлянинов Т. Г. 228, 279
Козыревский И. 26—31, 34—
36, 41, 61
Койти 306, 307
Кокс В. 252, 253
Колесов В. 26—28
Колесов П. 192
Колнет Д. 329
Колотыгин Н. П. (Синдзо) 306
Колумб Хр. 3, 4, 22, 62, 180
Кондратов И. 257
Конев Т. 295
Копман И. 257
Кох И. 321
Коцебу О. Е. 343

Красильников А. Д. 107, 108,
129, 171, 175, 227
Красильников В. 254
Красильников И. 171
Крашенинников М. 243, 244
Крашенинников С. П. 29, 78,
107—109, 186, 187, 192
Кребс К. 257
Креницын П. К. 226, 228—240,
242, 243, 245, 248—251, 253—
255, 281, 291, 296, 337
Криштофович А. Н. 254
Кропотов 229
Кротков А. С. 18
Крузенштерн И. Ф. 5, 259,
278, 293, 345
Крюммель О. 5
Кузьмин 138
Кук Д. 62, 85, 255, 265, 266,
272, 276, 283, 285, 288, 289,
290, 292, 337
Кулагин А. 136
Куракин А. 164
Курбатов А. А. 19
Кушнарев Е. Г. 46

Лагус В. 309, 319
Лазарев М. 215, 220
Лазунов А. 152
Лаксман Адам 307—312, 314—
323
Лаксман К. Г. (Эрик) 295,
305—307, 309, 320, 322, 339
Лаперуз Ж. Ф. 137, 287
Лаптев Д. Я. 85, 116—118,
139, 168, 171, 173, 195, 213,
345
Лаптев Х. П. 115—117, 168,
171, 173, 345
Ларионов В. 110, 132
Ларионов К. 243
Ласиниус П. 115, 116, 168
Лебедев Д. М. 13, 65, 66, 142,
156, 169
Лебедев М. 243
Лебедев-Ласточкин П. С.
294—296, 299, 301—303
Левашев М. Д. 226, 229, 230,
233, 237, 240, 242, 243, 245—
251, 254, 255, 281
Левашов П. И. 143, 160
Лейбниц Г. В. 24
Лейман А. 257
Лейман Х. 203

Лензен Д. А. 3, 5, 323
Ленин В. И. 10
Лепехин Ф. 146
Лессепс Ж. Б. 305
Линденау Я. И. 180, 181, 183,
187
Липин О. 26
Лисенков П. 242
Лисянский Ю. Ф. 5, 278, 293
Литке Ф. П. 5, 342, 345
Ловцов В. 307, 312, 314, 315,
317—320
Ловцов Г. 261
Ломоносов М. В. 58, 172, 203,
227, 228, 230, 239, 279, 346
Лужин Ф. Ф. 36—38, 41, 71
Львов И. 70, 217
Люрсениус И. 107, 108
Лященко П. И. 15

Магеллан Ф. 4
Магидович И. П. 296, 329
Магницкий Л. Ф. 19
Майков Л. Н. 44, 49
Макаров С. О. 5, 13
Макарова Р. В. 198, 250
Максимов Я. 134
Малыгин С. Г. 85, 113, 168,
171
Малышев А. 83
Маркс К. 3, 6, 7, 10, 346
Мартинес 287, 329
Медушевская О. М. 213, 217
Мейн И. 257
Мерк К. 257
Меркульев 335
Меркурьев Ф. 206
Меэрз 328, 329
Миддендорф А. Ф. 173
Миллер Г. Ф. 29, 67, 70, 88,
102, 108, 140, 141, 161, 174—
176, 178, 186, 217, 249, 252,
253, 255
Минин Ф. А. 114, 115, 168
Морозко Л. 25
Москвитин И. 9
Моури М. 5
Мошков К. 37, 52, 79
Муловский Г. И. 284, 287—
289, 291—293
Муравьев С. 113
Мурога Н. 33
Мухомлев 307

Мятлев В. А. 208—213, 219,
222

Нагаев А. И. 48, 61, 139, 140,
230, 234—236, 254, 277
Нагель Л. Т. 322
Нагибин П. 78
Наквасин Д. 201, 203, 204,
206, 220
Наполеон I 342
Нартов Н. А. 43, 44, 49
Наседкин М. 26
Неводчиков М. 207
Невский В. В. 281, 284
Недозрелов 239
Некрасов Г. А. 18
Низовцев Г. 208
Новоселов Н. 243
Норденшельд А. Э. 199

Овцын Д. Л. 85, 105, 113, 115,
143, 154, 168, 171, 193
Оглоблин Н. Н. 23, 199, 213
Огрызко И. И. 28, 29
Окигицу Т. 314
Окунь С. Б. 220
Олесов В. 307, 324
Орлин А. 78
Осколков И. 295
Остерман И. А. 283
Островский Б. Г. 46
Очередин И. 252, 295, 296, 298

Павлов М. 113
Павленко Н. И. 15, 188
Павлинов Я. И. 345
Павлуцкий Д. 69, 75—77, 79,
80, 85, 88
Паврик Я. 54
Пайков Д. 214
Паллас П. С. 85, 206, 254,
257, 289, 309
Панкарин И. 54
Паранчин Ф. 83
Перебяшин С. 78
Перевалов В. А. 48, 112, 170
Пермяков Е. 80, 83
Перри Дж. 42, 43
Петр I 10, 14—16, 18—22,
24, 25, 36—46, 48, 49, 56, 60,
62, 75, 99, 169
Петров 125
Петушин И. 295

Пиль И. А. 224, 259, 260, 261,
274, 275, 306, 317, 318, 320,
321, 326, 328, 330, 331
Пирсон Р. 4
Плаутин М. 194
Плейер О. 15, 17
Плениснер Ф. Х. 143, 145, 216
Позднеев Д. 301
Покровский А. А. 45, 142, 164
Полевой А. 322
Полевой Б. П. 9, 23, 24, 60
Поломошный И. Г. 332
Полонский А. 28, 52, 57, 198,
300, 301, 306, 319, 320
Полубояринов Н. 228, 249,
279—282
Полукетов 50
Поляков Л. 83
Поляков С. В. 9
Пономарев С. Т. 216, 231, 239
Попов П. 66
Попов Федор 107, 108, 227
Попов Федот Алексеев 8, 25,
28, 252
Портлок Н. 287
Портягин И. 152
Посошков И. Т. 16
Постников С. 214
Поярков В. 9
Прибылов Г. Л. 257, 323
Прончищев В. 115, 116, 168,
345
Прончищева М. 115
Путинцев Ф. 295, 298
Пюджет П. 328

Радищев А. И. 339, 340
Расторгуев 171
Редин И. 194
Рейнеке Ф. 287
Ремезов С. У. 9, 71
Рикорд П. И. 278
Робек М. 257
Робертсон В. 251—253, 341
Родионов И. 47
Родичев 135, 166
Ртищев 134, 135, 167, 169,
195, 213
Румовский С. Я. 227
Румянцев Н. П. 342
Румянцев П. А. 229
Рыбинский И. 214
Рэндзиро Т. 311, 312
Рюмин И. 239

Савельев 158, 159
Саламанов 239
Сан 27
Сандерс Т. П. 93—98, 279
Санников Е. 200
Сарычев Г. А. 255—258, 261—
266, 269—271, 273—278
Сгибнев А. 25, 285
Севастьянов В. 27
Сенявин Н. А. 48
Сергеев М. А. 29
Сергеев С. 195
Серебрянников А. 214
Серебряков С. 193
Сермин А. 295
Сиверс И. 295
Сиверс П. И. 48
Сидоров К. В. 56
Синдзо 306
Синдт И. Б. 195, 240, 252, 253,
276
Тетников Ф. С. (Сёдзо) 305
Скобелыцын П. 135, 171
Скорняков-Писарев Г. Г. 91—
93, 110, 139, 140, 164
Соймонов П. П. 287, 288
Соймонов Ф. И. 106, 130—
133, 195, 210, 211, 213, 216,
217, 219—224, 226, 228, 229
Соколов А. П. 63, 90, 106, 115,
136, 161, 162, 230, 246
Соколов К. 37
Соловьев А. И. 29
Соловьев И. М. 239, 240
Соур М. 257, 259, 271
Спешнев И. 75, 77
Стадухин М. 23, 25
Стародубцев С. 154, 155
Стеллер Г. В. 107, 143, 145—
147, 149, 151, 154, 155, 185,
186, 188
Степанов 290
Степанов Н. Н. 9
Стерлегов Д. В. 114
Страленберг Ф. И. 29
Строков А. А. 13
Струмилин С. Г. 15
Суворов В. 225
Судзуки Кумадзо 310, 311
Тарле Е. В. 17, 18
Татаринов П. 56, 66
Тезнев А. 201
Тейшейра 33

Тихменев П. А. 198
Толстых А. 214—216, 220
Томпкинс С. Р. 3, 38, 41, 87,
199, 220
Томсон Ч. 5
Трапезников И. 307
Трапезников Н. 201, 207, 214,
216
Траурнихт Д. А. 24, 26, 27
Треска Н. 37, 41
Третьяков В. 107
Трубешкой В. 164
Туголуков Е. 305, 307, 309,
312, 314, 317
Тукунгасин 214
Тунберг 306
Тютчев 48

Уваров 50
Ушаков 135
Ушаков М. 107

Файнберг Э. Я. 26, 309, 314
Федоров И. 75, 77—88, 166
Фель С. Е. 173
Фенев А. 134, 135
Феофан 35
Фоккеродт И. Г. 16
Фондезин В. П. 290, 291
Форстер Г. 290
Фриз М. Г. 33, 101
Фролов Н. 289, 329

Хабаров Е. 9
Харо 287
Хитров (Хитрово) С. Ф. 85,
143, 145, 147—149, 152, 155,
171
Хметевский 135
Хотунцевский И. 192
Худяков О. 257, 274, 275
Хэллей 87

Чаплин П. А. 48—51, 57—59,
62, 65—67, 86
Чебаевский А. 207, 214
Чекин Н. 107
Челоскин С. И. 114, 115, 168
Чередов Ф. 224
Черепанов И. 248
Черкассский А. 69
Черкашин 127
Черненко М. Б. 259

Черный 297
Чернышев И. Г. 164, 257, 281,
283, 288
Чернышев П. Г. 186
Честерфилд Филипп Дормер-
Стренгоп 186
Чиненой С. 243
Чириков А. И. 5, 47—51, 53,
55—57, 61—66, 83, 85, 99,
100, 102, 106, 110—112, 114,
118, 130, 141—145, 156—163,
165, 168, 169, 171, 175, 178—
180, 184, 185, 189, 190, 192—
195, 197, 226, 233, 238, 252—
254, 256, 279, 289, 341, 344,
345

Чириков П. 26
Чихачев И. Л. 131, 143
Чичагов В. Я. 227, 228, 234,
249, 281
Чичерин Д. И. 217, 226, 228,
230, 231, 233, 234, 239, 242,
249, 255
Чоголков А. С. 143
Чупров Я. 207
Чуруксаев В. 183

Шабалин Д. Я. 300—304, 307
Шабанов Я. 254
Шалауров Н. 211—213, 219
Шангин 50
Шатилов В. 189
Шварц 138, 139
Шевырин Н. 78
Шевырин С. 206
Шелихов Г. И. 4, 260, 266,
267, 295, 296, 300, 307, 320—
326, 330—332, 334—336,
338—340
Шелихова Н. А. 328, 335—
339
Шельтинг А. Е. 121, 122, 126,
134, 135, 137, 138, 167, 169
Шенаныкин П. 134, 135, 137,
138
Шерер И. Б. 68, 69
Шерстобоев В. Н. 190
Шестаков Аф. 35, 36, 61, 69—
78, 85
Шестаков В. 76
Шестаков И. 76, 78
Шестаков П. 78
Шнялов 220, 254
Шнипицын В. 76

Шишкин П. 217, 218, 232, 233,
239
Шишков 139
Шмаков А. А. 295, 340
Шмалев В. 262, 285
Шмалев Т. И. 249, 250, 255,
257
Шмелин Ф. 284
Шпанберг М. П. 41, 47, 49—
51, 55—57, 61, 82, 84, 93,
100, 101, 106, 107, 110, 114,
120—139, 141, 143, 160, 163,
165—169, 173, 189, 193
Штернберг Л. Я. 256
Шумагин 148

Щербинин М. Я. 118

Эдвардс И. 257, 258
Эзельберг 143
Эйлер Л. 171, 172
Элтон 94
Энгельс Ф. 3, 7, 43, 346
Эрт В. 121, 123, 194

Югов Е. 207, 208
Юрлов А. 213
Юшин Х. 143, 166

Якоби И. В. 260, 292
Яковлев П. 203—206, 220
Ясудзо Танабаэ 311, 312, 313
Яхонтов И. 107

Указатель географических названий

Принятые сокращения: *р.* — река, *прол.* — пролив, *зал.* — залив, *о.* — остров, *о-ва* — острова, *п-ов* — полуостров, *оз.* — озеро, *губ.* — губерния, *хр.* — хребет, *г.* — гора.

- Авачинская губа 111, 112, 143, 144, 151, 160, 237, 261, 271, 274, 285, 291, 299
 Авачинский зал. 143, 160
 Австралия 289
 Агату, о. 207
 Агеях (Агхиюк), о. 265
 Адак, о. 159, 214—216
 Азия 4, 6, 9, 14, 23, 24, 28, 35—37, 40, 42, 43, 45, 46, 52, 55, 57, 59, 61—63, 65, 66, 69, 71, 98, 99, 101, 115, 146, 173—175, 178, 255, 283, 310, 342
 Азовское море 6
 Аккеси зал. 300, 301
 «Акиш», о. 125
 Алазея, р. 117
 Алакшан (Аляска) 232, 233
 Алахтах, о. 217
 Алдан, р. 51, 73, 74, 206
 Алдома, р. 134
 Алексинный, о. 265
 Алеутские о-ва 141, 159—162, 168, 185, 197, 198, 200, 202, 214, 216, 217, 219, 220, 226, 231—233, 240, 242, 249—251, 253, 254, 262, 272, 275, 277, 278, 287, 290, 294, 296, 302, 321, 323, 324, 326, 328, 331, 336, 338, 339, 341, 344, 345
 Алтай 305
 Аляска, п-ов 23, 82, 85, 157, 159, 180, 184, 185, 200, 217, 227, 232, 242—245, 251, 253—257, 260, 262, 274, 275, 278, 285, 289—291, 324—328, 331, 336, 338, 339, 341
 Аляскинский зал. 254
 Амацумура 127
 Америка 3—5, 14, 23—25, 28, 33, 35—46, 52, 55—63, 65, 68, 69, 71, 75, 87, 94, 97—102, 106, 108, 111, 112, 131, 146, 147, 156, 157, 166, 176, 178, 180, 185, 197, 226—228, 232, 240, 249, 252, 253, 255, 256, 276, 281, 283, 287, 294, 310, 324—331, 335, 337, 338, 341, 342
 Амля, о. 214, 215, 248
 Амстердам 46, 109, 138
 Амукут, о. 242, 248
 Амур, о. 9, 69, 74, 132, 184, 189, 190, 209, 222
 Амурский лиман, устье 69, 71, 74, 98, 134, 137, 209, 277, 289
 Амчитка, о. 305
 Анадырский зал. 70
 Анадырский острог 23, 58, 61, 76—78, 118, 195, 216
 Анадырское устье 79, 118, 212, 216, 222
 Анадырь, р. 52, 54, 58, 71, 79, 118, 195
 Ангара, р. 90
 Англия 8, 16, 43, 94, 164, 228, 255, 260, 281, 287, 289, 291, 294, 325
 Андреяновские о-ва 159, 214, 220, 242, 322
 Аральское море 173
 Аргунский завод 225
 Аргунь, р. 225
 Арктика 113, 115
 Архангельск 16, 39, 40, 48, 94, 98, 105, 113, 118, 168, 170, 178, 227, 229, 234, 249, 279, 281, 284
 Астраханское ханство 6, 39
 Атка, о. 214, 215
 Аткис 295, 303
 Атлантический океан 199, 279
 Атту, о. 160, 162, 207, 214
 Афогнак, о. 260, 324
 Африка 279, 281, 310
 «Аях» (Адак), о. 215
 Байкал, оз. 23, 171, 235
 Балтийское море 6, 7, 14, 22, 41, 43, 94, 260, 284, 288

- Баранова, о. 339
 Бейкер, о. 157
 Белая, р. 230
 Белое море 6
 Бема, прол. 285
 Бенгалия 40, 283
 Беринга, о. 156, 161, 200, 201, 204, 208, 214, 231, 234, 242, 248, 272, 324
 Берингов прол. 36, 84, 227, 285, 337, 341
 Берингово море 5, 248, 338
 Ближние о-ва 200, 207, 214
 Ближний Восток 6
 Бобровая бухта 262, 264
 Большая, р. 59, 129, 237
 «Большая Земля» (северо-западная Америка) 35, 36, 66, 70, 71, 76, 79, 80, 82, 85, 88, 162, 165—168, 179, 214
 Большерецк, Большерецкий острог 26, 27, 37, 51, 77, 78, 92, 120, 121, 126, 127, 131, 135, 137, 223, 237, 238, 240, 285
 Большерецкое устье 129, 237, 254
 Большой Баранов, мыс 118, 259
 Большой Ситкин, о. 215, 253
 Бомбей 228, 279, 281
 Бразилия 228, 279
 Бристольский зал. 276, 338
 Британские о-ва 281
 Буг, р. 10
 Вайгач, о. 56
 Варнавы, мыс 266
 «Великий остров» (Сахалин) 102
 Великий Устюг 16
 Великобритания 186, 294
 Верхняя Тунгуска, р. 50
 Верхнекамчатский острог 223
 Верхнеколымск 258
 Верхотурье 16, 92
 Верхоянск 73
 Вест-Индия 41, 98, 283
 Вильяма, зал. 271
 Виллюинская сопка 271
 Витим, р. 210
 Волга, р. 6, 39, 324
 Вологда 16, 49
 Воронеж 15
 Восточная Азия 141
 Восточная Африка 283
 Восточная Индия 174, 279; см. также Ост-Индия
 Восточная Сибирь 51, 90, 106, 187, 209, 235, 305
 «Восточная Тартария» 176
 «Восточное море» 29, 36, 69, 72—74, 101
 «Восточный мыс» 256
 «Восточный океан» 63, 170, 195, 198, 229, 252, 254, 275, 277, 287, 290, 305, 306, 325; см. также Тихий океан
 Выборг 16
 Гавайи, о. 285
 Гавайские о-ва 339
 Гангут 41
 Гвоздева (Диомиды), о. 84
 Гижига, р. 307
 Гижигинск 307
 Гижигинская губа 277
 Голландия 8, 313, 325; см. также Нидерланды
 Горн, мыс 96, 279, 283
 Грековский, о. 334
 Гренгам 41
 Гринвич 277
 Грумант, о. 6; см. также Шпицберген
 Гудзонова бухта (зал.) 174
 Дальний Восток 3, 7, 8, 10, 11, 13, 16, 22, 24, 40, 42, 43, 45, 46, 70—72, 74, 75, 86, 89—91, 93, 95, 96, 98, 101, 164, 171, 183, 187, 189, 196, 199, 208, 219, 222, 226, 260, 284, 304, 314, 322, 323, 341, 346, 347
 Дания 46, 96
 Даурия 225
 Даурский завод 225
 Дежнева, мыс 70, 80
 Дил 281
 Диомиды (Гвоздева), о. 57, 84, 87
 Днепр, р. 8, 10
 Доброй Надежды, мыс 42, 281, 284, 289
 Дон, р. 8, 10, 39
 Дэсима, о. 314
 Евдокеевские о-ва (Семиды) 264

Европа 4, 6, 17, 171, 173, 306, 310, 322
«Еиду», о. 125
Екатеринбургская губ. 296
Енисей, р. 38, 40, 105, 106, 113, 114
Енисейск 9, 40, 72, 92, 235

Жиганское зимовье 16

Забайкалье 9, 222
Западная Европа 41, 139, 179
Западная Сибирь 235
«Западное море» 74
Зашиверский острог 76
«Зеленый», о. 125, 131, 132
«Земля да Гамы» 33, 60, 101, 102, 122, 141, 143, 144, 168, 178
«Земля Иесо» 176
«Земля Компании», 33, 141, 168, 176
«Земля (Остров) Штатов» 33, 141, 176
«Земля Якутского дворянина» 217, 233, 239
Зондский пр. 289

«Игайту», о. 29
Иесо, Иезо (Эдзо, или Хоккайдо), о. 28, 33, 102, 103, 137, 141
Измайлово 14
Илим, р. 87
Илимск 296
Ильин Нос 145; см. также о. Каяк
Ингода, р. 210
Индирик, р. 117
Индия 3, 25, 39, 40, 42, 44, 56, 109, 174, 227, 228, 249, 279, 281, 283
«Инюду», о. 125
Иркутск 50, 71, 92, 138, 166, 203, 209, 222, 235, 259, 294, 305—307, 318, 325, 336
Иркутская губ. 171, 260, 296
Иркутская область 322
Иртыш, р. 38, 39, 50
Испания 41, 43, 100, 199, 287, 328
Итуруп, о. 29—31, 33, 141, 300, 309
Ича, р. 25, 37

Кагау, о. 264
Кадис 41
Кадьяк, о. 147, 217, 219, 220, 232, 233, 240, 256, 265—270, 287, 324, 326, 328, 332, 334, 336
Казанское ханство 6, 39
Казань 37
Калехтинская бухта 328
Калифорния 102, 157, 174, 176, 326, 328, 339
Кама, р. 230
Каменный Нос, мыс 118
Камишакская губа 329
Камчатка, п-ов 9, 25—29, 30, 31, 36—38, 40, 41, 44, 52, 55, 57—59, 61, 63, 65, 67—74, 77, 83, 84, 90—92, 94, 96—102, 106, 108, 111, 112, 116—118, 120, 121, 126, 129—131, 134, 136—138, 140, 141, 144, 146, 147, 151—155, 159, 161, 163, 166, 168—171, 173, 174, 176—179, 184, 186, 187, 189, 190, 192, 194, 197, 200, 201, 203, 207—209, 211, 213—216, 221—228, 231, 233, 234, 237, 248, 249, 252—254, 259, 261, 262, 270, 271, 274, 278, 279, 283, 285, 287, 292, 294, 295, 299, 302, 303, 322, 335, 341, 342, 345, 346
Камчатка, р. 36, 70, 78, 83, 100, 166, 248, 254, 291
«Камчатский (Камчадалский) Нос» 26—28, 79, 212; см. также мыс Лопатка
Канага, о. 215
Капитанский зал. 245, 262, 274, 324, 328
Карагинский, о. 70, 207
Караульный, о. 34
Карафуто (Сахалин), о. 300
Карелия 15
Каролинские о-ва 277
Карское море 56, 105
Каспийское море 6, 22, 39, 173
«Каходажская гавань» 317
Кашира 15
Каяк, о. 145, 146
Квичак, р. 338
Кенайский зал., губа 269, 324, 328, 329, 336, 337
Керченский прол. 10

Кетой («Китуй»), о. 29
Кеть, р. 50
Кинга, о. 82
Киренский острог 51, 130
Китай 25, 32, 42—44, 67, 94, 228, 283, 284, 288, 289, 294, 339
Кола 16
Колмогоры 16
Колумбия, р. 329
Кольванская губ. 260
Колыма, р., 36, 40, 54—58, 61, 65, 76, 90, 116—118, 168, 178, 179, 211, 213, 256—259, 342
Колымские остроги, зимовья 73, 76
Кольберг 48, 229
Командорские о-ва 153, 197, 200, 214, 219, 220, 222, 242
Константинополь 7
Корея 139, 140
Котлин, о. 14, 46
Красноярск 72, 154
Креницына, зал. 243
Креста (Св. Креста), зал. 54
Кроншлот 46
Кронштадт 94, 96, 107, 229, 249, 279, 281, 283, 284, 289
Крузенштерн, о. 82
«Кукумива», о. 29
Кунакан, о. 266
Кунашир, о. 29, 31, 33, 70, 300—303
«Курака», о. 125
Курильские о-ва 25, 27, 29—31, 33, 36—38, 41, 59, 70, 71, 77, 92, 97, 98, 120—122, 125, 126, 129, 132, 135—137, 141, 168—170, 173, 177, 188, 189, 200, 212, 226, 238, 277, 289, 290, 294—304, 321, 326, 328, 331, 336, 338, 344, 345
Курская губ. 323
«Куссюр», о. 125
Кхара-Муран (Амур), р. 69
Кыска, о. 214
Кюнюю-Танавы, о. 264
Кяхта 306

Лаврентия, зал. 273
Ладога (Ладожское оз.) 6, 7
Лама, р. 50, 51
Лаперуза, прол. 102, 137
Латинская Америка 342

Левашева, бухта 245
«Ледовитое море» 39, 44, 56, 178, 179, 258, 275, 342
«Ледовитый мыс» 24
Лена, р. 36, 38, 40, 51, 59, 67, 74, 99, 101, 106, 115—117, 130, 179, 195, 211, 222
Ленинград 13
Ленская пристань 234, 235
Ленское устье 106, 116, 117, 211, 212
Лесная 41
Лесной, о. 256
Ливония 7
Лисьи о-ва 219, 226, 246, 250
Лондон 94, 146, 186, 228, 279, 337
Лопатка, мыс 26, 27, 38, 59, 71, 129
Льгуа, бухта 159, 326, 335

Мадагаскар, о. 40
Мадрид 158
Маканруши, о. 29
Макушинский зал. 245
Малабарский берег 279
Малый Баранов, мыс 259
Манати, мыс 156
Манчикан, р. 167
Матмай, Матсмай (Мацумаэ, или Хоккайдо), о. 27—29, 31, 32, 33, 70, 103, 125, 126, 131, 132, 295, 297, 300, 301, 309, 311, 315, 317—320
«Матман», о. 125
Матуа («Мотого»), о. 29
Мая, р. 51, 73, 74
Медный, о. 200, 204—206, 231, 242, 248
Мексика, 287, 329
Мировой океан 3, 11, 42, 104, 228, 250, 277, 293, 346
Монтею, о. 270
Москва 21, 35, 36, 39, 43, 47, 68
Московское государство 6, 7
Мурманское (Баренцово) море 6
«Муша», о. 29, 30
Мушир («Машаучу»), о. 29

Нагай, о. 264
Нагасаки 301, 317, 318
Нарва 6, 16

Нарвская поляна 7
Насикан (Насикак), о. 265
Нева, р. 6, 10
Нейшлот 305
Немуро 309, 310, 312, 315, 317
Нерчина, р. 211
Нерчинск, Нерчинский завод
15, 23, 71, 74, 209, 222
Нерчинский уезд 209, 210
Нидерланды 33, 139; см. также Голландия
Нижнекамчатск, Нижнекамчатский остров 52, 58, 78, 205, 214, 239, 240, 242, 248, 305
Нижнеколымск 118
Нижний Новгород 224
Низовская гавань 204, 206
Нил, р. 24
Нифон (Ниппон, Хондо, Хонсю), о. 27, 29, 31, 32, 320
«Нифонское государство», «Нифония» 31, 34, 125, 309, 310
Новая Голландия (Австралия) 289
Новая Земля, о. 43, 56, 174, 227
Новая Испания (Мексика) 287
Ново-Архангельск 339
Новый Свет 23, 324, 337
Ноткомо, гавань 301
Нутка 276, 287, 289, 328, 329, 338
Нуукан 81
«Нуциам», о. 125
«Нуцкам», о. 125
Нучек, зал. 270
Нюняк, о. 264
Обская губа 113
Обь, р. 38—40, 43, 50, 56, 59, 97, 105, 113, 114
Ока, р. 324
Олекма, р. 210, 211
Олекминский остров 223
Оленёк, р. 115
Олонцкий завод 292
Онекотан («Онникутан»), о. 27, 29, 30
«Осага», о. 125
Ост-Индия 40, 41, 46, 67, 96, 98, 328
Охота, р. 36, 59
Охотск, Охотский остров 16, 35, 37, 49—52, 65—68, 73—78, 86, 90—93, 97—99, 110, 112, 114, 120, 126, 127, 129, 131, 138, 154, 163, 167, 170, 190, 200, 203, 213, 216, 223, 231, 235, 237, 238, 248, 258, 260, 261, 273, 274, 283—285, 291, 300, 303, 305, 307, 309, 318, 322, 323, 335, 344, 346
Охотское море 9, 38, 70, 71, 73, 102, 134, 137, 170, 237, 238, 261, 262, 290, 291, 305, 307, 324
Охотское устье 59, 167, 253
Парамушир, о. 27—30, 38
Париж 109
Пейпус (Чудское), оз. 7
Пекин 43
Пенжина, р. 23, 36
Пенжинская губа 277
Пенжинское (Охотское) море 102, 170, 290
Первый Курильский пролив 59, 237
Персия (Иран) 39
Петербург (Санкт-Петербург) 14, 16, 17, 20, 29, 37, 39, 40, 46, 49, 59, 69, 70, 71, 75, 94, 96, 97, 107, 108, 110, 114, 118, 129—132, 138, 164, 165, 169, 179, 186, 194, 217, 231, 233—235, 249, 258, 274, 277, 306, 313, 328
Петропавловск-Камчатский 111, 112, 148, 160, 193, 249, 261, 270, 272, 274, 285, 289, 344
Петропавловская гавань 156, 161, 186, 234, 271, 277, 291
Печора, р. 105, 113
Полтава 41
Преображения, зал. 54
«Претерпения губа» 126
Приамурье 9, 189, 190, 222, 346
Прибалтика 7
Прибылова, о-ва 273, 323
Принца Уэльского, мыс 82, 157, 276
Пруссия 164, 325
Пясины, р. 117
Рашуа, о. 29
Райкоке, о. 29
Раковая губа 277

Ратманова, о. 81
Ревель (Таллин) 16
Рига 16
Россия 4—7, 9—19, 22, 23, 25, 29, 36, 38, 40, 41, 43, 45—47, 56, 57, 68, 69, 72, 77, 78, 85, 89, 92—96, 98, 101, 102, 133, 137, 141, 162, 164, 168—174, 186—188, 190, 199, 209, 215, 224, 228, 231, 249, 255, 256, 259, 260, 262, 275, 278, 279, 281, 296, 304—307, 309, 311, 313, 314, 317—319, 323, 325, 326, 328, 330, 331, 337—339, 341—346
Русская Америка 197
Русь 6, 25
Рыльск 323

Сагалин-анга-гата (Сахалин), о. 289
Сагалин-Ула (Амур), р. 69
Салюктусик, о. 264
«Самур», о. 125
Санак, о. 253, 256, 274
Санакхак, Саннах (Санак), о. 253, 256
Сандвичевы о-ва 277, 285, 289; см. также Гавайские о-ва
Сахалин, о. 9, 33, 71, 102, 137, 141, 277, 289
Св. Екатерины, зал. 243
Св. Елены, о. 281
Св. Елизаветы, мыс 269
Св. Ильи, мыс 257, 287, 332
Св. Ильи, хр. 159
Св. Иоанна, г. 150
Св. Ионы, о. 261, 309
Св. Иулиана, о. 162
Св. Лаврентия губа 273; см. также зал. Лаврентия
Св. Лаврентия, о. 54, 55, 70
Святой Нос, мыс 105, 117
Св. Павла, гавань 291
Св. Фаддея, мыс 115
Себастьян 279
Северная Америка 23, 24, 60, 88, 133, 138, 162, 170, 174, 175, 178, 197, 199, 276, 277, 283, 289, 326, 338, 339, 342
Северное море 289
«Северное море» (Ледовитый океан) 36, 69, 72, 114, 195, 211—213, 222

Северный Ледовитый океан 8, 25, 40, 42, 57, 60, 65—67, 76, 88, 98, 99, 106, 113, 117, 169, 170, 173, 174, 178, 197, 199, 212, 213, 226, 227, 234, 249, 255, 279
Северо-Восточный мыс 115; см. также мыс Челюскина
Северо-восточный проход 174, 212, 281
Северо-западная Америка 23, 58, 84, 88, 89, 98, 111, 141, 145, 146, 161, 162, 165, 168, 170, 171, 179, 190, 196, 199, 219, 226, 252, 261, 276, 284, 285, 287, 294, 323, 338, 341, 344, 345
Северо-западный проход 174, 199, 285
Селенга, р. 9
Селенгинск, 9, 71
Семиди, о-ва 265
Семидин, о. 265
Семичи, о-ва 207
Сент-Блаз 158
«Сетмов», о. 125
Сибирь, Сибирская губ. 4, 7—9, 13, 15, 16, 22—24, 27, 39, 40, 45, 49, 61, 66—70, 72, 93, 101, 108, 110, 171, 173, 187—190, 196, 199, 208, 209, 219, 222, 224, 226, 231, 252, 256, 275, 294, 295, 304, 323, 345, 346
Сигуам, о. 242
Сиктяха 36
Симушир («Шимушир»), о. 29
Ситка (Баранова), о. 339
Ситкинак, о. 266, 273
«Сихтунах» (Ситкинак), о. 266
Сиякутан (Шиакутан) о. 29, 30
Славороссия, 336
Соединенные Штаты Америки 179, 180
Соловецкий монастырь 16
Средиземное море 41, 292, 293
Средняя Азия 40—42
Стерлегова, мыс 114
Талалак, о. 215
Таймыра, р. 117
Таймырский п-ов 114, 117
Талок, о. 134

Танага, о. 214
Тамгинский завод 188
«Тартария» 174
«Татария» 39
«Татарское море» 43
Тауйская губа 23
Тауйский острог 77
Тах-Киняк, о. 264
Темза, р. 281
Тихий океан 3—6, 8, 11, 12, 22, 23, 25, 33—36, 42, 59, 66, 67, 69, 86, 87, 97—100, 118, 121, 123, 125, 133, 138, 172—174, 179, 180, 190, 193, 196—199, 208, 209, 212, 213, 220, 222, 226, 228, 230, 231, 233, 234, 250, 252—255, 276—278, 283, 284, 287—289, 294, 299, 304, 311, 323, 326, 337, 338, 341, 343—345
Тобол, р. 39
Тобольск 16, 35, 38, 49, 65, 66, 75, 78, 86, 90, 93, 105, 113, 114, 209, 210, 212, 224, 231, 234, 235, 249
Тобольская губ. 296
«Това», о. 125
«Толотси», о. 125
Томск 72, 169, 234, 235
Трех Святителей, гавань 266, 324, 336
«Трех Сестер», о. 125
Тринити, о-ва 266
Троицын мыс 265
Тугидак, о. 328
Тугур, о. 36, 98
Тугьяк, о. 266
Тула 15
Туманный, о. 147, 256; см. также о. Чирикова
Тунгуска, р. 86
Туруханск 105, 113
Турция 325

Уда, р. 36, 73, 91, 98, 131, 132, 134, 135, 137, 184, 224
Удский острог 71, 73, 132, 135, 183, 184, 187
«Узакинское государство» 32
«Укипень», о. 274
Умнак, о. 159, 220, 231, 232, 239, 240, 242, 248
Унга, о. 264

Унимак, о. 217, 242, 243, 245, 250, 274, 287, 291
Уналашка, о. 216, 217, 220, 232, 239, 240, 242, 245, 248, 261, 264, 272—274, 285, 287, 291, 323, 324, 337
Урак, р. 74, 90, 91, 324
Урал 15, 68
Уруп, о. 29, 31, 33, 121, 141, 299—302, 304, 331
«Усор», о. 125
Усть-Итгинская пристань 235
Усть-Кутский острог 51
Учур, р. 73
Ушишир, о. 29
«Уяхкупа», о. 28

Фаддея, мыс 52
«Фигурный», о. 125, 131, 132
Филиппины 277, 339
Финляндия 305
Финский зал. 6, 17
Франция 8, 24, 39, 43, 68, 164, 172, 174, 178, 294

Хокодате 28, 316, 318
Хатанга, р. 115
Хатангский зал. 115, 117
Харамукотан («Араумакутан»), о. 29
Хараулах, р. 116
Хлынов-на-Каме 16
Хоккайдо, о. 33, 121, 169, 300, 301, 309, 316, 319
Хондо, о. 122; см. также Хонсю
Хонсю, о. 127, 141
Хорсенс 46
Хрома, р. 118

Царское Село 319
«Циторный», о. 125
Цукли (Монтегю), о. 270

Челюскина, мыс 115
Четырехсopочные о-ва 226, 242, 248
Черное море 6
Чикаго 180
Чирикова, о. 147
Чиринкотан, о. 29
Чирпой («Чиркуй»), о. 29
Чондон, р. 36
Чугач, о. 232

Чугачская бухта 270, 326, 329, 333—338
Чукотская земля, Чукотка 23, 62, 71, 81, 118, 170, 254, 273, 275, 278, 303, 304, 335, 345
Чукотский мыс (Чукотский Нос) 55, 56, 62, 66, 70, 79, 81, 85, 111, 112, 118, 166, 175, 211—213, 233, 253, 342
Чукотский п-ов 23, 40, 57, 61, 65, 79, 81, 88, 106, 113, 117, 166, 217, 252, 255, 273, 335
Чуруи 320

Шантарские о-ва 36, 69, 71, 73, 134, 135
Швеция 7, 14, 39, 43, 68, 96, 164, 325
Шелидак, о. 328
Шикотан, о. 29
Шиащкотан, о. 29
Шилка, р. 69, 210
Шипунский мыс 271
Ширинки («Сиринки»), о. 29
«Шококи», о. 29, 30
«Шошова», о. 29
Шпицберген, о-ва 227
Шугаческая (Чугачская) бухта 270
Шугачтаны (Чугач), о. 232, 239
Шумагина, о-ва 148, 256, 264
Шумшу («Шумчю»), о. 25—50, 38

Эдзо (Хоккайдо), о. 103, 309—311, 322
Экарма, о. 29
«Эрум», о. 125

Юдома, р. 51, 74, 90, 91, 206
Юдомский Крест 51, 65, 110
Южная Америка 249
«Южное море» (Тихий океан) 173, 174

Явина, р. 302
Якутат, зал. 326
Якутия 223
Якутск, Якутский острог («Якуцк») 16, 35, 36, 49—51, 68, 70—76, 90, 92, 93, 99, 106, 110, 116, 129, 130, 162, 175, 179, 184, 190, 195, 200, 206, 222, 260, 274, 296, 305, 306, 322
Якутский уезд 171
Яна, р. 118
Япония 25—27, 29, 31, 33—43, 56, 61, 67, 71, 72, 98, 94, 97, 100, 102, 103, 107, 120, 122—125, 127, 129, 131, 133, 134, 136—141, 143, 160, 168, 170, 173, 174, 176, 186, 189, 197, 203, 228, 288, 289, 294, 295, 299, 300, 304—307, 311, 312, 314, 318, 321—323, 326, 331, 339, 341
Японское море 277
Яуза, р. 14

Оглавление

Предисловие	3
-----------------------	---

Часть первая

В поисках ответа на вопрос «сошлись ли Азия с Америкой?»

Глава 1. У истоков великого научного подвига	14
Глава 2. Первая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция	42
Глава 3. Экспедиция Шестакова и Павлуцкого	69
Глава 4. Гвоздев и Федоров — первые из европейцев у берегов северо-западной Америки	77

Часть вторая

Открытие северо-западной Америки и морских путей в Японию

Глава 1. Подготовка Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции	89
Глава 2. Коротко о деятельности северных отрядов	112
Глава 3. К берегам Японии	120
Глава 4. Открытие В. Берингом и А. И. Чириковым северо-западной Америки и Алеутских островов	141
Глава 5. Значение Второй Сибирско-Тихоокеанской экспедиции	168

Часть третья

Плавания русских к берегам Америки и Японии после Беринга и Чирикова

Глава 1. Плавания промышленников к Командорским и Алеутским островам	197
Глава 2. Экспедиция Креницына и Левашева	226
Глава 3. Географическая и астрономическая экспедиция	255
Глава 4. Поиск морских путей на Камчатку и Аляску	278
Глава 5. Первое посольство в Японию	294
Глава 6. Шелихов и освоение северо-западной Америки	323
Послесловие	341
Приложение	348
Литература	349
Указатель имен	359
Указатель географических названий	366

Д44 Дивин В. А.

Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., «Мысль», 1971.

374 с. с илл., 3 л. карт.

Великие географические открытия русских на Тихом океане уже более двух столетий привлекают внимание историков и географов всего мира. Русские мореходы доказали, что Азия отделяется от Америки проливом, открыли Курильские и Алеутские острова, северо-западную Америку, проложили морской путь к Японии.

В данном исследовании русские экспедиции рассматриваются в связи с экономическими и политическими целями России. В книге рассказывается о героизме и искусстве русских морепроходцев, сделавших замечательные географические открытия, в ней приводится много новых материалов о деятельности отечественных мореплавателей.

2-8-1
138-70

91(09)